

Чингиз Гусейнов

Семейные тайны

Чингиз Гусейнов
СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Коль скоро сокрытое, о чем поведано с наивной искренностью идущего на исповедь и поучающей прямоотой проповедника, стало явью, автору не терпится сказать, что эти истории случились много лет назад, еще до знаменитого грязевого извержения, чему, как помнится старожилам, сопутствовали и гулкое землетрясение, и срезающий макушки деревьев ураган, а потом всплыли наружу нелюди, пошли грабежи, пролилась кровь, и беломраморный, сверкающий на солнце чудо-город, так манивший все годы к себе, вдруг потускнел, отдалился, а сердце... но о том в свое время, а пока автор просит читателя не утруждать себя поисками аналогий в романе, написанном в память об умершем друге, чья жизнь была полна надежд, которым, увы, уже не сбыться, и ветхие страницы треплет ветер.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О ТОМ, ЧТО СОЛНЦЕ УЖЕ ЗАКАТИЛОСЬ, УЙДЯ ЗА ОСТРОВЕРХИЕ ХОЛМЫ, но еще светло и видны на высоком, как небо, потолке смутные лики нависших ангелов и контуры крыльев.- масляная краска итальянского мастера, некогда приглашенного сюда миллионером-нефтепромышленником расписывать восточный дом на европейский манер, где вскоре будет принята царская особа, поблекла, истерлась, и не верится, что неровные серые пятна были когда-то ослепительно белыми облаками, и небо было огромным над. залом приемов, и оркестр, и танцы на фигурном паркете, а теперь, никто уже не помнит, когда это случилось (и уплотнили дом), зал разделен на комнаты, и у одного из ангелов ноги остались, отрезанные, на той стороне, за стеной.

А потом стемнеет, но ни он, ни она не захотят вспугнуть обжитое ими пространство, кажущееся в полутьме просторным, будто здесь они давно и никогда не наступит час расставания.

1

- Почему я после стольких лет приехал инкогнито, я могу назвать немало причин, И ВСЕ ОНИ БУДУТ НЕПРАВДОЙ, и каждая будет именно той, из-за которой я приехал.

Расул будто оправдывается: если б еще за тридевять земель, к мысу Доброй Надежды, куда они с другом в далеком отрочестве чертили на контурной карте маршрут кругосветного путешествия (уже копят деньги, чтоб бежать), а то в родной город, куда всего два часа лету, и она ждет других слов, это ж ясно, но он отвык, разучился, сторели и истлели, и не юн (хотя выглядит молодо), чтоб легко и бездумно слетали слова-иллюзии, будто возможно ими выразить чувства.

Он не верил, что это могло случиться еще, и, убежденный, что больше не повторится, вдруг пустился в рассуждения, привычные ему, И ВЫ ДУМАЕТЕ, МНЕ ИНТЕРЕСНО ЗНАТЬ, ПОЧЕМУ ВЫ ПРИЕХАЛИ?

- Чему вы улыбаетесь?

А впору б заплакать от обиды или без причины, еще тогда, в первый раз, это случилось в общежитии, и он затащил ее в свою комнату, обожгло, как ножом, и она заплакала, и долго, покоренная, бегала за ним (принципиально безусым, чтоб отличаться от земляков), и сейчас, будто впервые, ДАВНО НЕ БЫЛО, взяли ее всю, и снова, как и в прошлые разы, счастье

может обернуться невезеньем, и ей уже не выпрямиться, и годы пройдут, и одинокая ПЕРЕСТАНЬ! будет ждать, как милостыню, когда явится тот, уже другой, кого она недавно прогнала, думала, что никогда не расстанутся, и она не сможет ему отказать.

Ну нет, она докажет, что может устоять, ДО ТЕБЯ ДОТРОНЕШЬСЯ, И ТЫ УЖЕ ГОТОВА.

Здесь она захотела сама, и Расул, думая, что это именно он и покорил ее, откликнулся на зов. Боже, сколько у нее было, и сразу все явились, именно с Расулом, и прискакали незвано: и первый, чьи черные, как маслины, глаза дурманили ее, наивную и доверчивую, и серый след выбритых усов, и последний, казалось, это и есть ее настоящая любовь, и ком гнева еще не растаял, жжет, и новый, только что, все нутро горит, ОН УЖЕ НЕ МОЖЕТ И ДОЛЖЕН ОТТЯНУТЬ ВРЕМЯ, ЧТОБ СНОВА ЗАХОТЕТЬ, ибо хочется ей.

"Ты всегда улыбаешься в самый неподходящий момент!" - говорил ей тот, кого она прогнала, чтоб никогда не видеть, вычеркнуть из памяти (и стирает, стирает, истерлась резинка, языком лизнула ее сухой горячий кончик, и снова стирает, НУ ВОТ, НАДО РВАТЬ СТРАНИЦУ, далекое школьное,- и начисто дату, заголовок, хорошо б иначе, не повторяться, но лишь первые слова свежие, а потом по-старому, вытопанная - ни травинки! - тропа).

- Но что случилось, можешь объяснить? - допытывался тот, недоумевающая, почему она гонит его и не пришла к ним домой, как условились, а она мечтала, ликовала, когда - наконец-то! - он ее пригласил, обещая познакомить с сестрой, это же так важно, ибо от нее зависит почти все: скажет ему сестра: женись - и он женится. А. он ждал, ждал ее у себя дома,- нет ее, не идет, и примчался к ней сюда (довольный, что не пришла,- приглашение сорвалось нечаянно), гонимый голодом, который только она и может утолить, и вдруг ее нелепый каприз, раздражена, презрительно оглядывает его. Он стоял, оглушенный ее резкостью и не зная, куда деть руки, только что грубо сброшенные ею с плеч.

А она тогда приоткрыла дверь, чтоб войти к нему, и вдруг в его устах - да, да, это говорил он! - услышала свое имя.

Потом резкий смех (сестра?):

"Ты не увлекайся! Да и кто она такая, хотела б я знать? А имя! а имя!!" и расхохоталась. И он согласился! предал ее!

"Но могу же я, как мужчина!.."

"И гуляй себе на здоровье!.."

- Ты мне омерзителен. Я могу плюнуть тебе в лицо.

- Ах так?! - сжал в кулаке ключ и выскочил прочь (в тот миг радуясь, что есть повод разом прекратить, это становится уже помехой, сестра права, висит, как камень на шее).

Она всю ту ночь не могла уснуть, и ангел никак не переберется, преодолев барьер, в ее комнату, высунулся по пояс, а ноги на той стороне; встать и разрушить перегородку (?!), а до потолка не дотянешься, строили - не скупились, два нынешних этажа.

И сражалась всю ночь, и то ли во сне, то ли наяву виделись ей седой маленький человечек, который был миллионером-нефтепромышленником, и итальянский мастер с подвижными морщинами на лице и большими руками со вздутыми венами, и путались в голове итальянские, латынь, французские и родные ей слова, такая вот всезнайка,- эти дни допоздна переводила несложный, но объемистый трактат (задание шефа в Совете Экспертов, где она клерк) о парадоксах системы "Средства - Цель", нет, нет, никаких шифров или намеков, хотя и мы - система, в которой причудливо сочетаются средства и цели, и потому ей еще не подобрано название, и острословы состязаются, комбинируя, сталкивая и смешивая, как в коктейле, эпохи: от рабства через феодализм и, минуя, так сказать,- скачет конь, а куда - неведомо никому, а то и нависая (над пропастью?), почти как в трактате... да, да,- требует нефтепромышленник пусть итальянский мастер нарисует летящих на небе четырех ангелов; седой миллионер недавно вернулся из путешествия по Европе, после паломничества в святые

мусульманские города Медину и Мекку, начался новый век, и думалось, какие величественные дома (и даже мечеть как память о себе,- так поступали османские султаны) он построит, а потом из Багдада прибыл в Стамбул и оттуда в Европу, и видел там ангелов (здесь полтора, а там, на той стороне, она однажды была за стеной, два с половиной).

Ангелы эти, как втолковывал ей шеф, И ДАЖЕ ЕМУ БЫЛА ГОТОВА, прояви он настойчивость, взял ее за локоть, а она уже не слышит, сковало ее всю, и отпустил, рисует ей будто в воздухе ангелов (с чего вдруг он стал рассказывать? ах да: ведь дом - его родичей!), вот какие: Джебраил, воин Аллаха, нашептывающий властелинам божественные повеления, как править людьми, затем Микаил, наблюдающий за порядком во вселенной, еще тихо, думает во сне спящая (только минареты, устремленные в небо и похожие на ракеты, но кто о том ведаёт?!), далее Исрафил, который протрубит в трубу, возвещая о Страшном суде, когда же?! и Ризван, страж рая.

"Так и поведал сыновьям,- рассказывает ей шеф, миллионер-нефтепромышленник, умирая: "Оставляю вас, четырех братьев-ангелов", те же имена он дал своим сыновьям,- она слушает шефа, рост у него короткий, и потому обувь на высоких каблуках (на размер меньше, чтоб ноги казались изящными,- жмут!), и ей смешно, что МОГЛА С НИМ,- а тут стал у порога нежданно-негаданно новый ангел, но сыновья его не видели, Азраил, ангел смерти, отец лишь увидел, как глянул на страшилище - отдал послушно душу".

Высунулся ангел по пояс, никак не переберется, преодолев барьер, но который из ангелов: кто нашептывает, следящий за порядком, трубящий о Страшном суде? Или страж рая?.. И от слов, которые вдруг вспыхивают в ней, и она бросает их в лицо тому, кого прогнала, колотится сердце, и кровь бьет в виски: такая обида, что рухнули ее надежды, а она так ему верила, избраннику своему!..

А утром пришло решение: уехать к родителям!.. Ведь явится он, когда затоскует, как ни в чем не бывало, ОТОБРАТЬ КЛЮЧ!! "Да, плохо отцу!"

Уже однажды было: если шеф не разрешит, тогда она выскажет ему все, что думает и о нем, и об этом их Совете Экспертов при высоком чине (зять??), куда ее устроил тот, благодетель, Я МОГУ ПЛЮНУТЬ ТЕБЕ В ЛИЦО! чтоб она работала, на него; и чего он с нею не вытворял! и она пьянела трезвея, чтоб снова опьянеть; устроил ее сюда, в Совет Экспертов, через мужа своей старшей сестры, что-то ханское или султанское в фамилии, академик!! а сам вроде мясника, однажды видела, мясистые руки, пальцы вместе не соберешь, и мощный затылок.

И шеф ей разрешил уехать, "за свой счет", и она на миг пожалела, что он разрешил,- бросить ему в лицо, взорвать эту контору бездельников, эту ораву: "Вы, мнящий себя философом!.." И ТЫ САМА НЕ ЛУЧШЕ. Нет, на бунт она не способна, слабое существо, которым повелевают,- кому что докажешь в этом городе, сказочно красивом, в котором поселились бесы, да и кто ее будет слушать?..

А у кассы, пока разглядывала над головой большую схему алюминиевых авиалиний, раздумала лететь к родителям на Восток через море: на Север! через горный "хребет, грубо обозначенный на схеме, в шумную и бестолковую столицу!.. А где жить?! как-нибудь устроится!.. УСПЕТЬ СМЕНИТЬ ЗАМОК!..

"Вы, мнящий себя!.." А ведь в сущности на деньги шефа и поехала: и премию ухлопала (пришлось платить за люкс с двумя ваннами), и левый заработок. А ТЫ ДЕРЗИТЬ! - новоявленный ученый, за которого снова хлопотал шеф, а почему - она не знает, ей неведомы тайные нити, связывающие всех этих людей, с которыми она столкнулась здесь: шеф, явно его презирая (однажды при ней, не таясь, скорчил такую рожу, выпроводив того за дверь, что впору б принять участие в чемпионате по гримасам), помогает ему, ибо, как объяснили ей, его двоюродный брат дружен с кем-то из тех, кто вхож в самые-самые верхи, И НЕЧЕГО ПРИТВОРЯТЬСЯ, что это тебе неведомо, хвалить прилюдно и хаять за глаза, враждуя

любить, а любя снести голову, переплелось-запуталось, и сама удивляется, как она тогда сумела сюда поступить?., но не ей, рядовому... клерку? обслуге? рабыне толстосумов? кто она?., распутать и понять. И включит, купив ее знания, в свою очередную книгу ее реферат (Средства - Цель для благодетеля, которого прогнала, а для новоявленного - о Символах, и чего он в них поймет?), и сноску даст на итальянском и французском, будто знает; слышала она однажды, как философ, пощелкивая пальцами, говорил при ней ее шефу: "Ээ... ну как его? Ну, философ!.. Да! Гегель! О свободе воли толковал! А что он в ней смыслил?! Я, ударил себя в грудь,- знаю, что такое свобода воли!" Может, желал произвести на нее впечатление. **НУ ДА, ВСЕ МУЖЧИНЫ БЕЗ УМА, КАК ТОЛЬКО ТЫ ПОЯВЛЯЕШЬСЯ.**

Ходила по скрипучему паркету номера люкс, заказывала сюда еду, и две кровати с высокими, из ореха, спинками, и она одна, но никто ей не нужен, опротивели все.

В те дни, когда она пришла в Совет работать, шеф увивался вокруг,- что с того, что у нее высокие покровители? Но, струсив, отступил, или ей показалось?.. А узнав, где она живет, рассказал о своем родиче (дед?), миллионере-нефтепромышленнике, это теперь модно - составлять родовые древа, династические схемы, выискивая именитые корни (а может, интим?), - итальянском мастере и братьях-ангелах, из коих младший, Ризван, "да, да, правда, Ниса-ханум", его родной папаша, трех лет до ста не дожил, страж рая. В свое время в знак протеста против родичей-буржуев сменил имя, став Азадом, или Свободным, да еще псевдоним Шафаг, Лучезарный.

Отшила шефа, припугнув благодетелем, и подчеркнуто: "Мой муж!" - как она представила шефу того, ' кого потом прогонит,- будто шеф не знает, как ее сюда устроил этот преуспевающий молодой человек и с чьей помощью Совет Экспертов учрежден (при зяте его - академике Хансултанове!).

А тогда казалось, что это - надолго, счастью ее никто уже не помешает, и она навсегда связала судьбу с тем, кого полюбила, после стольких обманов!.. Ее передавали, как игрушку,- поиграют и бросят. И даже теперь, когда снова оказалась обманутой, это проклятая доверчивость и СЛАБОСТЬ,- затащи ее шеф САМОЙ-ТО СЕБЕ НЕ ВРИ! - когда она пришла к нему просить, ЕСЛИ НЕ РАЗРЕШИТ! готовая взорвать эту контору, утешь он ее, провожая во внутреннюю комнату, и осып ласковыми словами, она непременно б расплакалась, ТЫ БЫЛА ГОТОВА! а потом назло всем!! И ТЫ САМА НЕ ЛУЧШЕ.

Устала, валилась с ног (как можно здесь жить, в - этом сумасшедшем городе, но такое блаженство этот люкс с двумя ваннами, и никто ей не нужен, эти самцы!..) и забыла, начисто стерла. А стоило теперь испытать, как в самый первый раз, будто ножом, и такое успокоение, когда взяли ее всю,- и вспомнилось, всплыло.

Она увидела Расула еще на аэродроме, когда летела обратно (его взгляд!!), а потом потеряла из виду, и эта случайная встреча здесь, и она пошла на его зов, ей вдруг захотелось, чтоб именно с ним.

И в своей комнате, куда тот мог прийти (и увидеть!) под парящими ангелами, это новое чувство, но возник тот, нагло усмехается, и чуть выступающие передние зубы, как клыки, ЕЩЕ РОГА ЕМУ НАРИСУЙ, а в глазах у него и не ревность вовсе и даже не гнев, а озорство. - Нет, нет, рассказывайте, я очень хочу знать, почему вы приехали.

Нашел девчонку и обрадовался, кому рассказать. И ВСЕ ПРИЧИНЫ БУДУТ НЕПРАВДОЙ. И он убежден (коль скоро это случилось), что провидел и ее, и эту их встречу, и близость.

Не ей бы, а самому Джанибеку, да, да, Джанибеку Гусейновичу, о ком он все эти годы думает, и даже сейчас!! На миг отвлекся, забылся, и снова всплыло, не дает покоя. Неожиданно возникло чувство несвободы,- ну да: тайно прибыл, никого не предупредив, во владения Джанибека, это он ощутил сразу, как только сошел с трапа на землю, .здесь царство Джанибека, и всюду портреты, лозунги, призывы, и Самый здесь, и Шептавший, и Джанибек,

скромно выглядывающий из-за их спин, а он, Расул, со своими неотвязными думами, ест и ест себя, и неотступно Джанибек, его голос, его слова, его речи, жесты и мимика,- не Бог, которого никто не видел, не царь, которого прогнали, и не герой, потому что не числится за ним никакого подвига, а глава, и посильней царя в своем краю (и на груди горят золотые лучи геройской Звезды).

Чувство несвободы? Чепуха! Подумаешь, придумали себе пугало его родичи, которым Джанибек якобы ходу не дает, и все это, дескать, из-за него!..

Явиться и сразу огорошить неожиданным вопросом, понизив голос до интимного шепота: "Имя, имя свое помощи разгадать!" "А что имя?" - насторожился Джанибек в ожидании подвоха. И Расул, выказывая осведомленность, произнес: "Джан душа, это ясно, а вот Джани..." - и тут умолкнет, чтобы Джанибек вник, ибо Джани означает убийца.

А потом, не договорив, расхохотаться: "Шучу-шучу, душа моя Джанибек", похлопать его по плечу и, вздохнув, предаться сентиментальной грусти, вызывая на душевную отзывчивость, как некогда прежде бывало (а было ли?),- не ссорились, а ощущение, будто один другого оскорбил: то ли Джанибек Расула, что заманил того в свою ловушку, то ли Расул Джанибека, что неблагодарность проявил, за спиной его готовя свой побег.

"Мне всегда казалось, Джанибек (Гусейнович), что я буду самым первым, самым знаменитым и никогда не умру (?!), это другие умирают, а не я".

На стыке детства и отрочества так думал Расул, чертя с другом маршруты кругосветных путешествий: как это может быть, чтобы его, Расула, не стало? Не зря он явился на свет, а ради каких-то великих свершений, и имя его... А ведь думалось всерьез! В военном лагере рядом их койки в палатке - КАК УЙДЕШЬ ОТ НЕЕ, ПОЗВОНИ. Напомнить Джанибеку, как у столовой,- топали к ней долго, глотая пыль, а тут еще "Запевай!", старшина мстит юнцам за неудавшуюся судьбу, заброшен в эти пески, где дышать нечем и ядовитые змеи,- поймал Джанибек хилого котенка и давай его крутить, очень долго крутил, а потом выпустил: "Иди!" У котенка голова кружится, идет, валясь на бок, и в тот же вечер, после отбоя, вдруг и говорит Джанибек, пригнувшись к Расулу:

"Ты представляешь, нас закопают, и черви будут у нас в печенкахкопошиться, а?"

"Никаких червей!"

"Как так?"

"Копатель один рассказывал: надувается, лопается..."

"Кто?"

"А тот, о ком ты говоришь, пугая меня".

"Так я о нас с тобой!" - Расул вспомнил, как думалось: Я НИКОГДА НЕ УМРУ. "И что дальше?" - пристал Джанибек.

"Вытекает весь в песок. И сохнет, кости остаются. ПРИОБРЕСТИ Б ХОТЬ КАКОЙ ЧЕРЕП. Один лишь белый скелет".

"Нет, ты только представь себе, как тебя в гроб и в яму!"

"Никакого гроба,- снова поправил Расул,- в саване".

Хоронили тут недавно одного чудака, заражение крови от наколки, решил Портрет на груди носить, бахвалился: "Это надежный щит, если даже приговорят (??), не осмелюся выстрелить (в Сталина)", мол, рвет на груди тельняшку, а там глядится в дуло Портрет. "Хотел,- в бане им рассказывал, ему и Джанибеку, всех четырех (портреты вождей - в профиль), но художник только ЕГО,- и рукой гладит,- рисовать мог".

Это же искусство, чтоб тушь намертво въелась в кожу: игла жалом вонзается в тело, разрывая слой кожицы (прочерчивая рисунок или выцарапывая текст), и в борозду, на ранку эту, втирается навечно тушь, ни стереть ее, ни смыть, только выжечь (каленным железом), чтоб извести слой кожи вместе с тушью, и останется, как память о наколке, след коричневого ожога, словно покрытого лаком.

Игла на кончике внесла грязь, от нее началось нагноение, да еще жаркие дни стояли.

Расул сам виноват, что поддался на удочку Джанибека, сладким его обещаниям поверил, дал заманить себя в тупик, а потом бежал от него, чтоб все эти годы о нем думать, и имя, как вздох на устах, это слитное ДЖАНИБЕКГУСЕЙНОВИЧ, а перед тем как уехать (бежать?) из родного края, пришел с матерью на кладбище, камень на могиле отца чуть покосился, надпись на мраморной доске кириллицей, недавно ввели, запретив латиницу, но попадают иногда и латинские буквы, путался резчик, в черных крапинках мрамор, изъеден, и надпись позеленела, уже не прочтешь слова, где-то вычитанные матерью и выбитые на плите: "О ты, проходящий мимо, жизни конец наблюдай..."

С трудом продерешься теперь к могиле, ни дороги, ни тропки к ней, хорошо хоть невысоки каменные заборы - шли по их широким гребням, переходя от могилы к могиле, и вот она - отцовская.

Встали с матерью, и вдруг Расул видит, как в щель нечто толщиной с палец вползает, решил, что ящерица, но долго вползала, и тотчас вспыхнуло: "Змея!" А она исчезла в могиле, представилось, что ходит там во тьме по отцовскому черепу сквозь глазницы и дыру, что прежде ртом была. Мать встревожена, Расул краем глаза заметил, взглянула на сына: видел ли он? А Расул притворился, смотрит невинно, и возвращались молча с кладбища домой, вниз и вниз.

"Ну вот,- подумал тогда Расул о Джанибеке, как тот пугал его, рассказывая, как их - в гроб.- Ты снова о себе напомнил". И усмехнулся своим отроческим думам: "Никогда не умру..."

Летит комар.

- Здесь появились комары, раньше, ТЫ, НАВЕРНО, ЕЩЕ НЕ РОДИЛАСЬ ТОГДА, я не помню, чтоб они были.

- И вас у меня не было еще неделю назад, ТАКАЯ КРУПНАЯ ДОБЫЧА, И НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО С ВАМИ ДЕЛАТЬ.

На лету поймал и зажал в кулаке, ощутив даже, как задавил,- раскрыв ладонь, и комар выпал невесомый, крылышко вздрагивало, и то от дуновения, а не жизни.

- Ух какие кусучие,- шлепнул по шее,- и у тебя, постой,- и рукой по открытому ее плечу, ОН ДОЛЖЕН ОТТЯНУТЬ ВРЕМЯ, но комар улетел, НАДО Б ЕЙ ОДЕТЬСЯ.

Да, возник тот. "Без роду-племени, а имя! а имя!.. Смотри не увлекись, надеюсь, ты понимаешь, как это важно сегодня, не прогадать с женитьбой?"

И его голос: "Могу же я как мужчина?.."

- Накрой меня, мне холодно.

И Расул присел к ней, и она потянулась к нему,' будто спасаясь, Я ХОЧУ, И ЭТО БУДЕТ.

- Поцелуй меня.

...Не надо спешить только.

А потом - давнее, возникла первая, кого он предал, чтоб жениться, ибо открылись вдруг манящие дали, и снова жена, а он, давний и нынешний, соединились, будто не было четверти века, и это заученное за многие годы. Но было не как с Лейлой: у той какое-то безразличие (или выполнение долга?) Я ТЕБЕ НУЖНА - БЕРИ, а сама замкнется, и не поймешь, довольна или нет, а здесь Расул почувствовал, что он ей нужен, и она возьмет свое, благодарная ему.

И отошел, откинулся, а та, только что благодарная ему, отрезвев, ощутила вдруг себя в окружении чужих женщин обобранной, обделенной, ее как будто нет, только вначале была она и в самый пик. Но и чудо: тот, кто напоминал ей о себе, нагло усмехаясь, вдруг исчез, испарился в огне чужой страсти, и гнев растаял, уже нет ни боли, ни переживания, он безразличен ей, а Расул откинулся, ликуя, чтоб пасть рядом, полный сил, когда легкость, какую давно не помнит, и то первое, что было уже забыто чувствами, лишь разум держал, оболочка ощущения, как соломой набитое чучело.

- Между нами кто-то есть? - вдруг спросил Расул.

- Уже нет.- И встала.- А между вами и мной есть.- Обида в голосе.

Неужели Расулу и на сей раз покажется (как показалось в одно из прежних увлечений), что ничего не было, чулки-сетка с орнаментом, и даже имя забыто, туманные очертания лица, только шепот: "Потом!.." И эта паутина капрона, которая цепляется, заусеница на пальце, ломкий ноготь, запутался, никак не снять чулки (?), и упрямое - разорвать, ибо угасло желание, и рад, что эти "Потом", которых уже не будет, лишь шепот и голос, ощущение в полутьме лучистых зубов и отчетливо темные (зеленые?) полосы вокруг глаз, и на ресницах черные сгустки туши.

И вдруг звонок в дверь.

- Ты лежи тихо,- шепнула. "Он!" - заколотилось в груди. "Ну, я тебе!.." Подошла к двери.

- ты? - ВЕДЬ ЗНАЛА, ЧТО ОН! - Забудь сюда дорогу! (Его голоса Расул не слышал, но весь внимание и азарт даже: схватка соперников??) Оставь меня в покое! _ А потом шепот, он не слышал, о чем говорили. И о презрении тоже.- Да, я сменила замок, и у меня новый мужчина!

И вернулась.

- Ты дрожишь, что с тобой?

- Не обращай внимания, сейчас пройдет. Я потом тебе все-все расскажу.- И легла, нырнула под одеяло, холодная, крупная, а под платьем собрана, спрятана, и дрожит, этот холод, коснувшись... И вся она, как эти ее невесомые длинные ноги, не удариться б об потолок (вспугнув ангелов).

- Ой!... Цепочку не откуси.- В кожу вдавилась тонкая золотая цепочка, и губы коснулись ее, ощутив прохладу. Что с ним? Казалось, никогда не испытывал такого ликования.

Успокоилась. НАДО БЫЛО ВПУСТИТЬ. И снова тревога: как же У НАС будет завтра?

В ушах Расула голос жены: "Да, это инфаркт". Не успела Лейла прийти, как сразу к телефону, чтобы кому-то сообщить новость. "Позор! В постели любовницы!" (И Расул слышит: Лейла говорит для него.)

И он ради этой вот встречи, утех любовных, тайно, будто подпольщик какой, приехал в город, где родился и где не захотел жить?

И уже слышит упреки. Даже тех, кто ему чем-то обязан или обязан всем, что имеет, и крепко сидит в своем кресле, словно шах,- упреки в измене, а кое-кто уточняет, что чуть ли не нации он изменил, народу своему!..

"А мы-то надеялись, что придет твой черед, и ты еще покажешь всем, на что способен, и мы воспрянем с тобой! А ты исподтишка, с низменными умыслами! Лишь гримасы твои видим, желчные слова твои слышим! И то тебе не нравится, и это!.."

А может, никаких упреков, если узнают? Расул - такой, как сейчас, им был бы понятен, и даже зависть,- пока можешь-де, бери, чтоб потом было что вспомнить и не жалеть.

Но жизнелюбивая зависть к удачливому тех, для кого все земное меркнет перед страстью - и долг, и чиновное тщеславие, и признание, требующее жертв (?), ибо она, эта страсть, и есть конечная цель, или, как говорит его свояк Хансултанов (может, Аскер Никбин? неужто и Махмуд?? - много у него свояков...), волшебная пристань, куда в нетерпении стремительно причаливает твой челн (при соблюдении, разумеется, строжайшей тайны и этики, чтоб не дразнить ни низы, ни верхи), заглушается упреками, и они больно бьют Расула, ибо мечты земляков, еще недавно реальные, что именно он вытащит их из безвестности, способны, не питаемые надеждой, исчезнуть, уступая место недовольству и ропоту.

И самый ощутимый удар - что стал чужим, оторвался от родной почвы, предал отчий

край: не понят там, где застрял, исторгнут теми, кто с чего-то озлоблен, и вспыхивают временами надежды, что Расул рано или поздно ЯВИТСЯ.

"А говоришь еще на нашем? - спросил его как-то земляк, прибыв в его чужбину.- Да? Быть не может!.. А то,- предложил всерьез,- могу тебе учителя порекомендовать..."

Ведь прав - забылось и то, что знал: только на рынке, куда затащит иногда Лейла и где торгуют вечно небритые земляки (а цены!!), и заговорит; а дома, да и прежде, когда жили на родине,- ведь не на своем, или смесь: мол, а почему в родном краю эта налитая медовым соком хурма? пробудить патриотизм в широченной кепке? а на кончике языка: "Знаешь ли, кто я?" - будто помнит кто Расула! и в ушах лепет племянника Лейлы, сына старшей ее сестры, какое-то мудреное у него имя:

"А он говорить по-нашему не может!"

И неловкость. Отец, знаменитый поэт-выскочка Аскер Никбин, свояк Расула, как закричит на сына: "Эшшей!", ласково, не грубо звучит в его устах вислоухий, существо мирное, выносливое и терпеливое, и сын умолкает, не отводя, однако, удивленных глаз от дяди, которого почитают, а он как-то странно, по-чужому произносит обычные слова, во дворе у них такое не простят, засмеют, дразнить будут.

Не спорить же с ребенком?

Впрочем, в те далекие годы обходилось: державный язык вполне удовлетворял служебные, деловые и даже семейные потребности в общении, и меж собой, они с Джанибеком, к примеру, часто изъяснялись не на своем (или смесь).

Был, правда, с Расулом однажды, еще до взлета и пышных проводов (а может, в канун побега?), курьез, точнее - конфуз, когда он решил, прибыв в захоlustье, щегольнуть знанием родного языка. Но подвело проклятое ударение (и не ударение вовсе, а особая мелодия слова): не так произнес, будь оно неладно, это слово, и смысл тотчас чудовищно исказился. Спросил у почтенной труженицы, а вокруг сгрудились сельчане, и муж ее тут, и дети ее взрослые, пытливно внимают приезжему столичному начальничку, он казался им солидным, а тут мальчишка перед ними, петушок петушком, весело так, прыг да скок, поздоровался со всеми за руку и к ней обращается, как, мол, самочувствие и с кем дети Ваши,- и рукой на них показывает,- живут, желая, очевидно, услышать, что она премного благодарна властям, каждый из ее детей имеет свой дом, свое хозяйство, и вот тут ударение Расула подвело: вместо "с кем Ваши дети?" невзначай получилось "от кого Ваши дети (на свет уродились)". Женщина, покраснев, потупила взор, сыновей словно громом поразило, а у мужа ее вспыхнул в очах огонь, но тут же погас: поняли сельчане, что всему виной. "О, несчастный!.." - пожалели они Расула, незнание им родного языка (а муж проклял заодно Четырехглазого, от которого все тут натерпелись, сестра его терроризировала всю округу,- недавно с ним расправились, это его политика была, выслужиться перед верхами желал, у нас-де никакого дурного "изма", и державный язык вытеснил "язык чабанов", как он прилюдно называл родной язык, неплохо его зная и даже ораторствуя на нем),- такие вот каверзы (курьезно-конфузные, отметил потом про себя Расул, внутренне довольный, малое такое утешение, что хоть языком державным неплохо владеет).

Джанибек знал об этих общениях Расула с народом, модно было. Помнится, Расул тогда как бы над Джанибеком был, предлагал ему на выбор для закрытой его епархии из собственного разветвленного питомника крепких молодых ребят, и когда Джанибек стал главным (все буквы, устремленные вверх, заострены), копировал Расула, то у него встречи получались пышнее, помпезнее: чего-чего, а говорить с народом Джанибек умел, в этом ему не откажешь, хотя и у него однажды прокол вышел, тоже с почтенной труженицей (о чем Расулу младшая сестра Лейлы рассказала, Асия), но иного свойства, ибо с языком Джанибек в ладах.

Выезжает он в камышовые свои плантации, окруженный свитой, целый спальный

вагон, по два человека в каждом купе, прицепляется к составу, тут и помощники, и новомодный певец, мечтающий стать космонавтом, и поэт, и всякие журналисты, вооруженные кто чем попало от телеаппаратуры и вечного пера до шариковой ручки (а кто и телохранилель с миниатюрным пистолетом, спрятанным в кошелек), так и строчат, заполняя репортажами эфир и страницы местных газет (однажды в такой поездке оказались сразу два свояка Расула: один - Аскер Никбин, по части поэзии, другой - Махмуд как тележурналист).

Приблизился Джанибек к толпе сельчан, прицелившись в седую женщину в цветастом платке, о здоровье ее интересуется, как, мол, житье-бытье. А она будто ждала, чтоб про заработки ее спросили, и бойко сыплет цифрами, единицы с нулями. Как по маслу слова ее в душу Джанибека вливаются, МОИ ЗАСЛУГИ, с чего-то он думает.

- И куда тратится это несметное богатство? - перебивает ее в надежде услышать и про дом, который они построили, и про "Жигули", которые приобрели, и про всякие иные удобства, а она, еще не поняв, что перед нею сам Джанибек, удивленно вскидывает брови.

- Как куда?! - говорит.- Ты что же, не из здешних? Сынок у меня в институт документы сдал, все деньги и уйдут туда, ведь иначе не поступишь!..

Ответ ошпарил (и разгневал), и Джанибек резко пошел от нее прочь, и свита за ним, мельком бросил грозный взгляд на тележурналиста, и тот понял: стереть пленку!..

Чем бы еще,- думает Расул, вспомнив про курьез, приключившийся с ним, и про джанибековские дела, рассказанные ему,- удивить-огорошить земляка, которому все одно: что Джанибек, что Расул,- скорее бы

распродать товар... Лейла уводит мужа от широченной кепки,- узкое худое лицо, жесткая щетина, одно удовольствие такую бороду опасной бритвой брить.

В сущности, ни в чем у Расула с Лейлой нет нужды, вдоволь всякого повидали на чужбине, диковинных даров, и даже повар был выписан (по совместительству контролер Расуловых дел и дум), а свояк, все тот же Аскер Никбин, шутил:

_ А я бы мечтал у тебя там поваром быть! - в заморском краю, где высокие горы да океан.

- Не ты один,- ответил ему Расул.

- Кто еще?

- Племянник мой,

- Это который?

- Он у меня, слава богу, один.- Двоюродный брат назвал сына в честь него Расулом, испросив прежде разрешения у матери Расула. 'Обычай не позволяет, так до недавнего времени было, чтобы новорожденный носил имя живого, но в семье Аббасовых прозвали его Племянником, дабы не путать мальчишку - отец семейства уже! - со знатным дядей.

- Укативший вкалывать к арабам?

- Да, учить их политическим наукам.

Зи-о он, племянник, спорил часто с Расулом (и спорил, и просил, и негодовал, и рвал отношения, чтобы снова о чем-то просить), когда дядя не верил, была такая пора в жизни Расула, а точнее, не хотел верить.

"Факты? Их у меня тыщи,- говорил племянник (дядя ему не помог выгодно укатить, но именем Расула тот воспользовался).- Но чтоб я документально подтвердил?.. Какие могут быть документальные свидетельства, когда подлое дело вершится с глазу на глаз и выгодно обеим сторонам: и тому, кто одаривает, чтобы сдвинулось его дело, устроить, принять, помочь и так далее, и тому, кто берет, и никаких свидетелей. И когда каждый факт, о котором знают все, попытайся его обнародовать, тут же опровергнут, да еще обзовут клеветником, а то и посадят, вооружен документами и они подшиты в папку: и по части перемещения кадров, когда он ускорил, нужного человека устроил, и по ведомству рапортов о том, что за годы энные... если хлопок,- то Эверест, а если нефть, то трубы, по которым она густо льется,

опоясали б шар земной в его самой протяженной части (экваториальной, куда стремится племянник, чтоб обарахлиться) энное количество раз. И по кадрам тоже: принят на доходную работу, незаметный, но ключевой пункт.

"Кто?" - спрашивает Расул.

"Так тебе и ответу!"

"Свой опыт излагаешь?"

"Увы, нет у меня, и ты не сможешь, чтобы заполучил ключевой пункт, где собраны кое-какие нити, и ты, приводя их в движение..."

"Как в кукольном театре?"

"Тебе лучше знать, впрочем, ты про такое слышать не желаешь, как за определенную мзду достигается эффект, а точнее, цель, и бегут-несут на блюдечке (в конверте). А то и зачислен в престижный институт, по окончании которого с лихвой окупаются расходы, особенно если по медчасти, юриспруденции, а также восточным языкам и странам".

На площади перед студенческим городком красуется памятник вождю, во весь он рост, и рука высоко поднята над головой, толкуют остроловы, что это неспроста. "Стой!" .- говорит, намекая: дескать, решившись ступить на эту дорогу, помни, какая тут такса, и пальцы на его руке как сумма, с добавкой на инфляцию,- к пяти еще нуль прибавить, в интересах будущего нации и отдельной знатной, или именитой личности, и нет разницы кто: не Пауль, так Рауль, хотя тут точнее было бы дать иное рифмозвучие: не Мамед, так Самед, а лучше, чтобы не сгореть в пожаре вспыльчивости, ибо за Маме-дом тотчас выстраиваются знакомые, друзья, родственники... ну, как он мог забыть?! ведь Мамед приставка к отчеству Джанибека, Мамедгусейнович он, длинно, и Мамеда сократили, да и у Расула первое имя - Мухаммед-Магомед, он же Мамед, а что касается Самеда,- увы, переселился в лучший мир, так что лучше нейтральное, выудить пару имен из картотеки эсперантистов, вроде Алео или Валео, но опять основа получается нашенская и вспыхивают рассекреченные Али и Вали, каждый второй - родственник или товарищ, и они потребуют объяснений, грозя разрывом уз.

Племянник мог бы, но Расул непременно упрекнет в публицистичности (?), голословности, бездоказательности и демагогичности (надо б еще пятое что-то сказать, чтоб нечетное было число, ибо везет им всем на нечетный чих), расписать в лицах, участвующих в переговорах, и жестах, помогающих словам, и то, как зачисляются на работу, принимают в институт, "и в партию тоже!" _ добавил он, чуть помолчав.

"Это уж слишком!" - вспыхнул Расул, не веря, СЕГОДНЯ УЖЕ НЕ СОМНЕВАЕТСЯ.

"...и здесь тоже ряд важнейших процедур: сначала выйти на связь, поиск путей, далее, когда закреплена договоренность и получено "слово мужчины", извлекается в эРКа с помощью невидимого крючка анкета, а с нею и место, так сказать, единица, ну, остальное уже чуть легче: обсуждение на первичных, вторичных и третичных, как археологические пласты, уровнях, а на конечной финишной прямой - зеленая улица..."

Надоел он Расулу, чтоб дядя помог (станет он рисковать!), заикаться даже стал, с БИЛЕТОМ, и поездка его в арабскую страну выгорит тогда,- поговорил в парткоме, чтобы тот место или лимит выбил, и, видя, что Расул "не мычит, не телится" (?), затевает с ним нудный диалог (можно было бы описать день, а точнее, вечер, незаметно опустившийся с вершины холма, за которым спряталось солнце, и столик на колесах, его выкатили на балкон, а на нем - два стаканчика чая и ваза с черешневым вареньем, под цвет дальним облакам, окрашенным... и так далее,- картина привычная, да и разговор с племянником тоже).

- Я никогда никого не просил,- отчеканивает Расул,- протекции презираю, что-то еще, хотя случалось и звонил, и заступался, а здесь... племянник еще не дорос, но как сказать, чтоб жена покойного двоюродного брата не обиделась, да и что такое - дорос?..

- В таких жизненных ситуациях,- усвоил племянник фразу,- и нужна помощь дяди. Иначе...- смотрит хитро, весь в свою маму.

- К чему тебе иначе дядя, хочешь сказать?
- Допустим.
- А дядя, чтоб советоваться!
- Словами семью не прокормишь.
- Ты не стесняйся, если нужны деньги, скажи, помогу.

А племянник уставился на телефон, вынесли на подоконник, чтоб под рукой был. И чтоб Расул позвонил.

- ... даже Джанибек и тот...

Но Расул не дает племяннику договорить:

- Ни я не слышал,- Джанибек ждет не дожидается чтобы Расул, кого он заманил в ловушку, чтобы, это сегодня ясно, съесть, повод какой дал ему, зацепку, и тогда покатится лавина на Расула!..- да, ни я не слышал о Джанибеке, ни ты не говорил о нем, и давай на это> кончим.

Но чай не допит, и беседа оборваться не может, и потому Расул, твердый в своей неуступчивости, советует племяннику не спешить, ибо "всеу свое время", и актив ной, тут ряд очевидный: общественной работой н; поприще... короче, заслужил, и что до дяди, то он, есль знатен,- искал-искал слово, так и не нашел,- экспонат (?) для семейной гордости, на что племянник ехидно замечает, что он не любитель музеев, "мне, мол дорог не дядя-история, а дядя-реальность", ох эти молодые, что братец Лейлы, что его племянник!.. А потом удивляет Расула, что здесь тоже имеется своя такса, в городе - три, а в деревне - две тыщи (уже три и четыре), и Расул, снова перебивая племянника, разводит руками и говорит, что "тем более мой звонок бесполезен!.."

Разрыв?..

Но, допив чай, племянник без помощи дяди, не используя, как думает Расул, его имя, добивается (секрет племянника?) за энную сумму персональной для себя анкеты, трех рекомендаций и так далее, с последующим обменом молодозеленого, а точнее серого цвета корешка на пышную розовошекость красно-вишневого цвета, коль скоро это (пошли штампы) крылья для полета, как шест прыгну, чтоб преодолеть планку, или душа (как у друга детства), чтоб тело могло твердо ступать по земле,- и никто, отрицать не станет, разве чтс демагог-софист или формальный логик, в роли которого на потеху публике выступил недавно Джанибек, и сказал, невинно глядя в зал, что "некоторые полагают,- племянник с листа читает Расулу, а он развернул билет племянника и смотрит, радуясь, на высокие его взносы, молодец, не утаивает,- что при выдвижении кадров мы придаем решающее, я бы даже сказал, доминирующее,- любимое слово Джанибека,- значение тому, является ли отобранная нами кандидатура,- сейчас он выражается моднее: "предложенная коллективом кандидатура",- членом партии. Это, товарищи, глубокое заблуждение, для нас важны не формальные анкетные данные человека, а его деловые качества...".

Энность и энность, многозначные купюры при операциях, а их вещественные воплощения в виде полотнищ-знамен, шитых золотом, никуда не переходящих, навечно выстроены, как на параде, в специально отведенном для них Джанибеком торжественном зале, и пионеры городских школ вот уже сколько времени несут здесь бессменно вахту: по двое, он и она, и каждый час - новая смена, с перерывом на ночной сон, и слава знамен, точнее их шелест, витает над Джанибеком. Когда очередной курултай, выстраиваются они за трибуной в глубине зала, как это было недавно, буквально перед приездом сюда Расула (инкогнито), по случаю и в связи со встречей Почетного гостя, поистине незабываемое историческое событие, и награждения были особо отличившихся, толстенная стопка грамот, указы, во-первых, о диахронно-синхронных назначениях и перемещениях в сфере политики, социологии, экономики, а также культуры (и быта), дабы обеспечить долговременную надежность и стабильность, а во-вторых, о присвоениях заслуженных и народных званий, и

люди, склонные к безделью, ябедничеству и злословию, вроде Расула, занятого критиканством (всего того, что делает Джанибек), легко отыскивали в колонках назначений и присуждений одни и те же ф., и., о., и масса однофамильцев, что свидетельствовало... отвлекли телефонным разговором, и уже трудно восстановить оборванную мысль, что-то вроде девиза, столь популярного в сфере реальной политики: "Уходя, оставайся!" - хотя Джанибек как будто никуда уходить не собирается.

Да, и Расул вкалывал (скучая от безделья) вдаль от Джанибека, родни, всей этой СВОРЫ, думающей лишь о наслаждениях, карьере и ВАЛЮТЕ, готовой ради... трех китов, на которых держится их мир, поклоняться кому угодно: выжившему из ума, вслух не произнесет и даже не подумает о нем, чтоб не были уловлены волны, двух слов не свяжет!., и всюду висят портреты,- или его подопечному злодею-деспоту (?) Джанибеку,- а ведь он устраивает всех - и тех, кто на вершине, и тех, кто... нет, лишь верхи и середину этой трехэтажной, тут же хочется добавить по привычке, ибо рефлекс, величественной громады, именуемой... А ТЫ? А ТЫ САМ?

Да, упреки, что зазнался, разжирел, "пожил бы с наше!" и явился сюда инкогнито, чтобы предаться любовной страсти.

(Ей и это рассказывать?)

2

Невмоготу стало,- семь лет, как не приезжал! - и сорвался: почти все сны связаны с родным краем, неизменно оказывается на улице, где прошло детство синие, как баклажаны, гладкие булыжники, крутой спуск, "а за углом,- говорит кому-то,- наш дом, вот он!" - волнуется, "спешить не буду", отворяет с опаской скрипучую калитку и заглядывает внутрь, а там сначала никого, а потом непременно кто-то появится на балконе: то давно умершая мать, и она зовет его, лицо светится при виде сына, а то и вовсе незнакомая, но сильно желанная женщина (и почему-то кажется, что она старше Расула, а он еще подросток, в котором пробудился мужчина, и, увлекаемый ею, захлебнется от счастья),спешит, и учащенно бьется сердце, откликаясь на ее зов, и чтоб никто не увидел, украдкой.

Вдруг шепот: "Началось!"

Слепящее глаза гигантское белое облако, бесшумно взрываясь изнутри, растет, и так же бесшумно падают дома, скорее в подвал, где прятался в детстве,- ржавые кровати.

Вскакивает во сне, и чуткая Лейла тотчас просыпается:

"Что с тобой?"

И он долго не уснет, отчаяние, что ничего не изменить.

"Уедем, уедем отсюда!"

Ну вот, опять. Но куда? И роют, и роют, закапывая взрывчатку. Или железную коробку с купюрами (??) в саду под яблоней.

Куда-нибудь в глушь, где в горах, в непроходимом лесу спрятан дом, белеющий как сахар.

И этот день, когда валились или, взрываясь изнутри, оседали в пыли дома, станет днем грязевого извержения, а перед этим - ураган, и все, что случилось ДО (в сущности, вся жизнь),- это одно, а все, что после,- другое: радость длиной в три дня, с воскресенья до среды, С НЕЮ, а следом, миг в миг, вспышка, или гибель, круглая как шар, и он летел, приближаясь, или гонимый ветром, к высокой макушке ели, невиданно разросшейся ибо' питаема многослойным пеплом, чья радиоактивность (?) целительна для вечнозеленых, и великаны-ели заполонили землю.

А однажды, как увидел Расул родной дом, и он цел, розово светится на солнце, уже после того, как взорвали горько заплакал во сне, чего с ним не случилось, не помнит, даже когда весть о смерти матери пришла в его далеко, никак не уедет (уже похоронили! без него!). Свояченица Асия, сестра Лейлы, подробно написала, как умерла Месме-ханум и где ее

похоронили, рядом с его отцом, и место нашлось: была заброшенная могила. И слова матери, якобы просила, чтоб Асия передала: "Это наше последнее пристанище", дескать, "и ты завещаешь, где б ни был, лежать рядом".

Даже пепел, помнится Расулу, что он подумал, высыплут из урны, и табличка на материнском или отцовском надгробии.

Дважды отсюда уезжал: в первый раз, это было очень давно, - взлет, надежды, пышные проводы, и часто, для души и по должности, навевался, череда праздников, то свадьбы (три!., замужество младших сестер Лейлы, но две свадьбы играли почти одновременно: одну к радости всех, ибо по доброй воле и с благословения родных обеих сторон, а другую - вопреки желанию родных невестинной, или девичьей, стороны, - свадьба Асии...), то юбилей какой, - их немало, телеграммы на красных бланках, то симпозиум, и на, аэродроме ликованье, цветы, алые полотнища, и мчатся по гладкой дороге машины, обдуваемые теплым ветром, пахнущим нефтью.

А потом тяжкие два года и тридцать семь дней, когда заманил Джанибек, полные раздумий не на одну книгу.

- А ты напиши, - ему Лейла, когда надоест, изводит себя и ее своими безадресными угрозами и даже злорадством, что предчувствовал, провидел и грязевое извержение, и землетрясение, хотя никто уже не подтвердит, что именно он предсказал, даже Лейла, ибо Расул это прозрение носил в себе, не смея признаться и Лейле (или тем более ей?).

- Освободи душу, уйдешь, как я со своими куклами, в вымышленный мир. Удел слабых (сочинять).

- Ты говоришь точь-в-точь как Джанибек, будто подслушала нас.

- Джанибек?! - изумилась она.

- Да, это его слова: властвовать в придуманном мире - удел слабых! - Но я такое напишу!! - и кулаком в пустоту.

- В стихах?

- И в прозе тоже!

- Что ж, новый Расул, затмевающий славу своего знаменитого тезки! Только неизвестно, какого?

- Так уж их и много!

- Ну да, один - по ту, а другой - по эту сторон горной цепи, не тронутый землетрясеньем. Тут Расул и сказал:

- Как бы не так! И та была тронута, вмиг рухнули города, и эту, нас тоже не минует, вот увидишь! - И добавил: - Есть еще третий!

- Кто же?

- Посланник Аллаха!

- Ах да, я и забыла, ведь первое твое имя - Мухаммед, и ты Расул посланник Аллаха!

- Шутить?!

- Какие тут шутки? Я к тому, что ты пророчествуешь, пугая нас, что и здесь грядет?

- Что грядет?

- Сам только что сказал: и нас не минует беда

- Да, случится непременно!..

Но о чем писать, да и что толку, когда прошло так много лет, и помнит ли кто, кому довелось в те год! жить, далекое-далекое время, когда чудо-город в несколько секунд рухнул, и вопли, и стоны, а кто-то как будто злорадствует, щайтаний блеск в глазах, ЭЙ, КТО ТЫ ТАМ И КАК ТЫ СМЕЕШЬ ЛИКОВАТЬ?!

Старое кончилось, а с ним ушло нечто такое, что казалось нетленным и вечным, - чужие лица, так похожие на твое, чужие речи, так понятные тебе, - это и ты, это и кто-то другой, чужой, И ТЫ ИЗГНАН.

"Но какой на улице нынче век?" - вопрошает слепой не понимая, что с ним и где он. Да, что толку - тем более что дома, и тот, что розово светится на солнце, в другие - высотные и полукругом растянувшиеся вдоль улицы имени... и многожды изменят имя!..- назван г народе Китайской стеной,- целы?..

Улягутся страсти, когда наступит новый век, и сбредут как в веке прошлом, бороды и усы,- но случится намного раньше, мог ли кто тогда подумать, И даже Расул скажи ему кто, что через год-другой... нет, не плутай, не терзайся, не морочь голову ни себе, ни Лейле, ни кому бы то ни было.

И все же: что бы ни случилось - ничто не берет Джанибека, так и бежать им наперегонки, Расулу и Джанибеку: то Джанибек вырвется вперед, а раньше Расул, а потом, как обойдет его Джанибек, ветер вдруг ускорение ураганное придаст ногам Расула и... вот уже впереди снова Джанибек!..

Бег и прочее - забавы: выгонишь в дверь - влезет в окно, а в резерве еще и антресоль, а то и чердак с маленьким окошечком.

И второй отъезд Расула.

Это были скромные семейные проводы, но как радовался Расул, что наконец-то вырвался (из лап Джанибека?), и былая энергия кипела в нем.

Лейла опьянела, сияет, ушли и сгладились морщины на красивых губах, которые все чаще были плотно сжаты, ибо крепилась, чтоб не наговорить дерзостей Расулу,- как он мучился, что скован, связан, загнан в тупик, ей не верилось, что Расул сумеет обойти Джанибека.

Разлука затянулась, кто б мог подумать?.. Лейла не пожелала ехать, да и Расул не уговаривал, хотя странно ему, что Лейла отпускает его одного, прежде непременно б поехала с ним, но мысль эта - как легкое дуновение.

- Нет, нет, поезжай один,, отдохнем друг от друга,- заморочил он ей голову своими снами, особенно последним, когда "горько плакал", и эти его вскакивания во сне, бесшумные взрывы, растет гигантское облако над головой, и вспыхивают, сразу загораясь, дома: пусть уедет, может, успокоится, как думает Расул за Лейлу, объясняя ее холод, но ни его не тянет к ней, все силы и соки плавятся в думах (и о Джанибеке), какой-то рубеж, критический возраст: как повернется судьба и куда приведут пути-дороги? взлет? застой? в тупик?..

И Лейла не подает знака, мирные, вполне семейные отношения, ОНА БЕЗУПРЕЧНА и Расул вздыхает, ибо кажется ему, что где-то впереди, уже близко, ждет ее угасанье (как она перенесет?), что ж, пора,- он привык думать за жену. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ НИ В ЧЕМ УПРЕКНУТЬ МЕНЯ, и зреет в нем нечто, создавая иллюзию свободы, и неясные, но отчего-то приятные чувства шевелятся в душе.

"Но учти,- ему Лейла однажды, и от ревности во взгляде пронзительный гнев, а Расул видит себя в овальном зеркале, что висит в прихожей, глупая улыбка на лице,- да, учти, если что-то у тебя случится, знай, что у меня уже случилось!"

Слишком многое их объединяет, он ухожен, выглядит моложе своих лет. "Это заслуга Лейлы",- любит говорить он, такая идеальная пара, не сглазить бы, всюду измены, разводы, скандалы с заявлениями, разбирательствами, выговорами, да и Лейла красива, иногда вызывающе, особенно как облачится в замшевую юбку, и полнота ее какая-то собранная, таит энергию, поистине Шемаханская царевна, как называли ее северные сослуживцы Расула,- большие, чуть выпуклые, как миндаль, глаза, суживающиеся к вискам, и густые-густые ресницы, не изогнутые, а прямые, как стрелы.

Так и мечется (один ли он?) меж тщеславием, мечтая о власти, так и манят вершины, и любовью, движимый ненасытным голодом (и жаждой). ЧТО Ж, ТЫ И СОХРАНИЛА МЕНЯ МОЛОДЫМ, ТЫ И СОСТАРИШЬ, ЧТОБ ВЫГЛЯДЕЛ НА СВОИ ГОДЫ.

Но последним сном Расула был иной, о чем он умолчал: Асия приснилась, самая

младшая сестра Лейлы, а с нею, свояченицей, и родичи, которые, ждут не дождутся, чтобы Расул... впрочем, никто никаких надежд уже не связывает с ним, это ему кажется, что он еще скажет свое слово,- да, приснился вовсе не дом, который розово светился, а род, клан, их семейство, собранное вместе, свояки.

Ильдрым, муж Азии, встал на трибуну, и голос его гулко отдается в пустом зале, где сидят сестры; не те, давние, молодые, когда ничто не предвещало ни полноту, к которой оказались предрасположены белотелые красавицы - нечетные сестры, и Лейла тоже, и в два ряда складки на подбородке (и у Лейлы!), ни холодную горделивость, когда и ты сам, глядя на сестер, начинаешь надуваться, и гордость распирает тебя, и боясь, что не вместит тебя дом, выскакиваешь, пока еще проходишь в дверь, на улицу, чтоб поостыть, успокоиться, и оседаешь, становясь похожим на всех, что спешат после трудового дня домой (если уже вечер). И свояки здесь сидят вдоль стены, а Ильдрым, жестикулируя руками, разглагольствует о "нашем роде", который чуть ли не государство.

"Только некому,- дразнит он с трибуны,- хлеб сеять да землю бурить?"

(Кто ж это говорил? - мучительно вспоминает во сне Расул. и не может вспомнить.)

"Почему некому?!" - кричит Айша, черная как смоль (четные - все чернушки), и рвется на трибуну, но ее, их вождя и лидера, сестры не пускают, опасаясь, что Ильдрым ударит, вцепился в нее и Расул. "Но почему я ее держу?" - думает он, продолжая держать, ни за что не отпустит.

"Некому, некому!.." - страшает Ильдрым, и голос его гремит в зале.

"А ты сам?! - кричит Айша Ильдриму, губы у нее исказились.- Ты же у нас,и торжественно,- рабочий класс!" - и опять рвется на трибуну.

А Ильдрым еще пуще дразнит своими выкриками: "Да, некому!" - лицом не похож, осунувшийся, а Расулу запомнился широколицым, всегда чисто выбритый, улыбнется - и жар источают его добрые глаза, а здесь и худ, и оброс.

И трибуна вдруг оказалась нефтяной вышкой, и ее стало качать, и чем больше качает, тем она выше, вот-вот упрется и прошибет потолок.

Раскачивает вышку, она сейчас рухнет, врывается ветер в гигантский зал, и над ухом Расула вдруг крик Азии: "Ты! Ты его убил!.."

Это им, Расулу и Лейле, рассказывали, как кричала Асия в тот трагический день, когда в море на одиноком основании в шторм погиб Ильдрым. Но на сей раз она кричала не на Хансултанова, как тогда наяву, а на Расула!

"Но почему я?" - оправдывается он и, от понимания, что Асию не убедить, такая досада.

"Ты! ты!" - кричит Асия, а он стыдит ее, напоминает, как они приютили ее.

"Ах, благодетели! - это так непохоже на Асию, чтоб измывалась.- Ах, какие мы благородные! Вы, если на то пошло, никаких уже прав на эту свою квартиру не имеете!"

"Это чудовищно",- думает Расул и ищет глазами Хансултанова, какие-то танцы в пустом зале, и зятя-сваяки в масках, а единственный любимый брат этих сестер Бахадур - в маске диковинной хохочущей птицы с орлиным клювом, но не орел и не филин, ястреб - не ястреб и даже не чайка, он и шепнул Расулу: "Вот он!"

Расул подбегает к Хансултанову, рвет с его лица маску добродушного медведя, а это и не Хансултанов вовсе, "а Джанибек!..", "И он слышал,- с ужасом думает Расул,- как Асия обвиняла меня в убийстве!!"

И, не выдержав холодного взгляда Джанибека, а только что тот глядел добродушным медведем, выбегает из зала, от волнения весь взмок, и оказывается на улице, которая носит имя Ильдрыма, идет, страхи уже позади, а ему навстречу (снова беспокойно забилось сердце) Джанибек, но ростом отчего-то высокий (когда успел вырасти?) - ах вот почему: на ходулях он!.. Раскачивается из стороны в сторону, становясь выше и выше, ударится сейчас о стену (или перелетит через крышу за дом),- просыпается Расул. Да, не сон, а спектакль, и долго

лежит, с трудом приходя в себя и, оглушенный увиденным, не понимая, что все это значит?.. Рассказать Лейле?.. Нет, не расскажет: обещал никогда не говорить о Джанибеке, а тут - он, и ужас Расула.

- Поезжай один. НО ОТЧЕГО ТАКАЯ РАДОСТЬ?

- Ас обожаемыми сестрами повидаться не хочешь?.. Ах да, я и забыл, ты можешь каждый день глядеть на них, особенно на Айшу!

У Лейлы, занятой в кукольном театре (разгадка сна-спектакля?) хотя сезон на исходе, новое увлечение - воспроизвести сестер. Стоят они, эти куклы-сестры, по старшинству впритык на подоконнике в ее мастерской: толстушка Айна, чернушка Айша, тоненькая и стройная, как все четные сестры; дальше она сама, Лейла (автопортрет?), но себя - потом, не сейчас. Сначала появилась Айша, их лидер, только ее и думала создать, эту неумную энергию; и упрямство; и... как бы выразить это? напролом! добиться своего во что бы то ни стало! да, именно это!

"Всех вас выдам замуж, мои куколки, а потом о себе подумаю!" - говорила Айша, быстрая, как огонь, и глаза светятся на смуглом лице; лидерство ее чуть ли не со студенческих лет.

И о Расуле Айша говорила Лейле: "Очень перспективный парень!"

- Еще неизвестно, как бы судьба твоя повернулась, не будь Айши! - Лейла сестер в обиду не даст, это у них династическое: наш пуп выше чужой головы! "Мы, Аббасовы!.." (И от Расула пошло, прилепилось к ним, "династия Аббасидов".)

- Ну да, я же был никем, из грязи меня вытащили! Айшу мне, как некогда и пророку Мухаммеду, послал сам всевышний! (Вычитал из хроники Аль-Нура.)

- А разве нет?!

Сумела тогда Айша сыграть на честолюбии шефа (а помнит ли кто теперь Устаева?), от которого зависело, кого послать наверх, в Центр, ибо запрос был - ячейка национальная пустовала.

"Там нет ни одного из наших!" "Как нет?" - удивился Устаев. Ему казалось, что есть, - книжечку, где все верхи представлены, недавно перелистывал и наткнулся, выскочила фамилия.

"А вот так! - и показала Устаеву СВЕЖИЙ список, сложным путем полученный из рук самого шефа по кадрам, что-то масляное в фамилии.- Можете взглянуть, я этим специально занималась... Есть один..." "Вот-вот! - перебил ее шеф.- Я знаю, что есть!" "Да, есть, по фамилии вроде бы наш земляк, да и то лишь по отцу, а в паспорте записан по матери. Из соседей".

Устаев недоумевал, чувствуя себя лично оскорбленным:

"Как он посмел? Что за отец такой?! - А потом, подумав, добавил:- Что ж, его можно понять...- Айша впиалась взглядом в Устаева, в сей миг обожает шефа, все нюансы запомнить: когда пауза, когда вздохнул, когда задумался, как теперь.- Я его не осуждаю. Соседей там видимо-невидимо, свой своего толкает, нашему сделать карьеру не позволят, сожрут...- Долго не мог фамилию отступника вспомнить, и в книжечку лень заглядывать: то ли Исламоглу, "Сын Ислама", то ли Эльоглу, "Сын отчего края".

Да, кто помнит теперь Устаева?..

Всякие о нем всплыли потом подробности, уж он-то казался (Айше) ЧИСТЫМ: тылы крепил на случай, если скинут, и - подношение вице-президенту, нечто вроде щита, тот засуетился, краски на лице сменили одна другую, смотрит - глаз не оторвет, и колется, и хочется, и не взять нельзя, гость не из РЯДОВЫХ, вхож и так далее, но и не выпускает из рук, очень ему нравится подарок.

От цепкого взгляда Устаева ничто не ускользает: ни радость, ни смущение, и тень сомнения на лице академика он толкует по-своему, ЕЩЕ ПОДУМАЕТ, ЧТО

НЕНАСТОЯЩЕЕ, и спешит развеять его колебание:

- Лучшие мастера,- говорит он вице-президенту,- для ТЕБЯ делали. Не думай, что это позолота, чистое золото, полтора кило!..- И после паузы:- Цены ему нет, искусству умельцев.

А потом берет щит, усыпанный драгоценными камнями, и подносит к свету, чтобы сыграл, горя алым цветом, рубин, которым инкрустировано ИМЯ (к энно-летию):

- Читай!.. (Тот уже давно прочел, когда держал щит в руках.)

И доволен Устаев, что дар его пришелся по душе: ювелирзавод' поработал на славу (и на Джанибека тоже поработает).

Разговор Айши с Устаевым стал причиной взлета Расула, но шефу пришлось (под нажимом Айши, которой не терпелось устроить судьбу сестры - Лейла понравилась Расулу) преодолеть не одну преграду (и даже вице-президента подключил, хотя вовсе не по его части), ибо долго не соглашались с Устаевым: и что Расул молод, сомнения высказывали, и что опыта НАШЕГО не имеет, и что... а кто-то даже про высокий рост Расула сказал, дескать, выделяться (из свиты?) будет.

Трижды командировали туда Расула: знакомиться, на собеседование ПО ЭТАЖАМ, потом, как мяч от игрока к игроку, по разным ИНСТАНЦИЯМ кидали и в конце концов УТВЕРДИЛИ. В книжечке четко набраны фамилия, имя, отчество и три телефона: домашний, служебный и код, сверхличный.

Помогла Айша, а потом произошло как будто некоторое смещение, кто кого, чуть ли не Расул, закрепившись ТАМ, помогал движению Айши.

"Надо спешить,- торопила она Расула.- Это ж такое везение!., (будто Расул не понимает!) Не веришь? - Пытливый такой взгляд, у шефа усвоила.- Устаев непременно пробьет, с ним ТАМ считаются, а как же?! На такую работу, что и квартира, и все прочее, но, после выразительной паузы, опять шефа копирует,- только женатым!.."

В те же дни, пока оформлялись документы и длились командировки-собеседования, и расписались Расул и Лейла.

А разве ему не хотелось тогда уехать? Он не жаждал широких просторов? И был у него страх, чувствовала Лейла, и Айша тоже. А вдруг? Не согласится с Айшой - и расстроятся его планы!

"Она сразу влюбилась в тебя, помнишь? Ты как-то пришел к нам, не помню, по какому это случаю, я, твоя начальница, пригласила тебя. И ты вдруг покраснел, когда я вас познакомила. А потом, ой как ты заикался, когда я поздравила тебя с назначением на мое место,- короткое такое перед взлетом Расула перемещение (в ответ на упреки ТЕХ, которые оттягивали, дескать, у Расула нет НАШЕГО опыта),- да, я тебя поздравила перед тем, как самой уйти в город-гигант, ты вдруг и говоришь мне: "Айша-ханум..." А я уже все поняла: Лейла!.."

Версия Айши, которую приняли в семье, как правду: Расул просит у Айши руку Лейлы,- их мать стоит рядом, но он просит именно у Айши, она почти глава семьи, особенно после трагической гибели их отца, Расул волнуется, чуть ли не заикой стал, у него на глазах появились "слезы счастья", как только Айша дала добро и согласилась, вздыхая, на разлуку с сестрой. Забыли, однако, что мать Расула, Месме-ханум, накануне весь вечер просидела с Марьям,- ритуал, не более, ибо с женитьбой уже решено.

Лейла размачивала, месила глину, опять лепила, а потом, как не стало получаться с Айшой, взялась за самую старшую, Айну, здесь проще, пышная, полнотелая, сама горделивость, но улавливается в чем-то уязвимость, а кукла напыжилась, так повернешь -*важность, эдак - самомнение; далее, минуя самую себя (автопортрет?), - Зулеха с Постоянным недоверием (пытливость диагноста?!) в глазах, а кукла вышла хитрая, затем красавица Алиа, и Лейла любит ее, свою куклу, хоть и надменна" перерастить самую себя хочет, а уже некуда: и с мужем удалось (Хан + Султан), да и собственная фамилия (династия!)

не уступит, сама тоже преуспела: хирург-виртуоз, на днях чуть ли не во всех газетах о ее своеобразном рекорде - пять тысяч операций!..

- Я бы давно ТАМ,- сказала как-то Алия,- миллионером была!

- Может, миллионершей? - поправил ее всезнайка

племянник, сын Айны.

- Нет, миллионерша - это когда по мужу.

- По мужу тоже,- улыбнулась Айна.

- По мужу? Он бы нищим был, кому нужны его знания, его наука переливать из пустого в порожнее? Своих демагогов и там хватает! Вчера вот...- и рассказывает в подробностях, у кого что вырезала,- за такую операцию ТАМ платят двадцать тысяч!

Племянник тут же пересчитал в уме, перемножив пять тысяч (операций) на ее ТАКСУ:

- Да, тетя, десять миллионов.

Алия сама давно посчитала и потому поправила племянника:

- Прибавь еще ноль.

- Почему? - мол, он посчитал правильно.

- В долларах потому что!

Золотые нити для Алии не пожалела Лейла, а на очереди - самая младшая, Асия, "неудачница", как говорит о ней Айша, добавляя: "и странная", а Лейла не возразит, отчасти соглашаясь, отчасти противясь, хотя язык у нее не повернется сказать об Асии такое: и вышла замуж не как все, будто в пику Айше, и рано овдовела, и непонятные ее рассказы о том, что к ней является, и чаще по ночам, живой Ильдрым.

Кто на них не похож - странный, так у всех водится, и Аббасовы - не исключение. А начало им - тем, кто не от мира сего,- шут, чудак-человек, чьи действия непредсказуемы, как у Асии; впрочем, и блаженной ее не назовешь.

Асия для Лейлы как дочь, немалая разница в возрасте, и отчего-то лишь с ними, как кажется Лейле, у нее добрые отношения. Может, потому, что они не живут здесь? Именно к ним домой, а не к себе, где живут мать с Айшой и братом, впервые пришла Асия после того, как, обвинив в смерти Ильдрыма родичей (Хансултано-ва), исчезла; появилась, узнав, что Расул с Лейлой гостят здесь, приехали на какой-то симпозиум, а это был Континентальный Курултай (съезд) Камышологов, на значке три Ка, стоивший, подсчитывает кто-то на Счетах Истории,- шесть нулей, уже пошли эти нули, нет-нет, новыми, какие еще старые?! пришла к ним Асия и ночевать осталась.

Айне, самой старшей, некогда было возиться не то что с Асией, а и вообще с кем бы то ни было, вся о себе и для себя, начало цепочки сестер, и первая замуж, за знаменитого поэта Аскера Никбина; Айша горела на поприще и стала как уголь - вся семья у нее на руках (или плечах?), а вот с Асией языка не нашла; ну и Лейла - единственная из старших сестер, которая оказывала внимание Асии, пока не уехала с Расулом в свое далеко. О гибели Ильдрыма они узнали от Аскера Никбина, он представлял свой Край на каком-то поэтическом форуме, а это было, если расшифровать пятикратно сложенные на значке витиеватые Вэ на фоне голубой, как купол мечети, эмали,- всемирное Величанье Великого Врачевателя Востока (или Воспевателя, а может, и Возмутителя, шутил Аскер, думая о семи Вэ); о юбиляре по-разному говорилось представителями частей света, и даже споры по произношению имени: одни утверждали Ибн, другие отстаивали Авн, а третьи - Аадон,- шутка ли, полторы тыщи лет прошло!

Арабы, таджики, персы, узбеки, иранцы (и казахи) - каждый считает его своим, и евреи тоже, даже армяне... А коль скоро траты на чествование наши, и он - НАШ, но и здесь у нас тоже нет согласия, и зреет, зреет ропот, и каждый обходит его этническую принадлежность (считая в душе, что он - ЕГО), мудреные выкладки Аскера Никбина, а Расул его вовсе не слушает.

А между тем здесь, на величании, точнее - за кулисами, снова бубнит какой-то' чудак, Исторический, так сказать, Счет (но кому? спишут долги!) семь нулей и перед ними цифра внушительная, да нет же, ведь сказано: кто теперь считает старыми?!

А об Асии рассказал Аскер, как она накинулась на Хансултанова, хотя тот никак не причастен к трагической гибели Ильдрыма. И спорили с Расулом.

"При чем тут техника безопасности? - удивлялся Аскер.- И потом: Ильдрим ведь мог не согласиться, сами они всей бригадой вызвались поехать на экспериментальное основание в море".

"Ну да, поверили светила Хансултанову!"

"К тому же,- продолжал Аскер,- небывалое буйство волн! (неспокойное море из-за недр, беспокойная земля (тоже из-за недр), но землетрясение еще не скоро). Да и как без риска, если такая заманчивая идея - добраться до немыслимых глубин!"

"Мезопласт, кажется?"

"И ты наслышан?" - удивился Аскер.

"Риск! Это не риск, а чистая афера!"

"Ну вот, чуть что, ты уже крепкие выражения, еще преступление, скажи, чтоб недруги наши услышали! А впрочем,- сразу отступил Аскер, выдохся, очевидно, на вечере,- может, ты и прав, но если б знать заранее!"

"Спешим в новые глубины,- это Расул,- чтоб вконец море...- не dokonчил,даже по старинке работая...- снова не dokonчил, махнув рукой.- И правильно сделали, что1 законсервировали идею!"

Когда прощались, Расул - неудобно ведь, надо интерес проявить к творческой личности родственника - спросил о его планах, и Аскер, окрыленный вниманием, сначала как бы нехотя, а потом все более разгораясь ("Ты разденся, сядь, куда торопишься?" - "Нет, я и так засиделся у вас, ты ведь знаешь, я по ночам работаю, приду, посплю немного, а там до утра!"), еще долго, стоя у двери и держась за ее медную ручку (Расул привез из родного дома и прибил к двери), рассказывал о новом жанре, который его занимает.

"Нечто эссеистское,- так он выразился,- вроде,- пояснил, еще более запутав,- гражданской тыща одной ночи".

Расул не стал уточнять, дабы не длить это затянувшееся стояние, испарина на лбу Аскера под меховой шапкой, но все же заметил: "Ты ищешь героические темы, чтоб прославить, как ты говоришь, "нашу маленькую нацию". Что ж, похвально. Больше о родственниках, правда,- улыбнулся, вспомнив о его Героической Поэме, на всю страницу молодежной газеты, еще в пору сватовства, с бледными, штрихи лишь да контуры, иллюстрациями и эпитафиями, взятыми, как потом признал Аскер, из недавно выпущенной толстенной книги пословиц Абулькасима, запомнился один, что-то о джигите и трусе: то ли "джигит умирает в бою, а трус - в постели", то ли "джигит умирает лишь раз, а трус - тысячу" (и лишь на тысяча первый - по-настоящему),- поэма о славном Кудрате-киши, деде их будущих с Расулом жен, о том, как неистово бился сын пастуха с английскими оккупантами и турецкими аскерами.- Я бы на твоём месте, чем не героическая тема? об Ильдриме написал, тоже родственник, но достойный!"

"Об Ильдриме?! А что, ты прав! - захватила Аскера идея Расула, хотя сам раньше додумался, но решил Расулу выразить благодарность? что дал ему тему, хитрость такая маленькая: кому поможешь - того полюбишь (в копилку афоризмов Абулькасима).

А Расул, проводив Аскера, долго не мог успокоиться, какое-то сожаление (или кощунство?), что подкинул идею, непременно скомкает ее Аскер, и имя Ильдрыма нечего зря трепать, чистейший парень, им всем не чета! да и Асия неизвестно как отнесется. "Что же ты, а?" - укоряет его будто Ильдрим, и в глазах, источающих добро (таким запомнился),- сожаление.

И- Лейла думала об Асии, опасаясь, как бы горе не сломало ее. И отчего-то вспомнила, как Асия в далеком-далеком вчера, когда Аскер Никбин появился у них на правах жениха старшей сестры Айны, вдруг подошла к нему, встала перед ним и дерзко спросила:

"А вы ушами шевелить умеете?"

Невеста ахнула, их лидер Айша возмутилась, а жених нагнулся к Асии, маленький такой цыпленок, и поцеловал ее в черный лобик:

"Непременно для тебя научусь, буду шевелить ушами".

Лейла потом стыдила Асию.

"А ты посмотри и увидишь!" - та ей.

"Что?" - не поняла Лейла.

"У него одно ухо длиннее!.." И уже обе сестры, а разница между ними немалая - (Лейла кончает школу, Асия только учиться пойдет), хохочут при виде Аскера: у него и лицо косое, и сам он как "инд гушу", или "индийская птица", а попросту - индюшка или индюк.

Айна, самая старшая, торда институт кончала, была на шестом, проходила практику у знаменитого нефролога Адамсона, и он произносил ее имя с ударением на первом слоге: "Нус-, какие тайны у нашей Айны?.." А тайна, что выходит замуж. "О!.. Быть женой поэта!..- И вздохнул отчего-то.- А впрочем, на Востоке иначе..." - и не стал уточнять.

И разочарование Лейлы, нет - страх! ужас!.. Когда в анатомичку попала и увидела, как двое здоровенных мужиков в серых халатах, засучив рукава... и в гулком зале вдруг окрик: "Кто ее сюда впустил?!" Лейла онемела, приковали ее будто к полу, а те, мужики эти, над тушей склонились, красная, огромная туша, Лейла сначала решила, что... а это человек!., выскочила, весь день слонялась по городу, никак не придет в себя, а утром забрала документы, ком в горле, обидно, что послушалась Айну, подалась в медицинский, год потерял, мать охала: "Куда ж ты теперь?" А Лейла и сама не знает, куда вдруг пришло в голову первое попавшееся, ехала, забрать документы, в трамвае, и две девицы болтают, и одна "Мечтаю в театральный!.." - и Лейла выпалила, отвечав матери: "В театральный пойду!"

Айша возмущалась, но помогла: институт в ее районе где она молодежный лидер.

Но Айна вела себя так, будто Лейла оскорбила из почти родовую специальность, впрочем, никакой обиды, так показалось Лейле, тем более что цепочка не прервется: сначала Зулейха поступит, а через год Алия, и ста нет впоследствии знаменитым хирургом (а Зулейха - опытным диагностом).

Так у Лейлы всегда: начнет лепить и думает, вепс миная. А на защите (Айна была беременна), еще кан дидатской, сидел Адамсон в президиуме, почти слепой но видит! и очень быстро выпустил ее на защиту: голов ясная, пять часов не вставая сидел, пока защита шла, и выступал сидя, придвинув к себе микрофон, и с неотрг зимой логикой выявлял суть работы Айны, чего не сумела она сама,- и успех, хотя Айша, уже молодежны, лидер чуть ли не городского масштаба, специально говорила в порядке профилактики, ибо ничто нельзя пускать на самотек, с ректором об Айне.

Айшу так и не удастся завершить, подолгу глядит Лейла на нее, что-то поправит, и не поймет, что еще?! Крутит в руке и так, и сяк, но что? Обилие тряпья, лоскутки, какие-то пышные усы и бороды, которые легко приклеиваются, и ты уже аксакал, густые брови ждущие достойной головы, ОХ УЖ ЭТИ НАМЕКИ густыми бровями, КОГО НЫНЧЕ УДИВИШЬ?

Расул, помнится, уловил про густые брови, и его поразила дерзость Лейлы, но виду не подал, а та понятия не имеет, и уже поглядывает на удлиненную макушку и острый подбородок, и патриарх в чалме, кого-то напоминающий, но кого?

Асимметричные лица, вкривь и вкось, свадебные и траурные наряды, пригодятся и те и другие,- не комната, а Шахский Дворец, который скоро переделают под Дворец Бракосочетания, и лишь Лейле известно, МАНЕВР, УВОДЯЩИЙ ОТ СОБЛАЗНА

РАЗГАДЫВАТЬ ШИФРЫ, какими узами связаны куклы, и связаны ли вообще?

_ А мужей не думаешь?

_ Тебя, что ли? - и берет в руки патриарха, поправляет ему зеленую чалму, случайное совпадение с цветом, но уже мнится символ ислама, лицо искривлено болью, встревожен, будто только что, кривя душой, зажег проповедью толпу, и она ринулась рушить и жечь, и вот-вот сбросит чалму с головы, чтоб хоть перед кем исповедаться. Но поймет ли, оценит кто эту исповедь (проповедника?), если уже беснуется чернь?.. На мертвенном лице испуганные глаза, ИЗ ПРЕДЧУВСТВИЙ РАСУЛ А.

Да, целая корзина, сплетенная из светло-желтого камыша (а ручка из черенка виноградной лозы), набита куклами, где и старые есть, отслужили свое, и шах, и шахиня, и их единственная дочь, и плешивый, из восточной сказки, могут повторить спектакль.

А потом Лейла плешивого взяла, разглядывает, Расул вспомнил, как долго она с куклой возилась, и плешь чтобы была заметна, ярко горела, как начищенный до блеска медный пятак.

Плешивый - только имя, а красавец, и если на голову высокую каракулевою папаху, и плешь не увидишь. Бахадур, когда он приезжал к ним, повела в свой театр, на восточную сказку.

"Он на меня смахивает, твой плешивый", - сказал Бахадур.

"Да? - удивилась Лейла. Расул пригляделся: точно! - Я невольно. Мне просто надо было парня красивого и смекалистого: шутка ли, на шахской дочери жениться вздумал!.. А ты для меня самый красивый! И умный!" (Поцеловала брата.)

Лейла бросила плешивого в корзину.

Помнит Расул, что одна мужская фигура была, помимо патриарха, молодой парень, худой, высокий, и черты, схожие с Лейлиными. "Возможный сын?" подумал тогда Расул, но каштановые волосы, и нос прямой, без горбинки, как у нее.

- Впрочем, тебе лучше удаются молодые куклы.

- Разве?- И снова, как в тот раз, Лейла густо покраснела.

- Кстати...- Но умолк: вспомнил, что когда впервые увидел ту куклу, задвинутую, спрятанную за занавеской, почувствовал, что Лейла встревожилась. И тут же с ходу, помнится, спросил:

"Ты часто с ним возишься?"

"Да?" - вот здесь она густо покраснела, чего с нею прежде не случалось. ТОСКА ПО СЫНУ, подумал тогда Расул.

"А он на тебя похож".

"Я думаю создать..." - и запнулась, НЕДОВОЛЬНА, ЧТО Я УВИДЕЛ КУКЛУ.

"По своему образу и подобию?" - пришел ей на помощь Расул, продолжая пристально разглядывать куклу.

"Увы,- вздохнула,- ты не поймешь".

"Отчего же?"

"Я хочу вложить в него всю свою любовь".

"Как всевышний в свое детище?" НЕ НАДО О СЫНЕ!

"А он и есть дитя".

"Кто?"

"Тот, кого я хочу создать..."

Расул удивился, и, будто спеша успокоить его, Лейла сказала: "Это ты, вернее, мой идеал, каким бы я тебя хотела видеть".

"Но он... чучело!"

"Ты хочешь сказать - кукла?"

"Пусть так!"

"Но я вдохну в него жизнь, и он будет всюду со мной".

Расул усмехнулся.

"Ты не веришь? - с чего-то вспыхнула Лейла и почти приказала: - Оставь его (!?) в покое".

Загадки какие-то.

Расул лишь на миг вспомнил о кукле-парне (давно ее не видно, этой куклы, лишь сестры на подоконнике, и патриарх куда-то исчез) и тут же устремился думами в родной город:

- Я никого видеть не хочу! Этот выскочка драмо-дел! паяц! артист! - С чего на Аскера Никбина взелся? Ничем как будто не обидел, дружны со старшим свояком, даже восторгался им некогда, сидели у него на широкой веранде с видом на море, и Аскер Никбин разглагольствовал, "прежде упрекнув своих и похвалив соседей, где "поэты в почете", там в академиках и поэты, и собрания сочинений им, и высшие звания.

"Да, надо быть дерзким, я бы даже сказал, наглым, чтобы, зная, какие люди творили (и непременно называются Низами, Руставели и Лев Толстой), брать в руки перо".

"А что тебя побуждает писать, Аскер?" - спросил Расул.

"Сам не пойму"^

"Любовь?"

"Да, именно любовь!" - И с чего-то хохочет.

"Может,- пристал к нему Расул,- безумие?"

Задумался. Безумен ли он?..

"А что? Ты прав,- промолвил.- Каждый истинный поэт' безумец".

"Или отчаяние гложет душу?"

Как ответить Расулу?

"А знаешь,- продолжил Расул, так и не дождавшись ответа,- я вспомнил слова Джанибека, ведь он тоже сочинительством занимался (это когда их койки в военном лагере рядом в палатке были)".

"Разве?" - удивился Аскер.

"Трагедию однажды написал". "Джанибек - и трагедия?!"

"А потом порвал ее на клочки. Писать, сказал он, удел слабых. Легко властвовать в вымышленном мире!"

Аскер Никбин среагировал тотчас:

"Какой умница Джанибек, я восхищен! Да, слаб человек, и честолюбив, зуд власти не дает ему покоя. Но кому какая власть: мне в вымышленном, а Джанибеку и тебе в реальном, вот и поделим!"

"Ты не слаб,- пошутил тогда Расул,- свое не упустишь и в реальном мире".

Два дня назад - вот отчего зол Расул! - в фильме его видел, своего свояка: усищи, глазищи, ручищи, и тяжелый меч в руке (а он картонный), разит врагов, как взмахнет - десяток чужеземцев наповал.

"Это ж позор! Нет, я не ожидал,- всю дорогу кипел Расул,- что у Аскера такая неумная жажда славы! Мало ему, что полез в драму, ничего в ней не смысля, и сочинил бездарный роман, якобы спасая хилую нашу прозу", - прислал и Расулу, переплел журнальные страницы, а на обложке золотыми, буквами Проза Поэта, пэ-пэ, так сказать.

"А ты, между прочим, хвалил", - заметила Лейла.

"Я только одну вставную новеллу одобрил, об Ильдрыме, и то за попытку постичь думы Ильдрыма в последнюю его минуту, но не сумел, ударился в патетику, дешевые охи: "Ах, Ильдрим, как ты мечтал о сыне!.." Мыслишка у него была, помню, о том, что мы привносим в переживания Ильдрыма наши думы, но в тот момент, когда на тебя идут волны и одна унесет в море, кто узнает, о чем ты подумал,- тут же уход в сторону,- и ты, кажется, читала

(Лейла не читала, станет она время на сочинения Аскера тратить!), ни сюжета, ни характеров, роман-эссе, чтоб скрыть незрелость, так нет же, ему надо фотографиями увлечься, выставку пробить, ездить с нею по городам, и вот, еще сняться в фильме, сыграть роль легендарного борца против тирании!"

"Копирует".

"Кого?"

- "Забыл? Он даже к нам ТУДА (это на чужбину) со своей выставкой приезжал!"

"В оздвиженского?"

"Ну да! Как здесь, так и там".

Ни то, ни другое, ни третье, и Лейла не догадывается, хотя могла бы сообразить: Аскер Никбин похвалил Джанибека, две строки - да еще какие! - о нем в поэме: "Наш голос доносится с вершины горной..." (читай: Джанибек вознесен, и слышится его голос из самых-самых верхов).

"Может, беден мой свояк, деньги ему нужны, а?"

"Всем деньги нужны".

"И сын его, как зовут? Да, Агил, Умный!.. (Это он лепетал, тыча пальцем в Расула: "Говорить по-нашему не может!", а отец сыну негрубо: "Эшшей!")"

"Но что ты знаешь об Агиле?" - упрекнула Лейла и задумалась: непонятный у Айны сын, и сестра переживает: "Наказание, а не сын!" - каждую минуту жди от него подвоха, тут еще институт бросил (какой?) и подумывает... но о чем?

"И этот,- перебил ее думы Расул, взявшись за нового свояка,- Махмуд!"

Недавно устраивали смотр местных обозревателей, вышел победителем: вырядился Махмуд, как петух, да еще телекраски, и через фразу: "Новое время! Новый стиль!.. Как отметил Джанибек Гусейнович..." - Все как будто должны знать, кто это такой, а он всего-навсего запра,вляет КамышПромом (добавить бы: аббревиатурным),- хоть и разветвленное, но ведомство, каких немало (то ли шестнадцать, то ли пятнадцать), как будто только сейчас узнали про эти самые камыши - их легкую прочность, полую несгибаемость и универсализм, и сыплет Махмуд загадками, уповая на наглядное пособие (и кий в руке, указка), где крючки-закорючки, многоцветье прямоугольников и ромбов, отчетливо воспроизводимое телекрасками, а меж фигур - стрелки, волнистые линии и пунктиром, связи и подчинения: прямые и косвенные, пирамидально-иерархические и бесконечно параллельные, непосредственные и, минуя, так сказать, опосредованные.

- ... шар на двух шарах,- это Расул о Джанибеке. Стоямя снежная баба, а лежа три нуля, Длинная Рокировка, поставленная на попа,- хохочет Расул, а Лейла впервые эти слова слышит, про нули и рокировку.

Да-с, Расул не успел вовремя рокироваться, уйдя в надежную крепость, и застрял в центре майдана (так о Расуле говорил Хансултанов)

- Что ж ты умолк? Давай и о третьем свояке!

- А что? Могу и о нем, нашем семейном академике! Наплодили, чтоб никому ни в чем не уступать, чины как панцирь!"

"Или завидует?!" - подумала вдруг Лейла. Слышала однажды, как Айша об одном из бывших чинов говорила: "Критикует, потому что в опале!" Но Расул ведь...

- О боже! - вздохнула Лейла.- Но зачем тогда едешь?

В самом деле, зачем? Поглядеть, как свояки преуспели? Но каждый будет ему рад, ведь гость. Или как неумны свояченицы? Ничем как будто не обидели, а если что и случилось - давно быльем поросло. Внимать любимцу своих сестер Бахадуру? Чертовски самолюбив, и не поймешь, искренен с тобой или подыгрывает. И слышать охи и ахи Айны о сыне: "Агил меня в могилу сведет!.."

Может, едет воевать с Джанибеком (??)... А ради чего? К прошлому нет возврата. Или

упреки Азии, как бывало прежде, выслушивать? Уже забыто, кто из них говорил: то ли он Азии, то ли она ему:

"Легко замечать изъяны у других. А ты Начни с себя".

Начинать было некогда, да и как? Включен во всевозможные связи и отношения: прослыть чудачком, и чтоб шуточки в глаза и за глаза? Подставлять бока нельзя, и отказываться от благ глупо, не так будет понят, да и надолго ли хватит,- как щепку выбросит волна на берег, будто не было тебя вовсе. Вот и расшифруй, что к чему. А шифр простой - единая по державе кровеносная система подношений: от кого-то к тебе, а от тебя - дальше, и так до самого-самого верха. Перекрыл канал - стал помехой.

- Да, да, очень прошу тебя, Лейла, никому ни слова (о его поездке).

- И хорошо,- согласна Лейла,- пойдут пловы, потеряешь форму.- И еще раз ему косвенно напомнить, чтоб не забывал: "Посмотри, каким я сохранила тебя: подтянут, ни грамма лишнего жирка". А сама раздалась, хотя в последнее время стала за собой следить, вечером не ест, по утрам бегаёт в соседнем лесу, подобралась какая-то компания, "не волнуйся, женская", и в ванной весы, на которые дважды та день становится, просит Расула посмотреть, самой трудно пригнуться: вес пока стабильный, но скоро пойдет на убыль, убеждена Лейла.

Расул сидит в кресле, а Лейла на диване, шьет из лоскутков платье своей кукле-красотке (дочери шаха?), на которой возмечтал жениться плешивый. И Расулу почему-то кажется, что Лейла непременно сошьет куклу, похожую на Бахадура, и они будут рядом: красотка и плешивый, он умен, смекалист, вырвет и принесет ей в дар яблоко из пасти огнедышащего дракона.

До Бахадура не добрался, ни разу не назвал его имени. Носятся с ним сестры: а как же - продолжатель их рода, богатырь Бахаdur!.. Лейла в свое время настояла, а Расул уступил, перечислил с книжки на имя Бахадура энную сумму, так, символический жест, могли обойтись без их вклада,- коллективный дар зятьев, зеленая "Волга", по случаю... А случаев накопилось много: четверть века - и блестящая защита, а прежде два диплома и заметка в газете, и еще раньше золотая медаль (когда только успевает?).

Впрочем, не вспомнил и о племяннике своем, вычеркнул его из памяти, не родственному это, но таким уродился Расул, ничего не поделаешь.

- И непременно зайдешь в старый дом, да? - С чего бы вдруг? - А может, поживешь в той комнатке, где родился? Кстати, она сейчас пустует.

- Откуда ты знаешь? - удивился, и уже фантазия разыгралась: может, занять ее?! "Здесь родился..." (??) - негде только прибить доску. Возле парадного входа? Но он запылился, и дверь заколочена. Или под балконом-фонарем? Но кто там увидит? Даже сам удивился, что такая мысль пришла ему в голову.

А потом Лейла сказала такое, что иллюзии сдуло, как пушинку ветром, очевидно, долго вынашивала: о его отце! Ну да, ведь и он слышал, как соседка приходила к ним, старая, но легкая на подъем, каждое лето то в Карпатах, то в Карелии, даже на Иссык-Куль летала, чтоб с "нашим Гей-Гелем" сравнить, как бы невзначай заметила: "Расул, а комната твоя пустует, никто ее не занял".

- Не сказала тебе соседка, какие слухи ходили в вашем доме, когда отец твой умер?

- Иванна?

- Да... Совсем не от того, о чем ты рассказывал.

- Опять какие-то глупости?

- Болезнь у него объявилась неизлечимая.

- Ну да, заражение крови. Я же тебе рассказывал, ранили в перестрелке, за знаменитой бандой гонялись, как его?..

- Марданбек? - и такой взгляд!!

- Вот-вот, я же рассказывал! - И умолк, он не раз говорил Лейле и даже в автобиографии, в скобках, правда, из года в год указывает: "Отец Салам Саламов погиб в борьбе с бандитами".

А Лейла не спеша и отчетливо:

- Потому и гангрена, что болезнь неизлечимая.

Ну вот, поговорили!

- А ты верь всякой чепухе! - Вспылил и вышел. До чего люди падки на небылицы! Кто-то новую сплетню о нем пустил!..

Шаг за шагом в который раз Расул проследил последние дни отца. В ушах его голос, сорок лет прошло, а помнит: "Никогда не напьюсь",- просит он маму, и та наливает ему чай в большую пиалу, из которой суп едят, это их излюбленное - в каждом доме! - бозбаш (баранина, горох, лук, картошка, крупными кусками. "Чтоб был бозбаш",- наказывал, уходя на службу). А потом подзывает Расула, градусник ему велит стряхнуть,- выскользнул из рук, а ртуть меж ворсинок ковра, а что дальше - провал.

Из больницы привезли мертвого, и гроб посреди комнаты на том же ковре. Приоткрыли край савана, обнажили лицо.

"Поцелуй отца в лоб",- мать все слезы выплакала, голос огрубел. И Расул несмело подошел, нагнулся и поцеловал в холодный отцовский лоб, влажный (оттаивал!).

Уже после похорон появилось траурное оповещение в газете, мать вслух прочла, и имя Расула тоже, странно прозвучало в пустой комнате, где только ковер, занимающий весь пол,- "незабвенного сына, мужа и отца Салама Саламова...", бабушка еще жива была, газета потом куда-то исчезла с другими бумагами отца.

Это их стремление, Лейлиной родни, принизить! Мол, и род его никудышный, и отец! А чуть что, вознести свое. Недолго повисели рядом его отец Салам и дед Лейлы Кудрат-киши. "Ну да, ведь вы - Аббасиды!" - шутил Расул. А сам не гордился разве?! Особенно их дедом, это ж начало начал их взлета, в любой книжке прочтешь о нем и в музее увидишь фото, и экскурсовод расскажет, как неистово бился, и это сушая правда, опытный, закаленный и вспыльчивый сын пастуха Кудрат Аббас-оглы, оттого и все они Аббасовы, с заморскими интервентами, как о том напишет и Аскер, а потом вручал ультиматум тогдашнему национальному правительству (вернее, присутствовал при вручении).

"Кто к нам примкнет, того и вознесем",- говорила Айша, оглядывая зятьев.

И вдруг пробила все толщи и вырвалась наружу мысль из далекого прошлого, сначала вроде бы игры, что у Расула - другой отец, не тот, кто умер, не оставив в жизни заметного следа, а другой.. Может, с детства отложилось в памяти, а потом знаки ожили? Расул был третьим, двое до него умерли. И после него двое родились - тоже умерли:

"А ведь очень они похожи!!"

Кто ж это говорил?.. Собрались вокруг стола, семейный альбом перелистывают, уставились на большой портрет двоюродного брата матери, вспыхнул ярко и погас августовской ночью, сглазили, сокрушалась Месме. Это из банальных - арест в поезде: отправляют в командировку и на полустанке каком или оживленной станции высаживают (с женой),- ему вышка, а жене ссылка.

Да, ни одну семью участь сия не миновала, и жертвы были в каждом доме, впрочем, и палачи тоже, ведь не обязательно с топором в руке, примитивный дедовский способ, кто-то и топорище делал, вспомнилась притча, бабушка Расула рассказывала, помнит лишь, что спорили в роще молодой и старый дуб, мало их осталось, нещадно рубит их топор. Молодой говорит, жалуется: "Топор жесток, остер, пощады не знает". А старый дуб ему в ответ: "Виноват не топор, а мы. Сила его в топорище, а оно из дуба сделано, наше, потому и рубит так крепко".

Толковала бабушка, смутно помнит Расул, и про палачей и жертвы, говоря, что жертвы -

те же палачи, и они не успели первыми до топора дотянуться, "стульная, говорила, борьба", и стул при этом был для нее чем-то вроде трона или, скажем, кресла (крутящегося?):

- Это борьба за стул, кто кого одолеет, А Месме ей на это:

- Выходит, мог победить и твой племянник?

- Мог.

Месме сердилась:

- По-твоему, нет разницы между палачом и жертвой?

- Сегодня он палач, а завтра он жертва. Но жертва палачом уже не станет.

- По-твоему, что четырехглазый, что твой племянник, все одно?!

- Почему я знаю, что у них там было, когда они дорвались до власти? - Вот какая бабушка была у Расула!..

- Ну тебя!..- Месме уходила от ссоры: мать не переубедишь.

Расулу, помнит он, очень хотелось походить на дядю. Выискивал, глядя на его портрет, сходство с ним: нос? брови? лоб чуть выпуклый? А вдруг правда, думалось, что он и есть его отец?

- Где ты собираешься жить? Надеюсь, не в гостинице?

- Почему бы и нет? - любит с ходу возразить, но согласен, молва молниеносно распространится: "Расул-муэллим приехал!" - покоя не будет.- У нас поживу.

- А как же? У Азии разгар полевых работ...

И умолкла.- Ревность? С каких пор?! Старое чувство, она давно изжила... но кто о том знает? Иногда пробивается.

Жаль, что Расул не взял у Лейлы ну хотя бы усы или те же густые брови, которые легко приклеиваются; но довольно и больших защитных очков, или парик мог взять, Лейла привезла из поездок их немало, всевозможных оттенков - и седые, и жгучий брюнет, и блондин, и огненно-рыжие.

Когда прощались, Лейла прижалась к Расулу, зря она затеяла разговор о его отце,

- Прости меня, Расул,- шепнула. И за отца, как понял Расул, и за то, но не может предположить, что случится, когда он уедет, скорее бы остаться наедине с собой, разобраться: увлечение? страх перед уходящей молодостью? или вдруг вниманье, какого не знала, и что-то в ней неведомое самой открылось? а у Расула ком обиды застрял в горле, еще чуть-чуть бы Лейле не отпустить его, не отстраниться, как думает Расул за Лейлу, малую малость еще, чтоб тепло свое передать, как это прежде бывало, но холод и от рук, и от взгляда, и оттаяла бы обида; но все реже и реже возникает ответное чувство, и разъединились, прячут друг от друга глаза, ни слова перед' прощаньем, скорей бы.

То есть как это их самолет не принимают?! Вылетели по графику, и за час погода расклеилась?

Впервые с ним такое, чтоб не принимали. А то проведут отдельно, где-то в стороне стайкой сбились люди, ив первый салон, до посадки еще. Уж не интриги ли? Мол, вы покружите, пока не узнаем, с какой целью Расул к нам летит (?). Чепуха всякая в голову лезет.

Самолет кружил долго: топливо сжигает или место ему для посадки расчищают? И сел в неведомом городе, такие шутки погоды: штиль, и вдруг норд черные тучи пригоняет!..

Убить время, но как? А вот и она!.. Заметил ее, когда багаж сдавали (привычка: кого-то, кто приглянулся выделить из массы), медленно двигались к весам. (А как было: вещи сданы кем-то, кем-то будут получены, и в номере гостиницы ждут хозяина.)

Съежилась, в чем только душа держится. В ресторан?

Накуруно, гарь! Покрутился у киоска, глянецовые обложки, значки-сувениры, а вот и сосед, что бубнил о каких-то животных, которые-де, "чуя близкую смерть, возвращаются умирать на родину"; что за родина у животного?! "Туда, где появились на свет". А тут стало трясти - ощущение взмахов крыла, оторвется еще!..

И как долго будут торчать в незнакомом городе?

Снова она! Он долго смотрел, как она удаляется не спеша. Вот и опять: стоит чуть боком к нему, это сочетание смуглости и синих глаз, изучает расписание, вот-вот обернется, почувствовав его взгляд,- нет, не обернулась.

Встал к справочному окошку, множество вынужденных посадок и задержек. Экономия горячего? Давно не приходилось становиться в хвост очереди, когда же в последний раз? Не вспомнит. Неужели только в годы войны? Когда за керосином. Или хлебом.

Лететь, ни о чем не думая, не надо выступать, отвечать на приветствие и не упустить из виду ни того, ни другого, есть определенные блоки, ритуал... А здесь расслабился, никаких забот. Кто лежит, кто всей семьей расположился, дети, узлы, едят, пьют, гигантский зал, гудящий и беспокойный.

Сон в руку: трибуна-вышка!..

И вспоминает тихие комнаты, мягкие диваны, цветы в вазах, и кто-то, тонкие длинные пальцы, наливает в фужер шипучую воду, и телевизор сам по себе, в пустоту, почти не выключается. "Вам какое? Белое или красное?"

А там, куда поехал, вырвавшись тогда из тупика,- быть начеку постоянно; гляди в оба!! и дома, как на службе! непринужденная светская беседа, но каждое слово надо прежде обкатать; и отовсюду: диверсии, взрывы, похищения, мир помешался на терроризме, а здесь мирная очередь в окошко, спешить некуда, и ты знаешь, что тебе скажут: "Ждите!" Ну вот, уже дерзит! "А нельзя ли повежливей?" - "Вот еще, учить будут!" - "И учить, и приучать!"

Да, взвоешь. Все в окошко: "Когда же?!" Блондинка в форме, и на петлицах крылышки, как у ангела, который будет парить над ними. Готовый распластаться и взмыть ястребом, чтоб камнем пасть.

Так расслабился, что вздремнул. "Объявляется посадка..."

Нет, не им. Очутился, гонимый потоком, у буфета. Переселение народов, миграция!.. Словно беженцы, которых перевидал немало в той далекой стране, куда уехал, вырвавшись из лап Джанибека. У нас их, слава богу, нет. НО БУДУТ, подумал, глядя на очередь (и думая о делах Джанибека). Кому бы бросить клич разнесут в два счета. Будет и ТЕРРОР, и все то, что перевидал, КОПИТСЯ И ЗРЕЕТ в ожидании иных времен. Кто вечен из тех, на кого опирается Джанибек?

Два огромных самовара.

"А, и вы здесь!" - улыбнулся, и она приветливо ему кивнула. Орудовали две женщины, одна разрывала пакет с растворимым, а другая /из чайника наливала кипяток. "В гости или командировка?" - "Была в гостях" Примостилась на широком подоконнике. Вода остыла, что ли? А бывало: только на дне, всего два-три глотка, но зато сразу жар по всему телу.

"Объявляется..." Их самолет!

Ясное небо, а почему не принимали? И в самом деле: ни туч, ни ветра, ясное, чистое небо. Кажется: давно это было - его догадки насчет задания выведать, с какой целью Расул сюда едет. А ведь непременно отыщется человек, который узнает его, и сплетни пойдут.

"О, кого я вижу! С приездом, Расул-муэллим, добро пожаловать!" - и с трудом сдерживается, чтоб не спросить: "А по какому это случаю?" И, не дожидаясь ответа, закивает головой: "Ну да, понимаю, понимаю..." - а понимать-то, собственно, нечего. "Нет-нет, что вы, непременно в моей машине!"

Ни одной знакомой души. И даже ее нет. Высокая тачка, их рейс, доверху набитая чемоданами, толчая, найти и вытащить из-под груды свой, раскидав другие. "Нельзя ли?.." Кто-то бросил насчет "собственного самолета", ну да ладно, что вязываться? КОВРОВАЯ ДОРОЖКА ОТ ТРАПА И ДО КОЗЫРЬКА, ВИШНЕВЫЙ ЦВЕТ И ПОЛОСЫ, КАК НА БРЮКАХ, И МУЗЫКА. Надо ли об этом? Нет-нет, почетных караулов не было.

"Это мой чемодан!" - Ее голос!

"Да? - И свой взял: два одинаковых! - То-то я подумал, какой тяжелый... Я шучу, что вы!" И они пошли к стоянке такси. "Нет, тут уж я настою на своем!" и усадил в машину, а таксист развернулся только и - стоп!

"Потеснимся!" - И цифра астрономическая на счетчике: ну да, не выключается ведь, а какая выгода?., привыкай!

А ведь было: гости по машинам, бархатные сиденья, и не знаешь, куда цветы положить, и пьян от аромата слов, и музыка льется из приемника, специально будто к их прилету, и машина бежит, и всюду - до последнего дня - четко поставлена служба.

"...мне здесь, спасибо",- и ушла, испарилась будто.

Где-то живет, и нет ей дела до него.

И дом, где прожиты те два года (и тридцать семь дней... нет, без подтекста: день за днем сосчитал!).

В раме на комод, как вошел,- фотография матери, ее не было прежде, укор будто: "Ну вот, и проводить меня не приехал".

Жилой вид, как при Месме,- тот же чайник с фиалками, та же пузатая жестяная коробка с чаем, усатый индус в обнимку с краснотубой индуской, родинка на щеке. И на стене - портрет отца: Саламу Саламову почти столько же, сколько его сыну. Усталые глаза. Асия изредка наезжает из деревни, оттуда им звонит.

"Эх, в деревню бы! - в трубку ей как-то Расул.- Парного б молока попить день-два!"

"Что? - хохочет Асия.- Много лет назад был бунт коров, перевелись!" - И письмо ему, вроде пояснения: "Пришла корова к дому, мычит, чтоб хозяйка подоила, а та в клубе кино смотрит, "Лимонадный Джо", и взбунтовались коровы: да и некогда возиться с ними: до порога вся земля камышами засеяна (шифр?), ведь такие нули!! Всем народом собираем". Автобус два часа туда, два обратно, а там еще полчаса под палящим солнцем или проливным дождем.

Тихо, полутьма в комнатах, выходящих на глухую улицу. "Что ты будешь делать?.." Тусклое зеркало. И будто Месме ему: "Седые волосы у тебя появились". Прежде, бывало, придет - и сразу матери: "Ну я пошел, у меня столько дел!.." Постоял перед зеркалом. "Хочу по родным улицам пройтись". А с каких пор ностальгия?.. Как будто не мог раньше приехать (а ведь волнуется!).

И правда: что ни год - все это последнее время - ему предлагали. И по линии профсоюзов, и еще каких-то учреждений, даже из целлюлозного (!!)- комбината,- ну вот, пошли новые аббревиатуры (и рад, что проскочило, не заметили), да-с, целлюлозного комбината, нарочно чтоб напомнить о ведомстве Джанибека (отличная из камыша бумага, с водяными знаками), на очередной, три Ка, Континентальный Курултай Камышологов,- крикливый парень самовлюбленно стрекотал (новая аббревиатура?), на грани катастрофы, мол, если Расул не поедет, катил готовыми блоками; знатные земляки, восседающие в центре, здесь все на учете, особый список. А однажды из писательского союза, может, старший свояк Аскер Никбин посоветовал, позвонили, вылетела из головы фамилия, не раз с ним прежде встречались, помнит только, как жена его ласково Тушей называет, толстогубый; и не жена вовсе, Аскер Никбин таинственно улыбается, а телохранитель.

"Женщина-телохранитель?" - удивился Расул.

Аскер Никбин в свою очередь поразился удивлению Расула: таких простых вещей не понимает.

Да, Толстогубое его фамилия; надоест ей эта роль: или - или, и выйдет замуж, погрузив толстогубого в печаль (и родятся строки, в которых вселенская боль).

А Расул - вот в чем загвоздка! - каждый раз соглашался поехать, а накануне отказывался: занят. И те, кто предлагал поехать, знали, что Расула вычеркнут. Знали еще, что, дав согласие, Расул сам откажется, как подойдет срок покупать билеты. А вдруг согласится?!

Расул понимал, что игра: ни он не поедет, ни там его не ждут, так что нечего охать и ахать.

А сейчас, как приехал, нацепил большие защитные очки - и тут же в старую часть, где жили: как она, цела?

И непременно повторить путь своего детства, с этого и начнет. Но прежде на кладбище! Страшно: прийти - и не найти могилы отца и матери; оно разрослось, кладбище, как город в городе. Надо б с Асией. Без нее, выходит, ни шагу.

Шел - и вдруг - сестра Лейлы, красавица Алия!! Расул встрепенулся, но она прошла мимо. Не узнала! Сначала недоумение, вернуть, остановить, потом обида (?) и - радость: не узнают! Обогнул дом, где восседает в своем кабинете его свояк Хансултанов, уж не от мужа ли шла? и по каменным ступеням поднялся к крепостным воротам.

И этот ход Расула не во сне, а наяву, шел, и на углу, да, да, часто стоял тот на углу, словно столб,- оказывается, все просто, а Расул черт знает до чего додумывался, мучился, это товарищ отца говорил, склонившись над альбомом, где портрет двоюродного брата матери.

"Как они с Расулом похожи!.." - и всякие догадки насчет Другого отца; а вот и разгадка, как Расул мог забыть?! Почему он выжил, а все братья его умирали: чтоб обмануть судьбу, родители "подарили" Расула другу дома и втолковывают ему, пусть он называет того отцом.

"Назови дядю папой!" И Месме согласна, ждет, когда сын произнесет эти слова, чтобы услышал злой рок и оставил их в покое. А Расул ни за что! "Ну, что тебе стоит? - умоляет мать.- Скажи дяде: "Папа"!"

Расул не помнит, сказал или нет, но вдруг появилось к другу отца новое чувство: и чужой он, и близкий, а тот сквозь пенсне, водрузил на переносицу, зрение неплохое, но мода, и за стеклами косой взгляд: сгинул после смерти отца, прервалась связь, но Расул все же видел его иногда стоящим на углу, словно кого-то выслеживает,- вот и теперь он, стоит!! неподвластный времени, а ведь далеко уже за семьдесят; прошел мимо, узкая улица, и тот не узнал Расула; вздохнул, будто освобождаясь от тяжелых дум, и никаких других отцов, сплетни-пересуды!

И старых друзей навестить, мало их осталось, как-то отсеялись они, пока Расул в движении был, кто-то забылся, кто-то укатил на чужбину, а иных нет, пришло недавно письмо от старинного друга, о своих горестях писал, "бессонница одолела, как лягу спать, ворочаюсь, уснуть долго не могу, и не в конкурсе дело" - как дочь в вуз устроить,- "но долго рассказывать, а впрочем, не подумай, что прошу помочь", знает, что у Расула с теми, кому решать, натянутые отношения, захочет даже помочь, вконец испортит дело; и постскрипту в письме Сурена Сурика: "Вчера похоронили Сабира". Читает и глазам не верит: как?! отчего это? Быстротечный рак легких. Тут же позвонил: "Когда?"

Сурен сначала не понял и все удивлялся: "Ты? Расул?! Никогда ведь прежде не звонил". А как узнал, что Расул спрашивает о Сабире, даже сник "Но я же написал тебе". Для Расула те далекие годы, когда дружны были трое - он, Сабир, Сурен (да еще Редди!) - несмыаемый забвением островок, И БУДЕМ ВСПОМИНАТЬ, НЕ ВЕРЯ: была ли когда эта многоплеменная (?) ИСТОРИЯ?, а там, год за годом, длинная череда дней, привычное и обыкновенное, БЫЛО!.. Оттеснились, откинута, разбрелись кто куда, а у Расула с теми, кто некогда занимал его думы, и хождения были - их к нему, особенно Редди, а Расула - к ним, и долгие наблюдения за ночным небом, где горели крупные звезды, и споры о том, что такое бесконечность?..- разошлись пути-дороги: Сурен вкалывал на Морском, а нынче... где он нынче, Сурен?.. а Сабир... Учились с ним (и Суреном) азам истории, кто мог подумать, что она завершится МЕРТВОЙ ПЕТЛЕЙ, удушит всех?., потом Расула со второго курса ДО НАШЕЙ ЭРЫ стремительно пронесла-повела дорога ввысь, и учиться было некогда, от сессии до сессии, а Сабир так и остался учителем. Будто услышала Асия о звонке Расула Сурену, тут же и она звонит из деревни, плохо слышно, помехи.

"Не хотела тебя огорчать..." - кричит.

"Я уже знаю".

"Черствые мы, и я первая, черствые, говорю, черств-вы-е!"

"Я слышу, слышу!.."

"Закрутилась с нулями, требуют, а земля одна!.. Не могу себе простить, что не была рядом с ним..." Странно звучит задушевное, когда кричишь.

Послал Расул телеграмму, выразил соболезнование А жива ли мать Сабира?.. Кажется, он так и не женился, надо было у Асии узнать; телеграмма пришла к соседям-некому читать!

Потом Расул, отложив письмо Сурена, достал последнее письмо Сабира, давно полученное, на которое так и не ответил, и в свете случившегося оно звучало как завещание: "Шел я недавно по Старой Почтовой оформлять свои дела пенсионные (уже? ну да, тот был старше их всех!), инвалиды войны выходят на пенсию в мои годы. Шел я туда и обратно - смотрел на ваш балкон. Помнишь, ты говорил (Расул не помнил), что дом этот похож на корабль? Да, в плавании корабли, а иные причаливают. Навсегда. Но завершение пути - тоже часть пути. Я с улыбкой смотрел на твой корабль-балкон, вспомнил, как я, Сурик, ты и твой друг Редди играли в шахматы, Мы и тогда были в пути, но не сознавали этого. Все же нет-нет и протрубили на дорогах жизни, особенно ты (ирония?), и кое-кто услышал о нас". Напичкан романтикой школьных сочинений. А сбоку приписка: "Чем могу быть тебе полезен? Может, прислать наршараб? Небось давно не ел осетрину на вертеле!" И о Редди забыл Расул, а именно с ним в отрочестве мечтал о кругосветном путешествии к мысу Доброй Надежды. Редди-Реджинальд, один за другим в школьном журнале: Саламов Расул и Сандгрэн Реджинальд, из шведов, что ли, где он нынче? Дед его еще до революции был послан сюда чуть ли не самим Нобелем прокладывать первые трубопроводы, по которым нефть перекачивалась с промыслов прямо на заводы в Черном городе, и копать заволакивала небо (и один за другим дома-красавцы возводились в городе).

Да, иных нет, другие забылись, третьи ушли... Но прежде Расул пройдет по Нагорной улице, здесь все и произошло: его первая любовь... Сделать крюк и выйти к Нагорной сбоку.

Шел, шел... сейчас будет тупик, а в глубине лесенка, вела прямо к Редди, может, заглянуть?.. Но ни тупика нет, ни лестницы - сквер, фонтан. Будка справочная. Попробовать найти?..

"Кто-кто?.. Напишите, пожалуйста,- протянула листок, а потом по слогам произнесла, позвонив куда-то: "Санд-грэн Ред-жинальд". Нет. Никаких данных нет".- И косится с подозрением, закрыв окошко.

Эта тяга к моно (национальности?). Скоро ни одного ИЗ ДРУГИХ не останется. Погубит это нас, как губит соседей. Но ТЕ с выходом на весь мир, а мы?

Редди... Пришел бы, а о чем говорить? О детских мечтаниях? Он наяву совершил эти кругосветные путешествия, но на заветном мысе так и не побывал, Реджинальду и не снилось. Хотя как знать... Может, и Редди о нем так думает, жалея его, в каком-нибудь Лас-Вегасе или Батон-Руже, на берегу Мексиканского залива?..

Или к Сурену б пришел? К Сабиру, если был бы жив.

"Ээ..." - Сабир сморщил лицо, когда Расул размечтался, накануне взлета. А следом, будто сговорились, Асия:

"Действуй!.."

Легко сказать: бороться!.. С кем? Как?.. Он сам - ИХ частичка. Протестовать? Идти на площадь с кучкой демонстрантов?.. Асии кажется, что Расул знает, что делать, но притворяется.

"Тебя учить?!" - изумленно спрашивает Асия, и Расулу не остается ничего другого, как сказать свояченице:

"Но надо в таком случае начинать с нашей семьи, с нас самих!.."

"И с тебя первого!" - бросила Асия, и он решил, что в Асии заговорило чувство рода,

сестер жалеет.

И вдруг, а Расул каждый раз, прежде проходя по Нагорной, вглядывался в это окно, самое угловое, в старинном доме, второй этаж, а выше пятого в новом напротив, и не узнать улицу!" резные камни, окно вдавлено внутрь, высокое, с двойными ставнями, такой широкий подоконник, что можно, подобрав ноги, улечься,- и вдруг, даже не поверил сначала: на" подоконнике горит настольная лампа! без абажура! горит ярко-ярко!.. Снял вспотевшие очки, стало жарко, да, да, все, как тогда,- горела лампа!! И он вбегал в парадную дверь, мраморные ступеньки и пыльно, ибо ходят не здесь, а со двора, вбегал на второй этаж, и она открывала ему, и никак не рзнять их.

"Подожди, не спеши, они надолго, две серии!" - и сама истосковалась, "надо лампу потушить", и миг наступала темнота, а однажды тут же, на подоконнике, "постой, мне неудобно"... "Я, кажется, мышцы,- побаливала потом нога,растянула".- "Здесь?" - "Да, больно. Тут потри... ой!... нет-нет, еще!" Жениться?

Даля не заговаривала, но ждала. Да, лампа, та самая, на высокой ножке! и без абажура!!! Померещилось?! Снял очки - нет же, горит!.. Еще день, светло, а горит! Как в последнюю их встречу!.. Надел очки, и дом показался не розового, а голубоватого цвета, и улица, убегающая вниз, как голубая речка... Четверть века прошло, да и люди другие здесь, а может?.. И такое вдруг нетерпенье!! Оглянулся - никого. И тут же в парадную дверь. Открыта!.. Какой-то смрад, быстро пройти, еще пролет, мраморные ступеньки, пыль, остановился, прежде не дышалось тяжело.

И вдруг за дверью шепот: "Ну иди же". Не ему!! А уйти не может. Это безумие!.. Но ведь готов был! Вдруг поднялся, а за дверью - Даля?!

Потом дверь парадного входа отворилась, высокая, тяжелая, резное цветное стекло меж железных решеток на двери, и вышел, озираясь, парень, очень знакомый. Расул растерялся.- Бахадур?! Любимый брат шести сестер!.. Тот быстро сошел вниз, а Расул никак не уйдет. Или обознался?! Ну вот, уподобился ему, другу отца.

Как же звали его, косые глаза за стеклами, выслеживал кого-то... "Назови его папой". Дикости: подарили, чтоб обмануть судьбу...

Надо уходить, но все же напоследок оглянулся: а вдруг выйдет оттуда еще кто-то? Долго-долго никто не показывался, потом медленно открылась дверь, выглянула снова, очень знакомое лицо! Выскочила и быстро пошла вниз, следом за тем, кого Расул принял за Бахадура. Кого-то напоминает, но кого?

И остановился, ошарашенный: "Никто не поверит! Чтобы дочь Джанибека!" Даже очки вспотели. Нет же, обознался! И парень не Бахадур, и она не... как ее зовут? Все оттого, что постоянно думает о Джанибеке! А что? - развеселился даже, легкость в душе, почувствовал. Взбредет же такое в голову!..

Да, поистине династия, если к ней еще через дочь ту ветвь привязать, джанибековскую!.. Вот и пойдя к нему: "Хочу на дочь твою взглянуть, она ли это была, шла со свидания. С кем? Так тебе и скажу!" - хохочет, а Джанибек зовет дочь: "Аня!" Ну да, Аней ее зовут, сокращенно от какого-то старинного восточного имени, чтоб и это узнать, надо в паспорт взглянуть. "А кстати,-спрашивает отец у нее,- где твой паспорт?"

И породнимся!..

Снова посмотрел в окно: лампа была потушена. Может, все же подняться? "Извините, здесь не живут?.."

(Потушат лампу, накроют абажуром и закрепят тяжелым бронзовым винтом.)

Только завернул за угол, как вдруг - она! та, с которой летел сюда.

- Вот так встреча!

- Извините,- опешила,- но я вас не знаю.- Расул тотчас снял очки.- Сразу не узнаешь,- улыбнулась.

- А я и хочу остаться неузнанным!.. Вы разрешите?-. Снова надел очки.Хочу погулять по родному городу без соглядатаев.

- И я вам помешала?

- Что вы, я очень рад!.. Вы куда-нибудь спешите? - Смотрит: заколебалась.Может, составите мне компанию?

- И они пошли. Спустились к бульвару, мимо филармонии, откуда открывался вид на бухту, похожую на гигантский ковш созвездия Семи Братьев, и повернули направо, по самой кромке моря, широкая Хазарская набережная, куда, как ручейки, стекаются узкие улочки и высится Женская Крепость, или Девичья Твердыня. Сверкает солнце, и море слепит глаза, а впереди, на Кипарисовой Аллее, их не было прежде, высотные дома, не о них ли рассказывала Айша? Два года стояли незаселенные! С боем, а все же въехали: сначала она, потом Аскер Ник-бин, высятся, словно могучие кипарисы (давно их вырубил), дома-красавцы; кажется, в соседних подъездах тоже зятя: Хансултанов и Махмуд.

- Ниса? Такое?..- И умолк.

- Старомодное имя?

- Старинное, я давно не слышал.

- Папа настоял, в честь бабушки. Мне нравится мое имя.

- Мне тоже.- И сразу спросил об отце, но тут же осекся: было у него однажды, увидел в метро (надо и с народом пообщаться) девушку, алые-алые щеки, он улыбнулся ей, и она ответила... очень была похожа на жену сослуживца (чуть что - ревность Лейлы!), кстати, пресимпатичным человеком оказался "земляк" по фамилии Исламоглу, а вовсе не Эльоглу,- а ведь косвенно будущий сослуживец Расула Исламоглу способствовал возмущению Айши, и она сыграла на честолюбии тогдашнего шефа, Устаева: "Там же ни одного из наших!" - иногда на даче, за городом, по субботам и воскресеньям встречаются теперь, и на банкетах, тот "как земляк земляка" - предупреждал Расула: "Слушая речи, ты заранее выбери место и сразу, как пригласят, устремляйся туда и шире локти расставляй, чтоб не вытеснили, так зажмут, что руками двигать не сможешь"; ох и наивен чудак-человек!.. Так вот: смотрел на девушку в метро, и та глаз с Расула не сводит, может, дочь?! или младшая сестра жены Исламоглу? спросил у нее, но не сразу, а после двух встреч, кто отец? кто мать?., а та вдруг закрылась, и он уже не мог вернуть ее прежнее беззаботное состояние, спугнул; потом она прислала ему домой - узнала адрес! - анкету: все-все! и подчеркнула о родителях, да еще, чтоб позлить: "В длительной командировке"; на свидание не явилась, на звонки не откликнулась: "Больше не ищите встреч". Лейла недоумевала: "Почему тебе домой присылают анкету?"

- Отец? - переспросила Ниса.

- Нет-нет, не надо, я невольно! Но она все же сказала:

- Инженер, опресняет морскую воду.

- И как, успешно? - пошутил.

- Очень даже! - И остановилась.

- Почему нельзя к Кипарисовой аллее?

- Можно, но я не хочу...- Шла как-то здесь осенью, и ее не пустили: в глубине парка скоростными методами строился уникальный дом, недавно ее приглашали сюда переводчицей при знатном госте, не дом, а дворец! - Уйдем отсюда! - И они вернулись по кромке моря к Хазарской набережной.

- А что здесь теперь? Комната смеха? Кроме шуток?! Сколько я здесь выступал!.. Сначала клуб, потом Экспериментальный театр, даже детский сад, но чтоб еще комната смеха!..- Расул, был рассеян, отвлекался, вспоминая прошлое. Аналогии с набережной, бульваром, этой бухтой, изогнутой как серп, с дальними странами...

А Ниса молчала. Новый поворот в ее судьбе? И началось все рядом с комнатой смеха -

ее общежитие; приехала сюда, обидев родителей, ни за что не хотели, особенно мать. Ниса настояла на своем. А ее уже заприметили! Тот первый. И так быстро случилось, даже не поняла, что произошло. Удивилась своей послушности, и не было страшно, как расписывали. "А ты не бойся..." Просто обожгло и успокоение.

"Ну вот ты и моя. Моя".

И обман.

А потом его друг. Она была в отчаянии, а он так искренне негодовал!..

И то же самое: бросил.

В те же дни и начались два Расуловых года (и тридцать семь дней!),- по одним, может, улицам ходили Расул и Ниса, оба обманутые (?); но об этом ни Расул не расскажет, ни Ниса.

- Извините, я очень устала.

А потом новая встреча, завтра, после работы.

- Ну что вы, я занята. Отпуск, увы, кончился.- Надо срочно засесть за новые источники; их переводы, компоновка, выстроить связно, чтоб шеф остался доволен и ее стилем, и соединением материалов; и швов чтобы не было видно; суметь составить доклад, который шеф предложит Хансултанову, чтоб тот выступил на Совете Экспертов, здесь и психология (физиологическая, поведенческая, социальная, биологическая, даже парапсихология), и экспериментальные результаты с раскрытием иерархии господства, и Ниса даже слышит, как Хансултанов водит указкой по схеме, нарисованной по ее заказу штатным художником: "Решающее влияние на изменение агрессивного поведения оказывают социальные факторы, однако, как отмечалось ранее, такая концепция не в состоянии объяснить влияния..." - и следуют всевозможные конфигурации стимула, перечень пережитого в прошлом и так далее; рождается солидный документ с обилием источников на языках, кое-что она возьмет из обработанных рефератов, которыми пользовался ее благодетель,- об интересах, определяющих эффективность поведения, и мотивациях, предполагающих действия и дающих им эффективную окраску; непременно подбросит шефу, он очень просит, живой материал, в котором "быть влюбленным" будет отнесено к эмоции, а "любить" - к мотивации, и будут поддакивать, ибо кто признается, что не уразумел, тем более каждый вложит свое и в радость открытий, и в разочарование от неудач, и в счастье понимания, и в тоску одиночества. Впервые Нисе стыдно за эту свою работу, за эти стимулы, импульсы, типы поведения. Вспомнила опять это неотвязное, ТЫ МНЕ ОМЕРЗИТЕЛЕН. - Да, извините, очень-очень устала.

Еще вчера (а может, чуть раньше, когда загорелся идеей поехать в родные края?..) Расул твердо решил: ну вот, я вернулся, я хочу не спеша осмотреться, трезво подумать, и хватит терзаться в ночные часы - не уснет ведь!., стукнуть по столу!., да, взвесить свои возможности и... дать бой? Засели глубоко дразнящие упреки Азии,- начать со свояков... и дальше!..

Нет, это ему кажется, какое-то разочарование во всем, **НО КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДУМАЕШЬ О НЕМ**, вероломство Джанибека!..

И эти дома, набережная, эти улицы, по которым он идет (и тает, тает боль),- по Старой Почтовой, Караульному, Низинной, мимо улицы Колодезной, Шахский Дворец, постоять у Девичьей Твердыни, или Женской Крепости, и выйти, обогнув Фуникулерную и пройдя сквозь гулкий Пассаж, к Овечьей долине, густо застроенной домами, сделав гигантский крюк, оказаться на Нагорной и спуститься снова к Старой Почтовой.

Расул бродит по родному городу, не узнанный никем, идет и идет, радуясь каждой новой встрече со старым домом, старой улицей.

А тут... но что с ним? Бежит на свидание! "Из-за этого ты приехал?" Спешит, волнуется, как давным-давно.

- Я не могла уснуть, думала о вас.- Расул молчит.- Знаете, мне кажется, что я вас знаю очень давно.- Старо, думает Расул, но ему приятно.- Вы так прекрасно рассказывали о

городах, где бывали...- О чем же он говорил таком, что не могла уснуть? "А ведь мне нравится!" - Я не скрою, у меня было ужасное настроение, я даже уехала, чтоб убежать от этого своего гнетущего настроения.

- Так непохоже на вас.

- ^сегодня днем на работе вдруг почувствовала, что все мои ощущения, вспомнила, вы дважды вчера сказали: блажь!..

- Это слово моей жены.

- Да? - И сникла: вот она, реальность - жена! Только разговорилась, как стоп! И он молчит.

- Вы думаете о жене?

Как ответить? "Да, думаю" (??). "Нет, не думаю" (!!). Я ее терпеть не могу. Она замучила меня своей... чем? Высокомерие, свойственное всем ее родичам!..

- Вы не ответили.

- Разве? А я думал, что вы умеете читать мои мысли.- "Повторяешь самого' себя! - Снова Асия.- Ты это говорил мне!.."

- ?

- Вы не поняли, что я рвался к вам?

И ей жарко стало. Непременно случится. И очень скоро. НАДО СМЕНИТЬ СТАРЫЙ ЗАМОК. Тот приходил к ней, когда она уехала. И читала потом его глупые записки.

- В тех высотных домах, на Кипарисовой Аллее, которые вы мне показывали, живут мои родичи, вернее, родичи моей жены.

Она приходила именно в один из тех домов, куда тот пригласил ее, и невольно подслушала, что говорили о ней.

- Вашим родичам повезло!

- Жить в этих коробках?!

- А вы не опасаетесь, что нас с вами могут увидеть?

- Мне было бы неприятно.

- Не любите их?

- Вы читаете легко и мысли других или только мои?

- Увы, меня часто обманывали.

- Но зато у вас опыт!

КОГДА ТЕРЯЕШЬ ВСЕ, ЧТО ИМЕЛА! И НИКОМУ НЕ ВЕРИШЬ. Не расслышала, о чем он.

- ...вы должны меня слушаться, я же старше вас! - Его годы ошаршили бы: почти пятьдесят?! Ну нет, сорок с лишним или сорок, разница в пятнадцать семнадцать лет пустяки. ТЫ И К ЭТОМУ ПРИВЫЧНА. Никому не нужны разговоры, ведь кончится ЭТИМ.

Сейчас она сорвется! "Чего же вы медлите?!" И все кончится! он уйдет!.. Но вдруг вой сирены, и громкоговоритель, и переполох на улице, проехали на большой скорости машины, это сняло напряжение, и Ниса возблагодарила судьбу, что промолчала.

- Хотите кофе? Мы, кстати, неподалеку от нашего дома.

- Вы хотите меня познакомить с вашими?

- Я живу одна. Квартира, правда, не такая, в какой живут ваши родичи, но я ее люблю. НЕНАВИЖУ СВОЮ КОМНАТУ.

В какой же миг? Когда открыла дверь, и руки у нее дрожали, и закрыла изнутри, оставив ключ в замке? Или когда стали сгущаться сумерки. Они оказались рядом, и он ее поцеловал. Что же случилось?! Расул вдруг испугался. НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ. Возникла Лейла.

"Вот почему я уехал!"

Лейла заплачет и, подавив в себе слабость, уже было однажды, бросит ему: "Ты

возомнил, что я тебе верна?!"

Сначала Ниса была Лейлой. И она почувствовала это, в ней возникло желание вытеснить ту из себя!..

А потом звонок в дверь (увидел, что ключ внутри!).

Да, возьмет он тебя, глупышку, к себе, снимет квартиру, устроит на работу, родишь ему богатыря, единственного наследника, а ты... Остро захотелось иметь свой дом, и Расул будет мечтать скорее попасть к ней, к себе, в ее дом, и ни за что не вернется к той! Как могла та отпустить его, разрешила уехать одному, да еще в таком состоянии, растерянного, это ж надо быть слепой, чтоб не видеть!

- Я тебе кофе сейчас сварю.

"...и с коньяком, а у него больное сердце, да и возраст!" Многозначительный взгляд на Расула. А Лейла вовсе не ему рассказывает, но шито белыми нитками, мол, холод его - это остаток сил, а вся страсть - для ми-физической другой. "Позор, в чужом доме! в чужой постели, не приходя в себя! А та, бедняжка, растерялась, не знает, как быть". И ночью, как только она позвонила отцу умершего ("Не станете же вы утверждать, что не знали обо мне!"), покойника перенесли к себе домой, чтобы скандал не разросся, но разве такое утаишь: те, кто выносил,- это раз; плюс шофер, хоть и частник, но раззвонит; плюс соседи по площадке, ибо шум разбудил их, а один любопытный выскочил в ночной пижаме, чтобы поглазеть, да еще дежурная лифтерша, которую хлебом не корми... И уже утром шатер во дворе для угощения чаем, и нескончаемые толпы соболезнующих, хлещет дождь, бьет ветер по шатру, а у входа парни, успели обрасти щетинами, и на пальто прищиплен портрет умершего. Да, повезло, что двор вместительный: лучше не умирать, если негде ставить шатер и квартира невелика, чтоб выдержать людской поток.

"Ты о ком, Лейла? - спросил-таки Расул.- Ах, о вашем родственнике!.. Но это ж было так давно!"

"Однажды так кончит, не ты, успокойся, кое-кто из моих зятьев!"

"Ты имеешь в виду,- съязвил,- конечно же Хансул-танова".

"И не только!" - не стерпела Лейла.

"Ну да, ведь для твоих сестер и я - зять".

Только что дошло до Расула с Лейлой, как Айша спасла честь Алии, прервав очередное увлечение Хансултанова.

Могуч Хансултанов: огромная его спина сутула, и весь медвежий облик устремлен вперед, сокрушит и свалит. Но Аскер, как соберутся, ищет изящные ходы: "Скачет Хансултанов только по вершинам, не опускаясь в низины. Был на Казбеке, а потом - такой гигантский скачок! - на вершину Эльбруса влез. Какой вершиной назвать должность, на которую тебя прочат, а? - шутил при Расуле, это было много лет назад, на даче, все в сборе, и слова щелкали, как орехи во рту.- Гиндукуш? Джомолунгма?!" И на Алию смотрит. Никак она не привыкнет к новому званию, ей звонят, послушают и повесят; а потом:

"Извините, это не домработница Хансултанова?" Крупные инженерные открытия некогда были у Хансултанова, породнился с Айшой, и пошло, и пошло!.. До слез довести может, как заседание: "Встань! Сядь! Встань!" Как с манекенами, а ведь не мальчики тут!

- Рюмку коньяка хочешь? - как Лейла расписала. Неприятно, что у нее коньяк. "Да,- подумал,- сидела, тебя ожидая!"

Вот и впустила бы того, кто звонил в дверь. И Ниса в решающий момент бьет его этой коньячной бутылкой, которую тот принес в свой последний визит (и она прогнала его!). Заволновалась, настолько зрима их дуэль, И ОБА ВЫМЕТАЮТСЯ!

Проверила замок, ни за что не откроет, а потом пошла к Расулу, он стоял у окна, глядя на тихую улицу, и прижалась к его спине, ощутив, с чего бы? нежность к нему. И тотчас отстранилась:

- А теперь я расскажу тебе о твоих причинах.

Он заметил, что Ниса избегает его хоть как-то называть: а как? просто Расул? но годы! или привычное Расул-муэллим? Эти крепкие губы тотчас увянут и состарятся. "А меня зовут Расул",- сказал он, когда познакомились. Не говорить же молодой девушке, представляясь ей, Расул Мехтиевич? Но как вымолвить это слово: "Расул"? Ей казалось, губы покроются волдырями. Живет на свете... Расул! - губы ее горят, щеки пылают, особенно левая, которую он обжег, прижавшись своими колючками. Но прежде надо описать его облик, хотя легче, казалось бы, нарисовать.

Вот и рассказать здесь о художнике, которого однажды привел тот, и у нее возникла вдруг догадка, что неспроста. Ну да, он хотел оставить их с художником вдвоем! Вот подлец!., (а через художника проникнуть в Салон Сальми).

Взяла рюмку Расула:

- Можно я глоток? - И отпила.- Чтоб узнать твои тайны.- И странно: у него светлые глаза, хотя он чистокровных тюркских кровей, чуть ли не из прародины тюрков уйгуров.- Недавно реферировала книгу о древних тюрках для рекламного бюро.- То ли голубые, то ли...- Умолкла.

И Расул:

- Зеленые?

- Остерегайся мужчин с зелеными глазами! У них в душе одно, а на языке другое. Они коварны, жестоки, злопамятны, им ничего не стоит увлечь такую дуреху, как я, и бросить!

- А ты точна.

Так вот о причинах. Сначала никаких причин не было. "Блажь!" - сказала ему жена, а потом, когда он увидел Нису: "Вот она, причина!" - и смутная тревога, не покидавшая его последнее время, испарилась, исчезла.

Эти бесконечные упреки Лейлы, чаще не высказываемые: дескать, у него вторая, в глубине кабинета, потайная дверь, вроде книжного шкафа, и кнопкой открывается, диван, холодильник, и еду на подносе, накрытом белой салфеткой, несут. Скрытая от всех другая жизнь. Она не унижится до придирок, не уронит женского достоинства: "Что же, гуляй себе на здоровье, от сравнений я только выигрываю!"

Вдруг ни с того ни с сего у Расула, все неспроста,- он рассеян, обостренное внимание к мелочам, разговорчив излишне, задает пустячные вопросы с таким видом, будто речь идет о чем-то очень важном, и он видит в ее взоре пытливую внимательность, недоверчивость, и сам не поймет, с чего он возбужден, и чувствует, что ведет себя не так, как всегда, в этом Лейла права... Ну, что случилось? Отступи. Спокойнее. И начни с чего-то, с пустяка, ведь она чувствует, что ты неспокоен, и думает, ищет черт знает какие причины, а ты отвлеки ее!

И он спрашивает чепуху, вроде:

"А какой сегодня день?"

"Ты уже спрашивал об этом".

"Да?"

И снова ее пытливость, а он в роли подопытного кролика. И его раздражает, что она уловила его стремление подавить беспокойство, которое разгорается с новой силой.

"Чего ты придираешься?!"

"Стыдись. Подумай, отчего ты такой странный сегодня. Рыльце в пушку?"

И новый взрыв, он уходит, чтоб побродить по улице, и думает: что же было сегодня? вчера? И губы горят, сухие, изнутри какой-то жар, и боль, резь, чешутся глаза.

"Давай спокойнее,- говорит он Лейле.- Вот я вернулся домой. У меня прекрасное настроение. И не успел я что-то сказать или спросить, как ты вдруг с оскорбительным недоверием изучаешь мое лицо, выражение моих глаз, я же вижу. Что это?! Как будто не с работы я пришел..."

"О боже! Ты думаешь, я ревную?! Кстати, чужих жен для родного мужа не жалко. Но учти!.." Это она уже как-то говорила: мол, не думай, что я верна тебе; чтоб держать в постоянном напряжении? а может, правда?!

Лейла почувствовала, когда дошло до Расула, что Даля вышла замуж. "А ждала тебя",- кто-то внутри шепчет. "Но ведь вышла!" - "А ты оставил ей надежду?" Неприятно, что Даля вроде предала его. "До меня дотронешься..." - вспомнил ее слова. Но светло от воспоминаний, что ЭТО БЫЛО, и лампа, я шепот, пусть недолго, но было!.. И горечь, что Даля не с ним. И годы! годы!., неозвратно ушло, и другой у нее муж, а он забыт.

- Что дальше? - Расул почему-то поверил: Ниса скажет такое, что непременно совпадет. "А вдруг и Лейла там, как и я здесь?" Даже захотелось, чтоб это было, ни ревности в душе, ни боли. "И кому-то рассказывает обо мне".

- А дальше... приехать в город, чтоб увидеть,- она почувствовала его тоску,- камни, булыжники мостовой, и скорбеть, что их залили асфальтом, старые дома, широкие балконы, которые нависают над Старой Почтовой улицей, как ажурные изваяния, а потом,- и это Ниса подглядела, когда они шли по улице,вдруг остановиться перед незнакомым Космическим проспектом в растерянности, не зная, как ступить на него и что откроется за ним, ведь здесь были другие дома, другая улица, шел трамвай,- это он рассказал ей,- номер третий, чуть ли не рыдая, стыдясь своей сентиментальности, а спутница его не менее сентиментальна, чем он, и это их роднит, вспоминать свое детство, когда вскакивали на ходу и ездили на хвосте последнего вагона, свою юность.

"И лампа!..- мысленно перебил ее Расул,- Но это тебе неизвестно!"

- ...и случайная встреча с будущей спутницей.- Расул встрепенулся даже: "Ах, как я мечтал увидеть вас!" - И ее волшебство,- говорит о себе Ниса,будит в нем прежнего Раеула, с которым он, казалось, простился, смирившись с тем, что есть. Кто-то шептал ему ты должен поехать! Какой-то неясный зов. Он так рвался, ему казалось, что это все он придумал.- Ниса запомнила все, что говорил ей Расул! - И город, и дома, и улицы Старую Почтовую и Колодезную, а между ними Караульный переулок, звучащий как песня далекого детства, как гимн ушедшей юности, эти теплые острова, нетленные в вечно молодой душе, что в реальности ничего этого нет, что это плод его фантазии, и он каждый день блуждает по городу, которого нет, ему непременно надо было удостовериться, что город реален, и улицы его, и дома, и люди, это есть, это твердо, иначе чувствуешь себя человеком, живущим только в мире собственных представлений, жизнь кажется ненастоящей, придуманной, жутко стало, он должен воочию ощутить, и в первый день подходил, рукой трогал камни, еще теплые, а потом сдувал с ладони приставшие мелкие острые камушки, даже ногой ударял по тротуару и, оглядываясь, чтоб никто не увидел этого чудака в больших защитных очках, шел дальше, к следующему углу, за которым дом.

Да, да, они с Нисой подошли к дому, где он родился, и Расул замер в смятении:

"Боже мой, какой он стал неухоженный! облезли стены, выбоины во дворе, ямы, вонь, гарь! покривились ступени лестницы, все свыклись, никому нет дела, лучше б не видеть".

"Пойдем, я покажу тебе другие дома,- и Ниса потащила его отсюда, она тоже в больших защитных очках, чтоб никто не узнал, и они долго шли.- Видишь!" Это были высотные дома.

"Но мы их видели, когда в первый день шли по Хазарской набережной".

"Я покажу вблизи, с Космического проспекта,- и повела вверх.- Мы пройдем парком. Смотри!" Остановилась у начала Кипарисовой Аллеи, пересекаемой Молодежным проспектом, чуть искривленной, чтоб вписаться в горный склон, Кинжальной, вернее бы - Сабельной, улицей. Это были высотные дома. "А теперь что я тебе покажу! - По Кипарисовой Аллее пройти не удалось, а отсюда, сверху, с бывшей Кинжальной, они спустятся.- За поворотом сейчас увидишь".

Расул собрался было рассказать, что Ильдырым, чьим именем названа Кинжальная

улица, его свояк, и о трагической его гибели, Ниса вспомнила бы про семь гробов, о митинге, как хоронили Ильдрыма и его товарищей, пустые гробы, но их остановили:

"Простите, вы куда?..- Вежливый молодой человек.- Извините, но сюда хода нет".

Расула взорвало:

"То есть как нет?" - Это дорога в парк. Расул не раз ходил здесь,отчитать наглеца, осмелившегося, и кого!..

Но Ниса потащила его вниз. "Не связывайся! Я покажу в следующий раз".

"Ты о дворце?" - вдруг спросил он.

"Слышал?.. Вот он!" - показала издали.

"Дьявольски красив!" - воскликнул.

Ниса удивилась: "Дьявольский?"

"Нет, красив дьявольски,- поправил ее Расул.- Умеем, когда хотим".

Шайтаным назвали (Расул узнал потом), в честь высокого гостя. Объект особого внимания Джанибека, каждый день - чтоб сводка на стол. И залы - по числу звезд высокого гостя. Но то хорошо, что останется здесь, на этой земле. Отлепится ли название - Шайтаний?..

Здесь некогда был пустырь, и однажды Расул гулял тут с Джанибеком.

"Нет в нас этой твердости, мы еще размазня,- говорил Джанибек, когда еще делился сокровенным.- Чуть что, и слезы. И мнительность изматывает силы, расслабляет, делаемся как воск. Да, легкоранимы, и чуткость развита у нас, как у какой-нибудь твари, чующей землетрясение. А знаешь почему? - И оглянулся, а потом шепотом: - Нам всегда приходилось лавировать меж турецким султаном, персидским шахом..." - И умолк.

"А третий кто?"-спросил Расул.

"При чем тут третий?"

"Сам же сказал: меж трех огней!"

"Царь! Ну, это я к слову. И живут вбитые нам в головы извечные назидания: пришли в мир, насладимся его дарами! и эти бесконечные словопрения, работа вполсилы, не ощущая радости, когда выкладываешься весь, и мускулы твои поют,мол, нам ли тягаться и бежать наперегонки?" - говорит Джанибек, оставаясь и мнительным, и сентиментальным, как Расул; шли и шли, и тот обогнал, где же была ошибка?

"А!.." - махнул Джанибек рукой, ну да: еще не стал тем, кем вскоре станет (и кем не стал Расул), и, бичуя себя, остается мнительным, это неистребимо, и даже ославить, а то и казнить, чтобы сожалеть потом, эти летящие головы. "Эй, где тут палач?!" И палач: тотчас появляется, весь в красном (чтоб кровь казненного не была на нем видна). И в каждом жесте, который подозрителен, каждом взгляде видеть подвох.

"А!.." - махнул рукой, чтоб не думал Расул, что он мечтает о чем-то таком, что недоступно; и говорит так, будто не он сам, а Расул только что разразился монологом против... не поймешь, против чего: апатии или царя?..

"Да брось ты, кому нужны твои сомнения? Ни тебе изменить, да и как? ни мне НАШЕЙ ПОДЧИНЕННОЙ ЦЕНТРУ ДОЛИ, хотя о том я и не помышляю.- ТАК ТЕБЕ И ПОВЕРИЛ, зуд честолюбия. А РАЗВЕ ТЫ САМ НЕ ПОДВЕРЖЕН неумному тщеславию?..Пили, пели, наслаждались, каждый живет, чтобы жить.- И о страстях: - Ах какие мы пылкие, к тому же раннее созревание (а это к чему?), и силы физические, веками ведь вдальбливали: рай, гурии и прочее, опережают, так сказать, начала цивилизующие и мы лихорадочно изыскиваем способ удовлетворения своих страстей".

"Уж не жениться ли вздумал?" - вдруг спросил Расул.

"А что, и до тебя дошло?"

"Не забудь пригласить!"

Уедет Джанибек в родную деревню, где и горы, и степь, и запахи моря, и привезет жену,

ибо предназначено еще отцом, и волю его исполнит старший брат Джанибека - горянку Сальми-хатун, юна, почти девочка, а Джанибек уже успел и взлететь, и пасть, и в сторону на время отойти, чтоб снова начать восхождение,- ныне у нее салон, Салон Сальми, и будет с женой счастлив, как и она с ним,- не мешает мужу, поощряя в нем (без слов!) властолюбие.

"...к тому же предрасположенность к иллюзиям и мечтательности. Так что не трогай, не меняй",- Джанибек ли говорил это?! такую развил активность, что все в недоумении и немного растерялись, чтоб потом ринуться догонять, да поздно, не угнаться уже, ой-ой где сверкают пятки!

И Джанибек мечтает: создать идеальное, такая скука, услужливость, смиренные работяги, и норду надоест дуть, попробуй перемахни через высокую дамбу, врываясь то ли со стороны Волчьих ворот, то ли с Овечьей долины.

И увядают, не познав.

И кларнет поет, разрывая тишину и заливая густыми терпкими звуками улицу, плывя над крышами.

Что тебе не дает покоя, Расул?! Ах, тебе... ну да, выпустить джиннов из бутылок, а как потом впихнуть обратно?., у кого за пазухой бутылка спрятана, у кого из кармана торчит, а кто встал в длиннющую очередь, чтоб протиснуться, маникюр облез, ногти, а ногти!! и эти лица, эти щеки! и чтоб джиннов из бутылок?!

А Расул Джанибека (разве нет?) любит, даже... (?!); ведь и он, как Джанибек, сентиментален, его обманули, приласкав, потом - друзья помогли покинул Джанибека, а вот теперь приехал, может неожиданно нагряться, "О!.." сначала крепко повздорили (на какой предмет? или так со стороны может показаться, что повздорили, а на деле - это изъяснение в любви?), потом Расул, будто снял голову и пожалел, что, увы, не вернуть,- руку протянул Джанибеку, тот сначала не понял, и обнялись,- и тут же выскочил Бритоголовый, много-много глазков, чуть не пристрелили на месте, решив, что... ну как так можно?! негодует охрана,- так обнялись Расул с Джанибеком, что опасались убить, прошив одной пулей сразу двоих, И ОСИРОТЕЛА БЫ НАЦИЯ, ИБО ТОЛЬКО ОНИ ДВОЕ И ЕСТЬ У НЕЕ, ЖДИ, КОГДА РОДИТСЯ ТРЕТИЙ (третий уже родился!), а они, Расул и Джанибек, как одно целое, две спины, одна шаром, другая доской, грудь к груди, и две головы, одна чуть ниже, и это единое диковинное двуглавое и восьми-руконое млекопитающее.

А тут инкогнито.

Прежде Расул вроде б над Джанибеком был, приглашал:

"Тебе (в твоё ведомство) нужны чистые и честные (??) парни? Выбирай!" - и гору перед ним личных дел.

Джанибек был услужлив, скромно благодарил.

А потом, как Расула проводили, взлет и прочее, Джанибек пригласил, ЗАМАНИВ СЪЕСТЬ, чтоб избавиться от соперника, сорвать плод, пока не созрел.

"Кстати, а возвращаться не думаешь?" "А что? - полущутя ему Расул. ОТТЯНУТЬ. ПОСОВЕТОВАТЬСЯ С АЙШОЙ! - Я не прочь, только..." "А я не говорю, что завтра,- прервал его Джанибек, но ликует: СОГЛАСЕН! - Я так и предполагал! Будем вместе!"

("Как же можно отказаться, когда САМ тебе предлагает? И ты знаешь, КТО за ним стоит!..." - скажет ему Айша.)

Да-с, заманил.

А Расул накануне с шефом своим над каверзным документом колдовал, и вдруг шеф:

"Мы эту фразочку иначе! - и азарт в глазах, нашел! - Ну, ничего формулировочка?!"

Так и изошрялись: кто посвежей фразу придумает для верхов, ОТВЛЕЧЬ ЧТОБ.

Вроде бабушкиной присказки, помнит Расул:

"Ай да хитер плешивый! Гончую подзадоривает, кричит ей: "Лови!" - а зайцу говорит: "Беги!"

И Расула так захватил восторг шефа, что он ударился в патетику, тошно потом самому:

"Какое счастье, что под вашим началом, без вас бы!.." - и так далее, фу! противно! А тот разулыбался, потом вздохнул, жалея Расула:

"Да, увы, потолок, выше вам некуда!"

И Расула поразила эта откровенность: бросить все к чертям!! А куда? Как летом: отель, бескрайние дюны вдоль берега и лес сосновый, а Лейла зашла в "Комис", магазин рядом с рынком, нет ли чего экзотического? А он стоял в ожидании Лейлы, и вдруг обрывок фразы, три женщины прошли: "Мы с нею простились на стриптизе в Нью-Йорке..." Что же дальше? Догнать: "Извините, а что потом?" И дурацкая мысль, фантазия разыгралась (а Джанибек задал свой вопрос, вроде капкана, и ждет: "Ну, что скажешь?" НЕПРЕМЕННО ЗАМАНИТЬ): БРОСИТЬ ВСЕ, ЖЕНИТЬСЯ НА... ЭСТОНКЕ! А что? Хутор, дремучий лес, уединение, и речь непонятная, когда каждое слово кажется мудрым и великим, о чем-то вечном, жизни и смерти, и она влюблена в тебя, как кошка.

И парное молоко по утрам. И маслобойка в исправности, давно не пробовал, вспомнил, как выменивали с матерью на ее бостоновое пальто, сшила перед самой войной, очень модное, и на пуховые подушки, два фунта масла за пару, в аланских горах, куда ее на время послали учить детей пастухов.

А ягод столько, что топчешь под ногами,- черника! и грибы! и жар печи, с тебя пот градом, меж лопаток струя, и на губах привкус соли, а ты нанизал на прутик-проволоку крупные упругие боровики и сушишь на зиму, и баня финская, сидели как-то на горячем осиновом настиле полки, и синие сумерки за крохотным окошком, и озеро с прозрачной, как слеза, водой,- выскочил из парной и бултых в эту синюю-синюю воду, а всеумеющая мама (?) Эвы, да, да, именно Эвы-Евы (Лейлы еще нет: пока не переберет все вещи в "Комисе"), ибо ты - Адам, шерсть прядет, свитер свяжет ему, как некогда мать вязала,- тянет и тянет нитку, чтоб потом связать джорабы, шерстяные носки с узорами-орнаментом,- у Расула ноги чтоб не мерзли зимой, когда в школу пойдет.

А вот и Лейла, о ней забыл, это часто у него,- видеть себя холостяком. И молодым. И в сорок лет учиться косить и стога собирать на хуторе. Кругом гигантские валуны, принесенные сюда еще в ледниковый период.

А однажды в пиджаке и тапочках, деньги в кошельке, Эва хватится - нет ее Адама, а он дотопал до билетной кассы: "А можно в Гянджу? Что? Издеваюсь?.. Ах ваша фамилия Ганжа!.. Извините, это чистое совпадение! Что? Нет такого города? Как нет?.. Ну, тогда..." Лейла его резко остановила: машина!!

В то лето Лейла была неутомима, какие-то неведомые ему страсти, пыталась как будто обмануть природу. Ночью вдруг начинает к нему приставать. "Ну?!" И тормозит, и будит, и дыхание горячее. "Ну!!" Будто поженились только. "Не спи!!"

"Что с нею? - недоумевал Расул.- А ты еще мечтаешь о другой!.., эстонке!.."

"Ты холоден,- упрекнула она его, Я УЖЕ СПЛЮ,- как это их море!" И заперлась.

Расул чертовски уставал после подводного плавания меж скал, и чистое ясное дно. Вспышки Лейлы казались неестественными, чуждыми ее натуре. И пытливо разглядывал, предаваясь всяким глупостям, тонких, хрупких, ломких девиц, Лейла для дома, это прочно, а раздалась как!! "Вставай! вставай!" - тянул он ее в круг, и звонкий мяч обжигал ладони; Лейла быстро выдыхалась, и ее ни за что уже не позовешь. "Иди, резвись! - говорила она ему;- Что? Ревность?" хохотала она, и злорадство вдруг в душе, что БЫЛО, СЛУЧИЛОСЬ (мечь).

Как он рвался сюда, к этим дюнам, напоминающим родину, для которой он стал чуждш и куда нет ему дороги.

"Может, ты едешь не один?!"

"Ну, как ты можешь? Опять?!"

"Что ж, поезжай!" И отвращение к нему, что уехал! один! без нее! а она домработница его!

"Ты с мастерами сумеешь договориться!.." Уехал, а ее оставил доканчивать ремонт. И ДОГОВОРИЛАСЬ!! Умопомрачительство какое-то, как в забытии. Кто б ни был тогда, неважно, он ли, молодой мастер, **НО ИМЕННО ОН**, другой ли, их трое было, мастеров, а остался он, и у нее вдруг, и это она помнит, смутная тревога, волнение отчего-то, что **ИМЕННО ОН!**, тяжелая работа была, собирали и собирали, сил уже нет, и вдруг, сама не знает, как это вышло, оказалась, **ТЫ ОЧЕНЬ ХОТЕЛА!** в его объятьях, руки в извести, халат заляпан краской, и газеты на полу, он проворно скинул телогрейку, и она... вспыхнув, оба сгорели тотчас, прогнала его потом. "Вот так!"

Да, да, это было, отвращение к Расулу, что уехал, а ее оставил!.. И однажды, много лет спустя, когда у Расула, чувствовала (??), кто-то есть, чуть не выпалила: "Да, и я тоже!" И такой гнев, Расул не понял, с чего вдруг? И в страхе умолкла, ей показалось, что рушится все, что возведено неведомо для чего и кому это все достанется? И крах, и позор, докатывается до родных, до зятьев-своёв, эти их взгляды!.. "Ты?!" А Расул вдруг, как-то ночью возникла догадка,- надо же, чтоб в голову такое взбрело? отогнал, как и Лейла, то чувство, когда забылась и с нею можно было творить что угодно.

Ее, как мастер ушел, среди ночи стало рвать, все утро выворачивало, и утром как больная, тело болит, никому не открыла дверь, мастера потоптались, ушли, рвало от краски, от какого-то чуждого, сама не поймет, запаха, и в голове неотвязная мысль: "Уж не... Но так скоро?!" И откуда ведомо это чувство, если раньше не было?.. Вскоре снова мастера пришли, **КАК БУДТО НИЧЕГО "НЕ БЫЛО!** И молодой мастер **ТИХ, КАК ЯГНЕНОК**. Да, да, ничего не было (и не будет!). А потом голос' врачихи, к которой она ходила, когда задержка: "А вы, милая, беременны!" "Ну что вы?!" - И страх, это уже после **ХОЛОДНОГО МОРЯ**, груди налились тяжестью, но тревога оказалась ложной. "Я б сохранила!" И **БЕГАЕТ ГОЛУБОГЛАЗЫЙ**. "На кого ж он похож?" - ехидно спрашивает, но кто? А^кер или Хансултанов, чтоб взвинтить Расула. И она даже Расула слышит: "А это не голубые глаза, а зеленые". "Я б сохранила!" Но это уже потом, когда оказалось, что тревога ложная, ничего нет.

А врачиха нахвалиться не может Лейлой, как она опрятна, чиста, сложена, "идеал женщины!" и что Лейла прекрасна, может любого осчастливить, "эластичность и шелк", и от слов ее Лейла тает.

Согласие Расула получено. Уже знают по ту и эту сторону хребта. А тут вот он, ход Джанибека! Расул чувствовал? не даром как назойливое вертелось в голове, и он не понимал: **КАКОЙ ЕМУ СМЫСЛ? ДВЕ БАРАНЬИ ГОЛОВЫ В ОДНОМ КОТЛЕ**, не уместятся ведь! мешать будут друг другу, привязалось - не отвяжется.

- Что? Мелочь? Ничего себе мелочь!

Тебе обещали море, синее-синее, и каравелла твоя следовала по курсу к мысу Доброй Надежды, и белые-белые паруса... хотя случается, и бурлит оно, вспльчивое, как подует норд, и черные тучи цепляются за верхушки нефтяных вышек, но ты на берегу, и каравелла твоя в тихой гавани. Нет, простите: иначе! Согласился на стабильную работу со штатом референтов, консультантов, пресс-центром, телексом, и прочие удобства, а тут нечто зыбкое, как мираж, с бесконечными выездами под стук колес в купейных вагонах, и долгие ожидания, **КОГДА ПРИМЕТ ДЖАНИБЕК**, и по солончакам топать, обходя трещины, дабы ботинок твой не застрял, отвесные спуски и крутые подъемы в горах, что и конь не одолеет, того гляди свернет шею, и конского лекаря, кому имя коновал, но с дипломом и ромбовидным, как университетский, значком, не доищешься.

- Ну да, мелочь,- как ни в чем не бывало удивленно смотрит Джанибек,оказался неожиданный прорыв, студёный ключ оголен, и зной иссушает бесценный родник.

"Ах вы хотели! - слышит Расул, как шеф ему, ведь проводили уже! И помнится, не положено, но повод какой! шампанское пили, и шеф чокался, вспомнив кутабы Азии: "О, вам можно позавидовать! Ах какие были... как они называются, эти восточные пирожки?" - Расул напомнил.- "Да, кутабы! С гранатами!" - И просил передать привет свояченице,- непременно приедет отведать! А потом, вздохнув; "Жаль только,- сказал,- с Шемаханской царевной,и на Лейлу смотрит,- прощаться". Назвал он так Лейлу очень давно, как впервые увидел и поразился ее красоте. Лейла зарделась вся: "А я не из Шемахи",сказала. "Это не столь уж важно, Лейла-ханумЪ - Галантный, знает кое-какие обычаи.

Расул умело шампанское открывает: проволоку открутив, держит пробку, а она живая под рукой, то крепко, а то чуть провоцируя ее стремление вытолкнуться, и слышит, как газ в щелочку "шшш".

- Но не по моей специальности! - взмолился Расул.

- ?? - Это Джанибек.- Разве я по специальности?! Или Правая Рука? Даже и не вспомнишь, какая у него специальность! строитель? но где дом, который он построил; шахтер? но кто укажет шахту-бис, где он вкалывал? целина? но, между нами, неизвестно, кто кого поднял: он ее или она его (спасибо за откровенность) .

Было иначе. Нейтральное. Чтоб никого не дразнить. Вместо целины солончаки (и кто укажет оазис, который он засадил на месте солончаков), а вместо шахтер-ства - новое месторождение, и неизвестно, кто кому обязан взлетом (и опять-таки спасибо за НОВУЮ откровенность). А Джанибек тем временем продолжал, пытаясь опровергнуть Расула:

- А Друг Детства? Он мне как брат, но я разве слеп? и не вижу, на что он пригоден? В лучшем случае чабан, пастух, это же ясно! или...- задумался,погонщик верблюдов, хотя нет, не по плечу! А твои родичи? - Какая память, изумлен Расул, всех-всех помнит Джанибек! Даже о племяннике его вспомнил: дескать, ТАКОМУ поручено учить политической этике арабов (достойны своего учителя!).- Разве занимаются своим делом? Махмуд, чем прочищать носоглотку, изобретал бы себе! А этот богатырь Хансултанов? Ему подковы гнуть, а не в жюри заседать! И поэт!.. Впрочем, он только стихи сочинять и может!

- И прозу,- напомнил Расул.

- Об актерстве его тоже знаю Но Аллах с ним, пусть экспериментирует!.."Аллах" прозвучал как "щут", грех на душу взял Джанибек, ко всем иным прегрешениям, работа такая, чем выше чин, тем значительнее и грехи.- Да я сам, если на то пошло! Разве по специальности? ТЫ БЫЛ БЫ ОТЛИЧНЫМ ТЕНОРОМ. Надо! твердо заявил Джанибек.

И увез Расула паровозик (кукушка?) в тупик.

Он в пункте А, а уже понял, что в ловушке, рвется в Ц (скоро перейдут на латиницу, придется переправить на С, и расшифровывается буква как Центр, где Расул как будто процветал), но минуя Б (латинское В), где восседает Джанибек, неэтично, а на Б, как известно, видимо-невидимо населенных кунктов, и первое, что тотчас вспыхивает в уме,- Баку, хотя (вовсе не в целях конспирации) можно назвать и города иные по схожести судеб и без намеков, Бухару, к примеру, где некогда был эмират и где художники не додумывались, воображенья тогда не хватало, рисовать собственной кровью портрет любимца эмира, или... Благовещенск со скидкой на нацио-колорит, но это немыслимо далеко, а скорее всего, Батуми, с которым Баку связан нефтепроводом, и это вовсе не государственная тайна,- изобретенье ТЕХ времен, когда что-то реальное делалось на этой земле (скепсис, который неуместен).

И слабели старые связи Расула.

Слепили глаза алмазные лезвия гор, пролегающие между реальностью и безысходностью.

И маки в майскую пору атели по обе стороны дороги, связывающей Расула и Джанибека.

Вот и новое слово узнал Расул: "лимон", шифр - миллион (еще вчера были старыми, а нынче - новыми, с тем же количеством нулей, ибо инфляция).

Диалог однажды под окном в ясный осенний день, когда услышишь и писк полевой мышки:

"Сколотил бы себе три лимона,- говорит один другому, а Расул слышит, специально для него,- и в ус не дул. А то как бывает: захотел быку рога выпрямить - и умер".

"Кто?" - спрашивает писклявый голос.

"Что - кто?" - бас, столь редкий здесь.

"Помер кто?"

"Бык, конечно".

"А я думал, тот, кто захотел рога выпрямить!"

И оба хохочут, зная, что Расул слышит их.

"На одном пшене долго не протянешь, а три лимона кое-что да значат!" уточняет бас.

Тут надо ухо остро! Ни жены чтоб рядом, ни кого бы то ни было из родных: лишний человек - лишняя связь с внешним миром. "А это вашей жене, у нее ведь сегодня..." - проверить сначала на безделушке, а потом, когда та привыкнет, и кое-что покрупнее; или пригласят (через жену?), не пойти нельзя, неудобно, и Лейла тащит его, а там на одного условного друга три реальных недруга, втянут в спор, так опутают, что не выпутаешься!

Вся земля до клочка засеяна, ибо нули.

А чем?

На ум тотчас: хлопок. Это на поверхности. Можно, чтоб заинтриговать, камыши, и ведомство, где вкалывает Расул, КамышПром, по части свирелей, чьи мелодии хорошо усыпляют овец, а при них - тихие ягнята, послушные пастуху, у которого свирепые псы-волкодавы, а в руке - крепкая палка, больно бьет.

"Что?! На охоту??" - и такой у Расула взгляд, что у его зама, предложившего отправиться на охоту, развеяться, чуть сердце не остановилось.

Каждый шаг Расула на виду: берет? не берет?

Занимательная этика.

Только б захотеть! Вначале был бы шок, даже электроконвульсивный, вроде удара по голове, потом наступает процесс привыкания, а со временем создается некая модель отношений, и для окружающих твои действия уже не являются раздражающими, и ты - не чудак, а такой же, как все.

Чего только в голову не приходит, когда ты один в саду, где осыпались листья, но солнце по-прежнему источает жар, а у ворот время от времени разверзается пасть сладко зевающего усача: это вахтер скучает, охрана, приставленная к Расулу, чтоб не умыкнули, как красавицу какую, выведать про секреты КамышПром, его сектора и отделы, комиссии и подкомиссии, короче, ЭТАЖИ. Расул взял за правило подвергать свои нервы разветвленной стимуляции и себя на своем участке стимулирует, и на Джанибека, который восседает наверху, оказывает воздействие, бомбит его рации и эмоцио: смотр, фестиваль, вечера (игры на свирели?), месячник (безопасности труда?) и вспышки бенгальских огней, фейерверки.

Даже концертный зал в древней мечети, где выступит, экзотика! Аскер Никбин со своими гостями, среди которых знаменитый поэт, толстогубый,- какая встреча была в глуши: хлеб-соль, а точнее, свежее испеченный в яме чурек, золотистая корка хрустит на зубах, прямо из печки-тендыра, и народный напиток, нет-нет, не спиртное, возрождается шербет.

Игра свирели, лопалась зурна, пели ашуги, встречая гостей: "Твои уста сладки, как шербет..."

Толстогубое думал, что это вино, выпил шербет, и лицо кислое, будто на восточных поминках, где не пьют. Но вскоре разулыбается: "А запах! а запах!"

"Запах у духов,- поправляет его Расулов зам, кому поручено опекать,- а у коньяка

аромат".

Экспрессия, накал. Гость был в ударе, стоял под куполом мечети на своих бесформенно массивных ногах и, чуть заикаясь, читал рожденные в аэробусе ("Меня вдохновили алмазные лезвия гор!") сонеты. "Я ж говорил,- шепчет Аскер Никбин на ухо свояку Расулу,- с шербетом он и двух слов не связал бы!"

Накануне приезда гостей Расул строго наказывал своему заму: "Ни капли! С этим строго!.." - пригрозил. А собственный голос протестует: "Почему именно ты?" И Аскер Никбин, как узнал о запрете, пожал недоуменно плечами: "О чем ты, Расул?! Без этого никак нельзя! Сдался ему твой шербет!"

Когда с помощью Айши и Устаева Расул после свадьбы и пышных проводов уехал с Лейлой в столицу, ибо запрос был (здесь, где им вскоре дали квартиру, не жарко, да и зимы странные - то мороз, то оттепель), поначалу играл роль щедрого на угощения южанина: лилось вино, на скатерти красовались рога, звучали тосты, и непременно пили за "Шемаханскую царевну", случались споры (?), и разом говорили все, а чаще - обнимались, как обычно всюду и везде, и лобызались, клялись в дружбе, а когда в бочонке не оставалось, новые бутылки шли, как витязи.

Но неотступно, помнит Расул, в глубинах глубин мысль-предательница: как будет потом расценена его щедрость? Ибо слышал однажды на службе, как гости меж собой, в перекур, когда трезвые: "Братцы, а откуда это берется?! Ведь факт: не покупается! Ах земляки, ах собственные виноградники!.. Ох, погубит это нас!" (И снова приходили, как позовет их Расул в гости.)

Да, хорошо Расулу нос утерли! И зам, как только Расул обнялся с толстогубым, щека холодная и потная,- сердце? - сказал в пику Расулу: "Я вам свое угощение поставлю!" На пастбище, где ночевали, утром чуть свет на столе дымится хаш, золото так и играет, а мясо, а мясо!.. И тут же музыканты: тарист, кеманчист, певец, который, приложив ухо к бубну, |ел песню на слова толстогубого, строки ломались, врывались в народную мелодию.

Но сначала хаш с водкой. И с чесноком. Гора зелени! А потом форель на вертеле, с дальнего озера привезли.

"Учтите,- говорит зам Расула,- это я вас угощаю! Мой баран, моя форель, мое трио!"

"А питье?"

"Тоже мое! Тутовка! Процежена трижды! Как слеза!"

Да-с, аврал!.. Лейла не сразу приехала к Расулу, он сам просил,- пока обживется, то да се; да и как бросить квартиру, если она даже на сигнализации? Но увидела мужа, ахнула: осунулся!! Однажды надо было фотографию на документ с трудом подходящее выражение нашел фотограф.

Такая жаркая пора наступила, уцелеть бы! Часто сжимает кулаки и бьет в воздух: кого? И аллергия на людей. Вдруг, как нежелательный разговор с замом, который предложил поехать на охоту,- холодеют руки, ноги, болит горло, даже корни волос болят, лихорадка такая, что свалится и не встанет, а отругает кого - и все в порядке.

Ну вот, снова на ковер вызывают: надо держать ответ перед Джанибеком.

- Ты должен выдать тысячу...- Задумался Джанибек, слово ищет.- Ну, камышей! Кровь из носу!

Расул изумлен: "Как он смеет так говорить?!"

Но перед этим Джанибек вынул у Друга Детства голыми руками, как индийский маг-врачеватель, его душу (красного цвета: партийный билет),- и в сейф! Иди гуляй, как чучело соломенное. Чтоб припугнуть, ибо успокоится - вернет (как бы Не так: что-нибудь да придумает, к примеру, аукцион!).

- Нет, не в квартал! - продолжает страшать Джанибек.- И даже не в месяц! Каждый день! Как и откуда ты возьмешь эти...- снова умолк, чтобы вспомнить,да, да,- ему

понравилось именно это слово, привычное уху,- камыши, знать не хочу: сдай в срок, иначе!!

У друга детских лет, он же ББ, испуганный вид: шутка ли - душа в сейфе; он должен был выдать тоже тысячу чего-то необычного, не припомнит никак Расул, а ведь только что слышал! Не железное, а что-то деревенское: шерсть? рога? хвосты?.. Не вспомнит! Кому из уст в уста и с глаза на глаз, кому при всем честном народе, кому письмо с нарочным, а к нему Джанибек неожиданно нагрянет сам, и переполох.

А Расул ему вопросы! Будоражить, взбурлить, врасплох.

Джанибек невозмутим: "Ну, как... камыши?!" (Или: "Но прежде - о камышах".)

"Будут",- отвечает ему Расул.

"То-то!" - И оглядывает довольно всех.

"Но у меня еще вопросы".

"Вопросы,- губы улыбаются, а глаза холодные,- после камышей. Любыми средствами! - И уже мягче, то в жар, то в холод: - Мне жаль вас, но иначе я не могу, поймите! - Всеобщее внимание, и кто-то строчит в блокнот, писарей развелось видимо-невидимо, однажды в этой роли Расул увидел и свояка, Махмуда.- И я выставлю твой портрет на обозрение! Пусть любуются на красавца Расула Саламова! А если! - И оглядывает всех.- А если!..- Умолк.- Ни брату старшему спуска не дам (а ведь поставщик кадров!), ни отцу родному (умер недавно), ни другу детства".- Только что доказал, вынудив душу (и в сейф).

Джанибек тыкает, а ему выкают. Даже Друг Детства. Однажды при стечении народа, когда Джанибек напомнил, что, мол, "мне довелось с тобой прежде бок о бок трудиться",- не уточнил, где и когда, Друг Детства ему в ответ, чуть не плачет: "Спасибо вам (что вспомнили)".

Расул сорвался: и он потыкает! Один на один сошло, а при народе всем существом своим ощутил озноб, прошуршал-прошелестел зал, взоры удивлены, уста разинуты, уши торчком. Нет уж, лучше не испытывать судьбу, решил Расул,неволью избрал! - нейтральное: без обращения.

"А зачем столько... камышей, Джанибек?" - пошутил как-то, когда тот был в добром настроении. И спросить бы еще (или иначе): "Всем в руки, значит... свирель?"

Джанибек удивленно смотрит на Расула: "Нам с тобой доверен такой участок! Алфавитных истин не понимаешь! А ведь ножи,- вот, вспомнил Расул: именно железное - ножи!! и никакие ни шерсть, ни мясо, ни рога! - Ножи,- как бы говорит взгляд Джанибека,- не могут зря \$ежать, ржавесть начнут! Каждый нож должен вырезать,- с паузой,- свирели из камышей, тех, что ты сдаешь!"

И что дальше?! Ну, все станут играть на этих, как их? Свирелях, мысленно беседует Расул с Джанибеком. А работать кто будет?

Джанибеку жаль Расула: слаб!

"А разве ты не работаешь?"

"Я режу... камыши".

"О чем ты?" - не понимает как будто Джанибек.

"Как о чем? О камышах!!"

Абракадабра? Абсурд? Нет, чуть раньше, в столбце словарном сразу после Абажура (!! знает?). Аббревиатура.

И в слове КАМЫШ, где клоунские колпаки, архаровы арканы, мастерски музицирующие манекены (вот и разгадай, кто они: послушные клерки? чиновный люд? аппаратные служаки-службисты? а прежде, коль скоро упомянуты арканы,обуздывать коней, их дикий табун?..), шлемы, шляпы, шапки в придачу к колпакам, шпагаты, шнуры, чтоб укрепить арканы, и даже шпаги для манекенов, когда надоест музицировать и захочется поиграть в мушкетеров,- так вот, в слове КАМЫШ есть Ы, и оно, идущее в ряду букв меж мягким и твердым знаками-шифрами, закрытый, или, как говорили в старину, заповедный,

товар, нечто космологическое с его парадоксами и постулатами, или космогоническое, особая зона за колючей проволокой, к чему Расул не имеет ни малейшего отношения и даже не представляет, что к чему (но если ЧеПе - первый держит ответ).

И все-таки: по всем этим аббревиатурам тащились в хвосте, а вышли в передовые, И ВЫ ДУМАЕТЕ,- с чего-то вдруг почтительно Джанибек,- Я НЕ ЗНАЮ, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ? Я ДЕЛАЮ ВИД, ЧТО НЕ ЗНАЮ. А как с рапортом к сроку?! И лазейка на случай, если вскрыется (сырые ведь, эти... камыши!! поди воткни их снова в землю, чтоб дозрели). И вес за счет влаги, если речь все же о хлопке, включаемом в Ы,- товар ведь стратегический! Ну пожурят; выговор влепят; а кто ж пойдет на скандал?! Кто? Асия?! Ее потом не остановишь, это правда, как поскачет, скандала, по этажам, было уже - дело с купюрами в жестяной коробке, и Джа-нибек отмахивается, дескать, потом! потом! - как от назойливой мухи. Здесь-то Асия при чем?

Ну да, модное слово: сокрытие! Кого-чего? Тайн. А еще? Пашен. Ах, паа-ашен! К тому же еще и орошаемых!.. Никто не видел, как Асия напала (а что толку?). Специально приехала: отвела душу, ничего более. Да, ее потом не остановишь,- вот бы и развернуть, как транспарант или полотнище, восславив активную личность, достойную династии (и эпохи).

- Не драматизируй,- успокаивает Расула Джани-бек, когда в добром настроении и прислушивается; ведь у него как когда: кажется, что из Овечьей Долины только что притопал, довольный видом полей, а порой - будто выскочил из Волчьих Ворот (единственное неудобство - крутой спуск,- шею сломать можно, если не удержишься и грохнешься).

Быть Расулу начеку: чуть что, и накатится на тебя, как лавина, вся твоя откровенность!.. Нотации друг другу читают, любимое занятие - заклинание. ТАМ, куда БЕГУТ,- дело делается (утечка мозгов?), а ЗДЕСЬ закливают: Самый Джанибека, колдун-вещатель - Самого (и его окружение), и в знак особого расположения выпускается волшебник на публику, чтоб ублажал-усыплял ее, Джанибек - кто под руку подвернется, Расул - собственного племянника, и успокаивается, что есть на ком душу отвести, племянник-политолог (арабский) своих слушателей, а Расула закликает Асия, и вот - Джанибек, ибо в минуту, когда захотелось предаться заклинанию, Расул оказался рядом:

- Думать о будущем - роскошь.

- ?..

- Как говорит долгожитель? "Самый лучший день - сегодня". Только сей миг, и ничего больше. История,- это не вслух,- мертвый груз. Да, только сегодняшние дела.

- А потомки?

- Ну вот, ты уже для записи! Память слаба и гнев недолговечен!

- Ну а все же?

- Честно?

- Да.

- Абсолютно безразлично. Одни проклянут, придут другие, которые оправдают, дурное простят и даже забудут, а может, и вспомнят как хорошее, когда неведомому станет.

И пошло давнее, джанибековская страсть: держать и держаться, удержать и удержаться, выдержать и жать, жать, жать. Шум в ушах, и катятся нули-колеса, снова не для записи: для себя!! да-с, и круговая порука, сплелось-переплелось: дети - не дети, и женщины - не женщины, в нулях и наука, и личики румяные, миллионы личиков, ни-че-го.

Скачут всадники-кочевники, одна лишь вытопанная степь, и ветер в ушах. И еще о национальном духе, который ой как силен, его хоть отбавляй, качай - не выкачаешь (как нефть), а гордости национальной ни на грош!..

Откровенная беседа кончилась, как это часто случалось у Расула с Джанибеком, обидой: Джанибек ругал себя, что пустился в разговор "по душам", а Расул - что забылся, вспомнив, как однажды, когда их койки рядом были в палатке, в военный лагерь их повезли,

Джанибек сказал: "Мне снился бог. Говорили с ним, о чем - *не помню. Седой, благообразный, приветливый" (?).

И, чтоб задобрить Джанибека, Расул сказал:

- Помнишь, Джанибек, ты однажды во сне увидел бога?

Джанибек решил, что Расул разыгрывает его. И неделю не подходил к телефону.

"А вы передали, что я звонил?" - недоумевал Расул, ругая себя за оплошность с богом.

Помощник, фамилия чудная: Цезарев, басом,- нет - дискантом: "А как же?" Дескать, смеет ли не докладывать, когда звонит сам Расул?

Асию б сюда, в Расулову глушь. Еще недавно о па-пяти с нею толковали, выискивая созвучия, вроде садов, ставших пустынями, и слой за слоем засыпано-спрятано, и скачут кочевники (это когда Расула на ковер вызвали, к Джанибеку).

- Память? Память бывает, это я у Бахадура вычитала, ассоциативная, увидела я, к примеру, Джанибека, и вспомнила Узун Гасана, Длинного Гасана из династии Белобаранных, некогда славен был. Далее память буферная, которая обновляется текущими воздействиями извне, генетическая наша память еще сильна, а сильнее ее память родовая, долговременная память, увы, не в чести, а нарушенная память - предел мечтаний для кое-кого из тех, кто нами повелевает, далее распределенная, кому что помнить: Джанибеку - о тех, кто над ним, тебе... - на миг умолкла,- о Джанибеке.

- С чего это ты взяла? - возразил Расул.

- Ладно, о Лейле, тут ты не станешь, надеюсь, возражать. Промолчал.

- ...память шаблонная, положено - не положено, банкет - банкетная, ' если ^ "а" - аовая, если "б" - бэовая и так далее,- запуталась,- эйдетическая память, хотя бы здесь точно и ясно!

- А это что?

- Фотографическая! Как глянул на плакат - отпечаталось!

И снова о Джанибеке - у него такая память. Толстогубова пленил: раз услышал его стихи - и уже шпарит наизусть (перед встречей - учил).

- Ты не сказала про историческую (удел мечтателей)... - Обидно, если мертвый груз.

Расул один в доме-особняке, уже осень, двор осыпан крупными желтыми листьями, они горят в закатные часы, и на безлистных гранатовых деревьях, как игрушечные, висят алые, лакированные будто, спелые гранаты. И Зевающий Усач, оберегающий покой Расула. И неудачи с жилым домом, на который были большие надежды. Роят котлован - прорываются какие-то подземные воды, шумят источники. А может,- осенило,- водопад родников?! Забросили стройку, благоустроили родник, назвав "Родником Расула"; а как уедет, сбежит отсюда, назовут "Слезам Расула" (?); почти как инициалы: С. Р.

В первое время, когда в свои приезды к Джанибеку Расулу предоставляли слово, да-с, это он умеет, зал замирал. Молчание гробовое: "А ну, что ты скажешь?" Он сразу в бой, и его риторические вопросы, как бесценные слитки, ложатся целиком в газетный отчет (а прежде - в резолюцию, которая словно покойник: шумят, пока не вынесли, а как вынесут - забудут): "Это что же получается, а?" Или: "Вот вам еще парадокс!" - сыплет этими парадоксами-перекосами. Однажды и о "лимоне" Толстогубое, гость Аскера Никбина, по его епархии приехал,; тот, кого жена-корреспондент ласково Тушей зовет, вот она, сидит в зале, худая, хрупкая, с грустными, как у лани, глазами, обыгрывал потом это слово "лимон" в одном из своих выступлений в огромном спортивном зале, так из него выжимал, давя, сок, эдак, и зерна вылетали изнутри и - в телеаппаратуру, щелк-щелк.

И после Расула - Девяностолетний Старец (да, да, отец шефа Нисы, которой еще нет, не встретила Расулу, вернее, она есть: только что приехала сюда, устроилась в общежитии, чиста, целомудренна, но уже заметили ее).

Старец сидел в зале на специально вынесенном стуле между трибуной и первым рядом, а как дали слово, к нему два рослых парня подскочили, под руки и на трибуну, а старец вдруг

помолодел лицом и звонко бросил в зал, где плотно сидели ряд за рядом и ни одного пустующего места, фразу, как фугаску, и полетели осколки:

"Вы думаете, они искренне аплодируют? Здесь же половина взяточников!" (??)

И - взрыв аплодисментов.

Никто такого не ожидал, а тут еще Шептавший (да, да, и он был здесь) тербит Расула, узнать хочет, с чего вдруг такой шквал?! Не успел Расул сказать, как вытянулось недоуменно лицо Шептавшего, а он передал услышанное Толстогубову, и у того тяжелые щеки вдруг повисли и стали пунцовыми, и Джанибек растерялся - дойдет еще до Самого!! за такое, мало ли что в ведомстве?? по головке не погладят! "Что возьмешь со старика? Ну да, старый камышолог, порвал с родичами-буржуями, революцию делал, как не пригласить? К тому же ему всюду разбой мерещатся!.."

Аплодисменты на каждую мысль: и за здоровье, и за упокой.

И женщина из учетного отсека (с функциями контроля), выступавшая до Расула, говорила б о нем (кто ж не тщеславен?), а не о Джанибеке: "Мы, женщины,- и голос прерывается, грудь колесом, дышит учащенно, астма замучила,любим вас, дорогой (Расул Мехтиевич), не только как главу нашего КамышПрома, под чьим мудрым руководством" и т. д., "но и как мужчину!".

И снова взрыв.

И будут хлопать, пока не установится единый ритм. И улыбка усиливает энергию зала. Иначе нет смысла. Кое-кто и не хлопает, ладонь касается ладони, а хлопка нет, но это неважно, когда ритмичный гул охватил зал, и волны несут свой челн, убаюкивая.

Такая цепочка кандальная (? опечатка: может, скандальная?) пошла потом из-за "искренних аплодисментов", даже до бывшего шефа Расула, который благословил его поездку на кукушке в пункт А, - Расул вырвался в командировку лишь бланк, а на самом деле - за свой счет), именно тогда и решилось с побегом (выскочил из ловушки А и, минуя Б, оказался в Ц), заглянул заодно к бывшему шефу, может, задание какое, совет на дорогу в дальние края, а тот сразу:

"Ай да молодцы! Ну этот, ползала! Надо же придумать!" - лицо еще улыбается, а дыхание нервное, и вспышки в глазах, распустились! Расул промолчал и был доволен, помнит, выдержкой, как и тогда, когда старец бросил в зал.

А старец, будто судьба испытывала Расула, оказался вдруг рядом и вопрошающе глянул на него, силясь вспомнить, где они прежде встречались, как не мог вспомнить и только что отошедшую от Расула женщину, это Айша была,

А ведь пришла и Джанибеку по душе его крылатая фраза (пусть зал трепещет!): раньше о старике и думать никто не думал, а тут вдруг как некролог, так и его имя в ряду других, кто подписал, никто не помнил, что он Азад Шафаг (Азад имя, а Шафаг - псевдоним,- Лучезарный, говорят, из аранцев он) и шел в списке или первым по имени, ибо на "а", или последним - по псевдониму.

"Да, да, вспомнил!" - обратился он к Расулу, хотя тот ни о чем его не спрашивал. "Это ж Айша, внучка знаменитого Кудрата, моего старого боевого друга!.. Ох, память!.."

В тот же вечер и говорили Расул с Асией о памяти,- душа у Расула, как и у старика, жаждала выговориться, а не с кем: Лейла еще не приехала, Асия, наезжая из деревни в город, живет в их квартире.

Об Ильдриме - ни слова. Расул наблюдал за нею эти странности: говорить об Ильдриме как о живом. Сначала они с Лейлой воспринимали это спокойно: ну да, жив, как можно забыть? И здесь - разгадка ее верности Ильдриму. А потом стали тревожиться, и Лейла с Айшой обсуждали эти "отклонения" (Айша) Азии, особенно как стала говорить, что к ней по ночам Ильдрим приходит (когда она в городе). Обсуждай - не обсуждай, смысла нет: кто посмеет предложить Асии выйти снова замуж?! Лейлы (после разговора с Айшой) хватило

лишь на то, чтобы упрекнуть Асию (в свой приезд с Расулом, когда телеграммы на ярких бланках): "Ты совсем перестала о себе думать! Что за вид? Что за пальто на тебе?! Поедем с нами, купим тебе..."

"Шубу?" - перебила ее Асия.

"Хотя бы!"

"Зачем она мне, у нас же холодов, как у вас, нет", а в глазах - презрение, что подачку ей всучить хотят.

Расул был доволен: об Ильдрыме ни слова. Асият словно учительница, это у нее получается, не спеша рассказывала Расулу о памяти, и он опасался, что всплывет имя Ильдрыма,- не всплыло!

Но всплывет, о чем - в свое время, а теперь об Аскере Никбине, который (пока Асия и Расул вели тихие родственные беседы) угощал вечером после торжеств (и нелепой выходки старца, выжившего из ума: бросить в зал такое!..) Толстогубова в духане, что открыли недавно под Девичьей Твердыней, где тягуче пела зурна, а упитанные крепкие ребята несли на подносах завернутые в лаваш люля-кебабы (потом пили даже за старца-правдолюбца, который, как фугаску, бросил в зал свои крылатые слова). И, ухаживая, равнодушный к блондинкам, за хрупким созданием, она же корреспондент, ведь формально ничья! загорается мыслью уединиться с гостями, договориться с Расулом!! в его пункт А, где и пастбища, и озера, и лани ("Вы взглядом с ланью схожи",- говорит он госте, не представляя ее с этим Тушей, тяжелые щеки всегда потные, какие-то болезни у Толстогубова, от которых он лечился в специальном санатории, уже не раз говорили, что вот-вот, но здоров, тьфу-тьфу, завистники слухи распускают).

И уединятся - приедут в тихую обитель, оберегаемую Скучающим Усачом, и Расул им устроит пышную встречу, и домик, белеющий, как сахар, на лесистом горном склоне, и та, ему улыбаясь, и столько надежд связывает Аскер с этой улыбкой: "О, Аскер, каждый великий (I) поэт - немножко актер!" - и у него вдруг новая идея - Сыграть Бабека, борца против халифата! и поэму о нем! и сценарий! и сам - в главной роли, правда, с картонным мечом в руке! Это ж начало начал, и школьники знают.

"Маловато у тебя сведений о Бабеке,- сказал Расул Аскеру, ведь он историк, диплом есть.- Он разгромил восемь армий халифата, шесть халифских маршалов пали от его рук!.. И не седьмой век, а девятый!"

"Неужто есть еще у нас в истории крупные фигуры? - И смотрит вопрошающе, вызывая на откровенность (выведать подробности о Джанибеке?).- Кажется, Белобараные?.." - Не упустить бы чего, думает Аскер, особенно как услышал (может, установка, идущая сверху?) в устах одного из подхалимов-подпевал Джанибека, что в нашем народе за последние полтыщи лет не было фигуры, равной Джанибеку (бурные продолжительные аплодисменты, все встают...).

"Сначала были не Белобараные, а Чернобараные! - И выложил некогда от Асии услышанное; она как учитель (дитя еще), а он - ученик (многоопытный муж!): - Чуть раньше ширваншахи были!.. Идиллия, когда ты прилег в жаркий день под деревом в поле, устав от ходьбы за плугом, а гонцы тебе несут весть, шепчут на ухо: "Ты ширваншах!" Основатель династии Ибрагим Первый! (Трое котировались!) И с чего начать править. Тысячами истязая и истребляя, наводит ужас! И лавировать, извлекая для себя выгоду, ведь зажат между ордами. И царь-хромец, и царь-шут, и царь-змей: вытеснить одних, которые сиднем привыкли сидеть, и насадить других, которым дом - седло, а небо - крыша".

"А как с особой,- шутит с чего-то Аскер, чтоб хоть как-то без умыслу уязвить Расула, страдающего из-за Джанибека (?),- равной твоему шефу?"

Расул улыбнулся: "Был Узун Гасан, Длинный Гасан!"

Аскер хохочет: "И Короткий Джанибек!", радуясь своему бесстрашию (опьянен

близостью хрупкого создания).

"Составил "Свод законов", как править. Мать у него... нет-нет, я имею в виду Длинного Гасана, была, Между прочим, очень мудрой женщиной, звали ее Сара-хатун. И послы у него: венецианский, Амброджо Контарини,- все-все пыталась некогда Асия вложить в память Бахадуру,- венгерский, польский, русского князя Московского, Марком звали, и в дар Длинному Гасану сто кречетов! А Афанасий Никитин, возвращаясь домой из Индии, гостит в лагере Длинного Гасана, А потом Се-февиды, поэт-властелин шах Исмаил Первый ("Вот бы о ком еще написать!" - подумал Аскер). И при нем,- подзадоривает Расул Аскера,- дружина из собственного племени, чтоб помог держать народ в повиновении, точь-в-точь как Джанибек (копирует). Он же - поэт!"

"Джанибек?"

"Он тоже! Но я об Исмаиле Первом... Хоть одну строку!" - взмолился Расул, но гости отвлекли.

И Аскер унес с собой невыговоренные строки шаха-поэта: "Он молвит речь, она чужая, что в ней - не смыслит он!" А еще изречение: "Что? Восстанут? Слово против скажут?! Выхвачу меч и ни одного человека в живых не оставлю!"

И долгие (длинные?) размышления, что у нас без этого никак нельзя,- пусть себе правители ломают головы, как с народом собственным ладить, а поэту Аскеру Никбину довольно и малой радости общения с той, которая чутко и послушно внимает ему.

В тот же вечер толковали с Асией о памяти (увы, в реферате Бахадура ни слова не было о памяти исторической), и об Ильдриме - ни слова (но поговорят).

Расул все же успел сказать Аскеру Никбину (о малой его радости):

"Так что (усмехнулся) это у нас в генах".

"Что?"

"Так тебе и ответу!.. Нашел простака!"

Не мешало бы, конечно, кое к каким памятникам буйноголовых подвести и спросить: "Что это? Груда гранита или история?" Бабеку памятник будет, как Аскер Никбин его сыграет, и с него скульптор и вылепит, читай Путеводитель Памятников, составленный кем-то, а под рисунками слова Аскера Никбина.

Так вот, об Ильдриме, чье имя всплыло-таки, причем дважды:

в первый раз, когда Аскер Никбин, пируя с толстогубым в сахарно-белом домике на густом лесистом склоне, где, как ненастоящие, ибо столичным горожанам только кажется, что перевелись, раскинули свои ветви могучие грабы, чинары и дубы, декламировал, импровизируя, подобно далекому предку-ашугу (и придумал ему биографию: хан ослепил (!?) поэта-певца за дерзкие стихи), но, увы, без трехструнного саза, строки еще не оконченной поэмы об Ильдриме; и во второй, когда Асия, приехав к себе, позвонила Лейле - и тоже об Ильдриме. Но сначала Асия сказала Лейле о том, как Расул выглядит: измотан, устал, неухожен, одни лишь слова.

"Что за...,- после паузы, брезгливо,- неухоженность?" - недовольно спросила Лейла, и Асия рассказала (именно с ее слов и пошло), что не могли нужную фотографию Расула подобрать для какого-то удостоверения, где надо выглядеть с оптимизмом,- фотограф долго мучился. |

"И что ты предлагаешь? - спросила Лейла.- Чтоб я приехала в его глушь?"

"Но какая красота!" - не унималась Асия, сама не понимая, зачем позвонила.

"И хорошо,- подумала Лейла.- Ни слова об Ильдриме".

Но снова звонок. Лейла думала, что на сей раз - Расул, а это опять Асия: "Да, главное я тебе забыла сказать!"

Что-нибудь с Ильдримом! "Тебе что, деньги некуда девать?"

"Ничего, премию получила... Ссора тут у нас".

"С кем?"

"С Ильдымом!"

"Во сне?" - Надо ж твердо сказать однажды.

"При чем тут сон? - отрезала Асия.- Наяву! Приходит ко мне ночью и говорит: "У вас, сестер, никто замуж по любви не выходил". Я ему возразила, а он: "Кроме нас с тобой". "А Лейла?" - я ему... Ты меня слышишь, Лейла?"

"Надеюсь, он согласился с тобой?" - спросила Лейла.

"Молчал,- ответила Асия.- А я приставала к нему, пока не уломала. Договорились как будто, а он вдруг снова: "Да, никто из твоих сестер замуж по любви не вышел, и неведомо никому это чувство". А спорить уже сил нет, обиделась, отвернулась и уснула". Асия оборвала разговор, повесила трубку, будто Лейла - это Ильдым.

А Расул зачастил к Джанибеку. И пошли домыслива-ния (его зама): зачастил долго не усидит здесь, а потому лучше с Расулом не сближаться; или хочет создать видимость близости к Джанибеку; и версии насчет жены: Лейла-де неспроста не приезжает к Расулу, вечно один,- наверняка сбежит скоро! выждать, чтоб не погореть, когда придет новый (заменив Расула).

Да, котировались, как в далекой истории, трое (и Расул шел как танк).

Но в нужную минуту у Больших Ушей (чтоб ни один шорох, шепот чтоб ни один не прошел мимо, а был уловлен,- самый-самый вхожий к Самому) оказались губы Шептавшего, ну, и он назвал Джанибека.

А все потому (разве только это? Поговаривали о цитрусовых, лимон - это ясно, миллион, но есть и иные, грейпфрут, к примеру, и его содержимое трудно поддается исчислению), что Шептавший помнил, как с Джанибеком,- о!., тут пошло такое, что шифровальщики голову ломали!., и, как эстафета, передавалось из уст в уста,- и пусть сметливые растолкуют, что сие значит: ВТОРЫЕ, но на ПЕРВЫХ ролях (в ведомстве Джанибека, а такого рода ведомств - раз-два, и обчелся, чертова дюжина), да, помнил Шептавший, как с Джанибеком ели стратов, птичек-невеличек, особо приготовленных в вине, а потом стреляли в горных козлов, они же туры, из пистолетов, которые с виду как пугачи пугачевских времен, и бухают, как пушки семичастное эхо в горах неделю бьется меж утесов, с одного склона на другой катится, пока не задохнется (и однажды охотились с вертолета).

А потом, как утихнет эхо, засемят по альпийским лугам яркокрылые птицы: "Цви-цви! Цви-цви!" - поют и вторят им, будто птички дозоры на перекличке, быстрые белогрудые птицы: "Гу-гу! Гу-гу!" - и цвигают, и гугают, пока снова не станут бухать". И егерь, и конский лекарь, кому имя коновал, в их свите.

А ныне на широкой поляне-поляночке, что меж гор, беспокойно. Вдруг - чу! выстрел,- новые охотники, и неведомо в кого рикошетом.

И еще хобби у Шептавшего: старинное серебро, пояса, рукоятки, кубки и прочее, даже сабли,- их видимо-невидимо на Кавказе с шамилевских времен (и кое-что еще). Однажды Шептавший в узком кругу о хобби рассказывал, что продлевает жизнь, и Расул приглашен был, слышал.

"Есть стремление к чему-то, и это мобилизует, ни одного лишнего жирка на сердечной мышце, и душевное удовлетворение после суетной и хлопотной службы!"

Один-де коллекционирует шариковые ручки, рыщет по загранице, специальные ящики с бархатной основой, где прячет их, с пикантными подробностями: повернешь язычком вверх и видишь лысую голову государственного мужа, а вниз повернешь, ой-ой, какие формы! - хохочет.- А кто автомашины, в миниатюре и в натуральный рост, смотря по возможностям. Ну, медали или другие знаки отличия дарят, сняв с груди, ибо чем стать игрушкой в руках внука, не понимающего боевое прошлое деда,- пусть лучше в коллекцию, а она описана и

взята на учет, ибо здесь и ордена золотые, с саблей и крестом, тех, кто когда-то орудовал на дальних восточных границах.

А кое-кто,- кто ж говорил? Расул не вспомнит,- фотографии знаменитых представителей своей нации развесил на стенах квартиры: к своим отнесен и Азим (он же Айзик) Азимов, ну да, фантаст, чуть ли не внучатым племянником доводится народному художнику Азимзаде и троюродным племянником революционеру Азими, чья жизнь - авантюрный роман или детективный сериал, никто не додумался (под Москвой в Переделкине, кажется, похоронен).

А потом с чего-то министра культуры (действующего!) вспомнил, тоже, дескать, коллекционирует: книги с дарственными надписями. Как полки переполнятся, аккуратно отрывает страницы с автографами (по алфавиту) и, никому это дело не доверяя, сам переплетает. "А что книги?" - спросил кто-то. "Книги на выброс.- И после паузы: - Уж лучше, - я ему,- в сельскую подшефную школу их подарить, а он мне: "Следы автографов видны, неудобно".

Расул прежде воспринимал Шептавшего спокойно, ГДЕ БЫЛА ОШИБКА? а теперь стал замечать за ним и косноязычие. И он, только сейчас Расул заметил, слеп, оказывается, на правый глаз, утрачено объемное видение, и все для него плоские фигуры на плоской стене. И как постарел, давно его Расул не слушал, а тут пригласили выступить. Подбородок трется о широкий узел голубовато-малинового галстука, и он стирается. И листы, с которых вычитываются фразы, обкатанные до блеска, небольшого формата, так принято, и особая машинка с крупным шрифтом. Увы, так и остался в роли шепчущего, нет, до старости ещё далеко, и шансы есть; отсюда пойдет к любовнице, а от нее позвонит домой: "Дорогая, я задержусь еще..." - это его, Шептавшего, крылатый афоризм, когда ему кто-то из оправданных сказал, что "был прав", и все пришли к его правде - "Лучше ошибаться со всеми, чем быть правым одному". И еще (к слухам, которые распускаются): пока не принято решение - это слухи (случалось - сбывались), а когда принято решение - это уже банальность. Кстати, шефа Расула пригласили к высокому начальству, может, речь пойдет о нем, ЗАСИДЕЛСЯ. Но ведь сказано: потолок! О боже, как он издергался, жалеет его Лейла. Но как помочь? Может, думает Расул, кое-какие идеи, из затаенных, особым психохимическим составом, А РАЗВЕ БЫЛО ЧТО?! выявленные, стилистами по айсберговой системе? И специальные сейсмокосмические аппараты, нацеленные?.. Три широких, с двойными рамами, окна на улицу с односторонним движением, а одно - во двор, где буйно разрослись кустарники (крапива?), и не продерешься.

А ведь не всякий и шепнет! И не каждый услышан будет!

Свояки они, Шептавший и Большие уши. Более того: Шептавший, вроде Аскера Никбина, на старшей женат.

"Что? Никакие они не свояки! - скажет потом Расулу Махмуд, будто не он Расул, а Махмуд по одной с ними УЛИЦЕ ходит, и знать бы подробности не Махмуду, а Расулу.- Я ведь при Устаеве был вхож к Шептавшему!..- Ох и любит трепаться Махмуд! - Что? Не веришь? Вспомни или спроси у Лейлы, она тогда в театральном училась, должна помнить. Ты забыл, мне ж хотели поручить, ну вспомни, когда Экспериментальный театр открыли, "Носорог" Ионеско поставить".

"Как? - изумился Расул.- Ты и режиссером был?!"

"Кем только я не был!..- многозначительно изрек Махмуд.- Так вот,- и оглядывается,- нагнись сюда!"

"Что?" - не понял Расул.

"Нагнись, что-то на ухо скажу".

"А так не можешь?"

"Чудак, как же я могу ТАКОЕ вслух?!"

"Никого ж рядом нет!"

НАПУГАН-ТО КАК, подумал Расул.

"Так вот: никакие они не свояки, просто жена Шептавшего... Да нагнись же, черт тебя побрал!.." - и сказал такое!..

"А! Треп!" - улыбнулся Расул. А ВДРУГ ПРАВДА?.. Почему бы и нет?

...- Да, да, время от времени чистить,- сказал Шептавший.

Самый молчал-молчал, и вдруг спросил:

- И Устаева тоже?

- А как же? С него и НАЧАТЬ!

Самый только недавно выразил полное доверие Устаеву и как бы утвердил его в мысли, что тот сидит крепко. К тому же... вспомнил о дочери. Она будет против: каждый четверг Устаев отправляет самолетом на дачу к дочери розы, выращиваемые на особой плантации, с запиской: "Дары солнечного края. У.", а для зятя - короб, и не пустой, разумеется, из спецподвалов.

- Кем заменить? - спросил. Но Шептавший уже подготовил его.- Может,глянул на Джанибека,- ТОБОЙ и заменим?

Джанибек молчал. Так велел Шептавший.

- Справишься? - переспросил Самый. Тут надо твердо и немногословно:

- Да.

Нет, иначе, вернее, ЭТОМУ предшествовал разговор, Самый наставлял Шептавшего.

- Правило ТАМ такое,- начал с красной строки,- выдвигается верхнее племя, тащит своих, давя и преследуя нижнее и среднее, условно это, и все посты, чины, этажи, ячейки занимает своими людьми, и когда уже некуда, задыхаются остальные, устраивают... не без нашей помощи, разумеется, ОЗДОРОВИТЕЛЬНУЮ акцию, короче, смену власти и выдвигают,- с такой откровенностью при помощнике, удивился Шептавший,- племя среднее, и так далее.

Очевидно, настал черед аранцев.

- Устаев устал,- скаламбурил Шептавший,- а Джанибек, вот он, богатырь, и вполне ВЫТЯНЕТ (ну и принятые здесь заверения, что "оправдаю доверие", "не пожалею сил", четко высказанные Джанибеком скучающему шефу, а Самый и впрямь заскучал, потянуло на ОТДЫХ,- тут не более двух часов работают, таков наказ врачей).

Жаль, конечно, Устаева, милый, вежливый, обходительный, внимательный... что еще? Розы? Розы будут. И коробка тоже, ЭТОТ ЗНАЕТ, но ничего не поделаешь, такая вот ноша, менять-переставлять, казнить и миловать.

Устаев в ТОТ ДЕНЬ недоумевал, почему от Джанибека нет СВЕДЕНИЙ о текущих событиях за сутки, впрочем, углубляться не стал: очевидно, в крае спокойно, и Джанибеку сообщить нечего (?).

Застрял Расул, увязли гусеницы. А если подумать, то здесь, в столице, куда Расула тогда торжественно проводили, и ему с годами казалось, что он застрял, нелепое слово! такая школа! идеальные условия! даже тир, если устал от бумаг, чтобы пострелять из настоящих пистолетов, живое дело, только чучела! а то и лев, подстреленный тобой, почти реальное ощущение, и он валится на бок. И сауна,- сухой пар всего тебя обновляет, и бассейн с морской водой.

А какие виды! К южному окну подойдешь - горы, кажется, не настоящие, только за толстыми стеклами, нарисованные будто на той стороне (а окна открывать не рекомендуется: кондишн). К восточному - почти океан, даже волны. А золотые купола? За один только вид плату взимать надо, а тут ежедневно. Выработка навыков стратега, мышление в мировых масштабах. Тактические варианты. И еженедельно опыты, психологические, прежде всего. И даже ораторское искусство. Пора отвыкать от бумажек! Иногда двух слов не свяжут, стыдно! И новейшие методы организации. Управления процессами. Но уже шепот был. И он

услышан. А потом и закрепится на бумаге, припечатается - не сотрешь: подпись, а сверху пленкой какой-то (лак?) прикрыт-защищен.

А накануне летом, еще нет ни Джанибека, ни Шептавшего,- стабильность! крепость! (но скоро, очень скоро случится) Расул и Лейла гостили у родных, пригласили на очередной симпозиум, и вся семья, что семья? Род! династия! были в сборе, пир на даче Аскера Никбина в их честь.

Дома приготовят и привезут на дачу, расписано, что кому: и мясо разных видов - на шашлык и на люля (Рафик поможет Аскеру достать, поедет в деревню), и долма,- Зулейха и Махмуд играючи приготовят, называя друг друга своими альковными кличками, которые меняются в зависимости от места, компании, даже времени года, а случается, и по новому кругу: и Зуль, и Муль, и Уль, и Джиджи-Миджи, и Маленькая, и ЭМ ЭМ, иногда по фамилиям, он ей - Аббасова, она ему - Мамедов; и пельмени Айны,- наелись уже, куда столько? Но сколько б ни съели, а пельмени Айны непременно попробуют под самый финиш.

И Алия что-нибудь придумает: в прошлый раз был торт "Наполеон", где тесто, это маленькая хитрость Алии, с коньяком, на этот раз - торт "Кутузов" (а здесь в тесто кладется еще и мед, и будет Алия печь, пока у Хансултанова аллергия на мед не появится, но это не скоро), и у нее каждый раз рецепт спрашивают, и в клинике, и дома. "Пишите,- она им,- полстакана сахара, столовая ложка меду, два яйца, пятьдесят граммов масла, чайная ложка соды с лимонным соком; тридцать орехов очистить и через мясорубку, полтора стакана муки замесить, разделить на три части, потоньше раскатать, испечь три коржа. Крем? Я же сказала: полкило сметаны и тридцать орехов через мясорубку".- "Так просто?" "А вы попробуйте!"

Увлечлась коктейлями: "Ришелье", "Монте-Кристо", "Леди Гамильтон" - стакан рома, пятьдесят граммов водки, два стакана апельсинового сока, подать со льдом. "А яйца? Ведь коктейль..." - "Яйца к коктейлям "Ришелье" и "Монте-Кристо".

Мать, Марьям-ханум, несколько дней с зеленью возится: в больших очках, чтоб хорошо видеть, чистит и чистит, промывает в дуршлаге зелень - и мяту, и кинзу, и порей, из рода луковичных, и кресс-салат; она и варенья варит: кизиловое любит Айша, из лепестков розы, это на любителя, из инжира (от простуды помогает), ну и абрикосовое, и всякое еще, а к чаю, чтоб ароматным был, "трава куропатки", или чебрец, в горах растет, собирают и сушат, запах насквозь прошибает.

За Айшой негласное руководство застольем, хотя тамадой неизменно выступает Аскер, но как заговорит она, тотчас умолкают и дети: у Айны, как известно, Агил, он собирается паспорт получить, и там, где фамилия, запишут псевдоним отца, Никбин, Аскер добьется разрешения, да зря стараться будет: порвет Агил с семьей... но об этом в другой раз, ибо Айша заговорила, и дети: Адил, сын Зулейхи, и Муртуз-младший, сын Алии, умолкают - ловят ее взгляд и слово.

Только б захотеть собраться всей семьей, а повод найдется.

И правда: "Братцы, а ведь скоро круглая дата, как мы уехали!" - скажет Расул, и Махмуд, у которого четко расписано кто где когда, удивится, что запомнил:

"Ну да, уже десять! - И тут же откровенность как бестактность: - А не тянет сюда?"

Больное место Расула, но взгляд не выдаст ни за что, мол, рядовой солдат, куда прикажут.

Но есть поводы и поважней: Хансултанов! В сорок лет!.. С триумфом прошли выборы, ибо удачный расклад был: два землячества дрались, акинцы и абадцы (аранцев черед еще не наступил), "а я в выигрыше оказался", говорит Хансултанов, и Айша не возражает: пусть гуляет эта версия, тем более что заслуги Хансултанова налицо, в такие глубины собираются проникнуть по его методу, аж в мезопласты! Скептики спорили с ним, и даже Ильдрим, что еще не доросли, техника подведет, и без того, мол, пленкой затянута море, рыба задыхается,- Хансултанов не раз приезжал в Морское, пока не сумел уговорить ни Ильдрыма, ни Сурена,

но, кажется, они поддаются, почти согласились, слава, премии, почести... и завертится скоро дело, Хансултанов облюбывал даже основание, где начнут бурить, чуть мощное и по расчетам вполне годится, выдержит и мезопласт.

А тут стихийное бедствие - кто мог предвидеть?..

Звание Хансултанов успел получить, но идею временно законсервировали, ибо риск. К тому же в свете недавних похорон, когда гибель связывается с попыткой освоить мезопласты: митинг, семь гробов как символ (ведь никого не нашли). "Мы провожаем..." тогда -на освоение, сегодня - в последний путь,- Сурен говорит в микрофон (от имени товарищей), и голос его плывет над площадью, заполненной народом. "Еще недавно..." - и слава, и подвиг, и мужество, "а сегодня..." у Хансултанова, рядом с Суреном стоит, лицо черное, оброс щетиной и множество седых волос, и понесут семь гробов в безмолвии в сторону гор, вверх по улице Кинжальной, где скоро построят КамышПром, переделав гостиницу, бывший Каравансарай, и улицу назовут в честь Ильдрыма.

Незримая сигнализация по цепочке - и устремляются из разных концов машины на дачу Аскера Никбина, мчатся по новой автостраде мимо аэродрома: черная у Хансултанова, а Бахадур в свою зеленую "Волгу", коллективный подарок зятьев и сестер в связи с только что полученной золотой медалью, и доля Расула с Лейлой есть, забрал мать и Айшу, а служебный "рафик" Аскера Никбина (и шофера тоже зовут Рафик), куда сели Расул' с Лейлой. "Я с народом",- сказал Расул, Айна с сыном Агилем, Зулейха с Махмудом, и еще дети, Расул не запомнил, кто есть кто, а ведь племянники Лейлы, и Адил, сын Зулейхи и Махмуда, не в отца крупный и высокий, как Агил, хотя моложе лет на пять, и Муртуз-младший, сын Хансултанова и Алии, назвали в честь отца.

Марьям ждала, что Аскер первенца назовет, а он давно облюбывал поэтическое Агил, Мудрый, а потом Зулейха сына родила, второго внука Марьям, и тоже не пожелали родители принять "деревенское" Муртуз, искали созвучное Агилу и нашли - Адил, Справедливый, хотя, надо отдать должное Махмуду, он не возражал, даже довод был, дескать, эМ эМ эМ, "Муртуз Махмудович Ма-медов", но Зулейха настояла на Адиле; Хансултанову Муртузу через год только в школу, но растет не по дням. "Скоро дядю своего догонит",- шутил Бахадур, он очень хотел, чтобы Муртуз-младший, любимец матери, сел к нему в "Волгу", а он в "рафик", где его двоюродные братья: набились в микроавтобус, все места заняты, не пошевельнуться, тесно.

А тут вдруг Агил и сказал: "У нас семья как маленькое государство, Айша президент (при ней не посмел бы!), Бахадур премьер... И свой поэт в государстве!" Чтоб так об отце? - удивился Расул: "Что? По стопам отца пойдешь?" - спросил. "Ну нет!" - вспыхнул (?) Агил, до смешного похож на отца: близко посаженные большие глаза и нос, как топорик, острием вперед выдается; усы уже бритвой подправляет, прямые углы и тонкая белая полоска над губой, ушел в себя, будто задачу какую мудреную в уме решает.

"Он у нас,- заметил Аскер, похлопав сына по спине,- в математической спецшколе, топает через весь город в Нагорную часть".

Сын недавно отцу: "Я скоро стихи твои закодирую и - все творчество на одну пластинку!"

"Может, твоя машина и стихи за меня сочинять будет?" "А что?" - смотрит дерзко, лучше не связываться (а и сочинит!). И о Бахадуре (в укор сыну?) говорит Аскер Расулу: "В два института поступать собирается". На нефтяной, это ясно, чуть ли не династическая профессия, но чтоб еще на юридический?!

"Ты включи радио",- говорит Аскер Никбин Рафику, когда выехали сразу после Овечьей Долины за черту города, где у подножья одного из семи Холмов, ах, какие здесь шли бои в давние-давние эпохи, еще при Се-февидах, шахе Исмаиле Первом,- стоит одинокая нефтяная вышка-качалка, бог весть с каких времен выкачивая; "пусть послушают, небось соскучились

по родным мелодиям", втайне надеясь: "Слова Аскера Никбина", ай да молодцы, и весь микроавтобус запел. Это у нас очень популярно!.. "Чай, чай! Ах, как вкусен наш чай!.."

И уже на даче пошли нанизывать, это Аскер, мастер по шашлыкам, развивая идеи своего сына:

"Да, и свой поэт и своя наука, вот он - Хансул-танов (по имени никогда не называют). Не у каждого за столом теперь его увидишь,- шутит,- а здесь он свой, можно потрогать руками,- и ладонь на плечо.- Он дома тих, как ягненок, а какой тиран! И Махмуд (а как о нем сказать? рупор? глас? или старое инженер-автоматчик? замаял, не придумав), в общем, все специальности, не говоря уже о медицине. О!.. Тут сбиться можно, называя где кто какая из сестер,- и Аскер каждый раз, словно закрепляя в памяти, а это известно всем, начинает со старшей, своей жены.- Айна, как это? сложное очень! да, нефролог! Алия еще сложнее, что-то гастрономическое и энергетическое, может, подскажешь? - просит Хансултанов,- и тот в одно дыхание: "Гастроэнтерология!"- Повторить не решаюсь, это выше моих сил, могу лишь заметить, что с острым ножом в руке Алия творит чудеса!"

Еще один повод собраться династии: на днях тот, у кого именной скальпель, врученный международной ассоциацией, да, да, он самый, эН эН, выразил восхищение руками Алии, и эти его слова витали над краем, будто голуби,- мог бы Аскер напомнить, да на него смотрит Зулейха, ждет, что же припасено для нее?!

"Зулейха, здесь проще, терапевт!.."

"Проще? - изумляется Айна, это тоже почти по-заведенному, выработался ритуал, и даже Марьям знает, кто за кем пойдет,- Зулейха лучший диагност!"- И краснеет некстати; прежде это было причиной семейных скандалов, Аскер допытывался, всякого рода догадки, если при мужчине, а сейчас лишь взглядом: "Ну вот, опять!" Айна глупо улыбается, смотрит невинно, и краска заливает все ее лицо, даже кончики ушей, чувствует, а совладать не может, и такая красивая, особенно взгляд, таинственность какая-то в нем. И тут снова невзначай сын Айны Агил: "Некому только хлеб растить да землю бурить!"

"Как некому? А шестая наша сестра, Асия?"

Хансултанов вздрогнул, в ушах крик Асии: "Ты, ты убил его!" Истерика, никак не унять; первая седина у Хансултанова (он седел пучками), когда шторм в море вышку как щепку (его епархия!), волна с девятиэтажный дом, удар за ударом, а на одиноком основании - Ильдрым и его бригада. А ведь Хансултанову казалось, что именно они и осуществят его мечту проникнуть в мезопласты, до которых еще никто не добирался, сглазили их будто; а с гибелью бригады и закрыли, в море торчит, ржавея, железный остов.

Почти одновременно женились на сестрах Хансултанов и Ильдрым, вернее, вышли замуж сестры почти в одно время: Алия с общего согласия всех и по выбору Айши, а другая, Асия,- без особого восторга Айши, даже вопреки ей; престижно, правда, если до Устаева дойдет, хотя новый родственник не очень вписывается в их семейное древо, как в глубине души, неведомо по какой причине, думала Айша, в чьем роду все - труженики и по линии отца, это ясно, и по линии матери, из кустарей-одиночек, понимая, что замужество сестры и выбор - это выигрышный по нынешним временам момент, ибо... ведь ясно! Оба - и Хансултанов, и Ильдрым статны, высоки, широки в кости, крупные, Хансултанов безус и на лице постоянная озабоченность, но знает себе цену, многозначительно молчит, будто ведома ему великая тайна, а у Ильдрыма густые усы над толстой верхней губой, добрая улыбка на всю ширь лица (и верхняя губа пропадает под усами, обнажая белые крупные зубы).

Хансултанов чуть ли не в день свадьбы (как же не посидеть со свояком, тем более что Расул тоже пошел) бросил невзначай Ильдриму: "Поможешь воплотить важную идею",- вполне в своем стиле. "Какую?"- спросил Ильдрым. "После свадьбы поговорим".

Свадьба - не свадьба, да и Расул с Лейлой лишь на минутку появились исчезли, спеша в какие-то важные сферы (или готовясь к отлету). И поговорили Хансултанов и Ильдрым.

Робея перед ученым человеком (и благодарный ему, что пришел на свадьбу, которую' сторона Азии бойкотировала), Ильдрым все же выразил сомнение, зная предельные глубины, куда они могут добраться, а здесь как будто речь шла не об их море и не их буровой; читал Ильдрым, знает про мезопласт, но. это ведь планы, и не сегодняшние, даже не завтрашние. НУ ВОТ, ПОСОВЕТОВАЛСЯ С РАБОЧИМ ЧЕЛОВЕКОМ. Пришлось пригласить (и Сурена тоже - не соглашался никак) в научный центр и, собрав коллег, растолковать на схемах, с выкладками, анализом грунта, районом, где глубина моря наиболее благоприятствует проникновению в мезопласт.

Да, не устоял Ильдрым, поддался уговорам, а потом, как поверил Хансултанову, тот еще на рабочем честолюбии сыграл: "Чтоб тебе и твоим ребятам не под силу было!" - отыскал тщеславную струнку, забренчав на ней: "Знаешь ли ты, что за такое геройство..." - и о перспективах, даже о том, что это "почти в космос слетать"; за"-жег идеей и Сурена, и стали они посменно (их портреты рядом) осваивать мезопласт; их совместная двадцатая морская скважина; и торжественные проводы, и цветы, и репортаж, здесь каждое начинание - подвиг, Ильдриму это не в новинку: и когда впервые отправлялся сюда, на обжитое и ставшее привычным, были напутствия и рукопожатия, и когда - в первый же месяц работы! - как будто само собой сложились успехи и даже рекорды - не личные, а как частичка общей победы Морского; неделю Ильдрым со своей бригадой в море на одиноком основании, а неделю - Сурен (случалось и прежде, что шторм, никак не причалишь, и тогда вертолеты подбрасывали еду). Сурен долго не соглашался, в нем какая-то предками пронизательность к бедам заложена (?), но раз надо, что ж, он не против риска, к тому же Ильдрым - родственник школьного товарища, Расула; Сурен ждал, что и тот станет уговаривать, хотя и слишком отошел-отдалился от них, и не поймешь, в каких заоблачных высях, может, и понятия не имеет об их с Ильдрымом сомнениях (и о пронизательности Сурена, увы, не раз подводила его), но вместе на свадьбе гуляли (лишь на минутку Расул с Лейлой пришли, что ж, значит, не может, оправдывал Расула Сурен).

И случилось то, что предчувствовал Сурен (на сей раз уловил, но начнется ТАКОЕ, что и во сне не приснится, копится в глубинах - глубже мезопласта!..), мог и Сурен оказаться на месте Ильдрыма, выходит, еще не судьба, чистое везение обманное, чтоб притупить ощущение грядущего бедствия, и Сурен, сам того не желая, попадет в такую мясорубку, что... но о том - в свое время.

Пытался Хансултанов после гибели Ильдрыма поговорить снова с Суреном и даже просил Расула написать ему, может, на другом, более мощном, основании продолжат; а заручившись согласием, начать пробивать идею снова,- коль скоро напарник и на митинге выступал: "Не свернем с его пути, пробурием то, что он не успел..."

И странно звучали его слова о мастере над притихшей площадью: "Был чуток к тому, что делается в глубинах, знал язык и лебедки, и стрелки прибора, и долота",- Сурен понимал, что надо говорить не об этом, а другие слова, но какие? И снова из уст вылетали усиленные микрофоном слова о тормозе лебедки, за который крепко держался Ильдрым, тут нужна сила, да, да, физическая сила, любил говорить Ильдрым новичкам, шел молчаливый и незримый разговор с недрами, о стрелке прибора, чья дрожь улавливалась Ильдрымом, и он тотчас изменял режим, о вибрации долота, будто оно подавало знак, и Ильдрым, понимая его речь, чувствовал, сколько еще нагрузки может оно выдержать... (мучился потом не то говорил!).

Сурен надерзил Хансултанову, что-то об авантюризме и "чувстве хозяина" (?), не понял Хансултанов - то ли это о нем, что он повелевает, то ли о самих себе - о бригаде и рабочих, кажется, именно второе, ибо было, что Мы, мол, "не позволим",- но зря Хансултанов затеял разговор, к тому же вскоре взлетел, ушел из этой шумной головоломной епархии.

Хансултанов, прося продолжить, знал, что Сурен откажется, тем более что решался вопрос о его переходе на другую, так сказать, горную вершину; а когда Сурен отказался на

правах ХОЗЯИНА, Хансултанов почувствовал вроде бы облегчение: раз не повезло, надо переждать,- пока бумага пойдет и вернется с разрешением, и техника что-нибудь придумает. А все же жаль, сокрушался Хансултанов: красавец основание с исполинской вышкой казалось неприступным и могучим,- лишь площадка осталась, осела как будто, и в шторм, с вертолета видели,- волна перекачивается через нее, а что выпирает из воды - солнце жжет, и смена влаги и суши стремительно ржавит груды железа (потом, уже после знаменитого землетрясения, многие годы спустя, выправят сваи, поднимут основание, заменив ржавые части, и установят обычную буровую для привычных глубин, ибо и тогда еще мезопласт будет прятать свои сокровища, а как иссякнет неглубокий пласт, разведут на привозном песке виноградники и установят обелиск в честь павших с мраморной доской, где выведут все имена и первым имя Ильдрыма (из утопий Расула?). Впрочем, никому не дано знать, что будет ПОТОМ, когда переведутся работяги).

Еле оттащили истеричную Асию, вцепилась в галстук Хансултанова, задушит: "Ты! Гы!.." - Обезумела.

"При чем тут он? - успокаивала Айша.- Кто мог знать?"

И кто расскажет, как было?

"А мне Ильдрим сам рассказал",- и глаза у Асии вдруг стали такие странные, левый косит. КАК В ПИК СТРАСТИ, любит Льдрим, и счастлив, да, я знаю, у меня иногда косит левый глаз и особенный у него блеск, когда вдруг у меня... это единение, кто испытал, тот знает,- и льнула к мужу, счастливая: "Я вся-вся твоя..."

"И что же он рассказал?"- поддерживает Лейла этот разговор. ОНА СВИХНУЛАСЬ НА ИЛЬДРЫМЕ, это же Айша сказала, когда Лейла поделилась (и жалела потом, что рассказала), поведав о "странном разговоре" с Асией: "Она считает Ильдрыма живым, и, мол, он является к ней по ночам". И сестрам-врачам тут же рассказала Айша, вроде бы консилиум у сестер: установить диагноз (и как лечить): определенно психический вывих, если Ильдрим является. Что?? И она живет с ним в эти его ночные приходы?

А то вдруг ни с того ни с сего: письмо получила от Ильдрыма. Лейла пугалась и уходила от разговора, а Асия вдруг снова: "Ильдрим пишет..." ЭТО ОНА ОБГОВАРИВАЕТ ТО, ЧТО СКАЖЕТ РОДИТЕЛЯМ ИЛЬДРЫМА!.. "И что он пишет?" "Кто?" И не поворачивался у Лейлы язык сказать: "Ильдрим".

И снова уходила от разговора.

Я люблю тебя, Асия.

Но Асия, рассказывала Лейла, вполне нормальная, просто воображение у нее развито, и потом: такое потрясение!..

"Она что же, поэтесса?"- ирония Айши.

"Во всяком случае, пусть лучше так, чем трагедия".

"Ей надо скорее забыть своего Ильдрыма и замуж, пока еще молода".

но наши пути разошлись, как вернуть мне то начальное, когда еще ничего не было? но мог ли я тогда знать, что люблю именно тебя? мне трудно, Асия, ни ты мне не поможешь, ибо умерли чувства, лишь оболочка одна, ни я тебе не смогу помочь, ибо этого ты не хочешь, кто мог знать, - что я уйду в одну сторону, а ты - в другую, и наши пути никогда не пересекутся.

"Я знаю, сестры не поймут..." "Но я тебя понимаю!"

"Ты - да, но ты, Лейла, далеко... Он является ко мне, я ре вру, и не смотри на меня так!! и однажды ночью рассказал, как ветер рвал металл и ломал, как щепку, дерево, и шла волна, и последняя, с девятиэтажный дом, которая, не успел он зацепиться за вышку... и ее вдруг стало валить, не может быть, не поверил Ильдрим, что возможна сила, которая свалит вышку, и она вдруг оторвалась с места, и их унесло. Ильдрыма и вышку, а потом..." Лейла уже не слушала, ждала, когда Асия выговорится и исчезнет этот блеск, и глаза такие странные, левый косит.

здесь, в этой дали, мне кажется, что я тебя придумал, услышишь ли, что я люблю тебя, Асия? и белые облака проплывают, помнишь, они меняли очертания, и мы не могли на них наглядеться, и плыли вместе с ними.

Асия, как случилось несчастье, покинула город, оставив Айше письмо; что было в нем - неизвестно, но Айша, прочтя, побелела, губы тряслись; особенно возмутила Айшу приписка Асии: "P. S. Само собой разумеется, что письмо это ты .тотчас порвешь. А. А.". Нет, не порвала, взяла за кончик, будто за крылышко мухи, шлепком убитой, и поднесла к газовой плите как в каком-нибудь шпионском фильме, когда сжигают важную бумагу, из-за которой, попадись она в руки врагу, смерть; нет у них сестры! и чтоб не смели вспоминать! резкий разговор с матерью, она еще не оправилась от трагической гибели мужа, хотя и давно похоронили, а тут еще Ильдырым! и уход из семьи Асии! и как Айша может говорить о сестре такое? ушла она, правда, из семьи не сегодня,- как Вышла замуж, стала жить в общежитии, где Ильдырым, но все-таки рядом!., а тут навсегда.

Исчезла, отошла, успокоилась; а она - в деревне, где родители Ильдырыма живут, два часа езды, мать почти слепая, отец бодр, и сын их, как возвращался с Морского,- сразу с Асией к старикам, и они ждут; Ильдырым де уехал в Африку, где будет учить негров добывать со дна морского нефть,- это Асия потом расскажет Лейле, как и откроет истину, но только отцу Ильдырыма. Много воды с тех пор утекло, угомонились, мирные отношения, но Хансултанов не простил, или делает вид?!

"Да, Асия!"- с гордостью произнесла (?) Айша, давно собиралась это сделать; и уже обдумывала свою докладную, не ведая, что полетит; а потом возникнет новый шеф, Джанибек Гусейнович, и скажет Айше несколько напыщенно, в своем привычном стиле: "А я слышал, у вас сестра славный представитель колхозного (она - уже совхозного) крестьянства?" - мол, что же вы раньше-то?! и удовлетворение во взгляде: а ну как Айша выпутается!

Старому шефу Устаеву не сообщала, ибо Асия поступила вопреки воле Айши. А потом гибель. И письмо Асии - выкинула сестру, из сердца! Вот только улица названа именем Ильдырыма, великий соблазн - сказать, но могут спросить: "А почему раньше мы не знали?"

Выстроила Айша цепочку, успокоилась, а тут вдруг новый шеф,- но как узнал? А он (и этот стиль укрепил его!) ездил, как шефом стал, по своим камышовым плантациям, по пашням своим, а земли здесь у него всякие: орошаемые, пустующие, отдыхающие, непригодные (и почему), не по назначению (?) используемые, и дороги, и стадионы, и сады-скверы, и приусадебные, и отвесные (крутые склоны гор и холмов, и однажды лицом к лицу столкнется на узкой дорожке, ИБО ВСЯ ЗЕМЛЯ БУДЕТ ЗАСЕЯНА, с женщиной, похожей на Айшу:

"Айша?"- спросил невольно, хотя у этой глаза чуть-чуть посветлее.

А та ему дерзко отвечает: "Асия, а не Айша!"

"У вас что же, знатная сестра?.."

"Нет у меня сестер!.."

Вернулся, дал команду узнать, а потом и вызвал Айшу:

- ...но странности в ней есть, не находите? - И ЭТО УЛОВИЛ, подумала Айша.- Грозилась напустить на меня Ильдырыма,- улыбнулся.- "За что же мне такое наказание?" - спрашиваю у нее. "За большие нули", отвечает, а председатель тут же стоит, ни жив ни мертв. "Но нули нужны не мне, а всем нам, и об этом бригадиру надо б знать!" Спрашиваю потом у ее начальства, что за Ильдырым? И, к своему удивлению, узнаю, что в честь именно ее Ильдырыма названа улица, на которой наш КамышПром!.. Вам бы гордиться такой сестрой, Айша-ханум! НЕДОВОЛЕН, почувствовала.

- У нас с нею холодные отношения.

- А зря! - Это уже как приказ.

- Но вы же сами уловили, что...- Какое слово найти?

- Странности? Да, есть в этой ее... как бы помягче сказать? дерзости, что ли... вернее...- Не договорил: впервые это у него, чтоб грозили (тем более умершим), неуютно себя чувствует, и нет-нет, а всплывает порой: "Напушу я на вас Ильдрыма!..." Что за чепуха?! Но сестра есть сестра. И закрыл тему.

А ведь дерзил-то, дерзил как Ильдрим! "Много надо мной начальников, и по линии свояков, и по линии своячениц!.." Его и так и сяк, как породнился с ними, выдвинуть хотели, и даже Махмуд, быстрый на решения, в свою сеть тянул, вот-вот решит-ся~с замством, Айша обещала, осталось только подписать, хотя, казалось бы, что делать Ильдрыму в бумажном ведомстве Махмуда? Но он готов искренне помочь каждому, а тем более рабочему парню да еще свояку! Коренастый, копна волос дыбом: "А? Во тебе я работу найду! Кем? А хотя бы..."

Зулейха-Махмуду: "Нечего парню голову дурить!.."

Махмуд обещает тому-другому, сто дел и звонков на день!..

"Нет, ты будешь диктовать, рассказывая о своем опыте, а она стучать на машинке, быстрая, как метеор, все же приятнее, чем рокот мотора, к тридцати годам оглохнешь, я ж ездил к вам, знаю, еще когда установку налаживал, два месяца день за днем без передыху, надоело!"

"Ты ему еще про свою муфту расскажи!"

"А что? На эту премию, я штуку одну придумал,- Ильдрыму говорит, уже рассказывал прежде, влюблен в свояка, а за что - не поймет,- в автоматической установке, а за нее премия, вся до копейки ушла на восточное трио в день нашей свадьбы"; да, некогда Махмуд был молодым энергичным изобретателем, золотые руки, придумал короткую металлическую трубку, ее потом муфтой Махмуда назвали, для соединения цилиндрических частей автоматической установки, с зажимами, а к ней датчик с сигнализацией, простенькая установка, регулирует напор пласта (в пору работы Айши в индустриальном гиганте); потом журналистикой увлекся, два диплома, редактор многотиражки, и с легкой руки Айши стал двигаться, и такая в нем вдруг неумная энергия, горы книг о системе сети, воздействии слова на массы и прочее, устное, печатное, наг слух, на глаза,- к любой науке подойдешь, открывается океан, а ты с ведерком детским, на нем цветочки, и вычерпывай, сколько сил есть.

Ему сначала сама Айша приглянулась, но она - начальство, и он ходил вокруг нее, и по части многотиражки, интервью, а тут еще узнал о деде, круглая дата приближалась, и он на всю страницу, откопал, чтоб сделать приятное, редкую фотографию, специально в музей ездил, а куда придет,- вокруг него сразу поле энергии, и то ему покажи, и к тому допусти, перерыл, перелистал не одну папку и нашел групповой снимок, где дед на Хазарской набережной среди краснофлотцев держится за древко знамени,- победоносное вступление в город, запечатленное неведомым фотографом, и четко видны лица, и крайний слева - Кудраткиши (как такую фотографию проворонили?!); поистине знаменательный момент истории: их человек (его на фотографии нет), служивший временному правительству (а сам - в подполье), открыл порт и впустил в город красные войска (скоро вручат ультиматум).

Но Айша устает от Махмуда, выматывается, как с ним поговорит, а он тянется к ним, и опешил вначале, как Зулейху увидел,- так похожи сестры!! только Зулейха чуть моложе да светлее, а тут еще и об Аскере Никбине узнал (на встрече с поэтом и познакомила его Айша с Зулейхой), и так ярко раскрыл философские идеи творчества Аскера, что зал отдал ему жар аплодисментов, кое-что оставив, Правда, и поэту, который броскими рифмами клеймил хапуг и ополчался на цинизм, и какие-то намеки, от которых наэлектризованный зал взрывался; но Аскер уже давно понял (работает, заперев себя! надо!!): ни к чему дразнить! эти колкие строки и - шквал аплодисментов!..

"Вы иногда зря растрчиваете энергию,- сказала Махмуду Зулейха, студентка-медик,- вам надо беречь сердце",- вырос в деревне, давно забыл, чтоб кто-то про являл заботу о его здоровье, изумлен, готов тут же, чтоб ему такое сделать?! взял ее за руку и к Айше: "Нет, вы только послушайте, Айша-ханум, вы поистине уникальные люди! Ваша Зулейха - это такой клад!" - и улыбается, как будто шутит, а в глазах неподдельная радость.

Потом с Аскером отмечали знакомство, и Махмуд что ни слово - об Айше, ее семье, Зулейхе. "Кому хвалишь?- улыбается Аскер.- Я же на старшей ее сестре женат!" И еще Расула называет. "Расул Саламов?-и глаза загораются.- Сам Расул?!" И Махмуд как в воду с трамплина, и это он делал, когда на Морском муфту свою испытывал. А что? И пора! И они свояки - Аскер, Расул Саламов (!!) и он, безвестный Махмуд. А к выбору Азии Айша не причастна. Как приехали на свадьбу Зулейхи и Махмуда Расул и Лейла, ночью Асия с Лейлой делилась, об Айше.

- Я ее не понимаю! С какой стати себя в жертву приносить? Как ты думаешь, у Айши никого нет?- И опять опередила Лейлу, высказав то, о чем та часто подумывала,- и даже: - Монашка?

- Не монашка, а монахиня!

- Можно и монашка!

- А ты сама у нее и спроси, есть у нее кто или нет.

- И спрошу!

И спросит, но чуть иначе: когда Хансултанов на горизонте возник и пришел черед Алии. И когда в те же дни Асия встретила на своем пути Ильдрыма.

- ...Чего шепчетесь? - появился Расул.

- А ты со своей мамой никак не расстанешься! - Обида? - удивилась Асия, а Расул от слов Лейлы помрачнел: Месме-ханум почти не говорила с сыном, только смотрела на него и вздыхала, что время неудержимо бежит, чтоб Расул и седина? Это так несправедливо!

- Знаешь, Расул,- нашлась Асия, чтобы снять напряжение,- смешно сказать: я была влюблена в тебя. Он догадывался.

- И уже разлюбила?

- Даже...- запнулась: нет, это останется их тайной: как она за ним бегала.

Давно это было,- подошла к Расулу, в белом фартучке поверх коричневого платья, школьная форма.

"Что? Колеблешься?"- а сердце гулко стучит, вот-вот сорвется, Расул опешил: сама с ноготок, и так говорит с ним!.. А ведь знал, что младшая сестра у них дикарка. Аскер Никбин успел рассказать. И, не дав ему опомниться: "Будь я мужчиной (?), я бы на Лейле ни за что не женилась!" А Расул подумал, что Асия - об иных его колебаниях, развеселился даже: "Это почему же?"- и смотрит заинтересованно, работать с молодежью он умел.

"А чего ты нашел в ней, театралке? - понимает^ что вредничает, но как остановиться? - Правда, она красива, так Айна ведь еще красивее!"

"Но она замужем!"- радуется, что поймал ее, а та неожиданно:

"Отбей!"

"Что ты болтаешь, Асия?!"- уже понял, что разыгрывает его, но выбит из колеи; ну да, начиталась всяких сентиментальных романов, не отечественных, тут Аскер Никбин на страже,- и сам не напишет, и другим не позволит,- а европейских, когда прапрадеды Азии жили; и наслушалась всяких разговоров на их пестрой и разноплеменной Колодезной,- соберутся, сядут у ворот, и давай трепаться, язык-то без костей, и Асия ловит о настоящих мужчинах, чести мужской и девичьей.

Жалко Лейлу, но кто-то внутри приказывает: говори!

"И Алия красивее!"

"Но она, как и ты, еще школьница, рано замуж".

"Ты подожди год-другой.. Ах да, не можешь: горит поездка!"- Слышала, как Айша вроде бы уговаривала Расула: "Горит поездка!"

Уже вечер, но Асия пошла за Расулом, совсем близко до дому, знает, где он живет, и обратно, а тут вдруг Расул прошел мимо и быстро зашагал вверх, к Нагорной, и Асия за ним.

В старинном доме, окно вдавлено в глубину, на подоконнике горела настольная лампа, абажур снят, ярко-ярко горит, и Расул, увидев свет, вбежал в парадную дверь, мраморные ступеньки и пыльно, ходят не здесь, а со двора, вбежал на второй этаж, и ему открыли дверь, и тут же, у входа, будто давно не виделись, и никак не разнять их: "Подожди, не спеши, мои уши надолго, две серии!.."

Выскочила, и гнев, и страх, и боль, жжет внутри,- а лампа потушена!.. И уйти не может. Вскрабкаться - на Колодезной всему научилась!..- по водосточной трубе, влезть на подоконник, с места никак не сойти. Потом как в забытьи, чувствует, что заболевает, и резь внутри, надо возвращаться, а ноги не идут, жарко и озноб.

"Ты? Асия?! Что здесь делаешь? Ты вся горишь!" Поднял ее на руки, как пушинку, и она обхватила его шею руками. И дома переполох. И объяснить Расул ничего не может - на улице случайно увидел.

И как будто ничего: ни горячей лампы, ни парадного подъезда, и как обнялись у двери, ни голоса: "Мои уши надолго..." - и лампа потушена.

А потом днем, и уже Асия выздоровела, знает, что зовут ее Далею,- Расул сидел на подоконнике. Жениться? Даля не заговаривала, но ждала.

Айша постоянно вокруг Расула, и часто - к себе его домой на Колодезную, особенно как отец погиб; вроде бы должности параллельные, но Айша, хоть и моложе, заметнее, отсек у нее с большим обозрением; и ребят Расул организовал, чтоб похороны ее отца были на высоте. И семейные реликвии: дед! легенда! "Неужели его портсигар?!" Трогал руками, в музее бы ему под стеклом лежать, а тут Расул держит в руках: белый перламутр, а на крышке - трубка, инкрустированная драгоценными камнями, и вязь арабская, очевидно, имя деда, золотая тонкая нить, искусно закрепленная на крышке.

И красивая сестра Айши - Лейла, бросившая институт, врачом не желает быть, поступать хочет в театральный.

Расул рассказывал Дале, садясь на подоконник, об Айше, их славном роде, чуть ли не всю историю семьи; Айшу Даля как-то видела, та выступала на многолюдном митинге, призывая спортсменов с честью представить их край на спартакиаде, где и познакомились Расул и Даля; такие, как Айша, Расула не прельстят.

"А сестры у нее есть?"

И как взорвался Расул: "При чем тут сестры?! Да, есть! И не одна, а пять! - И каждую называет.- Есть очень даже красивые!"

И Даля впервые услышала об Айне: жена поэта Аскера Никбина, читала, оказывается, его стихи. И революционную поэму, на всю страницу в молодежной газете (в оригинале была напечатана и в переводе). "Так он и есть дед их, герой поэмы?! Ну, теперь я понимаю!"

"А чего ты понимаешь?" - раздражен Расул; зря затеял этот разговор! но как остановиться? И об Алие,- о Лейле ни слова. И о самой младшей, Асии, в белом фартучке поверх коричневого платья, школьная форма. Учитель ее небось романтик!.. Уж не Сабир ли? вдруг осенило Расула. Ну да, ведь в его школе!.. Надо спросить!

"А где пятая сестра?" - допытывается Даля.

"Не пять, а шесть! Еще Зулейха и Лейла!"

"Кто же тебе из них больше нравится?"

И снова взрыв негодования: "Как могло в голову такое взбрести?!"

Неделю Расул не появлялся. Даля терпеливо ждала. А когда узнала, что Расул уезжает, да еще не один!.. Бороться? Она слишком слаба, чтобы вступать в борьбу с Айшой! Но ведь и

в те дни, когда, казалось, простились по-доброму, еще и еще! Взлетел, завидя лампу, сквозь пыль, какой-то смрад, сказал, что ему кажется, он всегда будет спешить взглянуть в их окно, чтоб увидеть эту горящую лампу. Жарко стало, как увидел лампу, развязал на ходу шарф, по пыльным ступенькам парадного входа!., и не успел войти, услышал, как щелкнула дверь наверху, и он взлетел.

"Я знала, что ты придешь",- шепчет она, и сброшено пальто, шапка, шарф чуть не задушил, замотался на шее, под ногой запутался, а она в темноте, взяв его за руку, повела. "Ты молчи, я буду говорить, я и вчера, и позавчера зажигала лампу, верила, что придешь, я так соскучилась по тебе, у нас с тобой много-много времени..."

Предательство? Даля винила не Расула: "Я знаю, это все Айша".

"Но мы расписались! Я уезжаю!" И вспомнил, как Даля ему однажды: "Мне стыдно признаться, я иногда боюсь, а вдруг не придешь? И я...- помолчала, а потом, побледнев:- Нет, это только ты умеешь! Как коснешься, и уже... какие-то мои секреты знаешь!"

И свадьба и проводы, вернее, играли как бы свадьбу, а это - проводы: какое веселье, когда недавно -годовщина гибели отца? Шли и шли к ним с соболезнованиями, а мать одета в черное.

Асие казалось, что она - единственная, кто понимает Расула. Не потому ли он, думала Асия, избегает глядеть в ее сторону? И хорошо, что уезжают: не видеть этой фальши! А Лейла как кукла в руках Айши, а потом, как увлечется Лейла куклами, первой ее куклой будет Айша (но это еще не скоро).

Двое в купе. И Лейла прелесть: густые прямые ресницы, а глаза большие, в форме миндаля, веки суживаются к вискам, как можно ее не любить? Три дня пути были сладки, забылись и Даля, и лампа, Лейла влюблялась в Расула, и радость общения с ним была безмерна. Она вся светилась, и Расул испытывал нечто новое, неизведанное.

Но отчего все так быстро прошло?..

- Лейла, ты на меня не сердисься?

- Что бегала за Расулом? ЗНАЕТ. А в Расула все молоденькие влюбляются.- А в голосе укор.- Это он умеет, влюбить в себя.

- Увы,- отделался Расул шуткой,- только собственную жену не удастся увлечь, вся ушла в свои куклы!..- Лейла с недавних пор работает в кукольном театре, объявился дар шить куклы, от мамы, Марьям*ханум, это уменье.- Ты, надеюсь,- спросил он Асию,- пойдешь не по стопам Лейлы?

- Ты что, про куклы?

- Я о выборе жизненного пути.

- Уже решено! - Только сейчас возникло.- Пойду в рабочие.- Протест?

- Айша так и разрешит тебе! - Это Лейла.

- При чем тут Айша?!

- Вот именно! - А это Расул.

- Айша знает? - Лейла решила, что Асия шутит, а та всерьез:

- Вы первые, кому я сказала.- И уже не отступит.

- У меня есть друг, знаменитый мастер, вместе в школе учились, Сурен Степанян, могу ходатаем выступить.

- Здесь можно без ходатайств!.. А о друге твоём я знаю.

- Да?- удивился Расул.

- К нам в школу приезжали весной с Морского, агитировали, один из рабочих так и сказал: "Я учился с Расулом Саламовым!.."- Придумала?

- Конечно же с гордостью?- съязвила Лейла.

- А ты? Подошла к нему?- спросил Расул.

- Хотела, да раздумала... К ним работать пойду.

- Кем?

Вспомнила, как рассказывали об операторе: от датчика к датчику, записывать показатели и следить, нет ли где на линии утечки? Но смолчала. А там и встретит Ильдырма, сменного мастера, с Суреном в одной бригаде,- Ильдырым сначала решил, что важный гость к ним пожаловал, их молодежный лидер: вот когда Асия уверовала, что похожа на Айшу (ей об этом и прежде говорили).

- А как относится к твоему выбору Сабир-муэллим, учитель твой?

У него и собрались все: Сабир-муэллим болел, осколки в теле дают о себе знать, и Асия решила навестить его, а там оказались Сурен с Ильдырым, оба с Морского. Сурен предложил Ильдырму заглянуть к большому ДРУГУ рядом с портом, куда причалил их теплоход,- думал, что не задержатся, потом вместе уйдут, и цепь сомкнулась: сначала восторг Сабира, ибо Расул осуществил (с помощью Айши) дерзновенный полет, почти космический, что именно в те годы вошло в моду, и Сурен тоже перенес свою восторженность на свояченицу Расула, воспламенил Ильдырма, который все еще не мог свыкнуться с тем, что Айша - одно, Асия совсем другое, и вовсе не обязательно, чтоб сестры во всем копировали друг друга: та сурова, такой запомнилась, а эта мягка, не скованна, быстро находит язык с людьми постарше, свой человек в семье Сабира, даже обед успела им сварить, пока они новостями обменивались. И лестно Ильдырму, что у нее знатные родичи, особенно Расул: не надо всем толпиться на малом пятачке, пусть земляки разлетятся по миру и прославят родной край.

Ильдырым взялся проводить Асию, Сурен не может уйти; на что только люди время тратят? сто лет этому шахматному этюду, и Сабир втянул в головоломную интригу, а ключик в этюде - ход конем плюс цугцванг!! и белая королева красиво загоняет в угол черного короля. Асия вдруг чувствует, как в ней, чернушке, просыпается белая королева, и в идущем рядом Ильдырме, большом и сильном, она видит человека, который ей нужен. "Это всегда так,- слышится ей голос Айши, когда та говорила о Хансултанове, ликуя, что нашла Алие выгодного жениха,' без нескольких минут академик, Айша постарается ускорить время; Асие кажется, что Айша говорит о ней и об Ильдырме,- да, невысокая и тонкая,- сказать бы, что изящная,- достается крупному мужчине, а что, разве я не права?" И мать вторит ей, вспоминая присказку о том, что самая сладкая груша в лесу достается медведю.

В Ильдырме Асия видит своего черного короля: он - и никто другой!.. А улыбнется добрыми глазами, и будто давно она знает этого человека. Ни за что своего не упустит Асия, есть у нее что-то общее с Айшой - упрямство, и... недаром они так похожи (еще не раз ее будут принимать за знатную сестру!),- он будет ей послушен. Почему-то кажется, что этот ее шаг - в пику Айше и тем самым... В пику Расулу (?), уж не думала ли, что он будет ждать ее?.. А быть куклой в руках Айши и уподобиться сестрам - ни за что!

- Я его люблю, ты можешь меня понять? Не могу без него! Дотронусь до его плеча, до руки, и мне уже хорошо! Я хочу...- Собралась с духом, Айша удивленно смотрит на нее.- Я хочу, чтоб он поцеловал меня!

- Может, еще что хочешь?!

- Да!

Айша ударила Асию.

- А ты!., а ты!.- задыхалась Асия, и вдруг перед глазами: недавно видела, быстрая Айша идет между двумя рослыми парнями, вся светится, а потом уверенно берет их под руки, лишь на миг встревожено оглянулась, чтоб не видел кто, ни за что не отпустит этих воинов, рабов ее, решимость, как отчаянье, подавила испуг, и не станет озираться, ну да, конечно же и у нее есть! Асия позавидовала, помнит, сестре, обрадовалась за нее, а те рослые парни, вот! именно это!! она и скажет сейчас Айше: - Твои мужчины!.. ПОЖИВАЛИ ТЕБЯ, И ТЫ ТАЯЛА!.. Я сама видела!

И Айша вдруг смутилась, густо-густо покраснела, взгляд на какую-то минуту потеплел, вот-вот она обнимет сестру, извинится, что ударила, и они, плача, признаваясь в любви друг другу, как не раз случалось после ссоры,- обнимутся, сядут рядом. Будто Айша с Айной или с Лейлой, когда та сокрушалась, что нет детей!.. И с Зулейхой тоже, когда Махмуд ей в любви признался, а что? Родные ведь сестры, одна кровь, им и держаться вместе,- а с этой девчонкой!..

- Поступай как знаешь, только запомни, что я против!

Две свадьбы почти в одно время, так уж совпало: готовились всей семьей к одной (Алия - Хансултанов), и тут же новая нетерпеливая пара - скорей жениться!

Надо отдать должное Хансултанову: как породнился, женился на красавице Алие, стал звать Ильдырма в управление, "самодвижущийся служебный конвейер"; а Ильдырым ему на своей свадьбе выдал полушутя, и прозвучало торжественно:

"Должен же быть в нашей большой семье хоть один представитель славного класса!"- и что-то еще в этом роде.

"Не ты один рабочий!"- шепнула Асия.

"Я имею в виду,- поправился Ильдырым,- нас с Асией". И на глазах у родни поцеловал ее, тихо сказал на ухо: "Прости",- смутился.

Да, Расул с Лейлой часто навевались, и на аэродроме цветы, приветствия, танец у трапа, девушки в белых шелковых нарядах, и мчатся по гладкой дороге машины, обдуваемые теплым ветром, пахнущим нефтью. А то и нечто грандиозное. Континентальный Курултай (съезд) Камышологов, стоивший, о чем уже было, много нулей, с палочкой впереди.

"Э,- говорил другу Сабир, сморщив лицо, и о том знала Асия, и обидно ей за Расула,- зачем это тебе?!"

А Расул размечтался о новых заманчивых предложениях; вперед, в сторону, новый качественный скачок и так далее.

"Что?"- удивился Расул.

"Не обижайся только, займись настоящим делом!"

"Учить, как ты, детей?"

"А хотя бы!"- И Расул пожалел, что пришел навестить Сабира: отстал его друг-романтик, что-то в нем от лениности, и застрял, а прячется за фразами, спорили с ним не раз, идя от одного конца города, где их школа, рядом со старой мельницей, до другого, в старую часть,- но не запомнилось, о чем спорили, вроде о мироздании, о том, что такое вечность (?). А ведь однажды Расул дал слово: больше не ходить! Это когда на него с двух сторон надели: Сабир и Сурен, в один из тех своих приездов, когда телеграммы на ярких бланках, и они мчатся по гладкой дороге, и в теплом ветре сладкий запах нефти, напоминающий детство, холодную тень за глухой стеной дома.

Каждый раз не забывал навестить друзей, а потом от приезда к приезду все реже, пока и вовсе перестал ходить, некогда! и отрезала однажды Асия, такое за ней водится, и потом никак от слов ее не отцепишься:

"Не некогда, а не желаешь слышать правду",- тоже мне, учитель жизни выискался!., времени в обрез! останавливался в гостинице. Месме обижалась, и сын, как мог, убеждал ее: и приемы, и поездки, и встречи, ему удобнее жить там, где все гости; и неизменный ритуал - навестить могилу отца - нарушался иногда: некогда!! А однажды и вовсе заскочил к матери на полчаса, а от нее - к Сабиру, у него (так условились) Сурен-Сурик, Поговорили! Так бы и уехал с испорченным настроением, если б не сюрприз Асии: не могла она допустить, чтоб он уехал обиженный.

Расул ставил племяннику в пример Асию, когда тот просил, чтоб дядя позвонил, и племянник долго (и заразительно) хохотал, твердо убежденный, что Расул шутит.

- Очнись, дядя! Она же...- Ну да бог с нею, не станет, обижать: каждый живет как

может, она для него вроде... раненной при шторме птицы, что ли.

"Да,- сказала резко Асия,- не желаешь слышать правду". Но это еще не все главный удар был впереди: "Я бы ни за что не взяла у тебя рекомендацию!" (Асию недавно приняли в партию, и рекомендовали ее Сабир-муэллим, Сурен, Молодежный союз дал рекомендацию. На Морском стала кандидатом, а красную книжку получит в Степном, куда переедет к родителям Ильдрыма.) "А мне нельзя, мы же родственники!" "Если б даже не были родственниками".

"Это почему же? Чем я провинился перед тобой?"

"Не передо мной, а перед..." - кем? - "...перед самим собой! На что ты тратишь свое время?"- И снова умолкла: знает о разговоре Расула с Сабиром, Ильдрым рассказал.

"Но ведь праздник!"

"Не слишком ли они часты?"

Расул пожал плечами: "А я при чем?"

"Ты - не я. И не Сабир. Ты мог бы!"

"Что вы заладили одно и то же: что ты, что Сабир!.."

Сабир вдруг (очевидно, уже не раз об этом говорили они с Суреном): "Тебе-то зачем это, Расул?"- Он понял, но смотрит недоуменно, и снова голос Асии: "Пре*-красно понял!"- "Ох и стукнут однажды кулаком!- и хлесткий взгляд на Расула.- Погорит кое-кто крепко!" (и погорел ведь Устаев).

Нет, Сабир еще не весь выговорился: "И у тебя находится время на эту парадность?"

"Не рады меня видеть?"- Расул пытался отшутиться.

"Я не хочу тебя обижать.- И отчеканил:- Или ты отрываешься от важного дела ради собственных удовольствий, или дело, которым занимаешься, может обойтись без тебя, раз ты часто его оставляешь! Одно из двух!"

"Ну, ты загнул!"

"Я тебе еще не то скажу: может, дело твое - одна видимость, и цепь не пострадает, если вынуть твое звено".

И тут Сурен - Расулу, пока Сабир вовсю не разошелся, не остановишь потом, терзаться будет, смущенно объяснять, что нет сил, контузия и прочее:

"А чего ты не приехал к нам на Морское? Я, по правде, ждал, думал, представишь как школьного друга, я в списке твою фамилию видел".

(А Ильдрым молчит: он тоже, честно говоря, ждал, как-никак свояки!)

"Попросил другой маршрут".- И смотрит на Ильдрыма: мол, ты-то знаешь!

А Сабир, казалось, этого и ждал: "Если б мне тогда,- и правой рукой, она согнулась намертво: не разогнуть, не согнуть, "моя негибкая рука!" говорил Сабир; но пальцы руки и кисть действуют, так что писать этой рукой Сабир может, куда-то показывает,- если б мне тогда сказали, что я буду с тобой спорить, очевидные истины отстаивать!.."

"Ладно",- успокаивает его Сурен.

"А ты миротворец!"- перебивает Сабир.

"Ну чуть переборщили, подумаешь, на пароме столы накрыли, а потом еле-еле карабкались на эстакаду!., ну, лишнего перебрали, гости ведь!"

Сердце у Асии болело. Заботятся о Расуле многие, но так, как она,- ей кажется,- никто; убедил себя, что понимает его и видит, как он мучается; и что, оставь она его, что-то важное утратит Расул, будет как заведенная кем-то на срок механическая игрушка; Асия примет Расула добротой. И ночью звонит в гостиницу:

"Как улетаешь? А мою долму не поешь? Я тебе с гранатом кутабы, пирожки, вчера испекла! И с зеленью, ты же любишь, я знаю!- И перед тем как повесить трубку:- Тебя, между прочим, Сабир-муэллим,- он же для нее учитель,- очень видеть хотел!"

"Виделись, спасибо!- ответил Расул.- По душам

поговорили!"

"Да?"- и уже жалеет, что затеяла разговор о Сабире.

"Ильдырым тебе не рассказал, и он был там!"- Смолчала: вчера Ильдырым был расстроен, рассказал. "Что же ты притворяешься?"- уколос Расул.

И утром рано Асия заявляется прямо в гостиницу с двумя кастрюлями, в них горячие кутабы, ее не пускают, а тут Расул, гостей ведут к завтраку, ну и угостила всех Асия: каждому по кутабу с гранатом и зеленью; Расул представил ее гостям: "Свояченица моя".- И рад, и как-то неловко за визит Асии, а те нахвалиться не могут, особенно шеф Расула, едят и хвалят, не успели остыть, горячие, сочные.

И никто не знает, что улицу, на которой все они стоят в ожидании машины, чтобы ехать на аэродром, а шеф хвалит кутабы, вскоре назовут именем Ильдырыма,

"С чего начал,- качает головой Асия,-и чем кончил".

Постоянный укор свояченицы: она пытается пробудить в нем... кого? мыслителя с трезвым (после долгих дум) взглядом? Или отчаянного, столько накопилось, борца? И чтоб Расул не утратил чувства беспокойства, а оно всегда при нем. Нет, не всегда: в его праздничные приезды была бездумность, уши глохли от лести, язык проглатывался с яствами, взгляд туманился, упиваясь гладью и ширью, а душа, наслаждаясь, ликовала.

Высокую ноту взяла Асия. Это когда Расулу стало невмоготу.

"Действуй!"

"Я взбунтовался и открыл тайну реке, а она унесла",- отшутился.

"Уж лучше высыхающему колодцу!"

"Почему?"

"Вырастет камыш, вырежут свирель, и она заиграет".

"Пастушью мелодию?"

"Нет. Откроет всем тайну".

Укор? Расул прилежный ученик, который с чего-то вдруг обленился, а она строгая учительница, начитавшаяся книжек долгими зимними ночами в селе, после того как заснул в соседней комнате родители Ильдырыма.

И усмешка Расула вышла кривая.

"Тебя учить? Или перевелись друзья?"

Столько передумал за эти годы Расул, что уже не знает, вправду ли Асия с ним говорила:

"Наверно, я жду, когда начнешь ты, а ты - когда я... Что ж, ты вправе упрекнуть меня. А ведь помню, хотела у тебя рекомендацию взять, но нельзя, родственники".

Прежде говорила иначе.

Еще жив Ильдырым, и было это не на Морском, а в Степном, куда переехала после гибели Ильдырыма, получала красную книжку, здесь тоже по новому кругу рекомендации: Сабир левой рукой долго и аккуратно писал, сидя в кабинете истории и макая перо в фиолетовые чернила, специально купленные, ибо шариковой ручкой нельзя, а Сурен дополнил эпизодом трагической гибели, которую она восприняла "мужественно", слова Сурена были четки и лаконичны, без сантиментов.

И о последующем шаге Асии: объяснить мотивы, подчеркнув, как писал Сурен, моральные аспекты. А третья рекомендация из совхоза, партийного секретаря, под его ответственность; тянул он: подожди да подожди, надо, мол, сначала с нулями решить, что и как.

"И я клялась в заявлении..."

"Мы все клялись".

"И что же дальше?"

"Вот и начни,- он ей,- с сестер".

Расул помнит, что Асия сразу замкнулась, обиделась и в ней сидит глубоко гордость за свой род. Не одна она гордится: и он тоже гордился. Айша была права. "Кто к нам примкнет,- говорила она,- того и вознесем". И вознесла!..

Такие вот страсти времен минувших.

А накануне летом - еще жив Ильдырым - стабильность! Крепость! И ничто не застанет врасплох. И Айша... но и не без тайн, ибо у каждого своя дума, и она год от году обретает зримые контуры: Агил то ли бомбардир, то ли анархист, это Аскер придумал, и маменькин сынок, Айна обожает его, возомнил, что нет ему ни в чем запрета, Марьям-ханум, как говорится, души в нем не чаёт, первенец-внук, но неведомо, в каких глубинах копится в нем и рвется наружу боль, как яд: спорит с отцом, дерзит матери, груб с Марьям-ханум, иронизирует с Бахадуром, которого ему каждый раз в пример, и легко слетают с языка колкости, а там кто как хочет...

Да, как порвет с семьей, заплатит штраф за "утерю документа" и по метрике возьмет школьную фамилию, бывшую отцовскую, которую взрослые уже подзабыли, станет Аллахвердиевым.

Адилу скоро в школу идти, он молчун-тихоня, обделили его энергией Махмуд и Зулейха, и он выступает в роли публики, будто поддерживая Агила, а на самом деле рядом с ним по инерции, от лени или безволия, и Махмуд определит его по ведомству технического, неудовлетворенная страсть отца, рядовым инженером, Зулейхой столько накоплено, что хватит и Адилу, и его детям, да и Махмуд тоже, случается, внесет долю в копилку, и немалую, услуга за услугу: уж раз в году может он о ком-то доброе слово сказать, заказ чей-то выполнить, тучи разогнать, а ясное небо над головой что-то да значит, даром это не делается, не придерешься.

Но Адил, когда время подойдет, твердо решит, что нечего ему сидеть на шее родителей, надо и самому что-то значить, под стать ему будет иная форма, ныне популярная среди молодежи, с погонами, чтоб наводить порядок одним своим присутствием, и дороги открыты,- проще всего припугнуть кого, и не голосом, а взглядом, не злоупотребляя, однако, а в меру и по доброте своей щадя, короче, стращать, молча взирая, но пока нем, молчун-тихоня, губы сжаты, но зреет в нем, еще не решил, с кого начать, чтоб помог устроить, очевидно, с Бахадура, пускай тот упросит Айшу.

А Муртуз... Он еще слишком мал, но пройдет год-другой, и он возмечтает о своей машине, подолгу будет вертеться вокруг отцовского шофера, учиться водить, и безотказен, если о чем попросят, ибо здоров, крепок. И в очереди постоит, хотя не пришлось, но зарекаться нельзя, и в чистку потащит ковры бабушкины, огромные тюки или рулоны.

Но как по заведенному, ритуал, когда все вместе (без Асии и Ильдырыма, как будто специально, но случайность, и даже чтоб Расул с Лейлой не подумали чего, будто холодок какой меж ними),- уехали в деревню к родителям Ильдырыма, твердо, дескать, выдерживается заведенный порядок: свободное от работы время проводить там, идиллически (?), помочь по хозяйству, крышу к тому же перебрать надо, заменить кое-где черепицу.

И Аскер Никбин нанизывает слово на слово (как куски ягнятины на шомпол, грубовато, но ласкает слух на языке родном: шиш, "шопмольное" означает, то бишь "шашлык"...), рисуя общесемейный портрет рода и вдохновляясь портретом деда,- висел в городской квартире и не вписывался в общество статуэток, перевезли на дачу, здесь ему привычней и уютней, и море шумит, напоминая о штормах, далеких, как легенда.

И поделом врезала Айша сыну Аскера Никбина Агилу, "некому, дескать, хлеб растить да землю бурить", это у них прокручивается, как видеолента, но прежде - как лента в кино, ибо видео появится потом.

- А Ильдырым?- и сама же изумилась: неужто примирение?

На свадьбу к ним Айша не пошла и сестер не пустила (но Лейла была). И, уже войдя в

роль, добавила:

- Он хлеб растил, а теперь землю бурит!

- И Асия в рабочие пошла!- подсказал Бахадур, он недавно видел у Асии ее служебное удостоверение - большая фотокарточка, вылитая Айша на Доске почета, а там, где должность, звучное слово: оператор. "О!..- сказал Бахадур.Всего-навсего учетчица!.." - и тотчас забрала удостоверение (а ведь фотографию дала не свою, испытать хотела - и обошлось: тайком у Айши взяла; красивая фотография, удачное выражение нашли).

Агил ухмыльнулся, а отец, дабы упредить его очередной наскок, заговорил о Лейле и Расуле, что-то о "над-президенте" (?) и куклах:

- Какой у Лейлы кукольный театр, где разыгрываются свои интриги!..Расхохотался.

Надо же: Агил вскоре, будто в укор всем, когда Ильдрыма не станет и Асия покинет дом, уедет в деревню, напомнит снова: "Некому у нас хлеб растить и землю бурить!.." - и Айша опять невзначай возмутится, об Асии скажет, хотя сестра смертельно ее обидела, но тут не до обид, новые веяния, и надо гордиться такой родней, если даже... но редко когда слова раньше дум, а тут на минутку забылась: Хансултанов!.. У Асии зрело давно, а тут прорвалось. "Ты! ты!.." - вцепилась в галстук Хансултанова, скрутила жгутом, такая маленькая перед ним, и он не ожидал внезапной атаки, мотает огромной головой, а узел еще туже затягивается, побагровел весь, галстук душит.

Асию оттаскивают, Айша, кажется, и он изо всех сил воротник оттягивает, пальцы с трудом вдел, чтоб от бешеной петли спастись.

А потом хватал разинутым ртом воздух, никак не отдышится, галстук на плече, рубашка вылезла, впихивает в брюки, пальцы не слушаются, дрожат. "Стой!" - ему Алия, чтоб не дергался, а он тревожно оглядывается: видел кто? слышал?.. Решительно поправляет ему съехавший галстук и выталкивает за дверь.

И Айша напугана: а вдруг разрастется? никакой ведь вины, это ж ясно, но поди докажи. "Если вы сами себя обвиняете!.." Спешка была, давил Хансултанов, торопил, и она тоже, но как хорошо, что не громогласно, нажимала, какая досада.

"При чем тут он, глупышка?" - пытается успокоить.

"Пусти! - вырывается Асия.- Он ответит!"

"Разве нам не больно?!"

"Вы все!.."

"Несчастный случай,- как можно мягче,- кто мог знать?"

И снова: "Вы все!.. Распирает вас, только б урвать вам"

"Не забывайся, Асия.- То ли предостережение, то ли мольба.- Наша семья на виду". "Ну да, это ж мы, Аббасовы!" "Ты тоже!" "Да, и я тоже!.."

Потом еще поговорят, на сей раз без уговоров, резко.

"Беда ослепила тебя. И тебе наплевать на нас, на твоих сестер. Это ж удар и по Алие!"

"Загремите однажды все!"

"И ты будешь радоваться?"

"Успокоюсь!"

Айша была так напугана, что решила не ждать, а действовать, отвлекающий маневр (?), выступить с докладной запиской: копни любого!.. И ночью, перед сном, в ушах слова Устаева: "А ну-ка давайте расследуем!.." Он дотошный, вернее, был им. "Давили своим авторитетом? Зуд тщеславия?! Кто позволил эксперимент? Где расчеты и выкладки? Даже рекламу создавали!.. Всем родом: и вы, Айша-ханум, хи ваши зятья?.. Ах, стихия? Ну как же, небывалой силы шторм!.."

Одно к одному: провал хансултановской авантюры, гибель Ильдрыма, разрыв с сестрой,- после письма Айша выкинула ее из сердца!- страхи, докладная записка и... уход Устаева!

А прежде ушли ее, Айшу.

Между уходом Устаева и приходом нового, именно в этот промежуток, и была названа улица именем Ильдрыма, великий соблазн был сказать Устаеву (но лучше промолчать!), а потом поздно говорить, ибо могут спросить: "А почему раньше мы не знали?" Мол, выгоду извлечь намерена.

"А что? - продолжил тем временем Аскер Никбин, и Айша благодарна ему, что выручил. - Наша семья и впрямь может руководить. Если включить сюда и Ра-сула ("надпрезидент?"), да еще кое-каких иных родственников, вот бы кому заняться на досуге, выверить-вычертить! лучшего бы государства на земле не было!"

Но почему Бахадур назван в ряду вождей?! то ли дар провидения у Агила, они почти ровесники, то ли еще чего, - "а ты случайно неходишь, программист-математик Агил, в полуофициальное, да, да, строго засекреченное! общество парапсихологов?!"

И тут - гром!

Первым весть о Джанибеке принес Махмуд. Слухи слухами, а здесь точно.

Но сначала ушли за докладную Айшу. Потом ее шефа, Устаева.

И ведомство неделю лихорадило без шефа. Разваливается!!

И чего она полезла?! - только на миг это сомнение. ЧЕГО ЕЩЕ ТЕБЕ НАДО БЫЛО? Неделя-другая, и занять Хансултанову высокую башню, а к ней скоростной лифтооставалось только подписать! А там, как по цепочке, и у Аскера Никбина выгорит, Хансултанов обещал выбить место, как у соседей: поэт-академик, скоро выборы, и бросил фразу, пусть работает: надо, мол, и~ видных деятелей искусства в науку привлекать; шепот по залу разросся в гул, шумят, гремят, но кому связываться охота, тем более что знают, пошла бумага.

"А то что получается? - перекричал Хансултанов рокот, массивная трибуна вот-вот рухнет под напором могучей сутулой спины, и весь он нацелен на зал, который утихомирился, слушая занятный рассказ: - Ну, что за мазню иногда показывают? Этот, как его, художник! лженоватор! нарисовал ребенка, голова у него вот такая, - рукой показывает, - как яблоко, а держит в руке гранат величиной с арбуз!.." И о силе настоящего искусства - о том, как однажды стоял у картины: "Ну, вы знаете, в музее у нас, у самого входа, висит, море клокочет и волны! Смотрел я на нее, - и руки к вискам приложил, пальцами вперед, как шоры, вроде конь какой, показывает, как смотрел, - и вдруг как обрушилась на меня волна, шарахнула меня по стене!! вот это искусство!.."

Не успели.

А ведь и рисковал Хансултанов: дорого ему могла стоять история с обрезанием Муртуза. Айша пыталась тогда воздействовать: делай свое дело, но тихо. Как тихо?! Это ж свадьба! первая свадьба будущего мужчины!..

Будь что будет, рискну!.. И созвал Хансултанов сотню-другую гостей, торжества в старом отцовском доме, двор вместительный, столы по краям, музыканты, шашлыки, плов как горная гряда, и просторный круг для танцев, а среди гостей - иностранец какой-то, вернее, прибалт (а это латыш), пришел на свадьбу, ни жениха не видно, ни невесты, а потом мальчик появляется. "Вот он, шепчет ему на ухо сосед, - виновник торжества!" "Как, и уже родился мальчик?" Долго хохотали над латышом: и обрезание - это свадьба, объяснили, так принято у нас.

Проскочило, прошло: ни замечания Хансултанову, ни упрека, - уход Устаева спас, не до него было.

Как же Хансултанову проворонить такого лезгина, мастера по обрезанию? Папаха пахнет бараном, а усы от махорки порьжели, чубук курит. А главное, безотказно орудует камышовыми приспособлениями, и вдеть не больно, и лишнее наружу, и нож острый, отвлечет малыша шуткой, глаза страшны, лучше помалкивать Муртузу, не почувствуешь даже, как кожицу срезали. И пеплом посыплет ранку, чтоб никаких заражений-нагноений, это

уже много век Чэв практикуется, почище чем в клинике у опытного хирурга. А за что Хансулта-нова ругать? Какой антиобщественный поступок он совершил? Какую идеологическую диверсию? Пусть бросит камень кто безгрешен по части обряда. Да и кто не обрезан? Даже... но подробности ни к чему: и все зятя, и их дети, и тот, кто... короче, сколько лет прошло, а ничто не меняется (из заведенного), к тому же гигиена.

Сомнение не дает Айше уснуть: может, не будь ее докладной, а ведь продумала до мелочей! и ей казалось, что именно теперь! время назрело и о себе самой дать знать, и Устаева в действие привести, взорвать эту благодушную атмосферу в их ведомстве,- не получилось!

Изменение обстановки, как ушли Айшу: Аскера Никбина нигде не называют, будто нет такого поэта, Махмуда не утвердили, и он сник (вакансии по традиции занимаются не скоро: конкурс по слухам отбирает и отбрасывает кандидатуры, ждут-взвешивают, пока неожиданно не объявляется претендент, о ком прежде никто не слыхивал).

- Тебе бы радоваться,- успокаивает его Аскер.

- ?

- Учреждение твое, куда ты так рвешься, в зловещем треугольнике.- И поясняет, пока Махмуд недоуменно смотрит на Аскера: - Меж кладбищем, зоопарком и тюрьмой! Можно выбирать, кому куда! (И в первое свое дежурство Махмуд услышит львиный рык, вздрогнет, так близко, будто за дверью!.. И тотчас истошно закричат обезьяны: лев рядом!)

- Эх, не то обидно, что не утвердили, а что сидит там человек, который клики от клоаки отличить не может!

- Одного поля ягоды: что клика, что клоака, за это снимать не станут!- И еще что-то в этом роде говорит Хансултанов, мысль свою развивает, а внимание Махмуда вдруг привлек сынишка Хансултанова - Муртуз: у Айши на подоконнике фиалки расцвели, подойдет незаметно к ним, раз - и отщипнет голубой цветок... Махмуд аж опешил: маленький такой палач растет у свояка - голову фиалок ноготочком срезает!.. А как сказать?! насмерть Хансултанов обидится!..

- Эх, бросить все, уйти в свою автоматику!

- А кто тебя туда возьмет? Ты ж отстал! Правда, твое изобретение действует безотказно, слышал я: муфта Махмуда! вошла в научный оборот...- И вздохнул Хансултанов: о Гиндукуше ни слова, удержаться б на Эльбрусе! Он знал, на какой стул ему садиться: третий в пятом ряду, а на сей раз почему-то (!) забыли даже пригласить в президиум.

А тут еще и Асия заявляется, впервые после всего, что случилось, вернее, Бахадур ее пригласил, благодарный ей, что она пошла с ним на заключительный вечер в школу, и этот ее визит он назовет впоследствии СМОТРОМ СИЛ СЕМЬИ в тяжелые для нее дни; встретились с Бахадуром случайно: он шел, думая, кого бы это позвать в школу, а тут вдруг Асия: "Привет сельской труженице!" "Я только на день",- будто оправдывается. "Ну да, весь край от мала до велика собирается к вам, чтоб помочь, а ты - в город!"

Поистине смотр сил: с Бахадуром, потом к Айше (Асия нет-нет, а виделась с матерью, когда дома никого); и что это Асия вдруг решила явиться именно в эти дни?! пойдет и к Алие, но не домой, а прямо в клинику, перед тем как уехать в деревню; может, и к Айне? к Зулейхе? если успеет.

Да, Айша весь день дома сидит, ждет. И чтоб так нелепо оборвалось?! как загнанный в клетку зверек,- жалко сестру. Но лучше не приставать, еще вспыхнет!..

- Можешь радоваться! - ей Айша (И ЧЕГО ТЫ ПРИШЛА? И недавний ее восторг, когда она в пику всем, показался ей глупой выходкой: "Как некому? А Асия?!") Вечность, кажется, с той поры прошла).

- Чему радоваться? Твоему падению? Такие, как ты, здесь утонут, там всплывут!- Ирония? Пророчество? Успокоить-утешить чтоб? Уколоть?..

Посидеть бы тихо-молча, и Зулейха тоже молчит, будто на поминках, причем, в пик траура, день третий или седьмой, хотя - о, глупцы, усмехнулась Асия, и Айша вскинула на нее злой взгляд, даже мать и та встрепенулась, боясь, что вспыхнет спор, разругаются сестры, и без того примирение на волоске держится. И вспыхнул (тут же погаснув).

Массивный стол посередине с резными ножками, а на нем - высокая хрустальная ваза с крупными золотыми медальонами на ней, под старину, НАДО Ж, ДОДУМАЛИСЬ, недавно появилась, сияет гранями, а медальоны будто цельные, вмурованы, и такая скатерть, что рукой боязно тронуть: золотая парча (нежный, ручной работы, тонкий ковер).

- Да, был у нас на Колодезной обычный стол, на нем и уроки делали, кляксы на клеенке, и содой стирали, съедая узор, и отец на нем работал, за ним и пир закатывали.

- Пир? Чай только!

- И тебя,- на Бахадура смотрит,-на нем пеленали.

- И тебя тоже,- ей мать.

- ДА, ВСЕХ НАС. И ты настояла,- Айша говорит, НЕ МОЖЕШЬ БЕЗ .СТЫЧКИ,-чтоб мама выкинула этот стол как рухлядь.

- Тебе бь! радоваться... осторожно! выронишь! ей цены нет!- Асия только протянула руку, чтоб дотронуться.- Специальный заказ!

НЕЧАЯННО ЗАДЕВ РУКОЙ, СБРОСИТЬ.

- ...за мои труды, если на то пошло!

Я Ж МОЛЧУ, ЧЕГО ОПРАВДЫВАЕШЬСЯ?

- ...не украла, не ограбила!- Это чтоб все слышали.

- ХУЖЕ! ТЫ УБИЛА!

- ??

- ВЕРУ УБИЛА!

- Перестаньте,- вмешалась Марьям,- а то запутаюсь.- С кружевами она.

- Я молчу.

- Нет, пусть скажет, раз пришла. _

- Убила... Многое во мне убила,- тихо сказала, почти про себя.

Айша как будто ослышалась. И мать тоже. И Зулейха, и Бахадур.

Асия выговорилась, как выдохнула, Никто даже не отреагировал: что за вера? и при чем тут убийство?

Помешалась на страхах. Айша повела плечами, мать уткнулась в вязанье (на сей раз для неведомой невестки?), немислимые по узорам кружева, лабиринт, Айша молча вышла, а Бахадур задумался: что же теперь будет?

- Я пойду...- Зулейха чмокнула в щеку мать.- У меня сегодня масса вызовов.- А прежде позвонила к себе:- Срочных нет?.. Спасибо.- И повесила трубку, зашпешила.

Тихо. Слышен набегающий издали нескончаемый гул: то ли длинный состав, то ли снег в горах шумно тает, ветер принес.

"Угомонись, придира,- усмехнулась Асия,- чего пристала к сестрам, когда у тебя у самой..."-да разве объяснишь? И тайна, и ложь с Африкой, и что жив Ильдым, и ой-ой какие нули, а будут еще, вздохнула: и сколь долго это будет? А изберут бригадиром, и узнает про пашню орошаемую, и про ее сокрытие (чтоб прогнать, когда тайное станет явным).

И в доме есть чем гордиться: Бахадур.

- Что не порадуешь маму?,- говорит ему Асия, и рассказывает Марьям, что была в школе, а Бахадур разворачивает только что полученный аттестат, скоро и золото будет, медаль. А докторская Айны? (Успела!) И к Хансултанову Асия зла не питает.

Посидела и ушла. К Айне: надо ж хоть поздравить! Но и там траур, ходит Аскер Никбин из угла в угол, вздыхает, и вздохи его долетают до Асии в другую комнату, где они сидят с Айной:

- Это он так работает!

- Вздыхая?

- Очевидно тяжелая сцена - убедил жену, и она верит. А поэт об Устаеве думает: неужели крах?!

И к себе на квартиру, которую ей Расул с Лейлой оставили,⁴ а там живет еще мать Расула, Месме-ханум,- приезды Азии сначала воспринимала настороженно, при своей-то живой матери! но так велел Расул, чтоб Асия, приезжая из деревни, жила у них, выполняет волю сына; и радуется в душе, что есть рядом с нею человек, и рядом, и далеко: а как приступы учащаются, что тогда? И однажды некому будет вызвать "скорую".

Асия не успела к Алие, да и не пустили бы: шла операция, и очень удачно получилось с искусственной почкой,- ждали, и случай помог, а накануне, как стала Алия нить и крупные ее бриллиантовые серьги играли гранями: "Надо достать!!"

"Но что я могу сделать?- возмутился Хансулта-нов.- Прикажешь кого-то задавить, и тут же к тебе, чтоб донорская почка была?!"

Да, случай помог, пока один не умрет,- старая-старая поговорка, часто Алия вспоминает,- другой не родится! А потом, как удачно прошла операция, и хирург, и ассистенты, анестезиологи, сестры - так у них всегда - собрались в ординаторской, а там огромный стол, выпили коньяк, непременно французский, а вскоре перейдут и на наш, местный, аранский, ибо патриоты, и закурили, дымя пахучими сигаретами, блоки у нее всегда, и "Кент", и "Мальборо", в открытом ящике письменного стола в кабинете,- любой запросто входит к Алие, любимице клиники, ибо нет у нее тайн от коллег-врачей, и опытом щедро делится, и с медперсоналом добра, никогда ни в какие конфликты,- и чего скрывать от других, как она живет?- да, ни в какие конфликты, а там у нее и ссоры, и слезы, старшая сестра все равно будет требовать от сестер, ибо каждый на своем месте любит быть начальником: да, деспотична, но как иначе? и простыни чтоб всегда были чисты, и никаких подмен старых на новые, и лекарствам учет, и дежурства четко расписаны, а о том, что Алия всегда после операции курит,- кому какое дело? Алие кажется, что именно курение позволяет ей сохранить форму, надоели с вопросами:

"Какую диету держите? Английскую? Шведскую? Французскую?" И даже пьет, Хансултанов не догадывается, не ведает и о том, как его жена с больными общается: сразу на "ты", и никаких церемоний, скажет - как отрежет, а с женщинами иногда и такую многоярусную матерщину!., хоть уши затыкай, кто духом слаб; это она с Хансултановым и его краями робка.

Когда же кончится ожидание?!

И в который раз Айша оживляет в памяти, так и свихнуться можно, тот роковой день, после докладной: Устаев ее пригласил и хриплым голосом, синяки под глазами, кислый запах изо рта, Айша невольно отстранилась, а он уловил, и тотчас неприязнь и раздражение, не пристало-де строить догадки, основываясь на слухах; как шло - так и пускай идет, ухватились за руки, и там, наверху, и здесь, никого не хотим выпускать из нашего круга, и пошли в танце, а мутить воду, вносить в ряды раскол, чернить испытанных (имен не называет, а у Айши дюжина их), и о соре из избы, слушала, как в тумане, чуть дурно ей не стало, когда отчеканил, обретя боевитость: "Мы с вами не сработаемся..." Что ж, не захотел воспользоваться услугами Айши, а заодно укрепить свои позиции.

Да, поделом ему: не успел прогнать Айшу, как его самого торжественно проводили, но торжественность эта фальшивая, всем ясно.

И возник Джанибек (Гусейнович).

Уж кого-кого, а не его ожидали. Думали, к примеру, о высоком и стройном, под стать камышу (кипарису, может?), а пришел низкорослый и упитанный крепыш, могучий, как дуб, а точнее - как шар; и крепкие, хотя и кривы% как у опытного наездника, ноги.

Айша была убеждена, что о ней вспомнят: "А где наша чернушка Айша? Огонь-девица, а?!" А кто вспомнит? Но разве из прежних не могут? Чтоб отмежеваться от Устаева: "Самодур! И как посмел? Создал в ведомстве атмосферу подхалимажа, лизоблюдов искать не надо, а она, эта хрупкая женщина, возьми да и выскажи ему! А ведь ей было что терять! И нас ввел в заблуждение!.."

Айша отчетливо представляла: держат в руках ее послужной список и восторгаются: "Ай да чернушка!"

И держит Джанибек!

- Чтоб меня?!- рассказывает Айша Расулу с Лейлой, на день прилетала.

Да, это был великий день в ее жизни, когда пригласили! И не потому, что кто-то вспомнил: "А ну, где наша чернушка?!"- такого не дождешься! Докладная ее случайно в руках Джанибека оказалась (затерялась в ящике стола?), вот и вся загадка. И не успели пригласить, как о том пошла по городу молва. А когда, окрыленная, вышла на улицу - знали в крае все.

- Нет-нет, ты по порядку! (Это Аскер Никбин.)

- Ужасно устала! Всю ночь вчера, как позвонили, не могла уснуть.- И сладко зевнула. Зятя подумали, что ослышались.

И Хансултанов: что дальше?! Эльбрус (не прочь здесь закрепиться: третий ряд, седьмое место!)? Или Джомолунгма (здесь первый!)? И Махмуд: как же с сетью?!

("И ни слова обо мне?"- так и хотелось Расулу прервать, когда Айша рассказывала.)

А у Бахадура фантазия разыгралась, но взгляд не выдает.

Еще вчера днем и помыслить не могла, даже в пять вечера, когда ей позвонили. Вся мокрая, как мышь, и слова сказать не может.

- Прислать за вами машину?- Розыгрыш? Ну нет - подделывать голос!! Так прогремишь!

- И обо мне ни слова?- спросил-таки Расул, прервав ее ("Не хотел меня отпускать, а я ему: Джанибек Гусейнович, там вас ожидают солидные люди!").

- Нет, отчего же, спросил: "Вы, кажется (!!), с Ра-сулом родственники?"

- И что ты?

- "Да, родственники", сказала как есть.

- И все?

- А что еще?

Джанибек задал тогда вопрос Айше столь неожиданно, что она растерялась: знакомы ли Джанибек и Расул? и как Джанибек относится к Расулу? похвалить? или осудить? мол, да, родственники мы, и безучастно; а не подумает ли плохо: "Если вы так можете о своем родственнике, да еще таком, как Расул!.."

Джанибек (он все-все знает: и о зятях, и о сестрах, пятеро, кажется, со счета сбился Джанибек, есть еще одна, да, да, шестеро! но до нее руки не дошли еще, некогда пока, к тому же фигура не решающая, вне сферы, но имя запомнил, вроде континента, Асия) еще вопрос подкинул:

"Расул, кажется, помогал вам?"

"Он? Мне?!"- Айша улыбнулась многозначительно, и это можно было прочесть и как благодарность, и как иронию.

"И конечно же,- попытывался Джанибек,- вы поддерживаете тесный контакт?"

"А как иначе? Ведь моя сестра замужем за ним!"- Лучшее нейтральное, мол, через сестру.

"Это какая?"

"Лейла".

Задумался, будто вспоминает.

Интуиция не подвела Айшу: откуда она могла знать, что котировался и Расул, пока об этом, и то в пылу полемики, не скажет ей он сам; и добавит: "Не забывай, что мы не аранцы!"

Когда шли разговоры о новом шефе, у нее мелькнуло: "А вдруг Расул?" Но тут же отвела эту мысль: во-первых, Расул только что получил новое назначение, а во-вторых, Лейла сказала бы (но и Лейла не знала!).

И даже Асия, казалось, с чего бы ей? как только скинули Устаева, подумала о .Расуле; Айша забыла - Асия тогда ведь сказала:

"Да, жди, непременно пригласят, может, сам Расул и пригласит?"

"Расул!- вспыхнула Айша.- Пусть о Лейле лучше подумает!"

"А что Лейла?"- Айша ни слова.

Но волна слухов прокатилась через их семью. "А если Расул, а?" Хансултанов высказал догадку, но прозвучала она как шутка.

- Кстати, вы с ним знакомы?- поинтересовалась Айша, видит, что Расул не удовлетворен ее ответом Джанибеку.

- Прекрасные отношения!

- Да?- недоверчиво.

И вскоре, когда все уже стабилизируется и Айша. войдет в рабочую форму, бросит на радостях клич сестрам, не раз случалось и прежде: "Ну, хотите поехать?" Были в Таллинне, в Риге, там хоть шаром покати, надо в новых краях поискать, прибалтийский вояж в моде, для кавказцев как заграница. "Куда? В Вильнюс!"

Позвонила Расулу: "Отпусти жену". У каждой сестры хобби: у Лейлы вкус, у Айны пельмени. "Крохотные, красивые, вкусные, в ложке умещается девять штук!" гордится Аскер Никбин умением жены готовить пельмени. "Не девять, а тринадцать!"- поправляет Айна.

Как без хобби в наш век прагматизма, чтоб уйти в свой мир? Вкус не хобби: у Лейлы еще и куклы, будет шить, и сошьет, чтоб интриговали, и оживлять, чтоб не гасли страсти, а у Айши... Что же у Айши? А у нее домашние и общественные интересы сливаются: взлет сестер, слава семьи, ибо ячейка. И мощь брата, особая ставка на Бахадура, который продолжит их ветвь, соединившись, это из заветного... а с кем? но разве мало процветающих здесь родов? Ну и соблюсти форму, чтоб поддерживать престиж: и дом, и безделушки, ведь женщина! и рослые парни, готовые по первому зову явиться. И конечно же ритуал встреч, улыбки, безотказность, когда по одному ее слову тотчас включается автоматическая система управления: люди должны чувствовать, что Айша сильна, и запас ее прочности велик.

На сестер спрос. Мужество требуется, и подвиг в придачу, чтоб не отведать и шашлык, и прочее,- никакие почки-печень, пузыри всякие не справятся, надежда только на нож! И диагноз чтоб был точным, прежде чем резать.

Да, хобби, а мучимый думами Расул допытывается у Айши, которая предлагает Лейле занимательное путешествие: увязли гусеницы!! что и как там у них под водительством Джанибека. Можно подводить некоторые итоги кипучей деятельности.

"Да, да, много перемен",- уклончиво отвечает Айша. А не вслух: "Мы ж по междугородному!" Трубка уже в руках Лейлы: "А ты-то сама едешь?" Что муж, что жена! "Ты с ума сошла, как же я могу?!"

Хансултанов сердится, что жена в путь собралась, но молчит. Алия ему как-то шкатулку показала, тоже хобби, чтоб поразить: такое Хансултанов только в кино видел, про Али-Бабу и его сорок разбойников: открывается крышка сундука, и от блеска лучей в глазах рябит. А Зулейха в эту именно поездку приобретет такие серьги, что сама Сальми, жена шефа Айши, а уж всем известно, что Сальми славится своими крупными побрякушками, удивится, увидев их в ушах Зулейхи.

И летят сестры. А здесь, куда они прилетели, еще не разобрались, что к чему: крохотная

площадь, в которую вливаются узкие улочки (вроде улиц их старого города), а на углу низкое здание, помещение маленькое, как войдут сестры и колокольчики на двери зазвенят, можно закрывать и никого не впускать, это надолго. А с ними еще и сыновья, ведомые Агилом, у которого уже давно усики, и Адил с ними, и Муртуз-младший, все семеро крупные и смуглые - по узким улицам древнего города, похожего на музей, большие красивые черные глаза, заглядываются на них.

Два номера люкс рядом, сестры громко переговариваются через окно на непонятном здесь языке, а на них сразу сверху и снизу: "Дайте уснуть!!" кричат. "Аа...- недоумевает Зулейха.- Что за люди? Радоваться жизни не умеют!"

А утром, перед тем как выйти из гостиницы: "Что? Что с тобой?!" перепугалась вдруг Алия; Лейла, белая как полотно, сжала губы, все нутро выворачивает. "А ты случайно...- спрашивает Зулейха, ведь лучший диагност! И взгляд испуганно-возбужденный, с искрами радости. Сестры ждут: когда же у Лейлы кто родится? - А ну дай в глаза посмотрю!" Она сначала в глаза: они обычно затуманенные, когда тайна в них, и чуть-чуть припухлые губы.

"От краски это, пройдет!" (только что выкрасили дверь). Аллергия?..

"Да, да, от краски, а я уже думала расцеловать тебя, Расула обрадовать!" сокрушается Алия. Наутро прошло.

"Неужели только это? Не ожидаете ничего нового?"- Сестры забыли уже и Лейлу, и обморок ее, Зулейха - сама озабоченность, пытливость, и глаза шарят по прилавку: а цены! а цены! Симпатичные блондинки, на вкус зятьев. И косятся сестры на Агила, особенно Айна, обожает своего сына, смотрит, как он украдкой на блондинок заглядывается, и жар заливает ей грудь. И чтоб не спеша рассчитаться,- в кабинет, ведь такие суммы! "И все же,- радуется Зулейха, честнее платить, сколько указано, а не по принципу зеркального отражения". Лейла не поняла. "Как, не знаешь?"- удивилась Зулейха. И пояснила: "Зеркальный принцип, это еще столько же!"

Полезно проветриться, новые края увидеть, от мужей отдохнуть.

И просьбу Айши выполнили: ажурный лепесток, а на нем, будто звезды на южном небе, крупные светятся - чистая слеза! а грани!., из глубин вспыхивает ярко-голубоватое, и луч вонзается в зрачок.

Все бы ничего, только не обошлось без шалости Агила, дай ему только повод поиздеваться, не упустить случая,- на радость Асии, Лейла ей расскажет про эту самую выходку племянника, поначалу и Лейла, не скроет, волновалась: на сей раз сестры раздражали ее своей суетливостью - и то взять, и это не выпустить из рук, а чтоб урезонить, их, стыдно ведь, что подумают? нет, не может она, это Асия только умеет, а вот и новый выискался - Агил!..

Исчезла коробочка с ажурным лепестком! только что была, Зулейха в руке держала, потом Алия разглядывала, передала Лейле, а она, толком не рассмотрев, протянула Айне, та взяла, положила в свою сумку,- и бац, нет коробки!

"Агил!"- тотчас решила Айна: случилось уже - спрячет сын ценную вещь, над которой кто-либо из них, Айна или Аскер, дрожит (было с перламутровым портсигаром деда! семейная реликвия, и она - у старшей, Айны), а потом приходит, когда весь дом перероят: "Получайте, рабы вещей!.." - или что-то еще в этом роде.

И Айна при сестрах крикнула Агилу:

- Живо клади на стол!
- Что?
- Сам знаешь! коробку!
- С синим бархатным верхом?
- Да.
- Сейчас.- И направился к выходу.

- Ты куда?!
- За коробкой.
- Разве она не здесь?- побледнела Зулейха.

- Я, кажется, внизу у дежурной ее оставил, думал, пустая.- И выскочил. За ним Адил, далее Муртуз. И сестры одна за другой. Загрохотали ступени (с одиннадцатого этажа!). А эти на лифте. Подскочили к дежурной, и у ее окошка коробка с бархатным верхом. Агил первый взял ее, помедлил, пока все подойдут, и торжественно открыл - пустая!

Зулейха тут же к дежурной:

- Коробка пустая!
- Ну и что?- не поняла та.
- Как ну и что?!

- Видите ли,- сказал Агил, подойдя к окошку,- моя тетя,- и на Зулейху показывает,- могла бы купить всю эту вашу гостиницу, но дабы не плодить безработных, ибо в таком случае вы...

Зулейха резко оттолкнула Агила: "Сус! то есть "Молчи!" - И к дежурной:

- В коробке была драгоценность!
- Понятия не имею.
- Но коробка была у вас.

- Я правильно исполняю свои обязанности,- румянец выступил на щеках дежурной,- и не принимаю на хранение драгоценности жильцов.

- Но она лежала вот здесь!

И тут вступила в переговоры Айна:

- Мой сын... Агил, объясни, как все было!

- Меня перебили, извините. Я начну сначала. Мои тети, как, впрочем, и моя мама тоже, приехали сюда, чтобы очаровать ваш ювелирторг. Нашими стараниями он подчистую...

- Дрянь!- Алия ударила его кулаком в спину, а мать оттащила от окошка, шлепнув по башке.

- Ну вот, еще и бьют!- усмехнулся Агил.- Извините, что побеспокоили вас, содержимое коробки в нашем номере, элементарная моя рассеянность!

С Зулейхой, как вошли в номер и Агил, достав лепесток из-под подушки, бросил на одеяло, началась истерика, Алия проклинала тот час, когда согласилась ехать с ними, Айна била себя по коленям и охала - за что ей такое наказание?.. А Лейла притворно изумлялась: "Не нахожу слов!"- и думала про себя: Асию б сюда; но и упомянуть о ней не решается: опять начнут говорить о странностях ее, да и Алия не утерпит - пятно на их семью, нелепые обвинения Асии, брошенные в лицо Хансултанову; посметь пойти на такое!

Явились, как приехали, к Айше и подарок - ажурный лепесток ей преподнести хотят. Чтоб непременно Лейла вручила.

Айша обняла сестер, и они прижались друг к другу, и Айна, и Лейла, и Зулейха, хорошо, когда вот так, все вместе, и в беде, и в радости... "Любимые мои девочки, спасибо вам!.. Нет-нет, ни за что (чтоб взять как подарок), мне самой девать некуда, ну да, что стоят эти рубли?! вода! бумажка!..- И плачет от радости, что сестры о ней думали, и смеется, что хотят ей даром отдать,- ни за что!"- И до рубля расплатилась, ведь несут и несут. Не рассказывать же сестрам, как и те ей не расскажут, ибо неэтично, сколько разного всего накоплено,- а вдруг бы и не вспомнил о ней Джанибек? Она, к примеру, недавно Унсизаде звонит, из соседнего отсека, вузовский шеф: "Надо устроить",- кто-то ж должен учиться, какая разница кто? А благодарность - ей, что устроила, потом он, Унсизаде, непременно к ней с просьбой обратится, ведь кому-то надо занять вакансию, не все ли равно? и благодарность на сей раз ему, обоим хорошо, и ей, и ему (и тем, чьи дела устроены), и можно припеваючи, важно только, чтоб аппетиты были умеренные, не зарываться, но чаще контакты не прямые, а

через доверенных, близкая подруга (Айши?), с которой договорились, и она, как пчела с цветков, дань, отработано с давних еще времен. Каждый месяц можно обновлять наряд (гардероб?) и гарнитур (на всю квартиру): правда, случается и затор, с зеленым горошком,- всех обойдешь, всех обзвонишь, нет и нет!..

Кстати, а кому это мешает?! И кто кого неволит? От чистого ведь сердца,- и гостей принять, и друзей навестить, и череда праздничных дней (рождения, юбилеи, свадьбы, пиршества...), да еще содержание надежных глаз и ушей, чтоб быть в курсе и не упустить чего важного в гигантски разросшемся городе с его пугающими цифрами микромаассивов, посыльные всякие, мелкие поручения, кого-то приструнить, и рослые парни.

Да, выдвинул Джанибек ящик стола, а там докладная Айши. И полное совпадение: по фактам, по лицам, все-все! "Ай да чернушка!" Ну да, ведь и он тоже СОБИРАЛ (и прятал в сейфе, у себя дома, незаметно вмонтирована под репродукцией картины... но кто у него был дома?., кажется, картина Шишкина "Утро в сосновом лесу"... или бору?): агентурные сообщения секретных сотрудников, донесения осведомителей-добровольцев, магнитофонные записи подслушанных разговоров: у кого телефон, а у кого - под столом, жалобы всякие...- будто Айша у него все эти данные списала. И послушной список, вот он, отстукан на машинке. И биография, и знаменитый дед, кто не знает его, Кудрата Аббас-оглы? и даже отец ее, гремел в годы войны, а подспудно мысль о Расуле, но Джанибек гонит ее, смотрит на фотографию Айши, во взгляде агрессивность. И деловитость. ОНА МНЕ НУЖНА.

Ведомство не ахти какое, но все же заметная производственная единица с подразделениями и секторами, и КБ, а полностью вроде бы Камышбум(ага), и Камыш-мачт для парусников, и Камышмачт, если преодолевать высоты - для прыгунов, ну, этот реестр известен,-в любой энциклопедии прочтешь, и еще ряд звеньев, плюс при желании и Камышсвирель, о чем, может, еще будет, или сокращенно КС.

Вокруг люди старого шефа. Сначала надо решить с Правой Рукой, или АА. Но здесь не обойтись без того, кто советует шепотом, без Шептавшего. И он помог. Оказалось, что вместе они служили у шлагбаума на берегу неширокой мутной реки с кровавыми отблесками при закате (но сначала ели стратов, птичек-невеличек, а потом били козлов, они же туры, и семичастное эхо,- вот кто Правая Рука!).

А сидящий рядом с Правой Рукой тоже претендовал на кресло Джанибека.

Так сколько же их было всего? Трое: Джанибек, Расул и тот, кто рядом с Правой Рукой сидит. Расул знал о себе и о Джанибеке, а Джанибек - обо всех и еще об одном, четвертом, который сам о себе слухи распускал, этот не в счет, курьезный тип,- мол, и его кандидатура изучается, приемчик известный: кто-то посмеется в душе, как Джанибек, а кто-то из наивных и поверит, хотя такие почти перевелись на земле, а пока имя будет склоняться, своего рода реклама, авось кто клюнет.

Как бы хорошо, мечтает Джанибек, мирно и по-доброму договориться с тем, кто рядом с Правой Рукой сидит,- чистая этика!- соскучился по практической работе, чего сидеть в ведомстве?! да и специальность вполне традиционная: нефть! ее бурить-выкачивать со дна морского; а тот, на чье место он рекомендуется, уже сросся с креслом, и его отрывают, кое-какие корни останутся и дадут всходы.

Нет, тут не обойтись этикой.

Ничто не предвещало грозы, и тот, кто рядом с Правой Рукой, ни о чем не подозревал, сидит на своем месте, губы поджаты, в глазах усталость, спина под тяжким бременем согнута. И Джанибек вдруг обрушивает в зал, произнося его имя, неотразимую систему доказательств, почерпнутых из докладной Айши, "сигнализовали, и не раз, но прежнее руководство..."- и так далее. Главное молниеносность и врасплох. И факты, чуть-чуть заостренные. И поддержка зала. Звон в ушах, и притуплен взор (?). А после перерыва, объявленного тут же, подойдет товарищ и попросит - думать не думалось минуту назад -

пересесть, и видное отовсюду место пустует. А потом можно мирно, вполне традиционная специальность, к тому же пора на практическую работу.

Кого ж рядом с Правой Рукой? А есть уже: Друг Детства. И если Правая Рука - АА, для удобства, разумеется, то этот ББ, премилая штука эта азбуковедческая наука. Спрашивается, а какой буквой себя? И думать нечего: В В, не выскочка, конечно, и не властелин, надо скромнее: вежливый, вдохновенный (кто? верхолаз или вестовой? был в юные годы и тем, и этим...). А о нем злые языки, кто ж распускает слухи? - Властолюбивый Великан или иная векторная величина, а хобби - штудирование вивипарии и опыты вивисекции.

Спорили как-то с женой, играя в эти буквы, кириллицу. И Сальми, его мудрая Сальми, говорила, что если ты есть ВВ, ибо таким уж уродился, а псевдонимы вышли из моды задолго до начала восьмидесятых годов, то первые две не нужны, чтоб не ломать порядка и чтоб первым шла третья как заглавная. Джанибек долго и искренно хохотал над наивностью Сальми: первые две необходимы, чтоб, нарушив порядок, показать, что третья шла первой не потому, что не было первых двух, а чтобы... в общем, сказка про белого бычка!

Да-с, ББ важная фигура, и она есть, Друг Детства, звезд с неба не хватает, исполнитель, земляк, почти брат, и нагловат по-простецки, напусти на любого заговорит, заарканит. Еще босыми ногами пыль поднимали, и один осел на две семьи, гнали его в дальний лес за дровами и за солью к соляному озеру; озорник! спорили, бывало, о гипнотических свойствах взгляда: Джанибек зевает, а ослу хоть бы что, ушами крутит, хвостом оводов отгоняет, а ББ как зевнет осел и разинет пасть, уши торчком, морду никак не отведет, от цепких глаз. Одна женщина их в мужской сан возвела, мельничиха. "Ах, ах, какие богатыри выросли! Чьи вы!" Попросила ББ, он и тогда статным красавцем был, помочь мешки на телегу нагрузить. "Ну, все мешки?" - Богатырем смотрит, ворот на груди расстегнут. А она ему: "Еще мешок есть!" - И так глядит, что ББ слегка побледнел. Пошли за новым мешком, а она и притянула его к себе, мельничное колеса знай себе кружится - кейфует (а жерновам - головная боль).

"Ты,- учил он Джанибека,- так и спроси: "Ну, все мешки?" - и смотри -прямо в глаза!"

Спросил, а она: "Да, все".

"Ты стоял как дохляк!- кипятился друг детства.- Я ж тебе говорил: стой богатырем и ешь глазами ее, вот так!!"- и показывает.

Большая таблица, на которой вместе с Джанибеком семь гнезд, коллегиум или президиум, всюду требуется ум, и здесь тоже потребность в нем великая: АА, он же Правая Рука, ББ, Друг Детства (он же ДД, постоянная вакансия, плюс в бюджет ведомству, тем более что друг вполне справляется), далее он сам, условно ВВ, векторная, так сказать, величина или, как недруги злословят, Властолюбивый Великан, а хобби, о чем уже было, штудирование вивипарии и опыты вивисекции; потом ГГ, грешен, а в чем - неведомо, но гурман, это уже точно; да-с, ГГ, Гигант Грации, как прозвал его Джанибек, еще хорохорится, а сам вроде мухи, попала в сеть, вырывается, а ниточка прилипла к ножке; морщится, если что не по нраву, пренебрежительно (или презрительно?) "экает" по привычке, когда-то настораживались, Устаев с ним считался, независимый в суждениях, а завтра покорится, крепко Джанибека любить будет; но не так уж прост этот ГГ: ничего другого ему не останется, как покориться, но постоянно ходит с заявлением в боковом кармане пиджака: "Прошу, мол, освободить по состоянию здоровья...", чтобы в случае чего наготове быть: "А я, кстати, написал заявление,- и лезет в карман,- как раз хотел вас просить..." И обновлял заявление каждый месяц, а старое мелко-мелко, маленькая радость, что обошлось, рвал и - с грохотом из бачка лилась вода, унося ключья.

А потом Джанибек оглянется кругом и обратит внимание на студеный ключ: некогда он прятался в густых зарослях камыша, раздвинешь - со дна бьет прозрачная струя, в жару ломит зубы, а тут оголили за годы прежних правлений,вырубили камыши, и каждый кому не

лень нагло пялится в стыдливое лицо родника.

"Так вот, Айша-ханум,- сказал ей Джанибек,- факты, изложенные вами, были основаны большей частью на предположениях и слухах, копии, так сказать, любого, а теперь в ваше распоряжение представляются неопровержимые доказательства, остается только выстроить их в логической последовательности". Ее руками!

Вся процедура Айше знакома: первый вариант, возвращение на доработку, новый этап... А то и выезды РЕДАКЦИОННОЙ БРИГАДЫ на дачу, копируют центр.Дальнюю или Ближнюю... Это был знаменитый разговор начистоту на всю шестую часть суши, в сентябре.

И трепет, и восторг - началось!..- и всплеск надежды, и ликование,- ай да Джанибек, ай да борец!..

А потом Джанибек об отце спросил Айшу: "Так и не узнали, кто? А мы, помню, занимались этим делом, лично я..." .

Айша смотрела с преданностью (а рассказывая Расулу с Лейлой, заплакала, и обе сестры рыдали).

"Абульский район, кажется?..- И звонит кому-то из сослуживцев: - Да, Муртуз Аббасов.- В трубку, специально для Айши.- Пятьдесят...- Ждет, чтобы Айша подсказала, забыл, и она тут же: "Пятьдесят второй!" - Да, пятьдесят второй год, Абульский район".

Бандиты или заговор? Задание тогда Джанибеку было спущено по цепочке, личное поручение Четырехглазого, чтоб убийство непременно вывело на заговор. Отличиться перед центром, где это тогда поощрялось. Не успели... А дело было рядовое. Всю войну прошел Муртуз без царапинки, а поехал в район с инспекцией - и под поезд. Всегда провожали с почестями, а тут уехал один, незаметно, скандальное разбирательство с хищениями... Поезд стоял здесь, на неприметной станции, всего минуту. Муртуз влез на подножку, тщетно бьет кулаком в закрытую дверь, чтобы проводник впустил, а тот будто не слышит. Такое случалось: надо упросить, отблагодарить. А тут шныряют от подножки через тамбур на крышу какие-то быстрые парни. "Папаша,- кто-то ему, висит на ножке, держась за поручень, а другая нога на подножке соседнего вагона,- чемоданчик не тяжелый! Дай подержу!" Стоять трудно, а парень вырывает чемодан. Зло взяло Мурту-за: "Пошел, а то как влеплю!" Парень тут же ударил его кулаком, дернул чемодан, который мгновенно подхватили чьи-то руки с крыши. "Ах, у вас тут шайка! Я вас сей^ час!.." Но кто-то из тамбура пнул его ногой в грудь, и на полном ходу Муртуз сорвался вниз. И вмиг тамбур и подножки опустели, застучали шаги по крышам, объявился проводник, состав стал.

Кто там у них в роду еще?

Недавно об Аскере Никбине читал, даже с портретами. Один - нефтяная вышка, на фоне ее стоит Аскер в плаще, вроде рабочей робы, на другом - горное озеро, и он в домашней рубашке, ветер треплет редкие волосы, взор, полный мечтательности, устремлен вдаль.

Хансултанов еще. Гремел когда-то. Что-то, кажется, со связью (инженер?). Думал о нем и прежде, а как Айшу пригласил - соединилось: надо, чтоб помог с дистанционным Видео и Слышно. Если б удалось!.. Как стопка газет, свежие данные, ежедневно. Но задачу решит раньше, ибо выйдет на сотрудника Хансултанова, засыпал всех жалобами на него, дескать, злодей и деспот, Хан и Султан. Фамилия странная, но благозвучная, что-то с зурной,- да! Зурначиев! талант! предки, очевидно, отменно дули в зурну... Но прежде - слышно, ибо первое, дистанционное видео, не скоро. У Зурначиева, сказывают, еще хобби: криптограф-шифровальщик, да еще специалист, но Хансултанов о том не знает, по выявлению и разгадке особых звуков "догадмейз" ("губонекасаемые"); ашуги, коих наслышался в детстве Зурначиев, большие мастера, и льются у отмеченных высшим даром ловкачей строки любовных песен, где все звуки губонекасаемые.

Присмотреться к Махмуду, тоже нашумел, какой-то закон Гегеля, вроде отрицания отрицания, но путает Джанибек, это не Махмуд. Или количество-качество? или...- забыл! а

ведь как зубрили! Да, кстати, а где теперь Махмуд?.. И закон Гегеля, которым он якобы занимается, повлияет на его судьбу: Джанибек уважал людей, некогда сам этим увлекался и даже трагедию сочинил, когда с Расулом в студенческом военном лагере были, "Великан и карлик"; и еженедельно, вроде общественного поручения: "Добрый вечер, дорогие..." И внемлет Махмуду на телеэкране каждый: "ЭН ЭН спрашивает, так ли необходимо..." А что? сорняк и есть сорняк! "Но прежде о том, что радуется".

"А я думал, академики,- улыбается Джанибек,- восседают на вершине Эльбруса (Хансултанов вздрогнул: откуда? Ах, трепач Аскер!.. Но Аскер ни при чем, просто совпало), как боги, и..."-Но мысль не закончил, все ясно. В папке лишь одна жалоба на Хансултанова была подписана - письмо Демагога: "Меня прозвали демагогом за мою критику..." Но письму этому, где отдельно Хан и Султан, был дан особый ход: пригласили, побеседовали, поручили "откомандировать временно".

Хансултанов рад, что отдохнет месяц-другой; кстати, они с Хансултановым земляки; правда, Журначиев с Верхней Лахлы, а Хансултанов - с Нижней, и они, вечно интриговали,- не потому ли невлюбил? И даже родственники, но так и не узнают: к общей прабабке восходят, умыкнута была нижнелахлинцем-ашугом в отместку за что-то, утерянное в семейных преданиях; разошлись потом линии на женскую и мужскую,- тех за крикливость (хоть уши затыкай!) прозвали "журначие-выми", а этих за распивавшее неведомо почему зазнайство "хансултановыми".

А Расула, чтобы обезопаситься от возможного конкурента, в тупик. Но прежде, чтоб вернулся.

И за то время, пока Расул в своем А любовался в тиши воскресного дня гранатами на голых осенних - две осени! - ветках, что растут вдоль забора по левую сторону от калитки-будки, где зевает усач, да тревожно вздыхал, думая о Б, где сидит Джанибек,- сводки, запросы, инструкции, к сведению, к исполнению, к размышлению и т. д., куда во как осточертело ездить к Правой Руке, который молча и холодно смотрит сквозь чисто вытертые стекла очков в золотой оправе и губы плотно сжаты, и к Другу Детства, чтоб непременно услышать какой-нибудь анекдот и выказать понимание, хохоча с хозяином, так и кипит в его глазах пытливая хитрость, и даже к ГГ,- грациозен (и гигантоман), хотя никак они с Расулом не пересекаются, ни сват, ни ровесник, ни земляк, и тот каждый раз делает вид, взгляд подвижен и подозрителен,- хочет вспомнить, кто же это к нему пожаловал на поклон?., (прервалась мысль).

Эти визиты!... с пустыми руками нельзя, ибо край плодовый (и плодовиный), а с полными рискованно,- и видеть, как сторонятся собственные родичи из славной династии, ведь чувствуют, что холоден к Расулу шеф (даже собственный племянник уловил!).

Да, пока Расул любовался налитыми, будто медовым соком, плодами хурмы на голых осенних ветках, а перед глазами светится, словно лаком раскрашенный муляж, нежно-розовая пудровая тыква с белесыми полосами на боку, идущими от вмятой макушки до выступающего, как штырь, пупа,- эту тыкву принес ему как диковинку зевающий усач, вспомнив при этом свою "покойную бабушку" и как она приговаривала: "Не спи, тыква, в огород заяц притоपाल!" Расул щелкал пальцами по гладкой коже неимоверно огромной тыквы, и она гулко отзывалась полым нутром: крупные белые семечки в запутанных волокнах Лейла, бывало, аккуратно выскребала столовой ложкой... (и снова мысль прервалась: это часто теперь).

Но Лейла теперь далеко, лишь он да этот самый усач, и тыква, которую ни подарить, ни съесть, он вернет ее тому же усачу, в дар его большой семье.

А тем временем, пока Расул торчал в глуши, старые друзья в Ц, все более недоступном,- прошло уже две осени! - двигались: кто быстро вознесся, а ведь некогда в одной комнате с ним сидели, - Расул узнал и изумился, кто бы мог подумать? кто проскочил через ряд

ступенек, а кто медленно, но неуклонно ползет, а кто-то далеко-далеко, вот кому хорошо! зацепилась мысль, и эти белесые полосы на огромной тыкве ожили меридианами на земном шаре.

Что? Не магистральный путь? Уход в сторону?.. Лейла взорвалась, когда стал он рисовать перспективы, не столь престижные, разновидность, дескать, ссылки, короткое свидание с женой в Б, ни за что не приедет в его глушь: "О чем ты думаешь?! Посмотри на себя в зеркало!"

А ведь и туда, в его глушь, в конце кондов поехала, хоть и "ни за что!" и прочее. И не вырвать у нее признанья, что эта ее поездка к мужу из-за звонка Асии, в котором сквозил упрек, никто-де не изведал чувства любви, со слов Ильдрыма, который "явился ночью к ней". И еле сдержалась, чтоб не отрезать: "Оставь нас! не лезь в наши дела! мы устали от тебя! одна ты святая, а мы грешные!.."

И специально приехала, чтоб доказать, - но кому? - что вышла замуж по любви, и это именно так, а не иначе!

О бегстве отсюда никому ни слова: может сорваться. Разве трудно помешать? Только бы захотеть, и сочинитель отыщется, чтобы настроить куда следует, а пока разберутся, что к чему, то да се, и время, смотришь, упущено (поезд ушел).

Как давно это было: первый отъезд, пышные проводы... А теперь - побег. Чистое везение: а ведь старый друг, с которым в одной комнате сидели, мог палец о палец не ударить, поможешь - и сам погоришь за то, что помог!

Но вот свершилось: вырвался из тупика!

И вспышка ссоры с Айшой, выплыло наружу все, что копилось: назло родичам! (?) А они при чем? Айша избегала встреч, чтоб Джанибека не разгневать, а свояки выжидали: кто кого? убежденные, что песня Расула спета (а как помочь?).

"Руки у вас коротки. И никто уже не помешает. И не забывай, что вы не аранцы! - Айша побледнела: так рисковать! И еще: - А знаешь ли ты, что способный организатор, как ты изволила меня характеризовать, был главным конкурентом?! (и мог стать Джанибеком). Кто знает, может, ваш Расул снова... А! бог с вами, зла я вам не желаю!.." - И не рад, что вступил в спор.

"Ты не очень воображай! Отрезали Асию и "уфф" не сказали, а она наша кровь, можем и тебя отрезать!"

Удивительное дело: Асия не казалась обделенной, не какой-то отрезанный ломоть или отколовшийся осколок, уверенная, полная сил. "Не могу без дел!" - и тут же ушла и вскоре - где достала? - вернулась со свежей бараниной. "А теперь я вам такое жаркое натушу!.." - картошки не оказалось. "Мы в деревне уже попробовали молодую,- досадовала, что не привезла,- пока есть, а скоро и этот участок,- махнула рукой,- пойдет на нули",- снова выскочила, рынок рядом, быстрая, куда Лейле до нее? Да, была рабочей, стала сельским тружеником. "А у Ильдрыма,- напомнила,- все наоборот: был колхозником, стал рабочим". Хотел поправить ее: не стал, а был,- но разве Асию переспоришь? А она уже Лейле: "Не обиделась за мой укор?"

"Какой?" - удивилась та. У Асии это всегда: сначала разрушит, а потом жалко. И вспомнила дни, когда сестры были вместе и никаких путей-дорог, все дома, жив отец, никто еще не упорхнул.

А у Расула неотвязно: как было бы иначе, если бы он, а не Джанибек? И, будто споря с собой, невпопад: "Ну и что? Ведь держимся! не развалились!" А на ком держимся? И мысль, вспыхнув, погасла, вернее, не осталось и дня, чтоб продумать линию Асии и Ильдрыма, вытянуть ее, сделать стержнем. Очевидно, о том же: а как бы было иначе?..

А с Айшой Расул еще поговорит перед: "Ну, сядем на дорогу!" И Марьям, а прежде мать Расула Месме, как Лейла с Расулом выйдут, выльет им вслед воду на счастье. Но

выскажется не все, что у них накопилось, проводы ведь, к чему старое ворошить?

Пир не пир, а речи были, вернее, короткие напутствия свояков, объятия -поспешны и горячи, а души и уста скованны, Аскер звонил, сожалеет (он в Доме творчества в Ялте, и только что кинолюбитель заснял его на пленку: с дамой сердца он поднимается по ступенькам), а у Махмуда пробная запись, и он заскочил на минутку, Хансул-танов увлекся, командуя: "Встать! сесть!.." - и ворвался шумно, удачливых любит, ибо сам удачлив (и грозен, но лишь Асию боится; инстинкт), и тут же трусливо бежал, как ее увидел, душно стало, Айна обнималась с Лейлой, Зулейха прижалась к сестре и расплакалась, Алию то в жар, то в холод, смотря по настроению Хансултанова, и смущенно помалкивают дети, даже Агил, пора сдерживать эмоции, уже студент, а Бахадур чуток: запомнить! чувствует, как и Агил, тревогу.

Поговорили с Айшой!..

"Тебе что? - она ему.- Легко критиковать".- А кого он критиковал? - ПОТОМУ ЧТО В ОПАЛЕ. И ПРОРОЧЕСТВУЕШЬ, МНОЖА РЯДЫ НАШИХ НЕДРУГОВ.

И О НАЦИИ СКАЖИ ЕЩЕ!

ДА, ПОЗОРИЯ НАЦИЮ!

Вымолвит, выдавит Айша из себя слово, помолчит и снова скажет:

"Ну, да, два года, ТЫ СМЕЕШЬ ДАЖЕ ДНИ СЧИТАТЬ и тридцать семь дней. Нам, если на то пошло, усиленное питание выдавать надо. За вредность, а что? ТЫ ПАЛЕЦ О ПАЛЕЦ НЕ УДАРИЛ, ЧТОБ ЧЕМ-ТО ПОМОЧЬ, ЧТО-ТО СДЕЛАТЬ! БИТЬ ПО ГОЛОВЕ ЛЕГКО, А ТЫ ЗАРАЗИ НАС УВЕРЕННОСТЬЮ, ВЛЕЙ В НАС БОДРОСТЬ! ЭТО Ж ТЫ УМЕЕШЬ!..

Асия приехала специально проводить (наезжая из деревни, будет жить в квартире Расула). Не похоже на нее: молчит, не думает ни оспаривать Айшу, ни защищать Расула. Да и о чем говорить? Ясно ведь - бегут Расул с Лейлой!

"Ну, сядем на дорогу".

А когда поднимутся, чтоб идти, Айша громко, ЧТОБ СЛЫШАЛИ СТЕНЫ, скажет: "Кстати, Джанибек Гу-сейнович просил передать привет, желает тебе больших успехов!.." - Сидеть, мол, тебе в своем далеке, где медовые реки и кисельные берега!

И перед тем как сесть в такси: "Если хотите знать",- скажет Расул Айше и вдруг умолкнет, махнув рукой: может, о зеркале им сказать? или прочертить им, как на медном подносе, у Аскера Никбина видел, рыбы крест-накрест, вроде знака судьбы, или просто две рыбы рядышком, плывут и плывут: одну рыбу вам, а другую нам. Головы, хвосты и плавники - точь-в-точь; надо за надежную и крепкую цепь держаться, "как у вас", чтоб пройти через весь лабиринт.

И рыбы плывут, большие-большие головы.

Расулу мыслилось, как уехал, что он хотя и не первый в ведомстве, как Джанибек, зато на виду, и следят земляки, как парит в вышине их Расул, глядя вниз, где рыночная площадь некогда была, старая-престарая. И ратуша, бьют часы каждую четверть, и мелодичный звон колоколов катится по всем ста дорогам и через мосты с одного берега реки на другой: Горбатый, Трехъярусный и Поцелуев мост, двойник нашего.

Джанибек никогда не признается: неуютно себя почувствовал после отъезда Расула, всякие глупости ему мерещатся, перед тем как уснуть. Что? Ильдрим? Да, что-то вроде угрозы было, эта девчонка, сестра Айши, с мудреным именем, странные ж, однако, имена у этих сестер: одно суннитское, Айша, аранцы ведь такие неистовые шииты, особенно как траур по убиенному имаму Гусейну, благословенное отчество Джанибека, урезанное правда,- шахсей-вахсей, и шествуют обросшие щетиной мужи, разбивая себе спины цепями, Джанибек люто ненавидит эту отсталость, стыдно ведь, сколько спорил со старшим братом, поставщиком кадров, а тот терпелив, разные ему официальные бумажки сует, разрешено и

прочее, а имя другой сестры, которая грозила, - не вспомнит никак! - а грозить ему, когда по всем показателям ажур (?), то же, что и ущипнуть (это любимое, далекое детское) верблюда.

и входит.

- вы кого-то ждали?

- !!

- я все знаю, и я пришел.

Да, вспомнил! Асия ему грозила!..

- извините, вас случайно не Ильдрымом зовут? ПОЧЕМУ ИМЕННО ИЛЬДРЫМ? И С ТАКИМ ПОЧТЕНИЕМ: "ВЫ!" шутит Джанибек: - имя ваше слышал, а в лицо видеть, увы, не доводилось.

- да, угадали, я Ильдрым.

- а чему вы улыбаетесь?

- не нравится вам моя улыбка? Расул, помню, рассказывал вам, какая у меня замечательная улыбка, и жар источают его, то есть мои, добрые глаза.

- но улыбаться в такой момент! НЕ ДО ШУТОК!

- а что? момент вполне подходящий.

- признаюсь: страшно! КАК МОЖНО ВЫДАВАТЬ СЕБЯ?!

- с чего бы это? ах да, ведь я пришел!

- простите, - нет сил продолжать, надо кончать этот разговор, - но вы как будто умерли, и даже тело ваше, помнится, не нашли, гробы были пустые!

- вы в этом твердо убеждены?

- но ведь улица! ВОТ ПОЧЕМУ ВОЗНИК ИЛЬ-ДРЫМ! и я каждый день...

- топчете мою улицу?

- я вас не понимаю.

- развели тут буйную...

- может, бурную? - вставил кстати Джанибек.

- ...деятельность! эта показуха с нулями! - и читает ему с газетного листа знакомые слова!..

- что-что??

- заседательская суета!

- позвольте!..

- забвение народных интересов!..

Джанибек заткнул уши, а Ильдриму хоть бы что:

- ...зазнайство!

- а что, собственно, случилось? ВЕДЬ Я ЧИТАЛ СЕГОДНЯ! (было о соседнем ведомстве, и Джанибек радовался, но прочтет еще, когда о нем самом).

- вы еще смеете спрашивать?

Не обо мне! - отлегло. Нет, жива в нем все-таки эта тяга к сочинительству, "бумаготворчество", вычитал сегодня, - Сальми следит за прессой, ее хобби, нет ли чего занятного, и Джанибеку на стол, когда он придет домой, на работе ведь некогда. И разных цветов фломастер, как светофор: красным - это срочное, желтым - принять к сведению, а зеленым - для души, прятное. А здесь сразу же утром Сальми наткнулась на три столбца, и стоп, зажегся красный свет: задержала Джанибека.

- Мне ж на работу!

- Ничего, один раз и опоздать можно: читай!

О соседнем ведомстве!.. Сначала ревность была: хвалили, и он мысленно сопоставлял ср своими показателями- ушли вперед!.. А потом радость, ибо первое было за здоровье: такой шквал, что держись!.. Он никогда не допустит (?), чтоб о нем так. И когда-нибудь, вот увидите! удивит мир: бой великанов!.. Поедает всех, чтоб стать... Или нет: великана с

карликами (часть вторая?), и одним из карликов будет Расул, высокий и статный.

"Но что мне карлики, когда уже нет великанов?" Лишь он один, Джанибек, остался, а кругом - карлики (часть третья?).

Передали ему как-то, и вспыхнул гнев к тому, кто передал,- ославит на всю округу! как о нем высказывается Расул под мелодичный звон ратушных колоколов, однажды назвал его: Длинная Рокировка! а когда, мол, Джанибек в рост,- Три Шара, поставленные на попа!

А у Расула, как это понял потом Джанибек, и на время успокоился (разве можно быть уверенным до конца?), вышло иначе: да, площадей-то тьма, и шаром, и" квадратом, и пятиугольником, и Дуговая, и Подковная, даже Щенячья, и Бульжная, которую асфальтировали, но отчего-то переименовали в Песчаную (?), но вовсе не обязательно, чтоб дорога из деревни, откуда вышел Джанибек, шла мимо его площади, могут даже с ним не встретиться.

(Еще из площадей: шестигранником, эллипсом, Инвалидная - в честь всех войн, ибо ненасытна тяга, и последняя, проба сил, и цинковым гробам нет конца, тайные захоронения,- Афф-ская. И Барабанная тоже, в память о прошлых триумфах - Кавказских, Каракумских, еще каких-то, пыль да туман.)

И вот снова вернулся.

А ЕСЛИ ВЕРНУСЬ, ТО С НЕВИДАННЫМИ РАНЕЕ ПОЧЕСТЯМИ, так и знайте, зарубите себе на носу, пророчествовал, прощаясь с родичами (и целуя их в нежные щеки): Впрочем, это племянник выразил его сокрытые думы, а заодно, чтоб дядя не переживал, что ступил на тупиковую дорогу.

А тут тайный приезд. Инкогнито.

Кофе был вкусный, но воспринимался здесь у Нисы как нечто чужеродное. И напоминающее дом, где Лейла, службу, где вид из окна, будто не настоящее это, и купола, и золото, и - по нашим понятиям - небоскребы. Кофе - это утром дома, кофе - это служба, беседы Для тесных контактов.

И ощущение легкости, свободы, силы, и Джанибек - нечто далекое-далекое, НО ОН БЛИЗКО, растаял и гнев, вспыхнувший, когда они с Нисой стояли на улице, дожидаясь зеленого света, и на бешеной скорости промчалась вереница машин с воем сирен, а рядом - похоронная процессия, тоже остановилась и ждет/

И услышал Расул: "Какого-то Устаева хоронят". Вздрогнул. Гроб был открыт, но лица не видать. И другой голос: "В свое время гремел! Но кто теперь помнит Устаева?"

а потом колеса машины вращались вхолостую, и голова Джанибека, сидевшего сзади за шофером, где самое безопасное место, вдавилась, в плечи ушла.

резкий подъем машины, и она, как игрушечная, уже на ладони, можно, открыв дверцу, выйти и прогуляться, вдыхая горный воздух и видя белеющую вдали, на севере, сахарную голову Эльбруса, а на юге - розовая макушка Большого Арарата, да, да, ладонь, с вмятинами и буграми, а ровные линии морщин как колея в пустыне, и пальцы, устремленные вперед, словно эстакады, и небесная синева море; и, подойдя бесстрашно к гладкому и скользкому краю, скатиться вниз, в гигантскую пропасть, не зацепившись за одиноко белеющее сбоку облачко и паря невесомо, как мотылек, и дух захватывает,- скатиться на оживленную улицу, где только что проехала машина.

толпа замерла, а регулировщик растерян, все взоры устремлены вверх, и не видят падающую мошку; наверху высоко-далеко нависла над городом рука с оттопыренными пальцами, сквозь которые пробиваются на землю мощные снопы золотого света, а на ладони, плоской как тарелка,- скрытая от глаз машина, похоронная процессия двинулась на широкий проспект, в скорбном молчании опущены головы, и лишь одна, что открыта небу, привлеченная необычным явлением летающей ладони, замершей над городом, невольно приподнялась над подушкой, густые седые волосы заискрились, будто причесанные

янтарным гребешком,- но кто сверху мог это увидеть?! потом рука исчезла, и машина, а в ней Джанибек, не рискнувший вылезти на открытую ладонь, была плавно опущена на незнакомую дорогу, мощенную бетонированными плитами, и не успевшие выключиться колеса покатали по ней, словно ничего прежде не было: ни резкого подъема, когда душа ушла в пятки, ни стремительного спуска, когда на миг Джанибек испытал ощущение невесомости, и оно, к удивлению, было пережито не раз и даже только что, когда трепыхались невесомые крылышки мотылька, по обе стороны дороги - косари, кто с косой, а кто с серпом, и Джанибека никто не знал, хотя и привычно имя. "а меня зовут...", и те называют имена, которые Джанибек тут же забывает, ибо тоже привычные, услышишь на каждом шагу.

и не то обидно, что не знают его, а что шофер... но он будет нем, как могила! или тот, кто сейчас рядом с шофером, самое опасное место, и он тоже будет молчать, нет никакого смысла ему, ведь из людей старшего брата, поставщика кадров, так что не растрезвонят, не растреплются: "никто не узнал!" Джанибек удивляется, что не растут камыши, "наши земли издавна славятся..." и называют какие-то неведомые плоды, оттого, думает Джанибек, и рослые все, здоровенные парни, метра два росту, и ясные чистые глаза, не знающие лести, вот кого бы пригласить, чтоб сел рядом с шофером, а тут еще косу в руки ему парень с рыжими усами протягивает, давай, мол, к нам, сочная трава выше колен, хорошие корма будут, звенит, срезаемая острыми косами.

"я вам лучше спою!" - говорит Джанибек, чтоб не срамиться с косой, ну да, ^рекрасный у него голос, заслушивался некогда Расул: Джанибек пел как бог, и овцы, перестав щипать траву, заслушались, и замер в вышине жаворонок, до которого дотянулись чисто звенящие ноты, которые разве что самому Соловью, уж о нем-то слышали! и удавались - Бюль-Бюлю.

ах, как пел Джанибек!.. привычные слова СУДЬБА, ПОМОГИ МНЕ, А ТО И ВОВЕК ЖЕЛАНЬЯМ МОИМ НЕ СБЫТЬСЯ, НА СЕРДЦЕ ГОРЯЩЕМ МОЕМ ОГНЕВОЕ КЛЕИМО, но здесь звучали так, будто человек впервые заговорил, обрел дар речи, Я ТЕНЬ НА ДОРОГЕ ЛЮБИМОЙ, НИКТО МЕНЯ НЕ ПОДНИМЕТ, ЕСЛИ ДАЖЕ СОЛНЦЕ С АРКАНОМ ЛУЧЕЙ НАБРОСИТ ВСЕВЫШНИЙ великие слова И ПРОЙДЕТ ОНА ПО МНЕ, НЕТ МЕСТА ДЛЯ МЕНЯ В ДУШЕ ЛЮБИМОЙ, И ПЕСНЬ КЛАДБИЩЕНСКАЯ СУЖДЕНА НА ЧЕРНУЮ ДОЛЮ МОЮ. и странное дело, ему захотелось, косу взял, обушок ее был прохладен, руки в сторону - рраз, и высокая трава послушно ложится, идет и идет и злится на того, кто сидел с шофером, сунул руки в карманы брюк и важно ходит по бетону дороги,- ни к чему не пригоден, отрастил- пузо, отправит его пастухом или нет, потом решит куда, пасти некого, чтоб строен был, как тростник, скошенная трава тут же вяла.

а потом устал, бросил косовище, в траве белеет лезвие косы.

- подними! - крикнули ему.

- что? - не понял.

- косу! и воткни косовище в землю! - нехотя поднялся,- надо,- слышит за спиной,- и о земле подумать, дать ей отдохнуть, чтоб сочными травами кормить овец,- и растянулись на пригретой солнцем соломе, пахнет свежескошенной травой, и кажется странным весь этот день и машина, стоящая на дороге, и куда-то исчезнувшие те двое: шофер и рядом с ним.

а земля эта, куда примчались, оказалась рядом, вскоре он и вовсе удивится, когда узнает, что по ту сторону дороги, надо только чуть проехать назад,- его зона, где остро и густо растут камыши, издавая, как подует ветер, тревожные железные звуки, будто и не камыши вовсе, и негде лугам взяться, чтоб накормить уже давно не бляевших овец, и снова тоска, и снова эти овцы, которые не скоро выйдут на Овечью долину.

КАК ДОЛГО МЫ БУДЕМ ЗДЕСЬ? ИЛИ СНОВА ТАИТЬСЯ?

Полутемная комната, кем-то когда-то отвоєванная у большого дома, когда шло уплотнение, с отдельным входом, и ангел, чьи ноги разлучены с телом, и он никак не переберется на эту сторону, высунулся по пояс и застыл, парит над ними,- снова желание

набирает силу, но ни за что не рискнет, чтоб не испытывать судьбу.

И он все-таки ушел: да-да, разобраться!.. И назойливое: "Легко других! А ты начни с себя!" Что ж, неплохое начало!..

Она устала. Очень. Ибо только кажется, что ей захотелось, и она разбудила.

И борьба с теми ненавистными ей женщинами, в чьих обликах она себя вдруг увидела и которые ее обделили, и с тем мужчиной, чью голову она разбила бутылкой, когда началась ДУЭЛЬ СОПЕРНИКОВ, и эти ее мечты, и даже снятая для нее Расулом квартира там, И ТЫ РОДИШЬ ЕМУ НАСЛЕДНИКА,-столько вдруг на нее навалилось, должна наступить пауза, чтоб стало еще крепче или вовсе исчезло.

А КАКОЙ Я ПРЕДСТАВЛЯЮСЬ ЕМУ? Кто-то из тех, кто был прежде, СКОЛЬКО ЖЕ У МЕНЯ БЫЛО!! с чего-то вдруг посвятил ее в тайны женатого мужчины, который стремится к близости вне дома и, получив свое, еще крепче привязывается к дому, а молодая, к которой он тянулся, становится вдруг скопищем всего дурного, злодейкой, мечтающей только о том, чтобы разрушить привычное, с чем он не думает порывать. "Но это,- поспешил тот успокоить ее, ибо ему вовсе не хотелось расставаться (а он уже для нее не существует!), - быстро проходит, и он горит нетерпением встретиться вновь!"

Расул - это для нее новое. А как уедет один?! И он прощается, улыбка виноватая, НУ ВОТ, ПОИГРАЛИ, и никогда не увидятся!..

И каждый раз - обман. А началось... такая глупая, ничего не понимала. Когда же поняла, что случилось, было уже поздно, потом его друг, она была в отчаянии, когда ее обманули, и он с такой искренностью негодовал!.. И бросил.

Затем третий, ужаснувшийся: и потоки слов, упреки, монологи в ночи, сама справедливость и благородство (и каждый раз - ПОСЛЕ! а перед ЭТИМ - ни слова), она ему все-все чистосердечно рассказала, и были слезы, клятвы, но он оживлял в своем гневном обличении сцены ее падения. "А ты!!" Они почти муж и жена. "Нет! Не могу! - о женитьбе.- Пойми!" - И он был искренен, она верила. ЭТО ПРОКЛЯТЬЕ, которое будет сопровождать его, где бы они ни жили. Уж лучше бы она не делилась с ним!

И тогда возник женатый мужчина, посвятивший ее в тайны (и она уже порвала с ним, не успев привязаться).

А потом тот, которого она прогнала, и бутылкой по голове, когда дуэль соперников, самая долгая ее привязанность, такого еще не было, и ради него она готова была пойти на все, и вдруг - предательство! (память вычеркнула еще двоих, между тем, кого она окрестила Актером за его монологи с неизменным "как ты могла?", и женатым мужчиной - эпизоды, от которых и следа не осталось).

Актер был прав, и она ему верила, это был пик ее надежд. И потом уже игры! И далее, когда появился тот, кто ее предал, вначале была игра, он обещал помочь и устроил в Совет Экспертов, а потом переросло в настоящее, и она ревновала его, когда возникла угроза, что он может уйти (как стал посещать Салон Сальми, где дочь!..).

И как Ниса уговаривала ту, к кому, испугалась, он мог уйти:

"Гони, гони его подальше от себя! Позора не оберешься, КАК НЕКОТОРЫЕ ДУРЫ, ВРОДЕ МЕНЯ". И это нелепое "ловелас", которое вырвалось из ее уст, и оно прозвучало то ли "ас", то ли "ловец". "Он ни одну не пропустит!" (Вызывая в ней, сама того не желая, интерес.)

И вдруг встретила Расула. И он - из этой ее череды? Жар прилип к щекам, она почувствовала, как бьется в висках кровь, опять голова разболится, а ей надо быть завтра ГОТОВОЙ.

8

Жили как все, и никаких тайн.

И вспоминаются те далекие годы, которым нет возврата: и шумный двор, и широкая над

ним застекленная галерея, куда смотрелись двери и окна, а соседи (о!., сколько их было и какие РАЗНЫЕ, особенно как веселиться станут, и несут друг к другу праздничные угощения: кто плов, кто мацу, кто крашеные яйца, а кто... и не верится, что это когда-то было), проходя мимо, невзначай заглядывали к ним, Аббасовы их фамилия, как и они сами, когда случалось оказаться в дальнем конце просторного коридора,- к соседям.

Угловой дом, которого уже нет. Снесли, а что воздвигнут - неведомо. А пока пустырь огорожен высоким забором, выкрашенным в бледно-зеленое. Издали кажется - на этот эффект и рассчитан,- что это кустарник, или молодые саженцы дали побеги (по-трудились-де влюбленные в свой город жильцы, чтоб было чем здесь дышать), и рослый мужчина, не похожий ни на кого и устремив волевой взгляд на прохожих, призывает к свершениям: плакат, нарисованный к приезду Большого гостя младшим братом Джа-нибека, и станет Народным художником, и вверх летит зигзаг стрелы на фоне вышки,- гордость края нефть, пахнувшая детством, где остались и медовый инжир, и горячий песок, который жжет босую ногу, и теплое море, и скалы, в тени которых узкая полоска прохлады, и низко стелется виноградник; боязно, что там, в глубине сада, в кустах чертополоха с острыми зелеными колочками прячется змея.

Отец (Муртуз?) собирал семью в большой комнате за тяжелым столом, накрытым цветастой клеенкой, а на ней стручки горького перца, лучше не пробовать, весь день будешь ходить с обожженным языком, крупные помидоры с тонкой кожицей, взяв, надо сначала слегка надкусить и втянуть сок, чтоб не облиться, и, так же, как у соседей, дымится пахучий от пряностей бозбаш или пити - баранина с горохом и картошкой, а когда поедят и выпьют чай с колотым сахаром, Асия ждет, знает, что отец мельком взглянет на нее и скажет: "Теперь послушаем Асию". И она, но кого стыдиться, ведь все свои, лезет под стол, держась за его толстую ножку, садится на перекладину, здесь для нее целый мир, и все слушают, как Асия, младшая из шести дочерей, но еще не родился сын-последыш, любимец сестер, Бахадур, декламирует: "Придите, придите, желанные дни весны..." - или рассказывает... о чем? что-то о вороненке, у которого никого нет: "Без отца вороненок, без матери вороненок..."

На цветастой клеенке белели полосы: уроки делали за единственным столом, и чернильные- пятна мама вытирала содой, терла и терла тряпкой, пока не смоет, и оставались белые следы. Или вечером возьмет отец в руки тар, он в черном футляре, щелкают блестящие замочки, и заиграет что-то веселое, и непременно заставит дочерей танцевать, и первой выходит в круг Айша, тянет за собой старшую, Айну, а потом все разом: комната большая, но разойтись негде, ведь шестеро их, сестер.

Что еще? Обняв Асию за плечи, отец подолгу стоит, нагнувшись над низкой колыбелью, и оба смотрят на Бахадура, а он откроет один глаз, потом другой, глянет их чернотой и снова спит, набирается сил, рос крепким и неплаксивым, кукла для Азии живая.

А что дальше? Асия отчего-то смутно помнит отца, и как ехали с ним на трамвае, в родильный дом, волнуется, торопится увидеть брата, ручка в ладони отца потеет, жарко, а у нее озноб, и ясно звучит в ушах голос отца, он долго рассказывает, никак не выговорится, первому встречному, худому мужчине с большими пшеничными усами,- о себе, своем сыне, который только что родился, "устали ждать", шести дочерях, и Асия ждет, когда отец назовет ее имя, "моя любимица Асия", непременно назовет, и сквозь усы незнакомца просвечивает солнце.

- Что, неинтересно? - Асия смотрит на портрет деда, который висит в раме, выделили его из группового снимка, портрет появится скоро и на конверте, выпустят в честь столетия деда. Гордый взгляд, но он меняется, смотря по тому, утро или вечер, падает свет прямо или косо, то ироничен, то спокоен и доволен, а то и хмур, озабочен чем-то.- Подожди, еще не то услышишь!..

А он-то при чем, дед?

А при том!..

И говорила с ним Асия как с живым,- к этому ей не привыкать, ведь необязательно вслух?

- Все вы хороши! И ТЫ ТОЖЕ. Идти и идти вглубь, чтоб понять, но прежде

ЧАСТЬ ВТОРАЯ О РАССВЕТНОМ ЧАСЕ: солнце озарило сначала островерхие макушки нефтяных вышек-богатырей, потом залило собой все море, высветив пригнанные к берегам с далеких и близких вышек, их видимо-невидимо, сказочно красивые оранжевые и лиловые нефтяные пятна, будто со дна морского выставил наружу радужные свои перья исполинский павлин, и первые лучи беспокойного утра заиграли на покрытой испариной щеке немолодой женщины, и она забыла о муках, когда ей сказали, что родился сын - после шести дочерей!., как долго они с Муртузом ждали его!., уже казалось, невозможно, отвыкла за годы войны или устала,- и тут же крик ребенка, который **ОЧЕНЬ РАНО УВЕРОВАЛ В СВОЕ БОЛЬШОЕ ИЛИ ВЕЛИКОЕ БУДУЩЕЕ**, а Муртуз, которому только что принесли эту весть, воскликнув в душе: "Ай да молодец моя Марьям!", - рассказал первому встречному всю свою жизнь, а тот, вежливый и воспитанный юноша с пшеничными усами, и не слышит Муртуза, ожидая вестей о жене, которая уже вторую ночь не может разрешиться от бремени, и Муртуз вряд ли когда еще встретится с ним,- кому годами не удастся, а тут как в плодородную землю черенок воткнуть, сразу зеленеет, и что они год, новое прибавление,

сначала Айша: чиста и светла, как зеркало, "айша",

следом Айша, и своего отца вспоминает Муртуз, лишь на миг вспыхнул в собеседнике интерес, "ну да, знаменитый аксакал Кудрат Аббас-оглы", который меньше верил в Аллаха и его пророка Мухаммеда, нежели в мировую революцию, настоял, уж как ни противились Муртуз и Марьям, назвать непривычным у шиитов именем Айша, так звали любимую жену Мухаммеда, которая в кровавой схватке сект заняла сторону суннитов,- мол, революция скоро перекинется в новые мусульманские страны и нечего дробить их на суннитские и "шиитские, и, кто знает, может, именно Айша и станет первой женщиной, которая пронесет по миру знамя...- речь подготовил, отменным оратором был покойный, в защиту имени Айша, и с Айшой созвучно, а потом, как пошли новые девочки, начались мучения с выбором имен,- Лейла! Зулейха! Алия!..

Отовсюду Муртузу с Марьям советуют, чтоб назвали "Гызетар", хватит, мол, девочек! "Кифает", достаточно, дескать,- казалось, родится мальчик и запишут в метриках по привычке "Муртуз-кызы", дочь Муртуза (а не "Муртуз-оглы", сын Муртуза).

Да, третьей была Лейла, сама как кукла, и судьба ей - шить куклы, пытаюсь вдохнуть в них жизнь. А потом - Зулейха, сколько было прежде о ней, нескончаемы любовные сказанья. И следом Алия, возвышенная,- да прославится.

А как шестую назвать (в год ее рождения умер Кудрат-киши, так и не дождавшись внука), подсказала соседка, молодая турчанка Асия. Она недавно в их доме поселилась, сестра турецкого подпольщика, утопленного в море фанатиками.

"Вы ищете имя, а чем плохо мое?" - сказала она, и Марьям противилась, не соглашалась назвать, с чего-то ревновала к ней Муртуза, но чувство вины перед мужем, что не может родить ему сына, оказалось сильнее нежелания. "Это ж прекрасно, что девочки рождаются! Войны не будет, примета такая есть!"

А Асии расти в окружении своих сестер, почти дочь она старшим, ибо разница в годах - немалая. Нечетные в мать, белотелы и красивы, а четные в Муртуза, чернушки, но Чернушкой зовут лишь Айшу, и красота их неброская, надо приглядеться только.

Может, и было б что у Муртуза с турчанкой, кто безгрешен? но грянула война (примета не сбылась), Муртуза призвали, Асии след простыл, канула, не всплыла.

- Я дал обет: останусь живой и родится сын, назову Бахадуром.- И умолк. Да, было много всякого на войне, даже когда отступали: вымотается, впору б пасть как мертвому, а

остановились как-то на ночлег в глухой деревне, вокруг непролазная грязь, и хлещет, вдруг, возможно ли такое? и вышло б что, и она тоже тянется, но ворвались, шум, крики, лучом фонаря вспугнули - тревога!.. Однажды в городке, в Легнице, куда, полька ему сказала, Ванда, доходила Батыева конница, неужто полька? скуластая, белая как молоко, и она, казалось, век с той поры, как" здесь орудовал, громя непокорных повстанцев, конно-мусульманский эскадрон, верный страж царя, ждала Муртуза. А он и не помышляет, да и некогда о шести дочерях рассказывать, к тому же срочно их роте по тревоге в путь собираться, но точнее, пока стояли в Легнице, и война кончилась; и началась полоса, а было ли что с Вандой в Легнице?.. когда по велению судьбы должны были пойти сыновья. Но не сразу. И думалось, уже ничего не будет.

- ...назову Бахадуром.- И умолк, чтоб предаться воспоминаниям: как подшучивали над ним, а он всегда рядом с отцом-командиром, скальной породы Кудратом Аббас-оглы, в его скитаниях, с тех пор как изуверы убили мать, когда пронеслась через родные Кудрату земли на Араксе одичавшая банда с безухим атаманом, мстя мирным жителям за чужие грехи, и чудом уцелевшие сородичи-односельчане рассказали потом, что у матери Муртуза отрезали грудь.

Муртуз худой, длинная шея, и ноги всегда босые, долго скитались в астраханских степях, куда отступили, а как привал и бойцы-красноармейцы разлягутся на лужайке, просят Муртуза, очень он занятно говорит по русски: "Повтори!" - и Муртуз с удовольствием смешил: "Али Мурмуз (Илья Муромец) замшти бахадур (замечательный богатырь)", так и прозвали его, и даже отец иногда: "Не отставай, замшти бахадур!"

И имя для будущего сына Муртуза - Бахадур. А следом у дочерей пойдут внуки, мужское пополнение, и первый среди них Агил, но дедовское чувство не суждено испытать Муртузу: вскоре отпразднуют свадьбу Айны с поэтом Аскером Никбином, поэму написал о Кудрате-киши, и Айша помогла опубликовать.

- А вот и моя Айша,- сказал Муртуз, и мужчина с пшеничными усами, узнав в ней их молодежного лидера, незаметно ушел. "Теперь и умирать не страшно", подумал Муртуз, когда родился сын (и родится внук).

А БАХАДУР - ведь время стремительно бежит!.. Но Муртуз еще думает свою думу, вспоминая те тяжкие годы, когда мотало их с отцом по земле и по морю, рыбацкая шхуна увозила их на север, чтоб оттуда они нагрянули снова в эти края - победить, как наивно полагал Кудрат-киши, нечисть, утверждать новую народную власть: надежный человек в нужную минуту открыл порт, впустил в бухту красные корабли, и Кудрат-киши, сильный и могучий, поднимает сына над головой: "Ну вот, замшти бахадур!" - только что вручили ультиматум недолго правившему национальному правительству, в сером доме, гранитные ступени, рухнула власть, не успев состариться, но мало кто знает эту их историю, красочные плакаты да удобные схемы. А были и послы, и премьер, и парламент. И даже кукольный театр. И гимн, на таре как-то, мелодичная очень музыка, сыграл Муртуз, и отец ему такую пощечину влепил!..

"Потомки не простят вам этот день!" - отпечталось в памяти Муртуза, и он все-все расскажет (увы, не успеет) своему сыну Бахадuru. "Не простят!" говорил член парламента, держа в руке ультиматум, и слезы на глазах.

- Слезы? Да врал он! Он же артистом был в кукольном театре? - говорит отец Муртузу. "Вот он,- показал тогда отец на Муртуза,- потомок". И Муртуз рад, потому что отец всегда прав.

- Как ты запомнил? - удивлялся Кудрат-киши, поглаживая усы.

А Муртуз смотрел на большой письменный стол отца, и на нем листок, испещренный их фамилией, отец учился, как подпись ставить, ибо он, где взять людей? ТЕХ, кто по своей воле сдался, сослали (а кого и к стенке, дабы насладиться вражьей кровью), кто-то бежал,

спасаясь, но был настигнут и сгинул в мясорубке, книги с арабскими премудростями, и Коран тоже, сожгли (нечего людям головы морочить!)... ну и Муртузов отец Кудрат-киши - два наркома в одном лице: по продовольствию и просвещению. Муртузу друг отца рассказывал, шли после похорон: "Да, был предан и кристально честен покойный, но ой какой наивный! Помню, выступал: "Победили на одной шестой части планеты, завтра победим на одной двенадцатой, послезавтра - на одной двадцать четвертой!.." И о заявлении рассказал, под диктовку самому себе: нарком просвещения настоятельно просил наркома по продовольствию отпустить продукты и галифе, а на заявлении - собственная резолюция, размашистая подпись с завитушками: "Продукты выдать, а в галифе за неимением отказать",- и радоваться Бахадуру (и внуку Агилу), слушая рассказы отца (и деда) Муртуза о легендарном Кудрате Аббас-оглы, и все записаны его именем: Аббасовы.

А БАХАДУР,- да, время стремительно бежит, и он очень рано уверовал в свое большое будущее, и на, примете каждый миг, не упустить чего важного, не прошляпить, и Бахадур пока отрабатывает походку, нет-нет, детская пора уже давно позади, крепко стоит на ногах, и были лагеря (пионерские и молодежные), и разбойники; за которыми... короче, все игры, все драки, и шведская стенка, и гантели, и пудовый камень, подбрасываемый кверху, были и есть, а также бег: спешить, но и чтоб в походке была легкость, уверенность, оптимизм, и высоко завязанный галстук у самого кадыка, и воротник накрахмаленный чуть ли не мочек ушей касается, идет не оглядываясь и гордо носит свою голову. И бороду отпустил, чтоб выглядеть солидней: сначала были длинные узкие плоские вроде бакенбарды, а потом продолжил их и соединил у подбородка, коротко остриженная черная бородка; но усов не терпел, банально; и длинных волос не отпускает, выглядят неопрятно, пачкают воротник замшевого пиджака, и без того почернел; но с бородкой, как ни было жаль, пришлось расстаться - сбрить отцовской, чистая сталь, опасной бритвой: наступил момент, когда захотелось выглядеть не старше своих лет и, сбрив бороду, выделиться в том заветном доме, куда он мечтал попасть и попал, где все бородачи (но о том - в свое время), а пока годы как будто остановились и еще (для Бахадура) не заалели заманчивые дали.

Отец погиб. Асия помнит смутно. Но соединились - и плачи, и слова Айши, молодежного лидера: "Всех вас замуж выдам!.."

"Ну все, кончайте!" - набросилась на сестер Айша, она умеет собраться. Как теперь будет? Ничем не выдаст, что горе навалилось неожиданно. Уже сороковой день отметили, надо думать, как жить дальше и не расслабляться, быстрая, как огонь, и глаза светятся на смуглом лице; лидерство ее чуть ли не со студенческих лет. Уж так вышло: она всем теперь за отца. И первая из сестер, Айна, замужем, это везенье: вышла за набирающего силу, чутье у Айши на людей, поэта Аскера, избравшего псевдоним, ведь модно, Никбин, и много в нем смыслов, а попросту - жизнелюб. На всю страницу, еще в пору сватовства, напечатана его поэма с банальными эпитафиями про джигитов и трусов (джигит умирает в бою, а трус - в постели),- гимн деду будущей жены, славному Кудрату, о том, как неистово бился сын пастуха с английскими оккупантами и турецкими аскерами.

И когда Айша бросила: "Всех вас, мои куколочки, замуж выдам, а о себе потом позабочусь",- Асия вдруг вслух произнесла:

- Потому что некрасивая?

- Кто некрасивая? - изумилась Айша.

Айна покраснела, Лейла охнула: она, следующая за Айшой, и, нарушая традицию,- ведь пока не выйдет старшая, младшей сидеть и ждать, выходит замуж за перспективного, как твердо убеждена Айша, парня, Расула Саламова, да, да, именно за него, в те годы начинался его взлет, и Айша еще дома. И, спасая сестру, хотя выходка Асии смешна, ибо Айша вовсе не считает некрасивой себя и не так уж обделена природой, охотники найдутся и на чернушек, Лейла перевела разговор на Асию, ведь похожи они, Айша и Асия:

- Ты, что ли, некрасивая?

И Айша ухватила за эту уловку Лейлы:

- И тебя выдам, когда время придет, не волнуйся!

- А я сама себе мужа найду! - И найдет.

Одна за другой сестры шли в школе: Айна во втором, Айша в первом, когда война началась, и, как цепочка,- Лейла, Зулейха, а в год победы - Алия... Айна заканчивала школу, когда стали готовить в первый класс самую младшую, Асию; и третье событие в том году, середина века,- брат родился, Бахадур.

Не объемлешь всю семью разом.

- Ну что, гуляем всем семейством? - Соседи на Колодезной высыпали на улицу, сидят на вынесенных из дома табуретках, тыквенные семечки грызут. То Айна в центре, а чаще Айша, слева и справа Лейла и Зулейха, и кто-то из старших сестер ведет за руку Алию, она спокойная и послушная.

(А Бахадур в коляске.)

- Еще одной сестры нет,- говорит Зулейха.

- Как нет? Все! - удивляется Айна (еще не замужем, потом Бахадур ножками топтать будет, а в его коляске - Агил).

- Асии нет.- Это Алия.

- Ну да, нет Асии.

А она или отстала и скоро догонит, или вперед ушла, редко, чтоб рядом, И так будет всегда: то срывает плод, пока не созрел, а то упустит момент, и ни к чему уже не пригоден плод. Нет, иначе, как на плакате - спички от нее подальше: сожжет ненароком дом, а потом над пеплом слезы лить будет,- вся в деда, который готов был бросить в огонь мирового пожара (революции?) все и всех, такая вот батрацкая доля.

Впрочем, Асия не в счет: чуткость или, вернее, предчувствие перемен, как кажется сестрам, развиты почти у всех Аббасовых; так думалось и их отцу Муртузу, и он не почувал опасности. Да, очевидно, излишняя уверенность принимается порой за чутье предвидения, и сестры (но все ли?) идут напролом.

При легендарном деде как не добиться своего. Имя Кудрата - заветный ключ (или пароль?). Но и каждый из Аббасовых умел работать. На защите кандидатской, будет и докторская, Айна была беременна, и Аскер, не зря придумавший себе псевдоним Никбин, или

Оптимист, был убежден, что родится сын-наследник... Адамсон, не вставая, пять часов, пока шла защита, сидел в президиуме, уже почти слепой, но цепкий взгляд и ясная голова.

Дошла очередь и до Лейлы,- уже готов портрет деда, и рама заказана, вроде приданого, каждая сестра увозит к себе домой и непременно вешает на видном месте. И Айна, и Лейла, и в каждом доме портрет смотрится по-разному, то ли искусство пересъемки обретает опыт, то ли еще какие причины, или Асии так кажется, что деду уютно у Аскера, благодарен, что увековечил, и что не очень он рад ей, когда она приходит к Лейле и Расулу, укор во взгляде, а это просто оттого, что рядом они висят: отец Расула (как же звали его? Салам, кажется. Да, Салам Саламов) и дед Лейлы. Мать Расула Месме-ханум стерпела, знала, что Лейла, когда они с Расулом уедут, заберет портрет деда с собой (а когда дома никого не будет, Месме-ханум разведет алебастр, влезет на табуретку и заделает дыру в стене, кисточкой аккуратно покрасит. И снова будет смотреть на нее только Салам). Неуютно им было, на фото старше Салам, а молод Кудрат-киши, и ощущение чего-то неестественного, ибо разные поколения, хотя делали одно дело (и песню одну пели, призывая разрушить до основания мир насилия): Кудрат-киши начинал, а он, как и Муртуз, закреплял,- завоевать народу свободу, чтоб дети, сами ставшие взрослыми, жили счастливо, уверенные в завтрашнем дне (эти лозунги всюду, и тревоги обошли Аббасовых стороной).

Так и не повисит дед у Лейлы. Она потом обрезала портрет по краям, чтоб влез в книжную полку, за стеклом, и загородил книжный ряд, кажется, хронику семейной жизни пророка Мухаммеда, Расул привез, это на английском, с ходу не одолеешь, изучал Расул, иногда со словарем страницу-другую прочтет, всякие подробности, как мусульманский мир не взбунтовался?

"Послушай, Лейла, я тебе с листа переведу, как издали такое?! "Ты был простым арабским пастухом,- говорит Мухаммеду Хадиджа,- я отдала тебе все деньги моего первого покойного мужа, чтобы ты мог проповедовать веру, как только показывалась пыль от стада и я издали видела тебя, я была уже готова, ибо женщина не имеет права задерживать хоть на миг мужа. А ты развлекаешься теперь в раю с гуриями..." Толстые два тома, в свой приезд к сестре и Бахадур перелистает их, восхищаясь смелостью автора, а это псевдоним: аль-Нур.

Рядом со спокойным, чуть грустным Саламом в наступательном взгляде Кудрата-киши чудился Азии укор, осуждение вроде бы, а у Азии лишь детское чувство любви к Расулу, не более, вернее, ревность, как приоткрылась ей чуть тайная жизнь Расул а, и холод сестры. Но что смыслит Асия в семейной жизни? Так и не изведает (а кто изведает?). Ну да, полюбила, а как иначе назвать это чувство? Сердце учащенно бьется, как Расул появится, и обида жжет, и она выбегает за ним, куда ж он пойдет?.. И выследила! Как хорошо, что Расул с Лейлой сейчас далеко, лишь наезды (а потом и она замуж выйдет).

А как уедут, и Айша станет работать в городе-гиганте (спутник столицы), и он рос не по дням, как и под стать богатырю, а по часам, и опустеет, осиротеет на время дом: отец прежде часто отлучался, эти нескончаемые инспекции, и его приезды были праздником, а теперь Айша работает рядом, но подолгу не видятся, заскочит в воскресенье, и то не с ночевкой: отлучаться ни на миг нельзя, внимание всего края приковано к юному гиганту, особая огнеопасная зона, глаз да глаз нужен.

Однажды Асия заметила, что Айша часто с Зулейхой шепчется, а потом Зулейха уехала к ней. Но еще на прошлой неделе Асия пожалела Айшу, ей показалось, что была несправедлива к ней и за "потому что некрасива", и за Аскера, и за Расула с Лейлой. Как-то остались они вдвоем, Айша и Асия, а старшая в младшей видит себя, улыбнулась ей, потом прижала к груди, и в Азии вдруг это раскаяние: "Ты прости меня, Айша!" "Ну что ты, Асия?" "Я обидела как-то тебя".

"Меня? Глупышка, мы же родные! И разве я захочу, чтоб вам было плохо?"

"Мне показалось..." - И умолкла. "Ну говори".

"Надо ли, чтоб всем нам как на блюдечке? Пусть каждый сам".

Айша отстранилась, и лицо ее сразу постарело: "Ты потом поймешь, что ничего само по себе не делается".

"Нужны... связи, да?" - Это липкое слово, которое она слышала не раз, передернулась вся (как по книжке). "Разве Айна сама не смогла бы?" - Не то говорит, а как иначе сказать? "Найти Аскера?"

"Нет, я о защите! - У Азии и в мыслях нет, что Айне повезло: это Аскеру повезло, такая красивая у него жена!..- Ведь Адамсон..."

Айша усмехнулась: "Дело не в Адамсоне. Надо, чтобы лично сам ректор дал ход". "Но он бы дал!" "Да, но сколько ждать!" "Ведь кто-то и ждет".

"И будет еще долго ждать!.. Ну, чего ты,- снова обняла Асию,- мучаешься? Разве плохо, что есть я и я могу всем вам помочь? Вот Зулейха...- Но не докончила: вошли Зулейха и Алия. Алия одета во что попало, какое-то серое платье в выцветших цветочках, а Зулейха нарядна - множество кружевных оборочек на платье,- ее очередь подросла. Худа, но высокая грудь, и узкая талия, и стройные легкие ноги.- Мы с тобой потом продолжим, хорошо?"

Мать, как выкроится время, вяжет или шьет, это она любит, удовольствие Марьям

подолгу разглядывать рисунки в ярких журналах, которые не редкость теперь. Айша их приносит: Зулейху наряжает - на ней платье из голубого шифона на кокетке, и рукава фонариком. И Алие, как подойдет время, сошьет: розовое, из муслина, с пуговичками и кармашками, едва заметными серебряными нитками.

Асия пожалела, что затеяла с Айшой разговор. И что высказалась не до конца. А о Лейле с Расулом ни слова: что сказать? Бегала за ним?.. Сама не знает, как вырвалось у нее, почти пропела:

"Пришел черед Зулейхи!.." - И выскочила, мельком взглянув на Айшу. Та недовольно поджала губы. И скоро вернулась. Захотелось сказать что-то приятное Зулейхе, будто осудила свою вредность: "Ты такая сегодня красивая!.." Проскочила в комнату к маме. Спросить? Любопытство: кто же он, который породнится с ними?

И невдомек Асие, что новому их зятю сначала сама Айша приглянулась, но она - начальство, и он ходил вокруг нее, молодой изобретатель Махмуд, да еще журналистикой увлекся: печатное слово заворожило, как дали интервью с ним, с портретом, изображен на трибуне, рука поднята над головой, врезал по поводу нашумевших споров: так ли уж нужна в век техницизма... короче, пустился в размышления о новой поэзии, которая-де помогла ему (но как?) изобрести простенькую муфту, и она получит широкое применение в нефтедобыче, - "мне был нужен всплеск, чтоб чувства мои перевероршить, и тогда возникает импульс, взрыв эмоций, и вдруг пробивается луч как мысль и озаряет формулу идей, она была проста, а шел к ней долго, и мучился, не верил, что она родится..." - не думал Махмуд, что породнится с автором любимых стихов, Аскером Никбином, - слова-то его, "и озаряет формулу идей...". А еще с, Расулом Саламовым. Но главное Айша, с чьей легкой руки Махмуд начинает (слегка подтолкнуть?) двигаться, и такая в Нем вдруг неумная энергия, горы книг, о системе связи, воздействии слова на массы, - многожды было до него, и он тут скромный ученик, - устное слово, печатное, на слух, на взгляд (когда в глаза бросается, аршинными буквами). И прежде, с муфтой, и ныне, с сетью, - нечто родственное натуре Махмуда: да, труба ввинчивается в трубу и датчик-показатель; и здесь тоже: как соединить (личность и массы) и регулировать, исследуя (!) напор народного пласта. И приписка была, не заметили и пропустили, за всеми письменами разве уследишь? хоть и не кириллица, а кириллица (и то хорошо, что не латиница, а уж тем более не арабская вязь и не Маштоцовы орнаменты), - как прорвет все слои-заграждения, дамбы и прочее (и стены тоже!), как хлынет поток, заполнив площади, и всякие лозунги, один занятнее другого, и никого не пугает "Смерть!..", а тем более "Долой!.." - долго были шифры, которые щекотали воображение, стали банальной расхожестью, и рухнет что-кто-когда, ибо неумогу, закруглить бы фразу, но как?!

А БАХАДУР... И пришло ЕГО ВРЕМЯ: он только собрался покинуть пост на углу Нагорной и Низинной, все еще негодую, что Ниса не впустила его, как вдруг неожиданность: из дома вышел Расул. Ну да, он должен был приехать.

Эти слухи! Не верил им Бахадур а тут вдруг показалось, что правда.

Быстро пошел за ним, чтоб догнать, окликнуть, но раздумал. И сразу о своем шефе: ах вот почему так любезен с ним Джанибек Гусейнович!! Но возможно ли, чтоб Расул сменил его? А кто вечен? Надо же: сам Расул!.. Уж не от Нисы ли?! усмехнулся нелепой догадке, взбредет же такое в голову... Скорее домой, чтоб сообщить Айше: Расул здесь! Бежит, а в ушах недоуменный голос Расула: "Два вуза? А осилишь?!" Давнее-давнее, есть чего вспомнить Бахадуру. С двумя вузами решено, и ничего сложного, пока Айша у дел была, а когда ее ушли... Но знаний ведь у Бахадура не отнимешь. Да и золотая медаль (не по благу). Хорошо, что Айша не была тогда в решающих сферах, подумал Бахадур, когда диплом юриста получал: не велено, чтоб родственники тех, кто на виду, поступали на юридический, на восточный; узнают - отчислят: юридический - это внутренняя карьера, восточный - внешняя (и заработок в валюте).

А тут как раз появилась Асия, и Бахадур уговорил ее пойти в школу на заключительный вечер, аттестат получить; вот она, стоит, где родители, директриса приняла было за Айшу, по инерции пошла навстречу, но тут же поняла (выражение глаз), что это родственница (и руки!!); Бахадур в пику всем, кто злорадствует, что Айша слетела, а он сообразил, что Асию приняли за Айшу, о!., он хорошо изучил взгляд директрисы! - сверстники собрались у окна, кто кем будет, уже ясно, кто кем хочет, и на Бахадур смотрят: "Кем же ты?" - мол, одно дело, когда сестра в верхах, а другое - когда слетела; Бахадур пыжится, а им смешно, и он вдруг вышел из себя:

"Кем?.. - побледнел. И с вызовом: - Вы будете еще носить мои портреты!! Да, да, смейтесь!.. Еще как понесете!.."

Все замерли, а потом один встревожено, будто и впрямь всучили ему портрет Бахадур, чтоб нес: "А почему не портрет, а портреты?" И другой, смекалистый, стукнув по шее: "Это на похоронах портрет, а он сказал - портреты! Понял, балда?"

Расул пока был в пути - оборвали телефон Лейле: и Айша, и Аскер Никбин.

И Асия из деревни, все звонят и спрашивают: "Какие-то перемены у вас ожидаются?" Асия звонит редко, но каждый раз, услышав в трубке ее голос, Лейла вздрагивает: "Вам привет от Ильдрыма!.." (и о том, как ночью Ильдрим опять приходил к ней). В первый раз неловкость была минутная, Лейла в замешательстве. "Ты что, не слышишь?!" - кричала в трубку Асия. "Да, да, спасибо..." А что иное остается Лейле? затевать спор, доказывать, что Ильдрыма на свете нет? Казалось, уже прошло, пора угаснуть странностям, а тут вдруг Асия снова:

"Вчера мне Ильдрим (!?) говорит...- Лейла затаила дыхание, боится прервать: пусть выговорится.- "...позвони Лейле, слышал я, у нас ребята говорили, Расула будто к нам на повышение", а я ему: "Слухи это!. Чтоб у Расула намечалось такое и мы не знали?!"

"Ты права, Асия, никаких перемен!.." - И нормальный родственный разговор о здоровье, о кукольном театре, пока снова не возникнет имя Ильдрыма, пусть себе выскажется.

И вздох: "Тяжко мне, Лейла! - Как призыв, чтоб ее не судили строго.- Так тяжело со стариками!.. (Это о родителях Ильдрыма, для которых сын жив.)

Ну да ладно, увидимся с Расулом, поговорим..." - Как само собой разумеющееся.

И Айша допытывалась.

"Расул? К вам едет?! Откуда вы взяли?" - Лейлу изумила проницательность сестры (Асия - это естественно: у нее развит этот дар (?) догадываться!..).

Недавно еще письмо пришло, из арабской дали, пишет Расулу племянник: и до них дошли слухи, что Джанибека уходят, а на его место - Расул. Смеется над слухами Расул, а самому приятно, что не забыт, уж он-то покажет, как надо работать!.. (Покажет, а как же?!)

Айша позвонила утром, как только Расул уехал, потом к обеду, и вечером опять звонит: "Где же Расул? Что ты не зовешь его к телефону?.. Ах, он за город уехал!.." И чуть ли не в полночь: "С кем ты так долго говорила? (А Лейла Расулу позвонила: "Мои ищут тебя". - "Ну и на здоровье!") Но и дачный не отвечает. Скажи Расулу чтоб непременно позвонил мне! (Лейла молчит: как же, дожидайтесь!) Вы что, приучились экономить валюту (это когда в заморском краю вкалывали) и не отучитесь? - И с издевкой: - Пусть звонит в счет вызываемого!"

Расул ждет нового назначения, дошло до родичей (но как?).

А ничего загадочного: пошла пятилетка почетных похорон, предсказывали ведь (и Бахадур первый осмелился высказаться вслух насчет этой пе-пе-пе, в кругу семьи, разумеется).

"И не догадываетесь куда?" - спрашивает Айша. Расул бы не сдержался: "К вам, да, да, к вам меня направляют!"

Аскер Никбин больше хохотал, чем говорил, тоже интересуясь: "А я рад! Как чему?"

Расул-муэлли-му!" И даже: "Мы ему такую здесь встречу организуем!"

"Как шаху?" - шутит Лейла.

Аскер Никбин не понял сначала, а потом долго и сладко смеялся, уловил в словах Лейлы намек: "Да, королевскую! Царскую устроим ему встречу! Мен олюм, да умру я, пусть никому, мне одному сообщит!"

Весь следующий день Лейла не подходила к телефону, известно ведь: сначала писк вместо звонка, затем чаще, чем обычно, долгие гудки.

А Расул провалился - устал чертовски!! но и счастлив - в глубокий колодец, со дна которого весь мир казался' нереальным, лишь кружок, как в телескоп, устремленный в мироздание, а тут вдруг звонок, бросили ему веревку, и он невольно ухватился, застучали все-таки, где он? кто?

- Да, Расул.

- Ты? И давно здесь?!

Только б начаться конспирации. А голос, голос!.. Упреки и обиды, как признание в любви, будто не они с Айшой тогда спорили, чуть не до разрыва дошло.

Ну, а раз Айша - тут же, как цепочка, тянутся все, и замыкается Бахадуром, единственным и любимым братом шести сестер.

Да, это странное ощущение, когда проснулся: он отчетливо, очень ясно видел Лейлу, она к его юбилею, но ведь не скоро еще, а во сне уже наступил, к чему бы? купила ему коня в подарок.

"Ну вот,- говорит ему Лейла, как всегда, с ехидством,- и поскачешь вволю".

Он ужасается, узнав, что конь не кормлен! не поен! заперт в каком-то подвале-, где ржавые кровати, хлам всякий, в детстве лазили, и пахло крысами, такой скрип пружин. "Как ты могла?" - кричит он, а ей так обидно, хотела обрадовать, и вот! Расул не знает пощады: забыть накормить коня! надо спешить! И проснулся.

Ах, да, настольная лампа; конь встал на дыбы, и всадник держит на пике лампу!

О, эти семейные сборы: разговор начистоту и по душам, выведать, обсудить, наметить,- лодка плывет, и сеть, как хвост, вываливается за борт, и пробковые указатели, чтоб знать, когда улов собирать будут, почти заседание кабинета министров, во главе стола Айша, президент (кто же это сказал?..), слева премьер Бахадур, и зятья, и сестры, кто где, неважно, только энергия их, и это единство,- да, вспомнил Расул,- это ж сын Аскера Никбина сказал, Агил, Мудрый, когда в гости к ним на дачу ехали (и во сне - Ильдырым).

- Ну, так мы ждем тебя! Не вздумай опаздывать!

Таким же голосом Айша, поговорив с Устаевым, торопила его: "Надо спешить! Это ж такое везенье!" (Будут пышные проводы.) И когда советовала, тот же голос: "Раздумывать нечего, раз он сам предложил тебе!" - Это когда Джанибек его в тупик!

Как уехал тогда Расул, бежал отсюда (минуя Джанибека), тут же и распределение у Бахадура. Надо ему двигаться, всем ясно. Первое дело - участие в расследовании шумного убийства. Пока рядовой клерк, а нужен ему отдел: "пятая ступенька", как рассчитал сам. Никто не подсказывал, он додумался: обобщить явления протекционизма, корни, сущность, формы проявления, а тут еще узнал, что получено задание, по итогам 'знаменательного, на весь край прогремело, совещания, Айша сообщила.

"Это может составить целое направление в юриспруденции!" - сказал он, выступив, и стал сыпать!.. Даже схему тут же, мало что понятно, но впечатляет, нарисовал: кладешь перед собой карту и выписываешь крупные центры, а рядом должности, соединяешь и так далее; специальную графу через жен!

Хохот стоял, пока Бахадур выступал.

Так вот: жена смещает, диктует условия, а он как мужчина постоянно виноват перед нею!., может, сплетни? или муж выдвигается то ли посредством своей жены, бывшей, а

может, и нынешней, еще привязанности своего шефа, а бывает, и с помощью собственной дамы сердца, некогда близкой его начальнику, и эти женщины определяют служебную этику, стиль отношений в коллективе, уровень зарплаты, распределение жилья, дач и так далее и тому подобное. А факторы личностные? Плюс - это уже детали: землячество. Тоже фактор. Особый: с одного двора, улицы, квартала, пастбища.

Слушают, затаив дыхание:, "Ай да Бахадур Аббасов!.."

Или общий объект интереса,- сидели рядом каждую неделю на одной жаркой доске в финской бане, которая так обжигает, что садишься на руку, ладонью к доске, и течет с них горячий пот, заливая глаза, волосы накаляются, как спиралька электрической плитки! Потом выбегали и - бултых в озеро! - "кто за? кто против?"; и он отдает свой голос, чтобы перевесить. Случается и так: помог и полюбил; а за что полюбил, сам не знает: не сват, не брат, не земляк, не друг, не финская баня, а пришелся по душе - и все тут! может, даже молчит, активных и без него хватает, сам - первый заводила,- приятно ощущать взгляд: покорный, послушный, готовый по первому же зову, чуткий к сигналам, как рыба или тварь какая земная к катаклизмам.

Да, нужен отдел. И Бахадур реконструирует его. Пятая ступенька - это статья над самим собой начальством, чтоб себе подобным давать задания: собирают, связывают, обобщают - и ему на стол!

"Вот и помоги,- Аскеру Никбину,- ты же вхож".

Недостаточно разве одного звонка Айши? Нет: ее надо пускать на нечто крупное, в крайнем случае; а здесь хватит одного телефонного звонка Аскера Никбина, просить ведь закадычного друга. Кто-кто? Аскер прекрасно знает его! В детстве" на одной улице сшибались альчиками крашеными, как пасхальные яйца, это теперь модно и у неверующих мусульман-земляков: красить в Новруз-байрам, в новый мусульманский год, яйца на манер христиан, да, менялись-сшибались альчиками; Аскер, помнит, показал тому, как нутро альчиков свинцом заливать: держит игральную карту над огнем, свинец тает быстрее, чем стораает карта, и заливай, чтоб тяжелым был альчик; и по краскам Аскер всегда на высоте: не догадывались красить шелухой луковой.

"А за какие такие заслуги? - тот друг Аскеру.- Что? Дело с убийством? Замах был большой, а пшик вышел". Аскер не понял, но не стал переспрашивать. "А дело с памятником?" - наступает. Это было второе боевое крещение Бахадура. "Детские игры!" "А просто так нельзя, если Аскер просит?!" "Ну, это другое дело!" - согласился. И уже вслух: "Но у того, кто на пятой ступени, есть степень!"

"Вот именно,- ему Аскер,- на себя работает!"

И чуть не погорел Бахадур на пятой ступени. Началось с премий. А вернее, с наведения порядка. Восемь, но всю работу могут выполнять пятеро, и время еще останется при желании, способностях, доступе к архивам и вечном пере с золотым наконечником на сочинение документальной повести о сыщиках, суперлюбовниках и разведчиках.

"Ты что,- архиоткровенный разговор Бахадура с Иксом (Айша?).- Не из твоего же кармана!"

А потом, когда Бахадур призвал кое-кого из восьмерки к порядку,- то за мохером выскочат, то за... мало ли что? а тут надо отсиживать, и дом у всех, и

172

дети! - снова ему без утайки: "Ну что ты пристал?! Пусть себе! И премии зря лишил, чего скупиться?!" - Думали, что обо всем этом знает Бахадур. ВСЕ ЗНАЮТ, а он, видите ли, не информирован: дочь. И называют девичью фамилию!! Нынешняя по мужу!.. И не за мохером вовсе уходила, ибо никакого хозяйства, а дети у бабушек и дедушек, есть даже прабабушка, а вернее - няня (бонна?), а чтоб посетить, к примеру, Салон, и вовсе не Сальми, а мод! Чудак, это ж дополнительный источник... чего? воздействия? прибыли? карьеры?

Но что с них возьмешь? Ему нужны работяги, которые бы составляли для него картотеку, вели досье, искали, компоновали, монтировали, вычитывали с машинке - а главное, чтоб переводили. И девочки - о боже, какие симпатичные! Итальянская группа плюс редкие языки в придачу. Что?! Создать группу? Шутка ли, штатное расписание менять!.. А может, Совет из знаменитостей и при нем штатная единица, та, что нужна именно тебе, причем Совет в учреждении не своем (как?), и... об этом подумал, не просто озарение: Хансултанов! У зятя прорва лабораторий, комиссий, советов! пусть будет еще, на то и зять!

Пошел к Хансултанову. А у того лицо человека, только что вышедшего из-за щедрого стола (приучен тещей к вкусной еде: кулинарное искусство Марьям-ханум сыграло не последнюю роль в том, что Хансултанов накрепко связал судьбу с домом Аббасовых): ел сначала долму, и виноградные листья были нежные, а мясо, завернутое в них, сочное, с долмою - кюкю, яичницу с зеленью, потом две тарелки плова с пахучим мясом, специально приготовленным, и курицу, начиненную каштанами, потом, съев довгу, суп из кислого молока, запил крепким чаем.

Глаза излучали удовольствие, дыхание было ровное, чуть теплое.

- Понимаешь, дорогой мой шурин,- он ему то шурин, то зять,- вот какая у меня идея!

- А ты покажи мне сначала ее.

- Идею? - улыбается (А не отхватит?).- Ай-яй-яй! - хохочет наглец, глядя на степенного Хансулта-нова, а тот поспал бы с удовольствием часок.- Как на это посмотрит моя любимая сестра Алия?

Да, с Бахадуром ухо надо остро держать, вспомнил, как, еще младенцем, все восторгались им, смышленным мальчиком, а он им вдруг такие загадки загадывал, одну на всю жизнь запомнил: "Что делали пешки в коробке, когда я спал?" (!!) А однажды подсел к Бахадуру Хансултанов на диван, и тот огорошил его, сказал, что вчера юбилей белого коня справлял, а сегодня - похороны черного короля; скажешь ему, напомнишь, а ведь не поверит! И оба хохочут.

- Есть у меня знакомая,- оправдывается Хансултанов,- зовут ее Идея, вернее, была!

- Умерла, что ли?!

- Как может умереть Идея? Другой похитил... Ты понимаешь, о чем просишь?! Штатная единица!!

Неделю за Хансултановым ходил.

Какие теории и как обеспечиваются организационно. Структура и так далее, веером развернуть их. Мотивы человеческого поведения, что говорят нейрopsихологи? психофизиолога? психобиологи? социальный и генетический подходы! да, да,- ошеломляет ученого секретаря Совета Экспертов, как недавно ошеломил своего зятя, и она схватывает на ходу,- структура сознания, его этажи, ТАМ здорово разработано, переходы, выйти на первый уровень и двигаться, продемонстрировать фронт работ по всем направлениям; здесь отражены результаты пятилетней давности, пока он освоит и предложит - еще года два-три, а реализация - еще, вот и получается, что отставание на дюжину лет; как быть?!

Упорствовал Хансултанов, а Бахадур - новые доводы.

- Зачем это тебе? Нам? Как ты сказал? Дихотомия? Сознание - тело, сознание - мозг, сознание - поведение?

- Это ж так важно! Бездумное послушание!..

- А чего рассуждать? Сказано - сделано, указано - и пошли строим!

- Это ж примитивный подход, извини меня, Хансултанов! - И сыплет ему про различные поведения, это и решило, как узнал зять про типы.

- Ты мне это выпиши отдельно! - поразит всех на очередном заседании: поведение как научение, как оценка, как обусловленное стимулами, контролируемое, вынужденное, временное, устойчивое, конфликтное; особенно потрясло поведение половое, до чего ж

детализируют ТАМ, и конфигурация наслаждений у дзэн-буддистов и йогов.- И это запиши,- просит.- Как ты сказал? "Не крадешь не потому, что нельзя, а потому, что видят!"

С Бахадуром не соскучишься: однажды и Аскера Никбина изумил, когда тот сон пересказал, нечто эротическое. А Бахадур вдруг: "Теоретически я осмысляю,говорит, а те решили, что измывается.- Накапливаются в стволах мозга адренергические вещества, содержащие рецепторы сна..." - Сделал паузу.

"Ну, с тобой ничего не поймешь!" - перебил его

Аскер.

"Это ж так ясно!"

"Не надо, прошу тебя!"

"А механизм чувств? Известно, что те же химические вещества, то есть индоламины и катехоламины, ответственны за такие явления, как депрессия, это, к счастью, нам несвойственно, и приподнятое настроение!"

Сейчас, сидя в кабинете у Хансултанова, Бахадур не унимался: говорил о мотивациях. И результатах. Стимулах. Системе Средства - Цели и ее парадоксах. Хансултанов долго смотрел на своего родича, а потом:

- Какой умный! - сказал.- Далеко пойдешь!

И штатную единицу ему в Совет Экспертов. А потом задумался и вздохнул:

- Да, хорошие кадры растим.- И про нового вузовского шефа, "благодарность надо ему выразить".- Знаешь, кто он? С нашего двора парень, ну да, где я раньше жил, дверь в дверь, тихий был, скромный парень, прилежный и послушный, и вот тебе, сразу скачок, соседка рассказывала, похлопывает ее, почтенную даму, по плечу: "Ну, как живете?.." А она его от всяких детских болезней лечила...- И, кстати, через нее Айша на Хансултанова вышла.

А Бахадур вдруг, у него интуиция:

- Аранец?

- Кто? - не понял Хансултанов.

- Парень с вашего двора.

- Но-но! - заволновался Хансултанов.- Ты у меня потише тут! - И озирается по сторонам, на трубку телефонную уставился, будто сейчас зазвонит. А парень этот сын закадычного друга поставщика кадров.

Чего Бахадур с этой штатной единицей, которую вырвал у Хансултанова, не вытворял! Хрупка, а сил в ней!.. И так, и эдак - ничего, чертовка, не боится! И сам Бахадур тоже,- а ведь влипнуть в два счета можно! Карьера? Но кто помнит о ней ("Ты должен помнить!"), когда такое?

Об этом ему как-то и Аскер Никбин, лестно Бахадuru, что с ним, как со взрослым, сокровенным делятся.

"Ты что же,- ему Бахадур,- эротоман?"

Аскер Никбин изумился, но не стал углубляться.

"Все мы,- сказал Бахадuru,- эротоманы,- но тут же признался,- хотя, откровенно говоря, вряд ли кто из нас способен принести в жертву женщине свое тщеславие".

"Карьеру?"

"Да, и карьеру тоже, она превыше всего".

Бахадур промолчал, довольный, что мысли зятя созвучны его думам.

"Замуж?" - переспросила она и смеется, а в глазах боль. Крупные зубы, щелка между передними. Нет, что ни говори, такая не пропадет, в это Бахадур твердо верил, только б захотела,- а она очень хотела замуж и построить семью, такая будет верная жена!.. Но обманы!! И - Бахадур, шеф: смотрит сейчас, будто сигнала ждет.

"Может, хватит, а? Мне ж целый лист перевести надо к завтрашнему дню!"

Да, с этим железно. Работа есть работа: картотеку Бахадuru собрала по

протекционизму, и каждый день мелко исписанные листки в машбюро, потом соберет воедино, и так далее, мог бы и сам Бахадур, это пустяки, но нет времени, да и знать языки надо.

"У меня спина разламывается!"

А у него из неведомого источника силы прибавляются: "Только ты!" - он ей, а она в минуту, когда веришь беспредельно, ТАКИЕ КЛЯТВЫ! призналась, НЕ НАДО БЫ! ЗРЯ ОТКРЫЛАСЬ ему, и о первом, и о друге его, монологах в ночи, но ПОСЛЕ, и о женатом мужчине,- доверчивость проклятая!..

Да, убежденно сказал,- только она, а все, что было,- не в счет (а то, что с нею,- может, в следующем веке и усвоят, и то к закату!).

И фразы его (о протекционизме) включены в ТЕКСТ Джанибека!

Айша ему: "Ты не очень (распространяйся)!.. Дойдет,- и рукой наверх, а там портрет деда, удивленно смотрит, что внук таких элементарных истин не знает,голову снимут!"

"Но фразы мои!" - упорствует Бахадур, будто не с Айшой, а с дедом спорит.

"Были твои. А теперь закавычь и сошлись, работа только выиграет".

И материалы? Дополняй, чуть переиначив, в синхронно-диахронном аспекте, а также в системной связи. Работают же, черти! Аж запеваает: "чер-чер-чер!" - и чертит, очень это любит, диаграммы по протекционизму.

Снова к Хансултанову. Другие месяцами не могут, а он хоть каждый день. И на стол ему - увесистый труд.

- Каких наук? А разве не философских? - удивляется зять.

- Ты хочешь, чтоб я стал Махмудом? Хансултанов даже растерялся: а разве Махмуд - философ?!

- Ах, юридических!.. Все одно - гуманитарий! - И к телефону: - Афлатун? Да, я. Тут к тебе явится мой человек, по поводу протекционизма... Слышал? От кого? Да нет, не по поводу анонимок, ты их в ящик, с глаз долой! Я о племяннике своем... Да нет же, это к разговору не относится! Опять с клязузами лезет?!

А Хансултанов этого демагога - надо же, такая редкостная фамилия, Зурначиев, предки, очевидно, мастера были изготовлять зурну,- подальше от себя, к Афлатуну отправил, прикомандировал для чтения лекций по автоматике, философские, так сказать, проблемы науки, временно, конечно, а тот и строчит: мол, "не по специальности", и все такое.

- Я брошу дела и так стукну, всю твою епархию к чертовой матери!..- И пошло, и пошло, катит и катит волны.

Пока Хансултанов говорил, новая идея у Бахадура, чертит на листочке,- в каждом ведь учреждении отыщется демагог: функции? роль? Дэ Икс, то есть X, это Демагог Хансултанова: есть и у Айши (Дэ А?), и у Аскера - Дэ эН, чтоб Никбином отличить Аскера от Айши.

Слева зятя и даже сестры, но по старшинству и шифрами: эН, эР, Расул, эМ, X, или Икс, а справа эти Дэ как типы. Рядом с Асией вопрос - ? У Ильдрыма наверняка б не было, хотя как знать? Все ячейки плотно забиты, и такие очереди, чтоб записаться на прием (к шефу Айши?): с семи утра выстраивается длинный хвост, а в девять уже поздно, будто за копченой (?) колбасой (была б любая!).

Неприменно в деревне и у Асии есть - спросить!! - какой-нибудь да, демагог: по призванию, по справедливости, для карьеры, наследственные, крепколобые, скорее стена рухнет, чем лоб прошибет, истеричные, по ком койка скучает да рубашка с длинными рукавами, специальная графа, а надо б и по цели: насолить, отомстить; и еще чтоб кровь не застаивалась; и пути реализации: сначала в узком кругу шепот, потом слух и непременно ссылка на чей-то голос, авторитет. Широкий круг - это собрание; здесь опасно!.. Как люди сообща ополчатся да пойдут стеной,- нигде не укроешься. Шутка ли: голос народа!..

Скоро начнется, вернее, уже началось. У соседей. Неужто и сюда перекинется? Но здесь палка о двух концах, ибо... Но о том уже было! И ходит он, этот дэ, как прокаженный, по улицам (под машину б нечаянно не угодить, ни за что не притормозят, а долго ждать приходится, поток нескончаем), то ли быль, то ли анекдот, пиши-жалуйся хоть живому, хоть мертвому. (Чудак в Мавзолей жалобу послал, вызвали 'его куда следует, страшат:

"Вы что же, не знаете, что он умер? И пишете ему как живому!.."

А он им в ответ:

"Как ваши дела решать - он живой, живет всех живых, а как мои - так мертвый?!"

Скоро демагогом и Асию назовут, когда добьется своего, разложит на столе трухлявые купюры, извлеченные из жестяной коробки (но об этом, кажется, было).

- Этому демагогу Зурначиеву я такую зурну в...- Хансултанов иногда любит загнуть.- Я его зурну,- и вспомнит, как Айша на его кралю Идею кричала, сломаю и к чертовой матери фамилию искорежу!

Бахадур оторвался от листа:

- А что, есть такая фамилия? Но Хансултанов разлютовался:

- ...в такую его длительную командировку отправлю!..

А ведь случится, когда призовут Зурначиева к Джанибеку, и не одного, а с целой группой для видео и слышно, и еще хобби: криптограф-шифровальщик; надо в строжайшей тайне, ДОЙДЕТ ДО САМОГО!.. впрочем, без этого нельзя ни там, ни здесь.

Кричал, страшал и бросил трубку.

- И что ты начертил? - спрашивает у Бахадура.

- Слева зятя, справа демагоги.

- Ничего не поймет, а потом:

А ты чего здесь голову мне морочишь?.. Ах да, я должен был! - И снова звонит: - Афлатун? Да, это снова я. С просьбой к тебе, а ты втянул меня черт знает в какие истории! Да, племянник, он тебе объяснит, по критике протекционизма! Руководитель? Слушай, какой моему племяннику руководитель? А с демагогом Зурначиевым управься сам, не доводи дело до скандала!

По плану Зурначиева скоро здесь рыть начнут, долбить землю, грохот и гарь на всю округу. "Опять? - удивится Хансултанов.- Только что ведь асфальтировали!"

И появилась статья о Бахадуре. В "Молодежке". В основном о защите. Особо выделен был светилу по части системного анализа, из соседней республики пригласили; и об апробации - результаты включены в важнейшие документы. Потом пошло: "Это кто же? Ах да, синхронно-диахронный!.."

И ровесник, тот, кто о портрете спрашивал: "А сбывается! Год-другой..." (и носить тебе его портрет).

"Я рядом с тобой пойду".

Кто с усмешкой, а кто всерьез. И даже с завистью:

- На седьмой ступени уже? Когда успел? Что? И политехнический? Похоже ни липу!..

- Есть диплом!

- Ну, диплом еще...- не верит. А тут без дураков!

Бахадур убежден, что вытянет, если его посадит на свое место любой: и тот, кто... и выше, и выше, и выше! А бывали и минуты сомнений. Подумаешь - схема! Рассмешить сослуживцев (примитивных). Кто с кем и как двигается. Всякие стимулы и прочее. Даже формулировки, кому они нужны? И что с ними можно сделать? Порвал, мелко-мелко разорвал листки с любимыми формулами: "сознавая... будучи глубоко обеспокоена... подтверждая... исходя из необходимости... призывает... еще раз... еще и еще раз... рекомендует", блоки фраз. А заодно выкинул и подарок Махмуда, его заветную книжку, где записаны кое-какие тактические приемчики-хитрости, и Бахадур (а прежде Махмуд) ими

дорожил: как себя вести в тех или иных ситуациях,- и о себе Махмуд писал как бы со стороны (вдруг книжка попадет в чужие руки?), да-с, "чтобы выразить к выступающему пренебрежение, все его боятся, а ты знаешь, что дни его сочтены, информация получена из надежных источников, надо демонстративно рвать бумагу или, наклонившись к соседу,- а что, срабатывало!..- громко заговорить с ним, хохотать, и тем самым невольно подрываешь авторитет, выглядишь смелым в глазах публики, а это тебе зачтется..." - чепуха какая-то!., вот еще: "Чуть-чуть опоздать на узкое совещание и сесть не за общий стол, где все сидят, а сбоку за отдельный столик, и тут же уткнуться в бумаги, и пусть твоя деловитость будет всеми замечена". Чушь!.. Разорвал и бросил в корзину.

Но однажды о Бахадуре вспомнил Джанибек в разговоре с Айшой:

- Молод еще ваш брат, но очень-очень перспективен! Кстати,- Айша только рот разинула, слова сказать не может,- ваш брат бывает у нас.- И после паузы: - А вы не знаете?! - изумлен. Бахадур специально: значит, не треплет языком. И все благодаря знаменитому художнику, Бахадур готов был даже уступить ему "ученую секретаршу", лишь бы попасть в Салон! Хансултанов о художнике как о лженоваторе говорил, слышал Бахадур: "Нарисовал ребенка, голова как яблоко, а в руке гранат держит величиной с арбуз!"

"Разрешение? Мне?! А ты знаешь..." - И художник сказал Бахадуре, что Джанибек был чуть ли не мальчиком на побегушках у его покойного отца.

И ни с того ни с сего поговорку ему: "Больше верблюда слон есть!"

Да, Салон (созвучие такое, и ничего более). Сначала фужеры-коктейли, потом - по желанию и фильм будет. И показ новых работ. И сольное пение. О том о сем (ловля слухов). В центре внимания (когда туда пришел Бахадур) были художники, новый друг Бахадура, скульптор и певец, он же композитор,- ни виду, ни роста, худ, хил, мал; а тот, скульптор,- атлет, но грузен и тяжеловат, пропахли оба французскими духами, это модно, чтобы мужчины тоже, но - особые.

"Аскер Никбин? - скульптор задумался.- Нет, извините, не знаю". "Как же?"

"Ах, Аскер Никбин!.. Неужели,- изумленно, глаза круглые-круглые,- вы его считаете поэтом?" - А скульптору скоро закажут бюст поэта.

"Аскер Никбин?" - это говорит певец-композитор, во как осточертел ему этот Никбин, ребром ладони по горлу, а шея тонкая-тонкая, ненароком бы не разрезать, и точно копирует его: "Что же ты на мои слова ничего не сочинишь?" А я ему: "Мне нужны стихи ломкие, ритмичные, а вы гладко пишете!" "Не гладко,обижается,- а в классическом стиле!" "Но я,- говорю ему,- пою ваши песни, особенно эту: "Ах, чай, чай, чай!.."

Художник что-то объяснял мадам, еще два сеанса - и будет готово: "Всех увековечу! И вас надо бы еще, в другом ракурсе, я что-нибудь придумаю, всех-всех! - Ведь, когда шел сюда, был как стеклышко, когда же успел? - А это мой друг Бахадур! Как это, да, вспомнил: "Автоматизация нефтяных и газовых месторождений... простите, скважин!" А избрал тяжкий неблагодарный труд следователя! Ведь это он с памятником-то! Точно указал, где искать злоумышленников!"

Тоже из нашумевшего дела: чудаки решили памятник великому мудрецу с места двинуть, надоело, мол, вечно в его спину глядеть! - опрокинули; и озарение Бахадура, когда злоумышленников стали искать: "Где искать? А в квартирах, выходящих окнами на памятник!" Это был показательный суд, и прокурор не раз упоминал имя находчивого Бахадура.

Вот он, шеф Айши! ДЖАНИБЕК ГУСЕЙНОВИЧ! "Как всегда, усталый",- шепнул художник, а потом к хозяину:

- Не могу же я вас, а очень хочу! нечто уникальное будет! таким утомленным рисовать! - Бахадур впился в лицо, каждый штришок запомнить! голова большая, глаза усталые, но во взгляде властность (появился лишь на миг - ушел).

Потом пили.

И такие дерзкие мечты! "Женился плешивый на шахской дочери, а потом и его престол занял". Ай да Бахадур!

- Салон? - Айша слышала, но думала, злые языки.- Это Сальми и ее девица, ну да, как же, подросла, ей общество знаменитостей нужно, певцы, музыканты танцоры!.. А ЕМУ до зарезу покой требуется! - Говорит, распаляется, гонит от себя радость, что Бахадур нашел туда дорогу, а она, эта радость, внутри клокочет вырваться норовит, как пузыри, сквозь кипящую лавину бульк-бульк, впых-впых...

И любимец Салона, Вечный Поклонник, седой, t глаза молодые, ой-ой какие смелые диалоги! Каждая думает, что именно она его пассия: и Сальми тоже но не подает виду, ибо Салон! - и высокая певица которую иногда приглашают, она поет с придыханием, будто только так и можно выразить страсть, и аккомпаниатор ее знаменитая пианистка, с которой он отдыхает иногда, заядлые лыжницы; две-три зимы ездили в пансионат, где горка и лыжи, даже слух прошел, что женится! А потом сдуло слух, как пушинку отцветшего одуванчика.

- Нет-нет, о женитьбе никакой речи! Хотите знать, на ком женюсь? Чтоб была блондинка, но из наших, чтоб была умна, но и красива, чтоб любила наряжаться, но не была мещанкой. "Вот она!" - подумал я однажды: из наших, и блондинка, и красива, и умна, даже понравилось, как она сказала: "Люблю наряжаться!" - но тут же о дарах: "Какой комплект по даришь?" Я сначала не понял, а она: "С изумрудом или сапфиром?" - ах вон оно что!.. Но откуда? Где берутся эти деньги!..- Долго над Вечным Поклоннике" хохотали, а он не понимает, хотя если... но нет, искренне разводит руками:-Откуда все-таки берутся?! -Кто расскажет? - Увы,- вздохнул, ибо все еще холост но женщины рады, что Вечный Поклонник, как прежде, принадлежит каждой и никому. Пианистка обиделась, ей показалось, что кое-какие подробности, а разве что было? - их встреч попали на страницы его Небрежных набросков, как он назвал свои диалог; и, сославшись на головную боль, удалилась.

- А любовь у вас как-то сама собой зародилась, -Бахадур Вечному Поклоннику.

- Вы о Небрежных набросках?

- Да.- Уж не соревнуется ли, и ревность тут, с моим зятем? - подумал Бахадур: у того Пэ Пэ, Проза Поэта, а у него эН эН, Небрежные наброски, и эпиграмму сочинил, безадресная, но вполне подходящая к Аскеру: "Я должен получить все премии на свете", и рифма на "ветер", который разносит славу.

_ Ас любовью только так и бывает,- заявил Вечный Поклонник, и с ним согласились.

- В жизни да,- не сдался Бахадур,- а в искусстве...- И о психологических мотивах.

- Извините, но у меня любовь - это символ!

- Символ чего?

- Так я вам и откроюсь!

- Веры? Власти? Всевышнего? - напал Бахадур.- Поливариантность поступков, порождаемая действительностью, и в этом, кстати, неотразимость классического искусства, подменена у вас указующим перстом автора, а еще Лессинг...- Бахадур сам не ожидал, как гладко получится. И был* момент, когда уловил заинтересованный взгляд Ани, дочери Сальми, ввернул насчет идеального и реального (вычитал недавно в книжке у Лейлы, когда поехал в командировку и повез с собой помощницу, оставил ее в номере, измучилась вся, и он тоже, обрадовались, что так удачно обошлось с гостиницей, а сам потом к сестре, повалился на диван. "Отчего ты так устал?" - спрашивает Лейла, а он блаженно улыбается, потянулся к полке, в руки попал Лессинг, и почти до ночи. И совпало как-то: сначала прочел аль-Нура, хронику семейной жизни Мухаммеда, ой-ой какие любовные страсти, а потом Лессин-га).

- И еще. В одном из диалогов вы гневно ополчаетесь на протекционизм, знает, что шеф (за стеной?) слышит,- и прочие пережитки. Вы предлагаете, и здесь я с вами согласен, жечь

каленным железом, отрубать и отбрасывать, по части хирургии мне тоже кое-что известно, это у нас, так сказать, семейное. Мог бы напомнить об Алие, а к чему? - Но это не так-то просто. Как вы, к примеру, объясняете, - это из реферата Нисы, - парадоксальный феномен фантомной конечности после ее ампутации?

- ?

- Ну, к примеру, больной просит сиделку помассировать пальцы ног, потому что они сведены судорогой, а ноги-то нет!! И он не ощущает и может никогда не ощутить потерю конечности, даже если сиделка и сообщит ему, что его нога отправлена в лабораторию!

Пока Вечный Поклонник приходил в себя, пытался увязать эти слова со своими диалогами, подал голо шеф Айши (явился!):

- Вы о чем? - слышал, как и предполагал Баха дур, и вдруг, никогда себе этого не простит!! язы прилип к горлу, не может слово вытолкнуть! Вспомнил, когда Айша ему о шахской дочери. А он, позорное малодушие, рабский страх, дикость какая-то, - онемел!

- Вот теперь, если б вы разрешили, я бы запечатлел этот миг!.. Сейчас! Спас художник. И уже в руках него карандаш и лист. Как по мановению волшебной палочки: - Мне важно было подстеречь именно этот взгляд! Вы гений! - Так неподдельно, что все расхохотались, и он тоже.

А как вышли с художником, будто в невесомости парит.

"Чем я для вас плох? - мысленный такой разговор с Шефом. - И потом: рано или поздно, СОЗРЕЛА КАК!! а решать ее судьбу! возникнут ведь трудности, попробуйте влезть в души тех, кто поползет на четвереньках с намерением породниться!" И о - только что в голову пришло! - частотном флюидоуловителе ФУ-икс-ПБ (неразгаданный шифр).

"Но кто осмелится? первое слово и право выбора - вам!! да, да, вдруг не так поймете? Ах, если бы вы знали!.. У нас в роду - культ семьи, ибо семья превыше всего! Да отрежут мой язык за то, что изреку: а разве вы сами? нет-нет, знать ничего не знаю, но слышал!.. А что касается той девицы, что внесла свою лепту в мою научную карьеру, это синхронно-диахронное, вы не отец, и я не жених, а просто двое мужчин! ведь и такой опыт нужен, чтоб не оскандальиться! с честью выдержать экзамен на вожака, быть главой семьи! разве это не наука?! разве... но что об этом распространяться? случай! стечение обстоятельств!.., как-то надо убить время, даже если увлекся, кто гарантирован?! но - честь семьи! это священо! где б ни гулял, а домой придешь, где б ни жил - вернешься на родину!"

"А как Расул?" - вдруг (в мысленном разговоре) спрашивает тот.

"Сдался вам Расул! Песенка его спета!"

"Разве?!" - Зря Бахадур упомянул о родине (куда стремится Расул), отвлекаться нельзя!

"Вы цените: даже имени ее не назвал всеу, чтоб не вспугнуть свои чувства! К чему выбалтывать то, что и вам, и мне известно?" И СОЕДИНЯТСЯ ДВА РОДА.

Айша наставляла брата:

- Ты молчи! Ради бога, не болтай лишнее! Пусть говорит он, а ты слушай! Слушай и кивай! Отвечай на вопросы уклончиво!

- Неужели ты думаешь, что он меня позовет? Что-то преувеличиваешь!

- Главное, чтоб он тебя врасплох не застал!

- Сестра, ну что ты вбила себе в голову? Откуда взяла, что пригласит?

- А вот увидишь! - И свой график показывает. - Жду 'со дня на день! Уж я его методичность знаю, наслышана!

- Нот! - он ей; Айша сначала не поняла.

- Ах, нот, научная организация труда! Ну да, график!

- У нас же с ним точек соприкосновения нет!

- А Салон Сальми?

- Салон!.. Лишь раз вышел к нам, и то ненадолго!

- Может выйти еще!
- Нет, ты определенно преувеличиваешь!
- Не глупи! Само счастье плывет тебе в руки!

Бахадур, удивительное дело, не пьянел.

- С тобой пить,- ему художник,- вроде деньги жечь!..- И вдруг: - А она, между прочим, эта дочь, мадам Сальми не было, только я да скульптор,запомню художник: был еще кавээнщик, бывший,- жгла! Одну, вторую!.. Не помню уж сколько! Купюры...

- А чего ты их рисуешь? - возмутился (?) Баха-ДУР

- Надо ж начинать с кого-то. Сначала их, потом других, и выше, и выше...Почти как Бахадур некогда думал (и пел!).- Надо рисовать великих.

- ??

- Ну, видных, скажем так.

- Они уйдут, а с ними :- и твое искусство.

- Нет, скажут, что я отобразил важнейшие этапы истории (КамышПрома?).

- Ты в этом уверен?

- Да, с тобой отрезвеешь!

- Понимаю, полезно пройти такую школу, портретисты в почете.

- И будут.

- Да?

Некогда Бахадур, еще в школьный выпускной вечер, почти о том же.

и будешь рисовать меня в рост на фоне сотканного нашими ковроткачихами, гигантский, свисает со стены и стелется по паркету, ты найдешь, как изобразить под ковром и этот фигурный паркет, угадываются цветные плиты, орнамент, не уступающий узорам ковра, и на потолке парящие ангелы, и за зеркальными стеклами окон будет видна девичья твердыня, покоренная мной, и это ты тоже изобразишь так, чтоб ощущалась древность камней,- Бахадур в рабочем кабинете, и отца воскресишь на полотне, и мать изобразишь, и сестер, всех, в ком частичка моей крови, и тысячи вариантов выражений моих глаз, поворотов головы, жестов, улыбок всех оттенков и смыслов, и на коне, и на охоте, и широкое поле, а впереди горы, снежные вершины, и вот уже седина, и ты рисуешь, ты создал школу, и детей моих, чтоб остались в памяти потомков.

и маслом, и акварелью, и гуашью, толченым кирпичом, углем, мелом, из придорожной гальки, и мчатся мимо поезда, СЛАВА!., из морских ракушек и даже из зерен пшеницы и соевых бобов.

и ты (но кто?) сочинишь героическую трилогию о том, как я продирался сквозь людские массы, шел и шел, чтоб выйти к шахской дочке и занять шахский престол, и ты, певец, но прежде музыкант, а еще прежде композитор, тебя одного конечно же не хватит, но ты создашь трио и квартеты, чтоб славить Бахадура.

ах тебе трудно, ты охрип и даже имени своего произнести не можешь, не в силах, и хил, и мал, и безголос, и в помощь ты зовешь моего зятя, хватит ему бездельничать, и большая поэма, переложенная на музыку, где и пляска, и речитатив, и хоры, и чтоб на сцене ликовали танцующие массы, раздвигается занавес бесшумно, лишь шелест шелка, и белые мечи разрывают темень, и скульптор, и не дождутся, чтоб собраны были статуи на гигантской площади,

- Бахадур однажды это видел,- за забором.

апофеоз! камень! гранит! бронза,- сколько их, памятников!., сошлись, свалены вместе, да, апофеоз! .

Кто о чем (прослышала Асия. А как узнала?).

- У тебя ж на лице написано! Готов позировать?

- Но и вас тоже! Всю нашу родню!

- Я так и вижу эту мозаику: сочные луга, тучные стада, снежные вершины, горы белого хлопка, и мой лик блее молока (?), и губы-вишни, да? Все то, чего нет (и уже никогда не будет). Как бы шею прежде времени не сломать (не хотела б: любит брата). Угомонись, Бахадур!

А он и не слышит Асию.

- И про деда не забудь,- напоминает, пока тот молчит.- И пусть подберет ему подходящее выражение.

- Гордости за внука? - Ну вот: заговорил!

- А как же! Мог ли он подумать, что его внук взлетит на такие невыносимые высоты? - издевается?

- А что? Славная династия! Мы с честью...

- Да, конечно: мы - государство, не так ли?

- Как ты угадала? - шутит. Нет, с нею надо как можно мягче. ЛУЧШЕ НЕ СВЯЗЫВАТЬСЯ.- Зачем ты так, Асия?

- Я и про ваш салон наслышана! И, кстати, не я одна!

- Молодые таланты, общение с ними обогащает.

- Ты, надеюсь, продумал задание не только для художника? ЗНАЕТ!

- И Аскера Никбина подключишь, и скульптора?

И конечно же заказал ему свой бюст! Прости, оговорила: скульптуру... И площадь уже облюбовал?

- О чем ты, Асия? Я скромный, рядовой клерк, подверженный, не скрою, некоторому честолюбию, как, впрочем, и мои сестры... нет, не ты, ты у нас... подумал: другая? странная? - святая, да,- подчеркнул,- святая!., впрочем, и зятья тоже, так что тщеславие красит мужчину, а если рассуждать трезво, твой брат, к сведению, а ты не смейся! пришел в этот мир...

- Ну да, было уже,- что не зря в этот мир пришел.

и не дождутся (о чем тоже было: вознести, чтоб потом сбросить в пропасть).

10

Однажды они остались вдвоем, Бахадур и ДЖАНИ-БЕК, вдруг куда-то ушли и мадам, и дочь, и знаменитости. Бахадур стало не по себе (как в сказке, пол с механическим устройством, а там голодные львы). "Еще мечтаешь!" Но было чувство такое, искусство самовнушения? Вот и покажи (на что способен).

- Кстати, как вы думаете? - такой ход!! - Допустим, вы оказались на моем месте... Да вы не стойте как столб, садитесь! И вам действовать. С чего бы вы начали?

- Есть много мудрых книг.

- И вы с ними знакомы?

- Даже сдавал экзамен.

- И что же?

- Я бы... прежде всего окружил себя преданными.

- И честными, разумеется?

- Непременно.

- На которых можно опереться, так?

Бахадур кивнул (это он в свое время прочерчивал: да-с, укрыться-укрепиться, приблизив преданных; из родственников, земляков, друзей, а может, в ином порядке, да и совпадения могут быть: и друг-земляк или родственник-друг) .

- Что еще?

Уже освоился Бахадур:

- Только позитивная деятельность.

- В каком смысле?

- Все лучшее, все ценное...

Не дал Бахадуру докончить:

- Ну а что делать с теми, кто не желает следовать позитивному?

(И очиститься, обезопаситься, и обескуражить, переместив, и неожиданно ударить, нагрянув.)

Зашла за чем-то дочь, но остановилась у входа, прислушалась: о чем они тут? И замерла, услышав "что делать с теми...".

- Как что? - растерялся.

- Ну да, что?

- Наказывать! - И умолк. "Надо бы посильнее". - Карать! - ВЫ ВЕДЬ, уловил по взгляду, что резкие выражения по душе ему,- ХОТИТЕ ЭТО УСЛЫШАТЬ! - и смотрит удивленно.

Дочь ушла, ее позвали. "А зачем приходила?" - не вспомнила. Решимость Бахадура ей понравилась, но запальчивость, с которой сказал "карать", показалась мальчишеством. И почему-то было приятно, что отец выбрал именно Бахадура для такого серьезного разговора; но случай, что остались вдвоем, может не повториться.

И они однажды вдвоем окажутся: Бахадур, джигит, как о нем сказал художник, и она.

Что ж, Джанибек начал так, как и Бахадур предлагает: прежний развалил работу, на его место пришел Друг Детства, а ведь тот казался незаменимым, слился с креслом, пришлось неожиданно ударить: застать врасплох, а пока придет в себя, вся система доказательств и примеров,- многое почерпнул из докладной Айши Устаеву, кое-что, правда, заострено, нахлынет и свалит с ног. А тот, ни о чем не подозревая, сидел, положив руки на зеленое сукно, и вдруг!., сначала решил, что ослышался, это не о нем, звон в ушах! и краской залито лицо, и из зала (старые обиды) знакомые голоса: "Правильно! Давно пора!.."

И перерыв. Потом просят пересесть. И- место пустует...

А кем подсказано? Айшой! Но Джанибек в сей миг еще не знает, некогда было заняться, что Айша - сестра этого, как его, джигита (скоро узнает).

- А вы,- спрашивает он его,- верите в успех? "Чей?" спросить бы.

Бахадур улавливает подвох, но в чем он, понять не может. И жалеет, что, не подумав, выпалил, ввернуть бы что-то повычурнее, мол, односложно нельзя ответить, а он взял да брякнул:

- Верю!

СЛИШКОМ МНОГОГО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ НЕГО. А Джанибек хотел бы услышать: "Не верю!" И чтоб доказал! И поспорили б они. И в споре, смотришь, новые ходы родились (подсказка какая-то).

Да, собрали на участке и привезли сто... камышей. А им за это документ, что двести принято,- это Асия Джанибеку, когда встретятся с ним на полях и она выстроит цепочку, а юн, совладав с собой, усмехнется:

"Извините, я вас не понял, растолкуйте вашей знатной сестре, пусть займется..."

Но Асию не собьешь: полученное за другие неучтенные сто те, кто сдает, и те, кто принимает, разделили пополам, так по цепочке и пошло, обрастая новыми единицами, а к тем выдуманным - еще, но ведь в конечном-то пункте!! - на миг умолкла, надеется, что ей возразят, услышать хочет, что Джанибек скажет ("За ушко - читай газеты! - да на солнышко!"), а он ждет, куда Асия заведет мысль.

"И что в конечном пункте?" - спрашивает.

Асия медлит, все еще не хочет расставаться с надеждой, что откроет глаза Джанибеку и тот, благодарный ей... "А мы с вами дадим бой!" Что ж, и о конечном пункте (где Джанибек) она выскажется: "И там, как здесь! - Аж дыхание у нее захватило.- И там! Там у вас тоже! До самого-самого верха!.. Вы все такие же, как и те, кто внизу начинает цепочку обмана. Скажете, нет? Может, я не права?.."

Джанибек усмехнулся: ну вот испугалась, на попятную; а она с другого фланга решила

ударить:

"...иначе (и этими словами вскоре припечатают Джанибека, шум на весь край): сокрытие, так сказать, орошаемых (садов, полей, плантаций, о чем было уже), собрал со ста гектаров, а показал, что с пятидесяти. И потому вышли в передовые".

Джанибек внимательно слушает, воодушевляя собеседницу: что она еще скажет?..

"И такой вариант есть, от устья идти к истоку: взнос в банк деньгами через фешенебельный, в несколько этажей, универсальный (обыденное сляво: магазин) за якобы проданный товар".

"Мачты?" - перебивает Джанибек, чтоб отвлечь.

"Допустим,- подыгрывает Асия,-...товар, полученный якобы с фабрики, и бумага с печатью есть. А фабрика - что получила сырье!"

Как скажут потом, четко припечатав, "бестоварные операции" (на сердце?).

Лишь на бумаге ажур.

И добавила, пока Джанибек молчит: "Как веревочке ни виться, а концу быть!"

Джанибек зевнул: детский сад эта Асия (и ходульные ее присказки),- разве он не знает? Те, кто придумал эту цепочку, выгодную всем (??), твердо убеждены: с лихвой окупится, ибо кому не приятно, когда хвалят? да еще и почести, знамена-награды (и премии),- сколько их у него, Джанибека, и новый костюм надо шить, грудь вся завешана, и уже некуда прицеплять.

"Извините,- сказал он ей,- я вас не понял, какие-то словесные ужимки".

"О чем вы? - и угроза в голосе Асии.- А ведь народ спросит! Что вы тогда ответите?" - и рукой на поля показывает. А вокруг белым-бело, коробочки распустились.

"Красивое зрелище!" - залюбовался Джанибек, сдерживает гнев: ему, видите ли, угрожают!

"Ответить придется!" - не унимается она.

Ай да Асия!.. "Ваш пафос я разделяю. Но очень уж туманна ваша философия, давайте сообща взвесим... А теперь докажите, какой вы мастер!" - и тоже рукой на поля показывает. Они думают, и те, которые начинают, и те, на ком замыкается, НА ТЕБЕ И ЗАМЫКАЕТСЯ, цепная эта РЕАКЦИЯ, что я не знаю, а я знаю ВСЕ, но делаю вид, что ничего не знаю.

Но вот что неожиданно: сигналы, о тех, кого он возвысил,- купюры в жестяной коробке, и Асия, сама того не понимая, потянет за ниточку, ну да, демагогию развела, и полетел уполномоченный из района, ответственный за регион: упрятала его с дружками за решетку.

Накопил, ибо несут и несут, а сдать эти пачки боится, ведь могут спросить: "Откуда столько?!" И он эти купюры в жестяную коробку, время от времени откапывает, а тут как вытащил - ахнул: прогнили купюры, трухлявые, рассыпаются!.. Но друг в банке помог, поменял,- в совхозе зарплату выдают, а купюры как прошлогодний осенний лист.

Асия пришла куда следует. "Айша-ханум?!" Разыгрывают!

"Не Айша, Асия!" И раскладывает, как гербарий, на столе: "Это что же творится, а?! - Не одна пришла, с нею люди. В банке отпирались: знать, мол, ничего не знают и очистите помещение.- Ах так?"

Собралась только выехать в район, как явились к ней ходатаи qT уполномоченного,- узнали! А следом и он сам пожаловал:

- Сколько твоим рабочим на зарплату полагается? Сколько-сколько? - И расхохотался.- Я им всем выдам столько же плюс премиальные за год. Одно твое слово, и кладу пачки на стол!

- Снова трухлявые?

- Что ты? Новенькие, шуршат!

- Взятку, значит, мне предлагаете.

- Что ты? Как я посмею?.. Нет, нет, не тебе в руки, только через банк, по графе "зарплата".

Асия молчала. Решил он, что смягчилась. И вдруг мольба:

- Пожалей моих мальчиков, не губи меня. Отдам все, что имею, отступитесь.

- А как же жить, если идешь на сделку со своей совестью?

Был хохот, была мольба, что еще? Ах да, угроза:

- Я... тебе...- серое-серое лицо, и глаза налились кровью.- Пусть я сяду, но и тебе жизни не будет!

Рабочие торопят, ехать надо, не поймут, отчего уполномоченный так растерян (еще не знают).

И Асия ему вдруг как по книге, будто с листа читает:

- Мы живем на этой священной земле, и такие люди, как вы... (позорят мой народ),- лекцию, короче, прочла.

Из-за этих слов и прозвали ее потом (в шутку) "демагог". А что? Демагог и есть!..

Разросся скандал (читай газеты!), и Джанибек побаиваться ее станет, но разве признается в этом? Хотя бояться Джанибеку нечего: Самый еще жив-здоров, и Шептавший тоже на месте, к тому же ажур по всем показателям (ИНЫХ цифр, думает на случай, если интервью придется давать, оправдываться, кроме как СТАТИСТИЧЕСКИХ нет, и они ЗАФИКСИРОВАНЫ). Но и зря дразнить эту СУМАСШЕДШУЮ не надо.

...Бахадур молчит. "Что-то не так сказал? но что?"

Мрачен Джанибек, тот же взгляд, что был прежде! Уйти бы незаметно, но как? Хоть бы дочь снова появилась!..

Да, сигналы поступили к Джанибеку. И даже о Друге Детства. А тут узнал еще, ДОЛОЖИЛИ:

- С каких это пор ты в бильярд научился играть? Точнее, не играть, а, многозначительно,- ПРОИГРЫВАТЬ? - Сказали Джанибеку, что Друг Детства, приезжая в Ц (Центр?), с ВЛИЯТЕЛЬНЫМИ в бильярд играет, и ставка - три нуля, а впереди цифра три, на малую сумму - неудобно, не по рангу, к тому же люди ЗНАТНЫЕ.- Престиж свой решил крепить? Но твой престиж утверждаю я; так что брось эти дешевые штучки (чтоб за его спиной свои дела обделывать).

Не устояли перед соблазнами, а Джанибек им верил, как себе, это удар в спину (афера с квартирами,- головы поснимает у этих эРКА иРИКов, наиглавнейшие районы города,- спелись, а заодно раскрыт под боком притон!..).

"Как же быть? Цепочки незримо переплелись, как артерии с капиллярами. И как хвост у ящерицы, отрубишь - новый вырастет, чистейшая кровь, сворачивается, не дает вытечь, а они думают, я не знаю". И летит из края в край крылатая весть, эти нули, и фанфары, и фейерверки, и смотрит розовый фламинго своими невинными глазами.

Так что же? По новому кругу? ОН УСТАЛ ОТРУБАТЬ ХВОСТЫ, будто палач какой в мире, населенном...- и видеть, как они заново вырастают. И угасший взгляд на Бахадура:

"Не бойся, я не о тебе! Но и ты тоже из тех!" "Как и вы",- скажет Бахадур вслух, но выйдя, и даже далеко-далеко отсюда, и ветер подхватит, и антенна уловит волну, вдохнул до боли в легких нахлынувший ветер и выдыхает с дрожью.

- ...да, есть много мудрых книг КАК ПРАВИТЬ,- вспомнил, как сказал ему Бахадур. И о том, как захватить власть, тоже.

Джанибек изучал-штудировал, достали ему как-то КНИГУ, как это делается прибрать к рукам подданных и укрепиться, умеют ТАМ сочинять, с диалогами и монологами, напридумали про Вождя (портрет на груди наколкой!), чей образ некогда манил и Джанибека, книга отпечталась в памяти в виде привычных ему шифров, всякие оппозиции, террористы, и как убил соперника (с выстрела и началось!), но прежде были дискуссии, выявить, кто о чем и как думает.

Ох, и шумные были дела, которые вели к вершине власти!.. То были титаны, а ныне

пигмеи,- суметь расправиться с врагами и ТАМ, и здесь.

Запиши Джанибек те шифры, получилась бы невнятица, Пропро (?), к примеру, процесс был такой над смрадным отребьем коварных и подлых отщепенцев, наймитами: да, Пропро с философией, этикой, корнями и кронами, со всякого рода центрами и осями внутри и за пределами, где крупнейшие капиталы, с эмми (эмигранты?) и имми, пойманными, разумеется, с поличным, что не подлежало никакому сомнению, агентурой и подпевалами, примитивными ломовиками, которые портили ОБОРУДОВАНИЕ, и новомодными болтунами, распускаящими СЛУХИ, саботажем и сокрытием перспективных пластов, и НЕФТЯНЫХ тоже. А Промпар, тщательно законсервированный до поры до времени, с диспропором и иными хитросплетениями, а также с системой цепочной связи: я знаю тебя, ты знаешь того, который не ведает обо мне, и так далее, и были пригвождены к позорному столбу.

А потом прозвучал Выстрел как сигнал, а по уточненным данным - два выстрела, нет-нет,- не холостой из пушки, обращенной дулом ко Дворцу ("Аврора"?), а настоящий револьверный, нацеленный в живое сердце, и чтоб без осечки, Вождь это не любил, чтоб осечка была! возвестивший о наступлении новой эры, которая однажды уже была объявлена, но требовала подтверждения,- снова шифрует, заматывая следы.

Джанибек и верил и сомневался, штудирюя, ЗНАЕТ ЛИ БАХАДУР, какая у Джанибека цепкая память? Наивный малый, этот Бахадур: главное - проверить себя, на что способен, начав с друга и, если надо, казнить его!..

И разработать до мельчайших деталей,- ШКОЛА пригодилась, хотя противники Джанибека мелки, трусливы и глупы.

Да, разработать в деталях, чтоб убийца ухитрился пробраться, миновав три ряда охраны - у входа на улице, на этаже и перед комнатой-кабинетом. И чтоб приблизился вплотную!..

При этом, как и положено, произошло сгорание порохового заряда в одиночной камере патрона, сопровождаемое сильным и резким звуком, а также нагреванием остывшего вскоре ствола револьвера (но не было ни клубов дыма, ни серного запаха пороха), и снова закрыть скобки.

Как их называли в прошлом? вспомнить бы, ведь учили!., да, тираноборцы, или, так точнее, тирано(убийцы), до недавних времен эстафета передавалась: кажется, братья против царствующих братьев, и не из побуждений корысти или личной выгоды, а оскорбленные за граждан, у которых отнята свобода (и равенство).

А убив любимца публики, не сбежишь, не спрячешься: террорист-эmissар? подосланный? но кем?!

И поражался Джанибек дальновидности Вождя: надо успокоить людей, дескать, банда или шайка, и чем больше ее, тем спокойнее. Вопрос на засыпку (Бахадур?): ведь, казалось бы, наоборот - чем меньше, тем спокойнее. Не так прост, оказывается, ОН: скажешь, что пятеро, а тем более нельзя сказать, что всего лишь один человек! - подумают, что держава-то наша хилая, одна видимость, если так легко обойти охрану и расправиться с его неразлучным другом,- проволочные ведь, мнится, заграждения, чтоб ни один не пробрался... Дух захватывает, как с ЦИФРАМИ Джанибек познакомился: сотни - начало ведь! расстрелянных!.. А ты? Ты бы мог? - спрашивал он себя, готовый повторить, расчистив поле, и начать с Расула, и выстраиваются следом друзья-соперники, и ревность в сердце вскипает.

Накануне, чуть ли не за месяц до выстрела, который оборвал его жизнь, такое он говорил о Вожде,- слушали смышленные и гадали: а ведь завтра, если снова дадут слово, и эпитетов не сыщут новых, а повторяться - не тот эффект.

Любили, сидя на веранде, слушать пластинки, отчего это - все ОНИ, и ТЕ, которые были, и они, Джанибек с Расулом, сентиментальны?., да еще ликер, густо проходит, обжигая горло.

...револьвер ему достали,- отзовется эхом от моря и до моря.

Выстрел.

Допрос (в воображении?).

Сам государь: добрый взгляд, трубка, огонек спички на гладкой фотобумаге, черно-белый снимок, светлый фитилек.

"Ай-яй-яй!.. Зачем убили хорошего человека?"

"Я стрелял не в него, а в касту!"

И тот, который с трубкой, поймет и простит (почти угадал).

Когда вошли - два тела: убитый, а рядом убийца, упавший в обморок, этого никак не предполагали.

Беспамятство.

Отчаяние.

И точь-в-точь, как предвидел, допрос.

Государь (ласково): - Зачем убили хорошего человека?

- Я стрелял не в него, а в касту.

- Живого человека!.. А у него жена дети осиротели теперь. Вы что же, холосты? Нет? Женаты?! Ай-яй-яй! А если б кто в вас, и детей, как котят, а жену... ведь ее за такое к уголовникам могут, которые... ну и вы представляете, конечно, верзилы-бугаи, сомнут, искалечат, выбросят потом, как тряпку, в окно.

Непременно чтоб был чьим-то орудием (в копилку опыта Джанибека, может пригодиться).

- ...а тот, кто покинул пост, он что же, ваш человек? Друг закадычный?

Бесследно исчез. Ликвидирован, так по бумажке, где крестик проставлен, нет, исчезли те, кто арестовал, и те, которые посылали на арест, а тот, кто проворонил убийцу, выпал из кузова грузовика при резком повороте руля,- его ждали, чтоб разъяснил, а тут авария, и имя шофера в этом списке, тоже с крестиком, ибо знал, что руль-то повернут резко не им, а тем, кто сопровождал (тоже бесследно исчезнет), а шофер...- Джанибек и Бахадур часами бы говорили, рассказывая друг другу, как и что было, если б Джанибек знал, что - вот уж совпадение: и Бахадuru удалось перелистать (с помощью Нисы?) кое-какие книги, и он штудировал, вот и тема для разговора, напоминают, уточняя, что сначала прикончили убийцу, потом того, кто его проворонил: авария по пути, и не по оплошности шофера, а по умыслу сопровождающего (добили на месте падения),взял да резко повернул руль, к удивлению шофера (скоро поймет).

- Нет,- поправляет Джанибека Бахадур, такой бесценный опыт,- не в той очередности: переставить местами,- сначала убрали того, кто проворонил убийцу, а потом самого убийцу!

- Далее тех, кто арестовал!..

- ...еще тех, кто их послал, того, кто повернул руль, и еще одного, который выходил на связь со стрелявшим!

- ...и того, кто об этом знал,- запуталось, не поймешь, кто кого перебивает,- из доверенных людей!

- Всего дюжина, а на всякий случай чтоб была чертова, и того, кто вез тех троих,- шофера!

- Ну да,- знают! - думали, что и его убрали, в списке, где его фамилия,будто сам Бахадур видел список! - проставлен плюс, а он и по сей день жив-здоров!

И расскажут, неважно, кто, как случилось, что шофер обманул таких комбинаторов: понял неладное, как того, фанатика прикончили, и убежденный, что ночью придут за ним, срочная, мол, поездка, собирайся, сбежал из гаража, и, не заходя домой, пошел на вокзал, уничтожив по пути документы, а в кармане тридцать три рубля, купил билет на первый попавшийся поезд в провинцию, не столь важно, а там, куда прибыл, прямо на вокзале, нагло

полез в карман к почтенному гражданину, чтоб его тут же поймали и судили,- и на три года упекли в тюрьму, где тачка за тачкой на гору лезет, возводят гигант индустрии, приобщен к полезному физическому труду и обновляется как личность,- потом бросят на жэдэ, новая трансветка,- отсидел свои ~годы, выйдя с паспортом на чужое имя и под чужой фамилией, благо не женат был, а матери еще тогда, когда оставались минуты две до отправления поезда, отписал, что так-то и так, жив-здоров, посылают на задание, - не волнуйся (и дождалась: жила б еще, если б ждала, но сын вернулся, и старуха угасла). 'Так и видится Джанибеку с Бахадуром, одной они масти в колоде, король и валет,- Вождь смотрит поверх голов, руки опущены, пальцы соединены, потом приблизился к гробу и поцеловал холодный лоб, вся-голова - кусок льда. Очень по душе Джанибеку (не ожидал, что и Бахадuru тоже,- и сблизятся, еще не став тестем и зятем...) вдохновенные слова Вождя: "Выискать врага,- и когти даже у Джанибека, как у кота, из пальцев вперед вышли, и в пожелтевших вдруг глазах что-то загорелось, Бахадур это отчетливо видел, за полночь уже было, а тут засветилось лицо,- да, выискать врага, отработать каждую деталь удара, насладиться неотвратимостью мщения, а затем пойти отдыхать, что может быть слаще этого, а?.."

Теплый вечер, а под ногами плещется море, и откуда-то издалека ветер приносит звуки скрипки, исполняющей танго: "Та-ра-ра-рааа, та-ра-ра-рааа..." (или, на восточный манер, звуки кеманчи, играющей пронзительно-жалостливую и вышибающую слезу мелодию).

И еще расскажут друг другу, как устранил заклятого своего врага,- это у нас, в наших краях, орудуя примитивно, а тогда многоходовая комбинация была разработана!..

- В шахматы играешь? - спросил Джанибек у Бахадура.- Нет? А я думал, что такой талантливый парень, как ты, кандидат в мастера!..

Вслух имен не называют,- речь о Пауке, который опьянен гигантоманией... Нет-нет, не МОЙ, который ГГ, он пешка, а тот - ферзь, сколотил вокруг себя всю анархо-люмпен, и мнит себя львом, а он Лев и есть, держит все нити и руководит ОТТУДА.

Да, инструктаж на многие годы, чтобы не спеша и наверняка, не то что мы рубим сплеча,- первые ходы многолетней комбинации, разработанные с чемпионом мира по композиции, бывший инженер с головоломными фантастическими проектами, ныне перевелись, увы, и треугольная борода.

Через сына, вернее, его воспитательницу,- работает уже с нею надежный человек, будущий Герой (которого, кстати, Расул видел, Аскер Никбин пригласил его в свой приезд в Дом литераторов).

Год пройдет, пока будущий Герой, кому суждено прикончить Паука, установит связь с воспитательницей сына, парижанкой строгих правил. Хобби - художник (или скульптор?), ищущий великий объект для рукотворного памятника (ну точь-в-точь как наши с тобой художник и скульптор!).

- Вы хотите сказать, что и они...- И вымолвить боится Бахадур,- дескать способны, прикажи им Джанибек (?), на такое задание?

- А разве нет?

Попробуй сказать, что эти не способны, когда Джа-нибеку хочется услышать: "Да, если Вы прикажете..." - Правда, у Джанибека никаких заморских противников нет, знать никто не знает о его существовании, так что пусть не воображает, но важно, как думает о себе он сам!..

И воспитательнице было сказано о Пауке: Гений (как однажды художник в лицо сказал Джанибеку: : "Вы гений!..", шутя, по-семейному, по-дружески, в условиях дома, где все свои). И что Гений снится ему все дни и ночи, и он готовит себя для служения новому ЦЕНТРУ, муштрует волю и тело для испытаний, гвозди в матрасе, и босыми ногами по битому стеклу.

Но это потом, а пока установить связь. Ее портреты. Она парижанка, а он испанец, работающий в стиле универсального европеизма: зыбкость очертаний, туманность фона и

вспышки ярких пятен.

На художника вышли через его маму, которая и явилась идеальной находкой, ультрарево(льверная) дама, обожающая Вождя, влюбилась по фотографии, где теплый взгляд и огонек спички, поднесенный к трубке. И на ней, живущей на самом западном берегу Евразии, дабы внедриться туда по системе связи Чемпиона мира, женился его брат (зарплата шла, звания тоже: вчера еще - майор, а ныне уже полковник, а завтра, когда дело свершится, будет скачок и сразу две большие звезды на генеральских погонах). А мать вышла на сына, будущего Героя, пять лучей на лацкане пиджака: деньги к нему текли, чтоб не нуждался, выкупали все рисунки, - даже карандашные зарисовки, эскизы, цена на них сегодня большая: как видел и изображал натуру, чтоб проникнуть через внешние линии и краски в мир извилин и душевных лабиринтов, приведших к убийству Паука.

В трех подвальных этажах девятиэтажного дома (пять - внизу, а четыре наверху), далеко на востоке от Парижа, где жила воспитательница, а уж от другого полушария за Океаном, где засел Паук, и подавно, стилисты сочиняли за испанца трактат, который умело развивал идеи Паука и должен был - кровь из носу! - непременно понравиться ему.

Были варианты. Их правил Вождь, который так слился с образом своего заклятого врага, что порой в ночи даже слышал его голос, спорил с ним, умолял, чтоб тот прекратил бой, а то льстился, превозносился, но чаще - угрожал.

Да, три этажа.

Далее - в Париж.

А там воспитательница увозит трактат на океанском лайнере, двойнике утонувшего "Титаника", в другое полушарие.

И трактат пришелся Пауку по душе.

Жаждет познакомиться.

А художник - ни за что: не спешить, не выказать сразу готовность, пусть плод созреет, а созрев, оторвет своей тяжестью истончившийся стебелек, на котором висит.

Сразу, как позвали, бежать на свидание опасно, Паук мнителен, уже не раз покушались.

Прождал еще год, а там и поехал.

Был а. встреча.

Три линии, как три этажа (?), проволочного ограждения над высоким забором. Бронированные ворота. А в кабинете под письменным столом сигнализация. И круглые сутки охрана из международного командоса.

Сеансы лепки. Живописные зарисовки с натуры.

А однажды... Но кто видел??

Уже все готово и предусмотрены варианты: приехала мать, и она будет сидеть в машине у северного выхода из виллы, чтобы тут же, как появится сын после успешной операции, умчаться на аэродром, где наготове самолет со включенным мотором, вот-вот побежит по дорожке, чтоб взмыть в небо и взять курс на Восток. Приехал отчим, пока полковник; и он будет сидеть в машине у южного выхода из виллы, готовый мчаться с пасынком к порту, где наготове лайнер с поднятым якорем, и как только они проскочат, плавно покинет эти берега.

Топорик под плащом, хотя жаркий день, но так привычна охрана к его визитам, что не обратила внимания на плащ. А он подошел сзади к Пауку, выхватил топорик и резко ударил в голову. Паук на долю секунды сдвинулся, и удар пришелся на шею, но успел нажать сигнализацию, и тотчас ворвались, схватили, и тут же звонок в "Скорую", еще жив, еще бьется сердце и работает мозг: это Он, мелькнуло в угасающем сознании Паука, - тот, который охотился и настиг-таки, как и грозился!..

Но рукопись завершена и в надежном месте.

Паук скончался по пути в больницу (так, кажется, в зашифрованном воображении Джанибека и Бахадура, в открытую нельзя, опасно, - вовсе сдружились!).

Был суд.

Но кто дознается, что это - многоходовая комбинация, и художник - всего лишь орудие, а топор - орудие Орудия, управляемое из далекого девятиэтажного дома, вернее, трех ее подвальных этажей.

Неврастеник. Творческий кризис. Маньяк. Психопат... Что еще? А еще смерть: самоубийство воспитательницы (эта история - специально для сентиментальных, при желании, знай Аскер Никбин об этом, мог бы расписать, что та готовилась стать матерью, была истерика, случился выкидыш, и - трагический финал, выпила яд).

А художнику - пожизненная тюрьма, ибо казни отменены, где ему сообщили, что он удостоен звания Героя и его могут выменять. Но покинуть крепость, чтоб там уничтожили?! Слишком много тайн носит его голова, чтоб могла уцелеть вне стен тюрьмы,- о, эти глупые тюремщики: сколько зря энергии сжигают, а дело простое: .соединение не здесь, а там, вывод проволок сюда, переменного-постоянный ток, и экономия на сотни и тысячи киловатт (или ватт?).

Убийца-рационализатор, или герой, которого ждет награда.

Распутал в тюрьме еще хитросплетения: для подачи воды, естественной вентиляции, теплоизоляции, чтоб* звон ключа не гулял по отсекам, коридорам, тыкаясь о стены и тревожа барабанные перепонки арестантов.

Так что опыт был, но пригодится ли когда Джанибеку? Ему - вряд ли, а Бахадуру, кто знает, может, и пригодится.

Неужто и здесь Шептавший?.. Нет, не он, но на него похожий, та же команда, и Джанибек в годы Бахадура приглашен: давно, очень давно покинул край своего детства, где горный воздух, пахнувший снегом, смешивался* со степным, полынным, и море было близко, и попал сюда, где дуют ураганные ветры, и мнится тебе, что они вознесут тебя высоко, и раскаленный асфальт, и ты вдыхаешь гарь, песок откуда столько? - вьедается в кожу, влезает в нос, скрипит меж зубов, хотя уже многое позади, и пыли меньше, и зелень распустилась вовсю, вдобавок и климат изменился,- прежде никогда не случалось, чтобы в июле стояли холода, и в августе выпал снег, это ж факт, что изменился климат, если б только это! дыры в космосе? высыхает море? новые искусственные водоемы?

Приглашен и четким шагом приходит под начало человека, которого зовут Шефом, вначале показалось, что Шафи, соседа в деревне, где мельница, так звали, ох, деревня есть деревня!

И человек этот, справившись, откуда ты, "Ах, аранец!.." - усмехается нехорошо, так скалит зубы, что хочется встать и размахнуться, силы бурлят, страсть как тянет иногда дать волю рукам, ничего худого не замышляя, готов потом приласкать: как только твоя рука вышла из повиновения, и тот отлетел на середину мостовой (где еще булыжник, но скоро залиют асфальтом) , ты полюбил его. "Умоляю, ну ударь, дай сдачи!" - просишь со слезами, а чудак отбегает.

Шафи ждать не будет, чтоб его умоляли. И еще ничего они друг другу толком не сказали, но уже неприязнь, у Шафи, он же шеф,- к тому, потому что деревня (и ара-нец), а у того - к Шафи за противную ухмылку; но коль скоро Шафи уловил, что у того мелькнула во взоре недоброжелательность, уже и вовсе невзлюбил, а у него - гордость, и ничего более, что пригласили сюда, заметив на южной кромке, и уже готовность к послушанию на лице, а у шефа, он же Шафи (в чью дружину он поступает), сходит ухмылка с губ и гаснет в косых глазах, увеличенных стеклами очков, оттого и прозван Четырехглазым. "Что ж, и сила, и пронизательный холодный взгляд, и крепыш, выполнит любой приказ,- вздохнул Шафи,- будем работать".

А еще недавно Джанибек и Расул в военном лагере провели все долгое знойное лето, конец войны, и... неужто это было?! - принимали Парад Победы!. То была идея Джанибека, о

юнцы!! он же выдумщик был великий, даже сочинил нечто выспреннее, назвав это трагедией.

"Да, чего ты смеешься, Расул, я написал трагедию!" - а потом Расул мастерски исполнил монолог Титана, за которым угадывалась фигура богатыря, вроде Ильи Муромца, он же Али-Мурмуз, как говорил в легендарном отрочестве будущий Расулов тесть - отец Лейлы... Да, вполне реальные карлик и великан, и даже стихами, в трех актах, великан над поверженным врагом (а фарс - к нелепым проделкам и приключениям, какая-то белотелая красавица рядом с уродом карликом).

И первое задание Джанибеку: пригласить философа, тогда еще некапризного.

"Мой философ!" - с гордостью говорил Шафи; вознести, чтоб сбросить, ибо не забыл, как тот отказался: "Мне кажется, что здесь надо бы еще..." - спроворить ему работу из разрозненных записей; Афлатун, но кто теперь о том помнит? взялся тогда, молодой, и не поверишь, что бос был и гол, аспирант, а ныне величина, подчинен, правда, Хансултанову,- Шафи не успел его вознести; вскорости слетел, но звание-то (со степенью) получил - юный доктор (философии).

"За что невзлюбил (капризного)?" - недоумевали, не высказываясь вслух и выискивая (каждый в уме) причины, и догадки в причудливых словосочетаниях: вот горная гряда, а вот пик, и процессы горообразования не закончились, буйные и свирепые горы тут, ну и срезается новый пик, чтобы не нарушал гармонии пирамиды, ибо вершина уже есть.

"Да,- скажет Джанибек на суде, кто б мог подумать: суд над Шафи и его ШАЙКОЙ! глядя во все его четыре глаза. - Вероломный план расправы с философом (нашей гордостью, великим, самородком и так далее)! Это ваши слова: "Капризный философ!"

И числился борцом.

- Нельзя ли без... шифров? А то привыкли,- и оглядывает Самый сидящих, и Шептавший тут,- намеками да подтекстами изъясняться.- Самый тогда выговаривал длинные слова и не нуждался в чужой помощи, легко по ступенькам взбирался (на вершину).

РАЗВЕ НЕ ЯСНО?

"...таиться как будто нечего,- говорит Самый, это перед тем, как Джанибека утвердить, и он рассказывал свою биографию: как боролся и крепил безопасность вверенного ему края.

ВЫ ТАК ДУМАЕТЕ? (И утвердят,- лаком сверху, где имя-фамилия, а главное подпись.)

- ...ну да, кому не хочется героем прослыть? Джанибек решил щегольнуть: дескать, боролся с Четырехглазым, все его тут знают, он же Шафи (или шеф), копировал того, кто мнил себя Иосифом Прекрасным, будучи просто Иосифом, пожелав с помощью капризного философа обозначить собственный вклад в науку.

Приятно Джанибеку, что линия тут выстроилась и он ПРИОБЩЕН: такие имена и Самый, кому успели на ухо шепнуть, и Иосиф Прекрасный, и Четырехглазый, хоть и судили, но какое имя!.. И он, Джанибек, в этой череде, но разве кто из этой череды способен утолить жажду?

Искали философа в городе, а он на даче: вся кровь ушла в песок,- не успели, опередил Четырехглазого (команда была срезать пик), решил уйти из жизни сам, и кожа стала как цвет ванны.

За гробом шли трое: жена, сестра, дочь. И соседний садовник который договорился с могильщиками.

Но горообразование неостановимо, и снова нет покоя Четырехглазому, рассказывает Джанибек далекую-близкую историю, вплетенную в собственную биографию,- домысливая за Шафи или шефа.

"Неужто новый пик (в горной гряде) этот полуграмотный сочинитель?!" (о поэте-аксакале).

А какая красавица жена!! На званые обеды, и ее рядом с собой, читает поэт-аксакал, гордо вскинув голову, с чего бы сесть его шевелюре?! только сорок! И бывала охота на

склонах лесистых гор, изощрались, кто попадет в камень, карандашом сделали отметку, черный кружочек, из собственного пистолета Шафи. А поэт подержал его в руке, вес будто определяет. Еще сдуру (ревнив чертовски!). Вот был переполох!.. И как он, Шафи, рискнул один пойти? Что? Из-за жены?! И миг, когда поэт-аксакал взвешивал в руках пистолет, все решил: Шафи не простил себе страха! И уже слухи... "Кого-кого?!" - не верится. "Уезжай!" - ему.

Уже конфискуются книги, изъяты из библиотек, не выдаются (почитателям таланта).

"Вспомни о Капризном философе!" Улетел-скрылся. В подполье.

Послали за ним, а дома лишь белый кот с красными, как у зайца, глазами. Да подслеповатая глухая старуха.

"А жена?!"

Плечами водят: ни жены, ни детей.

Суд был. У Шафи гордый взгляд и сквозь очки: поистине Четырехглазый! И дел всяких, когда зафиксировали и запечатлели (плотные гладкие переплеты),- чуть ли не девяносто томов!

"Как собрание сочинений,- это Расул Джанибеку,- Льва Николаевича".

"Ты о ком?" - не понял Джанибек.

"О Толстом. Мечтаю купить. Академическое издание".

А доступ к ТЕМ томам и по сей день закрыт. Расул и Джанибек поочередно записывали наиболее интересные эпизоды,- оба ПРИЧАСТНЫЕ к суду: у Расула двоюродный брат матери (склонились над семейным альбомом: "Как они похожи!.." - Расул и тот, брат матери, погубленный Четырехглазым), а Джанибек - свидетель ("Ну да, кому не хочется числиться в борцах?" - это Самый Джанибеку говорит. И УТВЕРДИЛИ... Обошел Расула).

"...ты идешь по коридору,- рассказывал как-то Джанибеку Четырехглазый, не подозревая, что о себе...- да, идешь по коридору, и - щелк!.. Чудак, не человек, а механическое устройство: в щелочку целится, раз - и готово!" И задумался, помнит Джанибек. Хотел спросить: "А вы сами? Довелось хоть раз?"

На суде и узнали: довелось, и не раз. Собственноручно застрелил двоюродного дядю Расула.

Успевай записывать имена казненных, да еще чтоб никто не видел,- отберут и выставят из зала суда, секретарь... секретарь... секретарь... председатель... председатель... здешний Совнарком - и первый председатель, и второй, и третий, нет, первый - своею смертью, загадочная гибель, но второй и третий - это точно, он, Четырехглазый, прикончил, вот здесь - дядя Расула, ЦИК-нарком... министр... начальник... философ... гюэт... нефтяник... хлопкороб... инженер... Кто еще? Разве всех запишешь, рука не поспекает, их тысячи, имен этих,- лишь выборочно, знакомые только, в три столбца на листках, и жены, и братья, и сестры, и дети, и родители тоже.

Летучий отряд из бандитов, это в юности, уголовные преступления, тюрьма, и вписано позднее: "политический". Уничтожение архивов, фальсифицирование документов. Ложные показания,- и пестрят, требуя расшифровки, эти КаэРДэ и КаэРТэДэ, первое - контр-, революционная деятельность, а второе еще и (меж ними) "троцкистская", и ПэШа, подозрение в шпионаже, и СОЭ, социально опасный элемент, а еще и вроде диковинного имени на каком-нибудь архипелаге - АсеВеЗе, анти, так сказать, советский военный заговор, короче: весь джентльменский набор был у дяди Расула.

Живые свидетели тоже, которые вспоминают запрещенные, предупреждающие, предписывающие, указательные знаки, из лагерных правил: что нельзя петь, но и нельзя не есть, ибо голодовка - тягчайшее преступление, нельзя делать гимнастику, дескать, желаешь пережить всех и, выйдя на волю, продолжить преступную деятельность, и спиной к глазку нельзя сидеть,- не прятать ясные очи, не впадая при этом в уныние, ибо трудны только

первые десять лет.

И записи свели воедино, по экземпляру у Расула и Джанибека (но оба записали последние слова Четырехглазого: Расул лишь часть: "Меня мало расстрелять за содеянное, мало казнить, меня надо четвертовать, отрубить голову..." - а Джанибек - и дальше: "Но изменником, врагом народа, государства и партии я не был", и добавил по привычке, ибо увлекался сочинительством: "Держался при этом мужественно...").

Вечность с той поры прошла, когда они с Расулом шли-шагали в ногу и мир казался... молоды были, вся жизнь впереди, как, впрочем, и теперь. Не надо, ни к-чему эти воспоминания, как будто все в прошлом (а было ли - даже не верится); вспоминать - это расслабляться, а тут нужна собранность.

Да, ничего нового Бахадур не сказал Джанибеку, очевидные вещи.

А Бахадур влез на подоконник, до четвертого этажа добрался, дальше - еще два пролета, но это, честно говоря, его мало уже привлекает, вкалывать с утра до вечера: пора в тринадцатизэтажное здание с разветвленной сетью отделов, подотделов и секторами. А кто откроет форточку, чтоб птенчик, подлетев, не на подоконнике торчал, царапая коготками скользкую жесь, и чтоб не клювом об стекло бился - его и пулей не прошибешь! Айша откроет?

Сколько просьб!!

Сильный у сильного. Отказы исключены.

Унсизаде недавно Айшу просил: позвонить, проследить, масса мелочей, волокиты,- прописать, мол, из деревни приехала девица учиться, а на деле помощница в дому, семья-то! дети! и почти весь этаж в блоке занимают! Надо же: сразу оба брата Унсизаде попросили - из соседнего отсека Фарид, а из другого ведомства - Фархад (ведь окошко, куда б влетел Бахадур,- Фар-хада Унсизаде!..).

Неприятный осадок после собрания-митинга по случаю энного агрегата: "и срежет как надо, и дыры, так сказать, просверлит, и насквозь, как подзорная труба, и выхватывает нужный кружочек в мироздании или в окне противоположного дома, и упакует аккуратно. Образцовое предприятие, Расул здесь некогда работал, начинал с ученика в механическом цехе, стал мастером и выдвинулся (по КАМЫШовой части).

В один из прежних приездов восторгался: чудеса! автоматика! чистота!., рабочие в белых халатах!.. И вспоминал прежние годы, как было: гул, будто молотом по голове, гложешь, гарь и мазутная сажа, долго потом в душевой отмываешь грязь... Сабир в одном из своих редких писем - Расул не любит отвечать - ввернул фразу, напомнил Расулу, как тот восторгался:

"...да, белые халаты, чистота, это ты правильно заметил,' а люди? Что о людях скажешь? Ты видел, какие они теперь? Там, кстати, кое-кто из моих учеников работает, приедешь - познакомлю, кривое за версту чувю, не думай, мол, Сабир хвастает, розовые очки и все прочее!.. Вот бы где твой талант организатора понадобился! Небось не поймешь, отвык уже от настоящего дела, а тут год-другой, и тоже у тебя будут и слава, и почет, но зато уже настоящие..."

Нет-нет, а вспомнит Расул эти строки: когда с усмешкой, когда с иронией, а потом всерьез, но чем дальше - тем труднее будет начинать сначала.

Так вот: вырос перед Айшой какой-то трудяга, демагогию развел. Да, горячо она выступала, и о том, как здесь было, Расул рассказывал, гул, гарь, копоть, а теперь?., тут уже сама видит: чудо-предприятие, сколько ни хвали, а все мало будет, и кажется ей - чуть ли не она сама сотворила это чудо, и зал сотрясали взрывы, пошли ее проводить, стоят у фонтана, бьет в небо, распространяя вокруг прохладу, цветут розы, а вдоль забора, как бы внутренняя стена,- щиты, Доска почета.

И этот трудяга, ну... говорун этот, вдруг дерзко ступает туда, где розовые кусты. Цветы

хочет преподнести? А он и правда с букетом, но за шаг до Айши нагло засовывает его в урну, крупные розы, и, не успели рослые красивые парни, что сопровождают Айшу, опомниться,- к ней! Какие-то дерзкие слова, стал права качать: - Ну что же, Айша-ханум, спасибо, вспомнили, а может, махнемся, а?! Вы втроем ой-ой какую отхватили, в два этажа, рассказывают, на Кипарисовой Аллее, а я за углом, чуть-чуть вперед, и упрусь в Кладбищенскую! Что, не слыхали о такой улице?

- Цыц! - на него.

- Я вам поцыкаю!

- Пусть говорит! - Айша впилась в трудягу, говоруна-демагога, брови сошлись, узлом завязались, вся - внимание.- Ну-с?

- ...а наша хибара одноэтажная и с решеткою, потому что на улицу, руку протянешь, до двери достанешь, шесть душ!

- Да не слушайте вы его!

- Из уволенных, что ли?

- Ну как, махнемся? - не унимается тот, говорун. Подошли, оттащили, но осадок!..

- Я бы все-таки хотела выслушать, помочь.- Не меняться же, в самом деле!

Ну да, расплодилось, требуют, все им не так. Здесь не отмахнешься, не те времена теперь, напишет - голову снимут.

Надоедливый диспут, чтоб умерил страсти. А ведь и сами заражены! Дух стяжательства, точно вирус, пока ищешь, как уничтожить, а он уже приспособился. И какие произносит слова: деформация!! и базу подводит, и как же иначе? Начни копать, у самого, наверно, есть, за что зацепиться: вышел оглянулся, то да се, и... что плохо лежит, чтоб поживиться, труба или провода (или еще что). Возникает у Айши мысль, все некогда по душам с людьми поговорить, хотя и знает наперед, что услышит (и то ему, и это, неумны и настырны),- трата драгоценного времени!.. Главное, чтобы показатели на всех объектах.

Загляденье, как посмотришь со стороны: Айша смуглая, быстрая, лаковые туфельки так и мелькают, а справа и слева статные красавицы, широко шагают, добровольная личная дружина, Асия видела сестру именно с ними. Вчера одно, сегодня другое, а завтра - как прыгун, который планку все выше и выше: уже не может, ногами сбрасывает, а упрям! Да, дух!.. Ее парни, оказывается, о том говоруне толкуют. Уверены, что и у него есть свой источник, как же без этого?! Родственники в деревне? Или ореховые рощи, чтоб трясисти-вытрясать? И виноградные плантации: дави! Златоуст, не иначе: "деформация"!

А у Айши что ни день, то новые заботы: какие-то гости, отвоевана земля у моря, в Морское вести далеко, а здесь близко. Полная иллюзия показательной буровой.

(И не забыть! С мусором!! Скопился, вынесен на улицы, а они примыкают к магистралям, это проблема номер один: убрать!..)

Что?? Ну вот, опять воду отключили, а потом прорвало, ведь сгнили трубы!! Записная книжка испещрена вязью, пункты, значки-шифры, стрелки, номера. И гонит, гонит от себя то неприятное, с говоруном; не дает ей это покоя, особенно когда справка о нем легла на стол: как назло - безупречен! Хоть бы какой изъян!

Прогулы? Все десять лет на полчаса раньше всех. И ни дня на больничном! Неужто ни грамма не потребляет? А может, мечеть?

."Даже не курит!" - ей. И показатели: сверхточные детали агрегата!.. Непременно заняться им,- твердо решает Айша.

Как? Еще не убран мусор?! Ведь магистраль! На виду у всех!

Нет, пока сама не возьмешься, ничего до конца не доведут.

И так каждый день!.. А тут еще - "Кровь из носу!" - наказал Джанибек, тонны зеленой краски достать!.. Вот уж не предполагала, что и этим ей придется заниматься: мобилизовать людей, чтоб выкрасили поблекшие кусты.

Сначала не поняла: мусульманский праздник какой???

Дескать, цвет ислама.

Приезд высокого гостя! Забыла?!

Выскочила от Джанибека как ошпаренная (пока он не разлютовался, что она забыла: кусты пылью покрылись, а тут еще засуха была, надо, чтоб радовали глаз высокого гостя зеленью).

Два задания: одно великое, Самый к ним едет! другое малое, не забыть про Унсизаде, его просьбу!..

А тот, Фарид, чтоб вознаградить Айшу, спросит потом у брата, Фархада: "Не душно у тебя? Душно? А ты открой форточку. Кондиционер? Ну да, я знаю, заморские новшества ты не приемлешь, но ведь свежий ветер!.. Что? И морской выдает этот твой агрегат?! Ну, я восхищен!.. Да, да, прости, я не знал".

А у универсального кондиционера в тот день рычаг какой-то отказал, форточка все же надежней,- вот птенец и влетел.

Да-с, влетел птенец, и уже всех будоражит,- и других зятьев в действие привести, и самому действовать. Так вот: аналитическая записка, когда же Бахадур успел? в некотором роде плоды позитивных начинаний, пришлась по вкусу, даже Унсизаде Фархад похвалил, будто они вместе додумались собрать по крупице. А все дурное,- какой-то чудак бубнит насчет утаивания, как, мол, это происходит, истины,- разными людьми и на разных этажах, и что никто в центре, в больших и малых столицах, не желает слышать правду, ибо неясно, понравится или нет: повод для злорадства заокеанских врагов!..

А тут копни только, и без всяких аналитических усилий тотчас всплывает, но ты, дескать, не трогай, пусть вскрывают другие; впрочем, так думают не только Фарид и Фархад, эти вечные братья Унсизаде, хотя, случается, и они, когда уже нельзя утаить, сигнализируют, но пустяк, из очевидного, и отольют даже в строку, набрав, разумеется, зеркально, чтоб при желании можно было забавы ради прочесть, встав перед зеркалом или держа лист на свет, без этого тарабарщина какая-то: ОВТСЬЛЕТАРИТВОКЧО.

(Похвалили аналитическую записку) и обрушится Бахадур на зятьев-шуринов, один только Махмуд оправдывается, и то после того как изрядно расчихается, свояки даже отсели, может, новая эпидемия?? а Зулейха успокаивает: "Это аллергия!" - ей виднее, лучший диагност! мол, не любит Махмуд, когда ему делают замечание. "А мы попробуем похвалить!" - шутит Хансултанов, и,- чудо! чих впрямь прекратился, хотя никто толком не похвалил, просто Махмуд встал на свою защиту, и Бахадур сказал: "Ай да молодец!"

Но прежде Бахадур изложил зятьям-шуринам позитивную программу:

- Мы должны поднять его престиж,- показывает куда-то вверх, а там портрет деда, размножили с увеличенного, и продается он на Фуникулерной у Пассажа,- и его! - показывает еще выше,- изгнать из своих рядов (!!)- всех, кто не верит, кто заражен скепсисом, - сейчас возьмет в руку указку, похожую на кий, вывесит карту и устроит экзамен по истории и нынешнему местоположению родовых гнезд.

Прямая атака на зятьев-шуринов, решили, что не без участия Айши, на экспромт непохоже, а чуть ли не продуманная стратегия.

...- кстати, я смотрю твои передачи,- Махмуд разинул рот, не ожидал, что Бахадур, этот сопляк... через секунду-другую расчихается и пойдет в атаку, а пока Бахадур наступает: - Не обижайся на меня, но ты не имеешь концепции и как ашуг поешь о том, что видишь, вершину увидел - о вершине, ущелье - об ущелье, вот тебе мой совет: укрепить! поднять! возвысить! а заодно и нас через это, такие возможности! сразу ко всей многонульной (?) аудитории! склоняй! повторяй! придумай, чтоб засело в башках, укрепи каждого, кто из нашего рода, на своем участке.

- В колхозе? совхозе? - ему Махмуд, вот-вот расчихается! - Или на заводе? - Но уже

приготовил, что сказать.

- А я не шучу! При умении можно каждого связать с совхозом,- Асию не называет, это уведет в сторону,- и с заводом, и с промыслом! - Ильдрыма тоже не назовет, не вспомнит, к тому же идея Хансултанова насчет мезопласта вроде бы пока забракована, но к ней придут, и скоро, такая ведь спешка, чтоб исчерпать до дна.

- Ты покажи им родословную! - предлагает Айша, но Бахадур, пока слушают, решил взяться за Аскера Никбина:

- И ты, Аскер...

- Постой,- перебил его Махмуд, уже было и чихание, и отшатнувшиеся свояки, и успокоительные слова Зулейхи, и Бахадурово, выработанным тоном первой специальности (следователь?): "Ну что ж, ты частично реабилитировался!", но с тем лишь, чтоб наброситься на других зятьев-шуринов.- Эх, юнец, юнец! - встал Махмуд и к шкафу идет, сунул руку, она казалась короткой, и вдруг как удлинится, фокус будто,- за шкаф (но кто ему сказал?), рулон достает, родословная "Аббасидов".- я ж приготовил такой сериал! - И разматывает рулон. Не знаешь? - И откашливается, выдыхая с хрипом через носоглотку.- Передача в несколько серий! - И кнопками, опять фокус: вдруг в руке у него эти кнопки!

- Нет-нет, не сюда! - кричит Айша. Махмуд уже вонзил осиные жала в стену.

- Вот эта точка,- показывает на деда, Кудрата-киши,- имеет очень и очень забавные линии связи! Ведь мы почти родственники знаешь с кем? Никогда не отгадаешь! С девяностолетним старцем, хотя ему уже все сто, без трех! Да, именно с ним, помнишь, как ошарашил зал? Он, да будет тебе известно, младший сын миллионера-нефтепромышленника, чьи дома и так далее! Но прежде от деда я вывожу линию на человека, который вручал ультиматум, понимаешь, куда я клоню? А от него к девяностолетнему старцу, который лично мне сказал, что Кудрат-киши и этот, что вручал, родственники! Мать Кудрата-киши и отец открывшего порт двоюродные брат и сестра! - А Махмуд как тогда услышал про брошенную им в зал фразу-фугаску: "Вот кого вытащить на телеэкран!" - вдруг решил.- "Это же сенсация. Благословенье старца, участник и так далее! Пока жив! Сериал!" Но лишь недавно пробил сценарий, начались съемки.

- ...к тому же и старец, и вручивший тоже родственники; и оба учились на деньги отца-миллионера!.. Правда, это надо будет выигрышно подать, оба еще задолго до ультиматума отказались от родства с богачом!.- Махмуд узнал его подлинное имя: Ризван, ангел, так сказать, страж рая, и соединилось с псевдонимом Азад Шафат, Свободный и Лучезарный.

- Так чего же ты тянешь, показывай свой сериал!

- А скоро и увидишь! - Отойдет, увы, старец к праотцам, и Махмуд покажет лишь то, что успели снять. А может, оно и лучше? И начало, чтоб привлечь! Вышибет он слезу в каждом доме: "Смерть вырвала... Остались бесценные кадры!.." Но сын в Совете Экспертов, мертвое учреждение, подкинет ему что-нибудь.

А вдобавок вскоре пойдет такое невообразимое - все плюсы сменят на минусы (и наоборот), и Махмуд, дабы спасти сериал, специально снимется сам (вставка такая будет, успеет!), чтоб разъяснить зрителям: дескать, его упоение революционностью и национальный скепсис были навязаны свыше, и миллионер-меценат вовсе не заслуживает иронии, а тем более неприятия,- все те же происки схоластов, а то и цензуры (можно вслух).

Бахадур тем временем избрал для атак новый объект:

- И ты, Аскер Никбин!.. Я вижу, что вам нужны идеи, я в вашей власти, в моих руках новейшие методы, нет-нет, не наши, мы безнадежно отстали, там,- и снова рукой туда, выше, чем портрет деда,- это дело поставлено отлично, и мне переводят все, что касается системы движения, манипуляции, это, разумеется, чуждо нам, но суть, но смысл!.. Да, да, Аскер Никбин, ты кустарь-одиночка, извини меня, человек с твоим таланто'м мог бы всполошить всех, от тебя ведь ждут, а ты увлекся туманными философскими драмами, ушел в

мелкотравчатую прозу, фотографиями увлекся, всякие сценарии, актерство, где твои строки-лозунги, куда девался твой взрыв? шквал? Лишь один достойно представляет нас, но и он по своему кустарь, я имею в виду тебя, Хансултанов, тот даже опешил, не ожидал такой наглости, - но все для себя, и то позорное, эгоистическое, с девчонкой, с Идеей, молодец Айша, спасла честь! - Мальчишка! встать и стукнуть кулаком, но онемел, прирос к стулу, -... ввязывается в какие-то мелкие распри, а надо б в новую схватку, мезопласт ждет!.. Я сам был свидетелем, со всякого рода афлатунами и журначиевыми!..

(А Журначиев скоро завершит с видео и слышно, и потянется ниточка за Бахадуром, и не только, и к дням отдыха Джанибека прибавятся дни прослушивания, ах, какие записи!.. И Штраус, и Теодоракис, и Руссос, и какие-то турецкие ашуги.)

Да-с, бить, чтоб выхлестать живьем из шкуры, как с молодым бобром, чтоб мех, поседевший от страданий, высоко ценился: посидели зятя, а что толку?

Будь Бахадур впечатлительным и приснишь ему - после такой встряски! шутка ли: наскок на зятьев-шуринов! - сон, увидел бы, а ведь зреет!! Ильдрыма: "Мне что ты скажешь?" - пристает, тоже ведь зять (или шурин?).

Ильдрим и вправду приснится, ко не ему.

"Прозябать, как эти Унсизаде, вечные братья?.." Бахадур не предполагает, как он прав, именно вечные, эти Фарид и Фархад, пока на месте Джанибек и Друг Детства, он же ББ, у которого, когда построят Шайтаний дворец, к приезду высокого гостя (уже выехала вереница автобусов, битком набитых восторженными поклонниками, и стоять будут под солнцем, не знойное лето, а все же солнце жжет, вдоль дороги от аэродрома и до дворца, и ни одного пустующего метра, вдыхая свежий запах краски, озеленившей чахлые кусты), новые функции появятся: исполнять ритуальные танцы - танцовщица уже знает и, как только ее выпустят, летит, семена ножками, словно пава, к ББ и танцует перед ним, пока тот не выйдет из-за стола и не пустится в пляс с нею. Никому не удастся перетанцевать ББ, он как вихрь! каскад! вулкан! и никакой усталости, а Ниса, приглашенная переводить, когда танцуют, она отдыхает, язык танцев доступен всем без перевода, пристально разглядывает Айшу, и та ее не узнает... или просто делает вид,- мало ли какие увлечения у ее брата (который, будучи любовником-мужем, мечтает стать женихом: Бахадур I, и эмблема его - не лев с мечом, не орел с двумя клювами, не медведь с грозной пастью и когтистой лапой, а всего лишь диковинная птица, похожая на фламинго, но с хищным взглядом).

Началось с разговора в Салоне Сальми, когда дочь Джанибека обратилась к нему с вопросом... но прежде досказать о приезде Высокого гостя, клюнула ведь рыбка, надо резко срезать (так?): как проедет он, и взгляда не бросив на чахлые кусты, а чуть раньше... час прошел, как приземлился самолет, затянулся ритуал встречи, а народ, выстроенный вдоль дороги, ждет, лишенный СЧАСТЬЯ лицезреть ПРАЗДНИК ВСТРЕЧИ у трапа,- на всю страну трансляция, а они не видят, Махмуд до деталей разработал ШАГИ:

первый шаг (но прежде высунулась голова!., и - шквал, бьющий... нет, струей бокового воздуха относимый в сторону, чтоб Самый не пал под его напором) на дрожащую ступеньку трапа - крики "Ура!", волны лент, цветов, усиленные мелодией (и охраной), еще шаги по ступенькам, их одиннадцать, чтоб ступить на землю, точнее - ковер, шаг этот чертова дюжина, а как закрепился ногами, выбрав стойкую позицию,- и на шею надевается, Мисс-красавица на манекене тренировалась, такое ответственное задание!., и станет эта мисс завсегдаем Салона Сальми,- лента с Золотой медалью, тяжелая такая штука, Почетного гражданина города, ключ от которого, с примесью платины, был вручен в прежний приезд; шага два-три еще, чтоб приблизиться к кучке (стайке?) аксакалов, нумерация четко проставлена на Программе встречи, каждый пункт шлифовался - подует-дыхнет и натирает-втирается, чтоб блеск был, ни одной чтоб царапинки-прокола! и Самый, а точнее шли друг к другу навстречу, Самый и аксакалы,- Магомет к горе, а гора, нет, не гора, а горы с

седоглавыми вершинами, ибо аксакалы, вымуштрованные Джанибеком, а тем - в радость это,- к Магомету, грех на душу такое сравнение, но Джанибек переступит, готовый жариться в адском огне, лишь бы удался ритуал встречи; еще полшага, и Старейшиной аксакалов (а песня летит над головами, и, как рефрен, крылатые слова, которыми Самый в прежний приезд одарил край, переиначив "Широка страна моя..." в "Широко шагает край!..") вручается гостю Памятный меч.

О!..- тут с красной строки,- сколько пришлось перетерпеть из-за меча: и колдовали над ним, чтоб разил врагов (за океаном?), и натирали маслами пахучими, и тряслись, чтоб ножны не очень сковывали, а на них - игра тысяч ДРАГОЦЕННЫХ красок, а еще и убедить музей, заворотив его бесценную шефиню-шахиню, что меч попадет в руки Самого (царя? императора? легендарного воина?..), и успокоить заодно витающий над мечом, аура такая, дух богатыря, кому меч приносил победы над... отвлекаться не надо! и увлечь заманчивыми дарами ювелирцев, ибо меч - зацепка, к нему и довесок еще есть, чьи граммы и караты потяжелей меча: перстень с барельефом, где на белом золоте ЕГО портрет.

...и вот, вручается меч!..

Но пора в дорогу (Самый устал).

И, как стрела,- вжик, проскочил-проехал, лицезреть народу, как он СЛЕДУЕТ, не удалось, окаменевшее лицо да густые брови.

А как проедет, такое начнется!., ринутся к автобусам, давя под ногами нерасторопных: в сводке, которая ляжет на стол к Джанибеку... но просмотрит он их ПОСЛЕ отъезда Высокого гостя: обмороки - столько-то, дотошные какие, всякую чепуху ему на стол, раненые: легкие и тяжкие, грамотеи! поправил: тяжелые, пусть сестры Аббасовы и постараются, ИЗЛЕЧИТЬ ВСЕХ! подчеркнул, ну и смерти тоже, а причины: задавлены, сердце, солнечный удар и так далее, никто не застрахован от солнечного УДАРА.

Да, не забыть! про девочек!., нет-нет, поднесли корзины Высокому гостю, янтарные гроздьи, символика лишь, как это в священной книге? напряг память, нет, не вспомнит, а кичился как памятью!., заглядывать не будет, как мог такое забыть?! Сразил однажды Шептавшего, ПРОДЕКЛАМИРОВАВ, вспомнил! что-то игривое про девичьи гроздьи, а тут отвлекли, закрытый отчет по итогам визита, где абзац про передвижную бурильную установку "Шельф-2", которую, смотри справочник по глубоководному бурению, сняли с проходки в море и подогнали к Приморскому парку, к стенке, так сказать, бетонной, выполнив дорогостоящие (сколько?) и сложные (техническое приложение к отчету) ДНОУГЛУБИТЕЛЬНЫЕ работы с постройкой помоста, соединившего плавучую буровую с берегом,- для праздничных церемоний, акробатики, гирлянд и прочего,- и все расходы, любимые Джанибека нули!., в одном-единственном экземпляре, умилили в отчете усмехнулся даже! - конечные копейки, никаких округлений! Из отчета Махмуда (приложены): "вспыхивали все краски радуги, а в букет звонких мелодий вплетались зажигательные ритмы танцев,- ах, каналья! ах, шутник!..- и город превратился в гигантский концертный зал, и танцы, хороводы возникали всюду на импровизированных,- молодец Махмуд! - подмостках и сценах...", руку приложил и Аскер Никбин, чьи строки... нет, ради бога, умоляю, чтоб имени моего не называли!., легли на страницы,- и рулевой там, и знаменосец весны, с большой буквы все эти титулы-эпитеты, и зодчий, и первоцелинник (?), и комиссар (священной народной войны), "пройдут века..." ну и так далее, дескать, "будем помнить эти священные дни" (гостевания Высокого гостя,- взгреть бы грамотея!).

Но меркнут государственные страсти перед ревностью в юного создания дочери Джанибека, которая, видите ли, не желает, чтобы ЕЕ Бахадур... и она обратилась к нему с вопросом и назвала Ученого секретаря Совета Экспертов, ту, с которой он вытворял всякое такое, что... и сердце учащенно бьется, и гонит, гонит от себя!., ну о протекционизме и прочее.

- А вы,- спрашивает у Бахадура,- знаете ее?..- И дрожь в голосе.- Мы с нею недавно познакомились. Бахадур опешил, но виду не подает:

- Да, знаю, ну и что?! - И дерзость в голосе. У дочери бледные губы:

- Что вы можете о ней сказать?

- Толковая девушка, полиглот (!!).

- И только? - Гулко стучит сердце, а в глазах любопытство, будто впервые Бахадура видит.- И вы ее по-прежнему любите?!

Как это их оставили вдвоем? Но тут вошла Сальми:

- Вы одни? - И такой взгляд, будто он съест ее дочь. А та впечатлительна, как она сама, чутка до болезненности и властна, как отец: "Ах, ты чувствуешь безграничные возможности, и тебе еще условия, чтоб их реализовать! в бутылку загнан джинн, вырваться бы ему на волю, так, что ли?! А если та, с которой познакомилась (из Совета Экспертов), к тому же талантливая рассказчица, чуть-чуть присочинит, нагнетая экспрессию, то уже тебе не уснуть: будто не с тою он, а с тобой, то жар набегает к щекам, то в горле пересыхает, и пальцы холодные как ледышки.

Она слушала Нису, сидя в кресле, и злилась - будто кто-то посягнул на ее игрушку! И когда мать позвала, нервно бросила: "Что тебе?!" - слилась с креслом, и нетерпеливый взгляд к той: "А что дальше?"

Нет, определенно дар Шехерезады: "И вот наступило утро..."

Пришло время расставания, а встать не может, ноги не держат, иглы колют в пятки, сначала больно, а потом щекотно, так бы и сидела, слушая, как та рассказывает. Всю дорогу, пока шли, придиралась к матери: "Как же ты договорилась? жди теперь машину! - И на шофера, когда он резко притормозил: Так ведь убить можно!" Шофер на пенсии, но специально для них, когда приезжают,- молчит, ни слова, дабы не лишиться заработка. А Сальми про себя: "Еще хватит его инфаркт на полном ходу..." - разыгралось воображение: машина врезалась в столб!.. Свинцовые металлические ворота медленно открываются, автоматика. "Надо, чтоб прикрепили к ним шофера молодого..." Нервно хлопает дверцей дочь и, не оглядываясь, идет к особняку, а-ля их посольство в центре, ни весу, ни престижу, для виду только ширма, что держава наша Союз независимых, но зато неплохие здесь полочки-прибыли, да еще номера люкс для приезжающих вождей, как это в старину было? да! туземцы!.. (а Джанибек и есть туземный вождь).

Дочь долго не уснет. Губы той, которая рассказывала. Ее глаза. Ее руки. И ее голос, никак не отвяжется, и два передних зуба, с щелочкой между ними. Луна ярко светит, и она босыми ногами идет к холодильнику, ибо ему (кому?) захотелось пить, и снова теплая постель, и он, Бахадур... Белое, как кусок луны, плечо. Вздремнет, и кто-то снова будит ее: что? не заболела? Ах да! "Три дня после и три - до!" Но страшно: а вдруг не начнется?

Прикидывается овечкой, а сам!.. Вот бы грубо оборвать: "А теперь расскажи о той, с кем до утра!.."

И - случайно остались вдвоем:

- Вы ее по-прежнему любите?!

("И никогда не оставлю!") - Скомканный разговор, и он рад. А как снова остаться вдвоем? Поиграть ей хочется: как он выкручиваться будет. Чтоб пришел один? Вот еще! А почему бы не пойти в мастерскую художника?! Там и возникла мысль (фу! нехорошо даже), когда художник сказал, что скоро уедет, и куда бы вы думали? глаза смеются - в Латинскую Америку!

- Да,- не скроет ликования,- включили меня!.. (Джанибек включил, это ясно.) Нет, что вы, не персональная выставка! Только две картины!.. Помните, та с гранатом?! - Кто не помнит: аж трещинка на гранате видна, вот-вот потечет рубиновый кровавый сок. А главное, ее глаза: уже не девочка, но еще не женщина. Гранат чуть-чуть опережает ее, торопит.

"Гранат уже созрел,- объяснял он, когда однажды пригласил в мастерскую молодые таланты Салона Сальми,- она это чувствует, но как сказать? а главное, кому? она сорвала гранат и ждет, печалится и радуется, увы, детство уже ушло, это жаль, но жизнь берет свое, непременно возьмет!"

- Но вы же говорили,- дочь ему "вы",- что картина эта подарена.

- Да, но мы условились, что когда выставка, я ее забираю.

Тот, Шептавший, кому художник подарил, даже табличку заказал: "Из коллекции..."

"Неужели он?" - удивился Бахадур, когда сдружились. И она тоже не верит: "Оказался таким ценителем! У него же грубое лицо!"

"Что ты! Милейший и добрейший человек, честно слово! Между прочим, под наши картины он отвел в своей квартире большой зал! И другие ведь дарят!.. Кстати он успел даже застать последние годы,- рассказывал Бахадuru,- моего учителя, народного художника Пур-Азима, слышал про такого?"

Кто не знает Пур-Азима, он же Азимзаде?

"Великолепные полотна, весь цикл "Карабахские кони" разорил, ах как слаб! Большой мастер, но обуреваем, честолюбив, как, впрочем, и я сам! сказывается, что мы из бывших кочевых племен, рассеялись по краю, выхвалиться хотим, это я о себе, пусть-де видят, как грудь горит, но я пока...- и развел руками, мол, ничего еще не приобрел,- а ночью, сам мастер мне рассказывал, я его в больнице перед смертью навестил, снятся мне, говорит, эти кони и горы Карабахские, родной край, ищут-рыщут, истосковались по бескрайним просторам, по воле кочевой! И я тоже, ну молод был, глуп, копировал большого художника, да и как удержаться, если сам Шептавший! Такие комплименты, попробуй удержишься!"

"Нравятся?" - спросил я.

"Вы даже,- вернее, он на "ты" был со всеми,- даже не представляешь как!"

"Могу,- и пересохло у меня в горле! - подарить".

"Ну что ты,- он мне,- как можно? И тут же, пока я не передумал: - Был бы рад,- говорит мне,- чтоб повисели у меня месяц-другой, похвастаться, а потом..." И в тот же вечер вынесли, думал, что это я сам умер, это меня выносят, так жалко было картин! А впрочем, и сейчас бы не устоял, подарил! "Это у меня хобби,- говорил тот мне,- собирать картины знаменитых художников!"

Анаханум и спроси, когда втроем они - Бахадур, она и хозяин:

- А кто в мастерской останется?

- Как кто?...- не понял сначала, а потом пошутил: - Найдется кому! Ну, хотя бы мой дух, разве этого мало?

Неужто уговорит его Бахадур? Ему позарез комната нужна! "Тебе - ключ? слышит он художника.- И не стыдно? Чтоб мою священную мансарду, где рождаются великие идеи?... Я сам себе этого не позволяю! Я же после этого работать здесь не смогу!" А она и спроси: "Кто в мастерской останется?" - И Бахадур - до чего фантазия разыгралась! - придумывает, увидев коробку с пластилином: ключи!., и заказывай, чтоб иметь на всякий случай!.. "А мне оставил художник!"

И тут ее не то вопрос, не то просьба:

- А вы можете мне доверить вашу мастерскую? - Конечно же испытывает! Он не раз говорил, неужто забыла: "Это место для меня священо. Или я здесь, или мой дух. Никого больше! Только со мной, а без меня не ступит ничья нога!.." Ну, конечно, испытывает: и мне, мол, нельзя?! Ох эта вседозволенность!..

- У меня дух ой какой вредный, может такое натворить!

- А я духов не боюсь! И он ей, чтоб отвязалась:

- С девицами он круто обходится!

А ей хоть бы что! Тут художник вдруг понял, что она не шутит,- случится с нею что,

иди потом отвечай! И он тоже серьезно:

- А если маме скажу?! Могу разве не поставить в известность?

Разговор приобрел серьезный оборот, все это поняли. А она вдруг ощутила потребность иметь свой угол, о котором никто не знает; может прийти сюда и быть одна; только тут сообразила: никогда сама с собой не оставалась! дома столько глаз! из каждой щели! вздохнет, и уже наострились чьи-то уши; ощущение такое, что кто-то неизменно рядом. "Ты преувеличиваешь!" - Когда она об этом матери. "Нет, правда! А если?.." - И о квартире для них. "Даже заикнуться нельзя - пресечет на корню!"

Но как объяснить художнику?! А он так упрямится!.. Чтоб ей да отказали?! Надуться? Придумать что? Пошутить? Или - напрямую?!

- А я-то думала, что вы чуткий и понятливый! - К чему она клонит? Нет, это слишком! Бахадур и художник молчат: что еще сейчас скажет? - Я этого не могу вам объяснить. Давайте помолчим, ну... десять минут! Но с условием, что вы будете думать о моей просьбе.

Что ж, поиграем!..

И вдруг художник - минуты две-три прошло, Бахадур толком ни о чем подумать не успел - воскликнул:

- Извини меня! Вот ключ,- и протягивает ей длинный с язычком ключ, специально заказывал у старого мастера.

- Маме моей ни слова, идет?

- Может, вы объясните мне?

- Это каждый должен постичь сам! - А ведь художник, как потом узнал Бахадур, ни до чего не додумался.

"Я разгадал",- Бахадур ему, когда остались вдвоем.

"И что же?"

"Любовную интрижку я тотчас отбросил как нереальную, кто посмеет? Прихоть? Каприз? И вдруг мелькнуло в ее глазах: грусть! И осенило: жаждет уединиться! ей некуда спрятаться! вспомнил ее образ жизни..."

"Можешь не продолжать, а чего ты ломал голову? почему тебе надо было разгадывать? это же касалось нас двоих, ее и меня!"

"Как сказать!"

"Загадка?"

"Возьми в Латинскую Америку, вместо кроссворда".

"А ты откуда знаешь, что я их люблю решать?"

"У тебя вырезки на столе... Правда, многих слов ты не знаешь, пустоты в кроссворде".

"Какие?"

"Ну вот: условное сокращение слов!"

"И что это?"

"Аббревиатура!"

"Как-как?.. Ну и мудр ты!.. А я, когда отдохнуть надо от картин, никак не получается, вижу - толкает к схеме, сажусь и решаю, помещая себя в эти клетки отгадок, и так давит на меня от этих дважды два, что сержусь, мучаюсь, особенно когда длинный ряд, а загадка - что-то казуистическое, как ты сказал? да, АББРЕВИАТУРА! и вдруг вспыхивает новая идея. А как часто было: задумаю картину как исповедь, а получается проповедь!.. Ну, это долго объяснять!"

Бахадур понял: что тут мудреного?! "А я понял и другое!" .

"Что?"

"Почему ты ни за что не хотел уступить мастерскую, упорствовал!"

"Почему?"

"Потому что настоящий художник!"

"Дай я тебя поцелую! Нет, за такие слова я должен тебе подарить картину! И не вздумай отказываться - обижусь!"

"Вот так ты и раздарил!"

"А у меня иначе: подарю - и непременно родится новое! Угнетает, когда картина лежит! А стану продавать, вдруг как ударит: сокровенным торгую. Здесь же иное - выбирай! Очень тебя прошу!"

Так у Бахадура появилась первая (а может, и последняя?) картина художника: черновой набросок.

"Это же заготовка!"

"А я именно ее хочу!" Это был карандаш,- она! Черновик, а схвачена суть: доверчивость (глаза), капризность (губы) и даже властность (линия подбородка). "Прошу: поставь дату, сегодняшнее число, и подпишись".

Он подписывался, ох и честолюбие! чтоб отличиться, латинскими буквами на турецкий манер, Arslan (по паспорту, кажется, Аслан, что, в сущности, одно и то же, Лев).

А потом она увидела этот рисунок - Бахадур увез ее из мастерской, сама попросила, и даже лицо платком, вроде бы чадра, чтоб никто не узнал. Мать Бахадура не знала, кто она, Айши не было.

"Ну вот,- поделилась мать радостью с Айшой,- хорошо, что стал приводить домой".

Айша накинулась на него:

"Ты соображаешь, что делаешь?!" - Она тоже не представляет, кого он позвал к себе. Ведь недавно ее в свои планы посвятил, но это - далекая-далекая мечта. "А ты дерзок! - ответила она тогда.- Как бы голову тебе не снесли, а заодно и всем нам!" Но то планы, а сейчас... "Привести домой какую-то девку!" - Мол, шляйся, знает только о той, что переводила ему, но чтобы осмелиться в свой дом!

"Ай-яй-яй!.. Знаешь, чем рискуешь?! Кого девкой назвала?! - И Айша прочла по его взгляду: не может быть! - Тебя за такие слова по головке не погладят!"

"Каюсь и склоняюсь перед тобой, брат!" Когда мать вошла, она увидела, как Айша низко кланяется Бахадуру, а он стоит, выпятив грудь, довольный.

"Вы что,- она им,- роли учите? Он - шах, а ты служанка?"

"Да, мама, ты угадала: скоро он будет у нас шахом, если, конечно, прежде времени ему голову не свернут".

"Что ты такие глупости о моем сыне?!"

"Не сын, а настоящий бахадур!"

Да, пришла и портрет свой увидела, в рамке, над тахтой повесил:

"С дарственной надписью!"

"Сумасшедший! Он же мог черт знает что додумать!"

"Это же не ты, это - произведение искусства! Причем великолепное!"

Потом Бахадуру признается, что та, из Совета Экспертов, когда услышала, что он бывает у нее, изобразила гримасу (а пока Ниса рассказывала, Анаханум думала про себя: "Она его любит!"; и чем больше та ругала Бахадура, тем упрямее звучало в ней: "Любит!"): "Гони, гони подальше его от себя! Не дай бог, еще влюбишься, как некоторые дуры, позора не оберешься! Это ж,- что бы обидное сказать? - ловелас! - Именно это слово произнесла, и в ее устах оно прозвучало то ли как "ловец", то ли как "ас", и ничего более.- Ни одну ведь не пропустит!.."

"Ты можешь его ругать,- думала Анаханум,- но я вижу, что влюблена в него ("...даже со мной по улице идет, а сам по сторонам, будто выискивает кого!").

И с нею, когда первый раз вышли из мастерской, она в чадре была, игра плюс конспирация, вспомнила: "по сторонам оглядывается", тут же ему с ходу, а он нашелся: "За тебя опасаюсь!"

Ниса своей любовью приковала внимание Анаханум к Бахадуру.

Ключ, как уехал художник, а в мастерской она будет одна! жег ей руки. Но как выйти из дому? И весь день оставаться тоже одной среди красок, холстов и всякой рухляди... даже череп она видела. "Чей?" - спросила тогда, а художник усмехнулся, вспомнив, как упрашивал могильщика, специально на кладбище поехал, очень ему хотелось череп иметь (могила забыта, нужно место, вот и торгуют!..), а тот такую заломил сумму! Не знал, что в нем задатки торговаться; и выторговал череп!

А для чего ей в мастерскую? Учить, к примеру, психологию, экзамен скоро, или... не уединяться же, в самом деле, чтобы читать в оригинале Низами? А может, подолгу разглядывать себя, изучая разные выражения лица, и как при этом взаимодействуют глаза, брови и губы? -Пианистка, что ходит в Салон, делает иначе: ей привезли журнал мод, и она каждую неделю подделывается под одну из приглянувшихся ей моделей - и прическа, и платье, благо есть возможность: отец два года уже вкалывает в южных краях, где древние реки текут, мутные от ила. "А вас сегодня не узнать!" - ей Сальми, потом привыкла, что та специально (а помог ее родителям Джанибек, заполнить все ячейки: и там чтоб аранцы были).

Ну что же, изучила, а дальше? Подойти к окну,- вот этого нельзя: одно окно на шумную улицу, другое во двор. С занятий? Но как? Чувствовала чей-то неусыпный глаз.

И ключ в сумке - откроет, посмотрит, и гулко стучит сердце, с чего бы?! Почему-то Бахадур всплывает. Никак не решится сбежать.

А Доброволец, откопал его старший брат Джанибека, чтоб любимую племянницу не посмели обидеть, в эти дни болел, могла бы, если б знала. Завтра!

И вдруг звонок. В дверь? вздрогнула она, нет, телефон. Поднять? "Не туда попали".

А ее называют по имени: "Это ты?"

Голос знакомый. "Нет!" - и хотела повесить трубку, а он:

"Это я, Бахадур". Вот! Началось!.. И голос - не свой:

"Как ты узнал?" - Это так просто.

"Я сразу понял, зачем тебе квартира".

"А зачем?"

"Это долго объяснять!"

"Какой хитрый! Хочешь напроситься в гости?"

"Почему бы и нет?"

"Не для тайных же встреч я выпросила мастерскую". "Знаю". "А для чего?"

"Я, между прочим, художнику разъяснил, и он со мной согласился". "Объясни и мне".

"Давай условимся так. Сегодня ты полновластная хозяйка, а завтра отступить, чтоб сама! опыт? интуиция? расчет? - я тебе позвоню и, может, заскочу в перерыв".

"Откуда ты звонишь?" "Из автомата, разумеется". "А если я не приду сюда?"

"Я прокачу тебя по городу". (И она платок на голову, вроде чадра.)

Подошла к зеркалу: и что дальше? а разве плохо? необычайные приключения принцессы Анны, она ненавидела свое имя Анаханум, это дикое, старомодное имя! "Я не просила!" Чудачка: как же мог отец не дать ей имя своей матери? Родственники бы заклевали! Почти единственная девочка в их роду! И еще этот хвост - "ханум"! А тут, вспомнив про принцессу Анну, вдруг перебила сама себя; нет, принцесса Анаханум, и вдруг имя это понравилось.

Она стала повторять его, все больше пленяясь своим именем, вновь обретенным: Анаханум! Отныне запрещает называть ее иначе!

А губы у нее красивые, вытянула трубочкой, все равно красивые, и глаза тоже, бархатистые.

"Где вы были, Анаханум?"

"Как где? В университете, а что?"

На следующий день звонки задышались в пустой мастерской (или наполняли ее тревогой). Но Анаханум их слышала, и они томили ее, будоражили. Всю ночь не могла уснуть.

- Аня, вставай, опоздаешь!

- Я уже не Аня.

- Как так?

- Я Анаханум. И прошу впредь называть меня только так.

- Ты только послушай! - Не возмущается ли Сальми?

- А я давно этого ждал. Дай поцелую тебя, дочка.

О мастерской знают только трое: художник, Бахадур и она. "Ну вот, нашла себе башню, нечто вроде Девичьей Твердыни... Но сегодня я никуда не уйду".

А завтра, после первой пары, чтоб вернуться ко второму часу последней. Что она будет делать в мастерской? Ну... вымоет пол (!!).

И прибежала, тут же за дело,- вот бы Сальми увидела эти бесценные кадры: после каждого эпизода останавливают, чтобы в чувство ее привести. Анаханум ищет и находит ведро. Ищет, но не находит тряпку. До чего же довел рубашку! вот ей и тряпка. Соседи по мастерской давно не слышали, чтобы наверху что-то передвигали, определенно - уборка. Из конторы? Сколько пыли! Сначала с себя все: в одном лифчике и трусах. Босая.

Ну нет, диван двигать она не будет: тряпку на палку, от сломанного подрамника, и - за диваном. Пыль многих веков будто!..

Неужели все это она сделала? пол чистый, еще влажный, пахнет свежестью, и окно, хоть и серые разводы на нем, а все же видно, что мыли, и блестит подоконник.

А тут - звонок. Ей не терпится, чтобы кто-то увидел и похвалил. И он едет. Вот и он. О боже, почти два часа уже! Не закрыли б вход во внутренний двор!.. Еще час в ее распоряжении.

- Сил нет! - Ликует.

Возможно ли, чтобы и та, что тогда жгла, и эта - она? Бахадuru рассказывал скульптор, густые его усы топорщатся, снизу чуть рыжеватые, и толстые-толстые губы, глазах удивление, изумление, даже восторг, почти возмущение:

"Дедом клянусь! видел, как она новенькую десятку! одну, потом другую, чистая достоевщина!.."

"А чего вы молчали?"

"Ты что! До меня один полез, ну этот,- щелкнул пальцами,- бывший кавээнщик,- прозвучало как фаэтонщик или кабанчик,- а она как взглянет на него! Потом у двери своей повесила ему здоровенный кирпич: вход воспрещен!.. Когда же она за пятую взялась, ну тут... нет, что ты, не я, мне же это во как нужно было, живой материал сам в руки лезет (а скульптору это зачем?), хотя уже было, но разве пропустят такой сюжет?"

И как раз мадам позвала: "Аня". И погасили все, шито-крыто. Потом своим голоском: "А что тут у вас горело?"

Убедительно рассказывал, дымя сигарой, как не поверить?

И Бахадур вдруг на ее: "Сил нет!" - и спроси:

- А правда, что ты десятки жгла?

- Что за глупости?!

Расскажут же! - не верит Бахадур. "Дедом клянусь!.. Ох, трепач скульптор! Уж кому-кому, это мне бы своим дедом клясться! "Нет,- скульптор ему,- ты можешь памятью деда, а мой еще жив, сто лет ему!"

Огорошить, что ли: "Без трех?"

"Что без трех?" - удивился.

"Девяносто семь ему?"

"Да".

"И зовут Ризваном?"

"А ты откуда знаешь?" Ну вот, переплелось.

"А отец твой... он случайно не в Совете Экспертов?.." - "Ты не удивляйся, художник скульптору,- Бахадур о всех о нас знает". И дальними родственниками к тому же окажутся, как откроет Махмуд.

Анаханум смотрит восторженно, и щеки пылают

- Тебе этот пиджак идет! - Сказать что-то приятное.- Ты в нем очень даже симпатичный!.. Только сиди спокойно!

Он гладит ей руки (как это вышло?), и она не отнимает их, белые полосы меж пальцев, проступили вены. И усталость уходит, отделяется от нее.

- Анаханум? Но это же прекрасно! ,

- Правда? Тебе нравится?

- В нем есть что-то очень-очень близкое! То ли сестра, то ли... задумался: кто?

- Бабушка? - она ему.- Сиди спокойно!.. Ой, мне ж в университет! И тебе на работу!

- Я отпросился.

- У кого?

- А у себя.

- Ты что, сам себе начальник?

- Конечно!.. Я шучу, другой бы наврал, а вот тебе не могу.

- И той тоже?

- Что?

- Наврал бы?

- Меня теперь никто не интересуется. Кроме,- шутит,- одного человека.

- Это, конечно, я?

- Тебе не могу наврать, потому что узнаешь.

- А я и знаю, что ты на новой работе. Папа пришел и говорит: "А твой Бахадур к нам работать пришел".

- Так и сказал?!

- Сиди спокойно, и руку!.. Вот так, отсыдь и слушай!

- Сказал куда?

- На первую ступеньку.

- Именно так?

"Папа,- спросила она,- а кем?"

"На первую ступеньку".

"До тебя сколько их?"

"Ты с ума сошла,- строго взглянула Сальми.- Разве такое спрашивают?"

"Нет, пускай, она должна знать.- И задумался.- Всего семь!"

"Так мало?" - удивилась жена.

А он ей: "Возглавлять... ведомство, как ты знаешь, не предел".

"Уже поздно". "Что поздно?"

"Уж не думаешь ли ты?.." - и выразительно смотрит на Джанибека.

"А кто знает?! Так ли уж и несбыточно! - И тут еще дочь ждет, что он ей ответит.- Но эти семь не в общепринятом смысле, скорее солдат станет маршалом, а там ведь все двадцать пять ступеней, чем с первой доберешься до седьмой!"

"Значит, практически..."

"Ну о чем ты говоришь? - перебила Сальми.- Какой чепухой забиваешь голову отцу!"

Но он все же ответил: "Пока чисто теоретически. Чем черт не шутит? Разве я сам думал

когда-нибудь?" Сальми снова так выразительно посмотрела на него, что стало неуютно, и он промолчал.

"Не гневи судьбу!" - Сальми ему. Но что такое судьба: в его жизни всегда решающую роль играла случайность.

Да, так уж и несбыточно, пока Шептавший сияет, и губы его очень-очень близки к Большим ушам, стоит лишь шепнуть... А прежде решил, загибая пальцы, перепроверить себя в уме, почему семь? это тайна, вслух нельзя, подписку давал, еще когда начинал, о неразглашении (и отчего-то применительно к Бахадуру): инструктор, завсектором, завотделом, далее - непременно - шаг в сторону, практическая ВЫБОРНАЯ работа, возвращение (пятая ступенька?), ну и через большое бюро - Самый, то бишь он сам, Джанибек, пирамидка тут поменьше... А вот чтобы ему, Джанибеку,- он тщательно готовится к приему Высокого гостя, может, решится?., и уже принят Дворец в ЕГО честь, Шайтаний,. всего лишь два прыжка! (Выразительный взгляд Сальми...)

и он хлоп, пока заседают герантократия, всех старцев большущей лапой в карман, и убаюкивает обещанием сохранить их всех в морозильных установках лет на сто, а то и, не жалко, лет на триста, с чадами и домочадцами, вождь Джанибек!..

Бахадур смотрит на часы: в верховном ведомстве, где он всего лишь на первой ступеньке, но важно зацепиться (и не ведает, что Джанибек, просчитывая ступеньки, подумал о нем), не любят, чтоб надолго отлучались, его предупреждали.

- А мы куда отсюда не уйдем, и ты мне расскажешь про ту, как познакомились, и все прочее!

- Сдалась она тебе!

- Ты же был без ума от нее! ("Был? И теперь тоже!")

- А Унсизаде ты берешь на себя?

- Это кто?

- Унсизаде не знаешь?

- Уже испугался! Подумаешь, первая ступенька! Я даю тебе право сказать этому Унсизаде: был с Ана-ханум!

- А он встанет, низко поклонится и предложит свое кресло?

Время идет. И она волнуется: как объяснит? И он тоже: можно потерять, если скажет: "Не могу, поехали!" А может и ничего не приобрести, потеряв то, что имел. И удалество вдруг, махнул рукой:

- Будь что будет! - Встал, снял пиджак и повесил на спинку стула, т- Ты не пр9голсдалась? Может, чай выпьем?

Полезли в холодильник - пусто. Вот - черствый хлеб: черный, чуть с плесенью, не резать, а пилить! И впрямь большой, как пила, нож; распилил на четыре куека, вскипятили чай, нашли сахар.

- Что еще надо бедной студентке,- сказал он. Вышел, чтоб пойти на кухню, может, помочь? а она - в комнату, и оба стоят, и он прикоснулся к ней.

- Так и с той было? - Несильно оттолкнула его, он заметил, что дрожат руки. Снова потянулся к ней.

- Пусти! - вырвалась и ушла в комнату.

- Не знал, что такая сильная. Сразу сгустилась тьма.

- Давай посидим тихо и спокойно, вот так. А теперь ты скажи...- И вдруг такая злость к нему!..- Ненавижу тебя! Все знаю! Ты...- как больнее сказать?

- Не надо, прошу тебя, мне же не восемнадцать, имей совесть, мне уже почти тридцать!

- Такой старый?.. А я-то думала! Боже мой, на целых десять лет.- Встала.Надо идти! Что теперь дома будет?!

- А что мне будет! - и улыбается.- "Товарищ Унсизаде, мне Анаханум приказала..." -

"А кто такая Ана-ханум?" - "Анаханум не знаете?! Это ж Аня!.." И вышли.

Машины оставил на квартал выше. Сели, поехали, а за ними кто-то мчится!! Он поехал еще выше, мимо кладбища, вот и Волчьи ворота позади, потом резко свернул, по проселочной дороге, этот путь хорошо знает, еще поворот кустарники, потом царство вышек, переехал через дорогу - строгий знак, левого поворота нет, и на магистраль, чтоб обратно в город.

Въехал на оживленную привокзальную улицу, скоро и гараж; высадил неподалеку от ее дома. Ничего не было.

Только утром пришлось вызывать к Анаханум врача: ломило в пояснице, болели руки, пылали губы. А температуры нет, ни кашля, ни насморка, и глаза не тусклые, у Ани они уменьшаются, покрываясь пленкой. "Ты что, камни таскала?"

"Похлеще, нанялась уборщицей и мыла полы. Самая дефицитная специальность: с семи до девяти утра, и весь день свободна!" "Ну и как, трудно?" "Адская работа! Ведер пятнадцать!.." "А ну измерь еще раз температуру!" Встала, улыбается. Нет, не пойдет! Мышцы! Будто по живому режут.

Сальми - к Джанибеку, а он - чтоб прислали врача. "Лучшего диагноста!" предупредила Сальми. И она пришла, лучший диагност; консультирует тех, кто в их доме: Зулейха! Она уже однажды приходила к Сальми, и никому ни слова, даже Айше, здесь нельзя трепаться! "Спортом не занимаетесь? Нет? Извините,- смотрит на Сальми,- такое впечатление, что она весь день..." - умолкла, ищет слово, а Сальми ей на помощь: "Камни таскала?" - "Вот-вот! - улыбается Зулейха.- Во всяком случае, занималась тяжелой физической работой".- "Я же говорю, смеется, но больно повернуться,- нанялась уборщицей и мыла полы. Самая дефицитная..." - "Не говори глупости!" - перебила Сальми. "Ничего особенного, сказала Зулейха,- растянула мышцы, надо посидеть день-два, пройдет!"

"Вот бы кого к нам!" - возмечтала, вспомнив Бахадур, дух его здесь витает. Уже давно Зулейха высматривает, ищет невесту для любимого брата, мать просила! А потом как бы невзначай при Бахадуре сказала Айше, что была у Сальми; они это имя часто склоняют, сами не зная почему, всякие слухи о Салоне Сальми; и об Анаханум: а как сложена! а кожа какая! а фигура!..

Сальми бриллианты на серьгах рассматривает: "Не боитесь ходить с такими крупными? Где вы их откопали?" "Мама!!" - Но Сальми не слушает дочь, восторженно смотрит на серьги Зулейхи.

"Это фамильные".- Еще бы спросила, на какие деньги!

"От деда?"

А Зулейха как ушла тогда, в первый раз, Анаханум спросила у матери, знает ли, чья сестра Зулейха? И назвала Айшу. О Бахадуре ни слова.

"От матери, она же у нас из богатой семьи".

"Да?"

"Сбежала с моим отцом".

"И прихватила с собой этот бриллиант?"

"Родители ей потом подарили. Когда помирились".

И все равно принизить голодранца Муртуза, хотя он - сын знатного человека, но тоже голодранца: мол, не жених или муж, как это принято, дарит невесте или жене, а женская сторона дарит; бриллианты же эти просто куплены в недавнюю поездку сестер, "под старину".

И с Бахадуром обошлось. Сидят вдвоем в комнате, у каждого свой участок, может, вчера задание ему было какое? И повод Бахадуром припасен, если спросят, где он пропадал: еще не снялся с учета.

Но весь день ожидание: вызовут!

А пока ждал, новой хитрости' научился у соседа, тот, как пришел сюда работать, часто ходил по комнате и распевал. Фархад, их непосредственное начальство, однажды ему:

"Чего вы поете?!"

А он с ходу:

"У меня есть квартира, жена, дети-близнецы, диплом, машина, работа, должность, будет скоро и телефон дома, чего же мне не петь?"

"Аа... Ну, тогда пойте!"

А новая хитрость вот такая: к соседу из деревни наивный посетитель явился, о чем-то важном просит,- новые стальные ножи, и к ним - особая рукоятка, пустяк, но дефицит, а машины стоят, ржавеют от безделья. "Это мы мигом!" И звонит. А там занято. С полчаса настойчиво звонил: намертво занят телефон! Пригляделся Бахадур, ахнул: тот свой собственный номер набирал!.. Сначала удивился, а потом восхитила его уловка: сделать не может, отказать не хочет, потому что расписываться в слабости, вот и обещает, звонит, а там - занято; но непременно поможет! завтра!., а потом скажет: жди! авось, дело само собой уладится, а пока посетитель может в чем-то пригодиться.

И Бахадур часто звонил; сидят - звонят: сосед самому себе, частые гудки, а Бахадур в пустоту - мастерскую, никто не отзывается.

Потом в университет заскочил,- рискованно, но не терпится, где ж она?!

И утром. "Наконец-то! Она!"

На сей раз опять проворонил доброволец: как будто видел ее, а потом закрутился с делами: стипендия!

А в мастерской... Будто не было того дня, надо начинать все сначала:

- Мне странно, что ты здесь без меня, одна.

- Думаешь, выпросила ключ, чтоб свидания тебе здесь назначать?!

- Ты нет, а я да!

- Но выпросила ключ я!

- И я думал все, как попросить. На всякий случай пластилин приглядел, помнишь, в коробке у него, яркие-яркие плиточки, ты брала в руку, у меня и возникла мысль: ключ! И - заказать, и тут вдруг ты!

- Ну да, тебе же надо где-то встречаться со своими.

- А как же! - раззадорить.

- И вдруг я со своей просьбой: десять минут на размышление.

- Ты спасла мою репутацию. Она и воспротивиться не успела:

- Опять?! Привык с теми... А тебе не пора? - Но держит его. И сама не знает, как это вышло, хотя еще ничего-ничего не было (и не будет).

- Глупая, не бойся.

(А вдруг?!) Нет, он собой владеет.

Надо приучить. Этого не было еще, чтоб он так трезво. Как будто со стороны кто-то управляет им, сдерживает: "Не забывайся!"

Страх у нее: как будет?! А ведь ему ничего-ничего не стоит, она это чувствует, особенно когда вдруг на миг какая-то коварная слабость, но тут же скованность, сигнал - опасность!

- Уходи, ты опоздаешь.- Отрезвели вдруг оба. Закрыла лицо рукой, будто от яркого света.

И завтра!.. Прямо сюда, даже на занятия не пошла.

А доброволец ждал, чтобы тут же сообщить: "Да, не пришла!" Вспомнил, что и вчера ее как будто не было. Ну да, он получил стипендию, пересчитал. "Не могут новенькие дать!" - и оглянулся: не видел ли кто, как он деньги считает? Поискал глазами: нет ее! Но он видел! А тут вспомнил, что и вчера ее не было. Но о том - ни слова.

И доложили. Сальми в панике. "Я сам спрошу, ты молчи",- наказал Джанибек.

Какой это был день!.. Ни о чем другом не думалось, только это: его руки и губы, блаженные миги расслабленности.

Выследили. Улицу, дом и квартиру.

И весь день одна... Ждала Бахадур, а он не пришел. И гнев, и злость, и волнение.

Позвонил, наконец-то! "Что? Командировка? С вокзала?.." Вот оно, наказание, в командировку!

А Бахадур утром вызвали к Унсизаде. "Доигрался! Глупец!"

- Тут поступили сигналы.- Вот оно! Но ждет: "Это ложь!" А Унсизаде спокойно, даже зевая:- Надо выехать... Через час поезд, нужно успеть.- Бахадур о машине на радостях заикнулся.- Нет, своим ходом как все.

И билет уже есть, а с материалами познакомится в поезде. Дело оказалось рядовое, пока ехал - поездом не успел, станет он тащиться в допотопном вагоне: влажное постельное белье, чурек, купленный в лавке за двадцать пять копеек и поделенный с младенцем, который беспрестанно плакал, и вопрос проводницы: "А вам билет ваш дернуть?" Она его продаст за грешку попрошайке. "Не отдадите мне ваш билет?" - чтоб отчитаться за несостоявшуюся командировку.

Рейсовый таксист на вокзале, Бахадур заплатил за троих, тот довез его до станции назначения, а пока он был в пути, там уже договорились через голову Унсизаде, и Бахадур лишь присутствовал при подписании акта о капитуляции: "т. А" ушли, а "тов. Б" назначили, о чем Бахадур известил по приезде, хотя Унсизаде уже знал, пока тот, как шефу его кажется, трясся в поезде.

"Ты испортишь дело, пока не встревай",- предупредил Джанибек жену. И она молчит. Как-то о пустяке, уже не помнит, спросила; та нервно ответила: "Не Аня, а Анаханум".

И тут история с подпольными, как напишут, цехами, рядом с КамышПромом, на его базе, кто б мог подумать? Как ему верили, зятю гигантомана, думает Сальми, искренне переживая за его жену. Но как помочь, как заикнуться Джанибеку, тем более что - но откуда ей знать?- Джанибеку давно уже сигнализировали: из отходов (свирелей?), да еще на станках с хорошо смазанными колесиками-винтиками такие свитера! (не хуже японских!).

А ГГ молчит грациозно, ведет себя так, будто зять - не зять ему, и жене его не брат, но точат душу слезы, кто их увидит? А потом нелепые имитации взятого под стражу, будто свихнулся; перехватили его письмо к жене, и в нем как он будет держаться на суде: "Ты проконсультируйся и по учебнику, и у психиатра. Начало суда сию с отсутствующим видом; часто молчу, отвечаю монотонно на вопросы; через полчаса уже устал (по диагнозу), прошу вызвать врача, сделать укол... Возможно, этого недостаточно, чтобы признать невменяемость. Может, нужно войти в реактивное состояние? Напиши подробно, как входить в реактив и как выходить из него. Дай мне полную инструкцию".

- Да, малый был не промах,- сказал Джанибек.

- Почему был?- с чего-то встревожилась Сальми.

- Потому что его уже нету.

- Как так?

- Расстреляли.

- Уже? И так скоро?

- Суд у нас скорый.- Нет, этого мало.- И справедливый. Каждому воздаст по заслугам.

- Но ведь говорили (в Салоне у нее, кажется, Бахадур), что вина его не вполне доказана?

И что там,- рукой на север,- заменят ему на срок?

Джанибек промолчал: он не суд. Делает вид, что непричастен. Он хотел, чтоб дело прогремело на всю страну. Как он ЧИСТИТ. И, коль скоро приговорили, отменять или заменять,- значит, показать слабость, Джанибек не допустит, чтоб в его ведомстве прокол был, а наверху тянут, очевидно, неспроста, думают-гадают, дополнительная экспертиза и

прочее, надо добиться, чтобы была получена ПОДПИСЬ (если приговорили к вышке). На Шептавшего вышел, чтоб помог ее получить, и дело с концом, но тот ничего сделать не может,- вот тебе и Шептавший!..

Там, куда показала Сальми, перелистали тома, незапятнанный клерк нашелся, недолгое везение зятю, и видят: что ни улика, то вопрос, еще доказать надо его причастность к преступной шайке,- нужна абсолютная уверенность, что виноват, чтобы сметь оборвать жизнь, и вздумали было, как Сальми и говорила, не отменяя приговора (уступка краснозвездному краю), ЗАМЕНИТЬ вышку на срок.

Джанибек долго не решался выйти прямо туда, где подписать должны, а тут явился: и в такую пошел атаку, что тот, кто подписать должен, растерялся, слова вставить не может, и не сразу вспомнил о ком речь: цеховщик? валюта? шайка высокопоставленных? да, да, туземный люд!..

Джанибек наступал: что пожалуется Самому,- это после парадов в его честь, что ржа разъедает край, и мы...- и сыплет и сыплет цифрами рапортов, фанфары и взлеты дескать, не дают ему развернуться и где?! Здесь! палки в колеса вставляют и так далее, и, вместо того чтобы мне помочь навести у себя порядок, ваши помощники, которым, очевидно, перепадает от расхитителей, и не мне Вам рассказывать, как это делается, я знаю Вас как наичестнейшего и неподкупного борца против...- и дежурные блоки,- тот и не устоял, а, Бог с ними!., обещал подписать, так тому и быть, другим - урок.

Вскоре Шептавший Джанибеку сообщил, что ПОДПИСАНО, на контроле держал, и тут же, узнав - обрадовал.

- Бедная сестра!- вздохнула Сальми: сердце у нее доброе, и Джанибек удовлетворен мягкостью жены.

- А мне зятя жаль. Но я его не трону. Сын, как известно, за отца не в ответе, тем более шури - за зятя.

Да, ГГ молчит.

Заступиться? Погоришь сам.

Уповает на... правосудие? судьбу? случай? везение?

И Джанибек ему ни слова: и когда ВЗЯЛИ, и когда длилось следствие, и когда суд был (еще крепче привяжется к Джанибеку).

Предрешено, ибо Джанибек и то, и другое, и третье (а всякое везенье не по его части, он деятель, а не колдун какой, и еще КАПРИЗ: что бы ни было настоять на своем, крепко любить будут).

Что неделя - новости одна хлеще другой: читай газеты!..

И мысли об Ане-Анаханум. Увлечение? Сальми по себе знает: увлечется дочь ни за что не уговоришь потом. А ее, Сальми, как пытались когда-то отговорить: за кого выходишь замуж? ни покоя с ним, ни жизни! сам себе не хозяин; и рост! и нос! и ранняя лысина!.. Теперь и не вспомнят те, кто отговаривал: "Ах какой у тебя муж!., повезло тебе (!)".

Как получится с дочерью? Тут не ждать сложа руки, а искать. Анаханум слышала как-то, долго родители шептались. О том, кто у кого есть. В том-то и дело, что ни у кого из достойных. Готов даже не из своего круга. Более того: времена такие, что, если придут сватать из соседних краев, и близких, и дальних,- никаких условий. А не спросят: что за узкоземляческий подход, мол, только свои?! но земляки ни за что не променяют свои горы, пахнущие снегом, на низину ("Ниже уровня моря!"), в горах пасутся отары его родичей.

Где он, этот батыр-богатырь?! этот бахадур?..

Старший брат Джанибека как вспылит!.. А не считаться с ним нельзя,- вроде б доверенное лицо, к кому стекаются или, точнее, Через кого ведутся переговоры, ибо он - узловой пункт: схема отработана, прямые контакты рискованны. Да-с, но даже он, кого Джанибек шутя прозвал, и то не вслух, а в уме, поставщиком кадров, но кто-то уловил (??), и

приклеилось к имени, чешет голову, густую-густую шевелюру, ума не приложит, кого рекомендовать в женихи единственной племяннице?..

И впрямь поставщик: тех, кто известен; что? и бритоголовый, почти племянник, чутко улавливающий, _чтоб выскочить, как лезвие у ножа-прыгунка, с пружинкой внутри; и доброволец, приставленный к Анаханум,- сам напросился (и тот, кто по его сигналу пошел следом)

Не всех, о ком просит старший брат, соглашался, разумеется, принять Джанибек: и молочного брата предлагал, это слишком уж явно! и племянника тети, старшей сестры отца, почти внучатый племянник,- да ведь узнают!

И пишут, и пишут, но оседают письма, ибо в нужном пункте свой человек, а именно - внучатый этот племянник; откуда Джанибек его потом выдвинет сначала заволом, потом замом,- знаток по артикулу, блеску, величине, гибкости, деталям, единообразное,- абвгде.. короче, ведь алфавит до "я", нечто вроде рекламбюро, контактирующего с сетью сбыта; и чтоб заочно на специальные высшие курсы, по эстетике производства, наказано, пускай все имеют специальный диплом... Увы, не успеет: ответвления срежут, чтобы укрупнить, и застрянет внучатый племянник по части, как бы это выразить? нестигаемых шестов, но пользуются успехом на мировом рынке иностранные (болгарские), с чьей фирмой, Камышит, кажется? они соревнуются.

Ведь и просачиваются письма-жалобы - накатывает и накатывает, а оттуда откат, и порой прямо в руки Джанибека.

Анонимные.

Писал бы и Журначиев, начав с личного врага Хан султанова и - выше и выше, захватив и Джанибека, но его вовремя Джанибек заприметил и приласкал, бросив на подмогу к родичу, который по связи,- для видео и слышно, с заветной думой, чтоб подключиться к каждому дому, в каждую ячейку (общества).

Может, Асия? Она только грозитя. К тому же подписала б. Ну и представляет она, что будет: вызовы, замучают расспросами, что да как? И столько времени угробят, а она еле-еле справляется. Наскоками у нее,- тот, с купюрами в железной банке-коробке, подвернулся под горячую руку, А ТЫ НАЧНИ С СЕСТЕР,шепчет ей шайтан. Нет, до этого она не опустится, чтобы против своих. Начать с себя - да, но с родичей - нет, никогда. И только грозитя, что доберется до Джанибека.

В ящик их, анонимные.

А один внушительного объема "аргументированное" послание составил, ищут, кто же? не найдут,- ох уж эти чернители-сочинители!.. "О неискренности Дж. Г.". без "тов.", думая, что всем ясно, о ком речь (Джанибеке Гусейновиче). Из своих же, очень близкий, ибо знает все, чуть ли не с детских лет всю его жизнедеятельность, в которой и сокрытие нелицеприятных зигзагов, и о тех, кто стал жертвой мести и честолубия, ну и о Шептавшем тоже, как помог, кто сколько ему собрал, и -на блюдечке, мол, "ныне это не секрет". Чудак-человек: ведь Шептавший там, куда он пишет!.. Дескать, провожая с почестями, прицепили к составу спецвагон со всякой коллекционной утварью, хобби Шептавшего, бережно собранной за годы "беспорочной", старый стиль ввернул, службы в краю Джанибека, чтоб сохранить для потомков, а для свиты его - разноцветные короба, в которых всякая всячина бережно упакована, из даров родного солнечного края.

И даже - вот уж до каких тайн добрался!- достоверно о незаконном сыне, не понимая, что это - в радость Джанибеку, имея Анаханум, заполучить по мановению волшебного письма-кляузы еще и сына, продолжателя рода, которым, увы, его не одарила верная Сальмихатун; и что, будто это убедительный довод, имея сына тоже на А, как и дочери: то ли Автандил, то ли Афрасияб.

Нет-нет, родился не от той, которая жаловалась, разбирательство было, чуть ли не к

стерилизации приговорить хотели, это тогда в моду вошло как наказание, представляете, что бы тогда было - ни дочери, ни сватовства, и голова б не болела из-за Бахадура,- дескать, "всем известно,- настрочил,- что содержал любовницу, от которой имеет сына...".

Что еще? О политике "аранизации", буме землячества и кумовства, а завершил на манер классики: "джанибе-ковщина". И диаграмму приложил: о близких и дальних родичах,- определенно использован опыт Бахадура, угадывалась его рука по вычерчиванию синхронно-диахронных связей,- друзьях-приятелях, кто-где-что-как, с краткими, две-три фразы, характеристиками. Один из братьев, это известно,- поставщик кадров, тут анонимщик не оригинал, другой - советник и... апостол (?), третий - личный портретист, пытался было соревноваться с известным художником (Arslan'ом), затем переключился на изготовление плакатов: "Стой!" (в защиту леса), "Превратим край!.." - чтоб скрыть, как о том уже было, пустыри, долгострой, свалки и всякие иные неприглядности, ну а в последнее время, как вознесся Джанибек, его портреты, а рядом - Самый, чуть ли не обнимает Дж. Г.,- категорически запретил братцу, наказав: рисовать только Самого, и никого более, с цитатами, особенно эта, на каждом шагу, о чем тоже было, так что анонимный автор ничего нового не сообщает, да, на каждом шагу "Широко, так сказать, шагает..." (край Джанибека).

Сноска к письму: в УКАЗЕ они рядом, Художник и Брат, оба Народные...

Еще о братьях: четвертый - воротила, девиз его: ни дня без утренней молитвы, как он называет процесс самоуглубления, когда, и это он не скрывает, просчитывает в уме солидные математические формулы с многозначными цифрами купюр, округляет и округляет их, и - без песен, очищающих душу, любимая "Мильон, мильон, мильон (алых роз?)".

Кто еще? Муж племянницы, тетя жены, а у Сальми еще и двоюродный брат, и тесть племянника, и шурин другой племянницы, и чей-то зять, кум и свояк, выглядывают они из каждой проф, сов, парт, пром, сельск, спорт, науч-неуч (ячейки) без истинных (?) заслуг, неприкосновенность авторитета, ансамбль песни и пляски, индивидуальный лифт,- большая такая телега, из лексикона заграниждоков, и ты уже числишься по разряду невыездных, дорога туда закрыта навсегда.

И, мол, "парадоксы в действиях", озабочен анонимщик думами, словно Дж. Г. лично с ним делился,- о неистощимом резерве, смене собственных поколений, взят на учет даже двоюродный брат отца того самого свояка, о котором вчера знать никто не знал, а нынче вдруг в одном лице он и генеральный (директор) и президент какой-то закрытой фирмы под наивным названием "Фиалка", это как если бы ты стал одновременно следователем +прокурором+судьей.

Тут и, "несмотря на то, что", такая вот стилистика, кооптации и перемещения, чтобы замести следы или скрыть подмоченную репутацию, а то и замаять уголовное дело, а в скобках тоже свой реестр, который разворачивается как разворовывается: роскошные особняки, и что "беки и ханы не позволяли себе такое", спекуляции - махинации,- нет, скороговоркой об особняках нельзя, и он, облюбовав один, расписал его всюю, и так подробно, словно сам вкусил (вне всяких сомнений: свой человек пишет, но кто?..) среди citrusовых рощ в заповедной зоне, на берегу моря, а там и дичь и всякая иная плавающая, шагающая и летающая живность: и биллиардная, и зал дегустаций, вертолетная площадка с асфальтовой дорожкой к ней, и за считанные минуты тебя доставят к лайнерам, втесались сюда в особняковую графу и черный визирь, это по-восточному, а по-западному - черный кардинал, и пожарники-наблюдатели, чтоб гасить... нет, оговорился по привычке,- лицезреть ввзвиренные ввысь очаги всяких "...ний", а названы два: "хищений" и "преступлений".

И фраза-штамп: "комментарии излишни".

Слава Аллаху, не один Дж. Г. богат, к примеру, братьями, другие из его свиты тоже не кое-как зачаты,- имеют своих богатырей-братьев, вот и получается, что не все ниточки в руках Дж. Г.: он своих, а те, свои,- своих, ибо есть и у них и двоюродные, и зятя-шурины, и

друзья-приятели, вот и распутай: сидит скромный, незаметный, с Бахадуром в одной комнате, клерк, а он... и лицо приветливое, доброжелательный, отзывчив к сослуживцам, что еще, казалось бы? и дело свое знает, а он - сын... ээ... э... - сморщил лицо, сводницы и не рядовой, а первого, нет, люкс-класса, поставляет отменнейших красоток, нет, не к Дж. Г. в чем-чем, а в этом его не обвинишь, было в юные годы, грехи молодости, а к... неужели и Шептавший?! нет, лучше не ввязываться, ибо не знаешь, откуда грянет УДАР. Сын кланяется, чтоб помогла, матери, мать просит клиента, а тот молвит словечко Дж. Г., и завтра в книге твоей судьбы появляется светлая (или черная) страница, и ты везунчик (или пропащий человек). Помните? Садовник повесился, который особняки обслуживал?.. проболтался или что иное прошляпил. Что жизнь человеческая? Ниточка, которая в любую минуту оборваться может.

Еще фразы - крылатые, будто столетний старец опытной рукой прошелся: "волеизъявление к неугодникам" (?), из штампов тоже: "низкопробная демагогия", почти о себе самом, раскрашена народной мудростью: "Чего другому не желаешь не пожелай и себе", неологизм вкрался: "Взяткособиратель".

И кое-какие новости по части медицины: оказывается, можно уйти из жизни из-за чрезмерной нагрузки по припискам или рыцарски отдать богу душу на... обнаженной,- как строчит сочинитель,- женщине,- и его, одев (!), спустили к подъезду дома, усадив на мраморную ступеньку, дескать, смерть на улице (Данте?), - нет, не родственник Лейлы, ЭТОТ жизнелюб похоронен на знаменитой АЛЛЕЕ.

А и критиковал Дж. Г., когда надо: Айше однажды досталось, сразу после кольца-перстня, изготовленного для Высокого гостя на ювелирзаводе, чей директор тоже умер: дескать, велено было ему - сам управляйся, из своих сбережений, и не нашлась заявка на изготовление, а тут ревизия, и ты растратчик.

Предположить, что это настрочил Бахадур,- нелепо: топить будущего ТЕСТЯ.

Но кто? Ищут-рыщут, стилиста из центра призвали, того, кто на знаменитом суде против отщепенцев отличился, научно доказав принадлежность пасквиля почтенному литератору, ныне - арестанту,- и тот, мастер по стилистике, оказался бессилён определить автора всех этих синхронно-диахронных связей, столь щедро прочерченных в анонимном сочинении.

Правой Руке дали ознакомиться, и он кое-какие пикантности выписал себе, да еще и многообразия уз; братья-сестры - это очевидно, а... всего-то два примера: "племянник жены дяди его бабушки" и что-то еще в этом роде, из патриархальных курьезов.

Джанибеку не показали, а жаль: облегчили б ему задачу кого-то противопоставить Бахадуру,- всех перебрал в памяти, чтоб отыскался хоть один достойный жених!., ни племянников, на что-то пригодных помимо родства с НИМ, ни шуринов-зятьев,- оскудела земля родная на батыров-бахадуров, о чем с горечью констатировал и занятный документ (в корзину его!., или нет: сжечь в камине, размешав пепел).

Показывай не показывай... какой толк? Брат... Братья... Родичи... Ну да, ты стал Джанибеком, который повелевает: И не с неба ты свалился,- у тебя и отец был (и есть!..), и мать, родившая тебя, и братья и сестры (лишь сестра!), и родственники жены... Легко сказать, женины родственники!... Это твои крылья, это твой трамплин!.. И новые родичи, которые непременно отыщутся, как только ты чуть-чуть вознесешься над людьми, и не лже-родичи, а настоящие,- они некогда ушли в свои житейские заботы, прервались старые нити, а потом, как ты возник на горизонте, видимый всем, они и объявились, кто - требуя, кто прося своей родовой доли.

Является к тебе старший твой брат, который спас тебя некогда (нарушение служебной этики и прочее, и нашлись связи именно у старшего брата, и он отвел от тебя удар): пришла очередь и тебе похлопотать, чтоб укрепить его позиции, к тому же у него длинный список, это кадры, в которых ты нуждаешься. Впрочем, ты и знать не будешь: выдвинут и укрепят его

без тебя, дабы угодить тебе,- сидел он, к примеру, нет, не старший, а средний брат, в небольшой полутемной комнате, где проводил опыты с колбами, кипятил их на спиртовке, наблюдая, как булькают пузыри, а тут... собрали коллектив, это и прежде практиковалось, и предложили избрать шефа: кого хотите в руководители? Ну и, конечно, назван твой брат: пора ему выходить из полутемной комнаты, чтобы ты остался доволен славным коллективом и чтобы коллектив получил доступ - к тебе - решать свои проблемы, а у брата свои друзья, родичи свои и жены, просто и банально, к тому же колбы пожелтели, спиртовка примитивна, есть более совершенные обогреватели, да и чем пузырьки считать, заставляя слезиться глаза, для этих целей есть мини-роботы, дважды выписан был счет на их приобретение, в первый раз вся валюта была съедена-присвоена, а во второй... ждут, когда их освоят, эту валюту. Ну и братья остальные, у братьев - сыновья, любимый, к примеру, племянник, такой племянник - у каждого из нас, и у Расула тоже, прочертить бы эту линию! хотя нет, сначала с братьями решить, сколько же их? Первый, о нем уже было, второй... семеро братьев, как водится в народном сказании, названные первыми семью именами (из девяности девяти) Аллаха, и у братьев - жены и дети, родичи-сватья, сестра, друзья-приятели, и у каждого своя доля, освященная именем Джанибека.

Кто ж прочертит?.. Впрочем, анонимщик и без помощи брата-художника отменно прочертил (спасибо за помощь).

А тут новые заботы: Анаханум!

Джанибек сверил данные, полученные от того, кто шел следом за Анаханум, и точно: мастерская! Художник?! Будто озарение: сеансы!! Весь следующий день

звонил в мастерскую и домой художнику - никого. А вечером:

"Что-то я,- и на Анаханум смотрит: а вот выдашь себя! - художника нашего не вижу".

А ему Сальми:

"Он же в отъезде".

Отлегло: а я-то думал! Чистейший парень!..

"Как?-а ведь забыл!-в Латинскую Америку уехал".

Еще новости: вышла из университета, пошла вниз и... села в машину. Пока то да се, лихача догнать не удалось. Но напали на след и уже не выпускали из виду... Около часу катались в машине, а потом он привез ее к университету и уехал. "Чадра? Что за чадра?!" Маскарад какой-то!

Ровно час. Обеденный перерыв, и минута в минуту - на службу.

"Какого цвета была машина? Зеленая или желтая?.. У вас что, дальтоник он?.. Не знаете, что такое дальтоник?! Какое у вас образование? высшее? ну и дела!.., он что, цвета путает?!"

Минуту-другую Джанибек сидел не шелохнувшись, ошарашенный, и сцены одна зловещее другой!..

Но прежде - разговор с нею:

- У тебя появились какие-то тайны от меня и от мамы?- Надо сразу, напрямик, откровенно.

Ее ответ был краток, но - какой-то холод по сердцу:

- Появились.

- Это серьезно?

- Возможно.

- Настолько серьезно, что могут коснуться и нас с мамой?

- Возможно.

Как проворонили?! Но не выдать себя. Спокойно:

- Я уважительно отношусь к твоим тайнам, но и ты щади отцовскую гордость. И не забывай, что лучшие друзья у тебя на свете - отец и мать.

- Я это знаю.- Шпионили!.. И о Бахадуре знают. Сообщить ему!

В тот вечер, когда Джанибек думал поговорить с Бахадуром, не удалось, долгий-долгий разговор, но по проводу, очень важный, лично с Самим!.. Намечается грандиозное дело - новый объект! И о Бахадуре (!) вспомнил: "позитивные начинания!.." Вся эта история показалась ему вдруг не такой уж дикой. Отвечала дочь с достоинством, не таясь, прямо. Она рассудительна, это он тотчас определил, открытый взгляд и понимание важности того, что может случиться.

Надо понаблюдать. Удачно получилось с объектом, никто не верил, а он добился.

Чудаки,- опять всплыл Бахадур!..- когда о них дочь (обсуждали завсегдаев Салона, недавно Вечный Поклонник парапсихолога привел с собой),- эти Sister's Аббасовы и К°, - сказала (мягко так: "компани") Анаханум,- то бишь зятя.

Бахадур и Анаханум голову потеряли. После разговора в машине: осторожность! замести следы! не видетсья! А прощаясь, договорились: "Я отпрошусь!" И она ему шепотом: "Чтобы не спешить никуда".

А в тот день, когда снова мастерская,- сначала она пришла, затем он! и случилось бы то, чего она в нетерпении ждала, теряя сознание и проваливаясь в блаженное беспмятство. Пусть! И потом: не он ведь, а она сама,- это разве случается помимо желания? Но Бахадур - начеку, нельзя!

Уже привыкла. И участились минуты расслабленности. Когда же? Она не в силах больше! Но молча, ни слова.

И случилось! В страхе проснулась: но как хорошо было... И все отдалилось, ушло. Неужели это возможно?

А он - ну какая в нем выдержка!- "Нет". Особенно трудно ему, при всей ее послушности, когда никаких преград. И кто-то сильно держит.

"Ну?!"

Нет! И отходит, отскакивает

Не поймет она, тоже трезвея, почему же? злится на него, видеть его не может, а к вечеру - ожидание следующего дня.

И она бежит. Она ждет. У них только час.

"Ну, что ж ты?!"

И СЛУЧИЛОСЬ! КРЫТЫЙ БРЕЗЕНТОМ ГРУЗОВИК. И АЙША, И МАТЬ, ВСЕ-ВСЕ.

А было ли что? Оба напуганы: и он, и она!.. А чего бояться? Детские страхи! Особенно в нынешние времена, когда... Но о том уже было. И ведь непременно бы случилось в тот день, чуть-чуть отпусти его тот, кто крепко-крепко держал.

- Чего ты себе там позволяешь?- набросилась Айша на Бахадура; это часто теперь - набрасываться, то на Бахадура, с огнем играет! то на Асию!..

Бахадур вздрогнул: откуда им ведомо? эстафета Фархад-Фарид-Айша? кстати, а с чего у нее с ними такая близость? ах да: ведь Фарид Унсизаде вроде бы поручился за Бахадура, поговорил с братом своим, чтоб тот форточку открыл, птицу, что клювом о стекло бьется и коготками царапается, впустил.

- Ты думаешь о последствиях?!- Одно к одному: как пойдут неприятности, жди новых, это Айша знает, а с некоторых пор - чуть опасность какая, и, будто рефлекс, сразу всплывает Асия: пойти на такой шаг (и этот говорун!), тут нельзя пускать на самотек, и Айша непременно займется ею, хотя, как уследишь?! не на цепи же держать эту сумасбродку - если узнают, такое начнется, что уже не вывернуться.

Сначала, когда позвонили Айше, ничего понять не могла:

- Выполнили ваше поручение, Айша-ханум.- Это из района, над которым шефствует и где выступала по случаю выпуска энного агрегата, голос хрипловатый, картавит, сразу узнала.

- Какое?- насторожилась Айша.
- Насчет жилья.
- И что же?!- Подвох? проверка? Ни о чем ведь не просила!
- Квартира ему понравилась, и я только что лично сам торжественно вручил ему ордер.
- Кому??
- Забыли?.. Ну да, у вас на дню столько дел!
- Нельзя ли подробнее?
- В тот день, когда вы пришли ко мне с этим... Ну тот, кто надоедал с жильем!
- Который?
- Низенький, седоватый...

Говорун!! НО Я С НИМ НИГДЕ НЕ БЫЛА!

- ...очень-очень благодарил.
- Когда я была у вас, напомните, пожалуйста.- Надо оттянуть время, чтоб вспомнить.
- Это было... вот, на календаре я пометил день, в прошлый четверг.

Асия!! Она приезжала! На чьи-то поминки... Ее проделки!..

И тут же помчалась к ней, в дом Расула и Лейлы. Нет там! Не поленилась и в деревню, прямо на поле. Было уже однажды, срочно поехала к ней, как сообщили, что Асия затеяла разбирательство (дело с купюрами в жестяной коробке), и состоялся у них такой разговор:

"Чего ты встречаешь не в свое дело?"

"О чем ты?"

"Не притворяйся! Мало тебе твоих забот?"

"Ах вот ты о чем... Из-за этого примчалась?"

"Учи: ты шутишь с огнем!"

"А какая тебе забота?"

Оказывается, этот их уполномоченный какими-то узами связан с Унсизаде!..

"Они тебя в два счета могут...-(убрать?)".

"Вот и вздохнете свободно".

Айша оставила шофера на пяточке автобусной стоянки - и по узкой тропке слева и справа кусты, поспешила в контору: не при людях же - потом рты не заткнешь. Асия увидела сестру, вздрогнула:

- С мамой что?

- Нет, не с мамой, выходи!

- А что случилось?- Вышла следом, и стояли на клочке незанятой земли (ведь засеяно до крыльца!).

- Авантюристка!

- Чего ты раскричалась?

- Понимаешь, как это называется?.. Я могу тебя за эти твои преступные действия, да, да, преступные!

- Объясни толком.

- Не прикидывайся дурочкой! Как ты посмела выдавать себя за меня?!

- Ах, вот ты о чем... Если на то пошло, ты должна быть мне благодарна. Айша опешила:

- За что же?

- А за то, что припишут тебе это благородное дело, помогла человеку получить жилье!

- Если ты еще раз...- И сил нет у Айши ни страшать, ни наказывать. Но больно уколола:- Я понимаю, горе тебя состарило, и ты сравнялась со мной, оттого и принимают тебя за меня!

- А может быть, это ты выглядишь на десять лет моложе?- Асия и здесь вышибла из Айши гнев.- Давай-ка лучше я угощу тебя чаем.- И рассказала, как это вышло.

"Ну-с, Айша-ханум, вот я и встретил вас!"

"Извините, но я вас не знаю".

"Забыли, как я шагнул к вам из-за розовых кустов, и даже с букетом, вы подумали, что вам цветы, а я возьми да и сунь букет в урну! Кстати, мы рядом с исполкомом, не хотите ли зайти? Вас сразу впустят, без очереди".

Будь что будет! И... впустили!

- А если б попалась??

- Мне все твои ужимки известны, и мимика, и голос, когда надо приказать, а когда попросить, росла, изучая тебя, равняясь на именитую сестру, пригодилось!

(А там всполошились: сама Айша-ханум!)

Уехала Айша умиротворенная, но чем ближе к городу, тем тревожнее: что еще выкинет сестра? Только успокоилась с Асией, надеясь, что больше не повторится, и Асия уже никогда не сыграет ее роль, а тут эта неожиданность е Бахадуром.

А ведь рада, что он рискует: или - или, такой иногда азарт в ней, и еще не было осечки.

Бахадур попытался уйти от разговора.

Ах, сплетни? Чуть что - сплетни?! Что за девица? Что за Анаханум? Что?? За одно лишь слово, и то произнесенное!!

- Ладно, Айша, давай поговорим откровенно: она меня любит.

- Очнись!

- Я ж просил: пошутили, и хватит.

- Как тебе удалось?

- Это уже тайна!- Сестра ведь не испытала! Монашка в епархии! впервые в этом свете она предстала перед ним; и такая вдруг жалость к ней; и за что себя подвергла такой жизни? а может, он ошибается? и у нее есть тайны? но чтоб никто не увидел?- Извини, можешь не понять.

"ЧТО Ж ТЫ?!" ВЫСОХЛО ВО РТУ, ТО ХЛЫНЕТ ЖАР, ТО ВДРУГ ХОЛОД.

"А Я ВИДЕЛ КАРТИНУ: ПРИГНАН ГРУЗОВИК, А ТАМ СЕСТРЫ!"

"КЕМ, КЕМ ПРИГНАН?"

"ТВОИМ ОТЦОМ!"

"СТРАХИ ИЗ ЧУЖИХ ВРЕМЕН!"

"ТЫ ДУМАЕШЬ?.."

- Но ты уверен?- пристала к Бахадuru Айша.- И никакой ошибки? А если узнает?!

- Чем же я плох?

- Никогда. Никогда не согласится.- Вдруг Айше показалось, что уверенность Бахадура не без оснований. "А есть ли у тебя предел? Чего ты хочешь, Айша?" часто спрашивала себя. Нет, у нее никогда не возникало: а почему не я? Айша на портретах очень даже неплохо выглядит: строгое лицо, какая-то пристальность во взгляде; и профиль - нет, другой человек, выдает нос: женские портреты в редкость. Давно их не было. А разве исключено? Женщины заморских краев - одна знатнее другой, и за хребтом тоже. Но и ей утешенье: в Камыш-Промовском, плантации у них, подведомственном цветнике вывели, кажется, в ее честь сорт чайной розы "Айша". Устала только. И уже Бахадур: "Ты не поймешь" (?). Девки так и льнут; и о той, что переводила ему, тоже слышала; Марьям-ханум как-то Айше: "Что ж ты?! - ив глазах у нее такая жалость.- Ты можешь позволить себе, и никто никогда не осудит",- вот до чего мать договаривается!

Айша, когда такой разговор, улыбается многозначительно, но мать чувствует: хитрит дочь, никого нет у нее; хотя, вздыхает, как знать? Чернушка? Ну и что? Притом с таким положением!

Посмотрит, это он умеет,- свинцовый-свинцовый взгляд, и сердце остановится: птица летит и замертво падает камнем! такие морозы!..

"Что вы? Да я... Сам первый горло перегрызу тому, кто осмелится!" Бахадур сказал бы именно так, спроси его "тесть".

Здесь, кажется, вчера еще жили сестры, а у них - брат. И мать жива, пустынно в квартире, ничего не тронута, но словно сдуло всех, даже кастрюля на плите еще горячая! Не могли же они вмиг исчезнуть все?! (Слышали, как грузовик притормозил, и какие-то быстрые шаги...)

А может, инопланетный корабль их забрал?..

Нет, Бахадур не посмеет.

12

Бахадур засиживается допоздна: все сидят, и он сидит. И, глядя на вечерний город, на его огни, вид почти как из квартиры сестры, Лейлы, он недавно гостил у нее, и она рассказывала о кукольном театре, о спектакле, который он должен посмотреть.

Исполнение ролей почти как у Лейлы, но как поставят там эту восточную сказку?*

Шах-отец, у которого единственная дочь, и она родилась после долгих-долгих лет ожидания, - проходивший через эти земли дервиш-странник подарил им волшебное яблоко, половину съел он, а другую - Сальми, но странник забыл предупредить, очарованный красотой Сальми, чтоб румяную часть яблока съела она, а не румяную, белесую - он, и тогда родился б мальчик-наследник;

дочь... выставлены дозоры, осада, была попытка вырваться из-под опеки, наняться к самой себе служанкой, а здесь и случится... но об этом шах-отец пока не ведает, даже в мыслях не мелькнет, что отыщется богатырь, который посмеет;

(у дочери роли нет);

(и у Сальми - тоже);

кто же в роли Плешивого, который возмечтал жениться на шахской дочери? и готов пройти через все испытания, чтобы добиться своего?

и зрители - не только сестры, но и зятя, все на подбор: у Аскера Никбина, увы, уже тусклые глаза прозаика, и уши как будто выровнялись, - одно, помнится, было чуть длинней, и Бахадuru рассказывали, что Асия спросила у Аскера: "А вы ушами шевелите?.." - куда ни пригласят - с папкой, "нет-нет, стихов читать не буду, надо спасать нашу великую прозу", и равнодушно скользит по лицам кукол (?);

сытый взгляд у Хансултанова, у Расула - задорный, юношеский, с трудом сидит, вот-вот вскочит: "Ну-ка, ребята, шире круг!..";

у Махмуда - то ли боится чего, бегают глаза, а из горла хрип какой-то, прочищает горло, готовясь к очередной записи;

Ильдрым бы вывез их, как электровоз длинный товарный состав, - на груди б уже сияли пять лучей, - недавно было награждение, и Ильдрым непременно был бы в их числе. Но молчок: такая игра, что зятьям-шуринам влезать рано, зрители-люди и зрители-куклы;

нечто вроде дворца, и новая гостиница с кондиционерами, и выдвинутая в море пристань, и статуя, вернее, памятник (не тот! и даже не другой, а совсем новый, с укороченным пьедесталом), - сколько жалоб было отправлено в Центр, дескать, памятник СВОЕМУ выше

памятника НАШЕМУ, и Джанибек, лелея мечту, не противился, внял (был прямой разговор с Шептавшим), крепко выдал скульптору за его местнические замашки, политическую слепоту (и на время закрыли ему доступ в Салон), - в общем, укоротили пьедестал, чтоб не выделялся, поскромнее был, но от этого диспропорция, нарушение как бы базиса и надстройки, когда великолепная надстройка (собственно памятник) давит, деформируя базис, он же пьедестал, такое вот соседство с Шайтаньим дворцом и Девичьей Твердыней, или Крепостью, куда запрячут дочь (почти как в восточной сказке);

а что Бахадур (Плешивый?)? он - ревностный страж дочери, и эти допотопные

присказки насчет волка и овцы,- еще как уживутся, если такие заманчивые перспективы; ах, мечты, которые воспалили воображение, был апофеоз, когда он увидел свои памятники в бронзе, из гранита, в рост, по пояс, бюст; и чтобы он не смог ради апофеоза одолеть того, кто в нем сидит?! обуздать его низменные звериные страсти?! он копит их для другой, для той, будущий век!.. И такое вытворяют!!;

а вот и у дочери роль, пока зрители рассаживались: она раздражена, негодует, готова, окажись у нее в руках... что? нож? - этот миг расслабленности, когда готова на все - и ничего-ничего!;

плешивый (Бахадур?) в бегах и часто покидает сцену,- закулисные тайны: к другой?.., чтоб восстать против железной воли стража? дать волю разбушевавшейся страсти? и кто, как не та, другая, утолит его голод?! вот он - снова на сцене, а здесь - выдержка, точный расчет (и даже в гараже зловещая тишина, но Бахадур в трудной борьбе был на высоте);

удаётся Бахадuru и порассуждать (!), когда тут такое, что иной трижды б умер, чтобы вновь воскреснуть (голос за кадром?), он и не предполагал, что ему не по душе, когда шахская дочь послушна; и о ее чуткости, и не по себе, когда она ловит его, пусть половинчатые, желания и даже отвечает им, будто ей ведомо это, знала до него; инстинкт? и еще о пассивности; или это - целомудрие, а не равнодушие? и снова о чуткости: может, это ее подспудное желание обмануть расчетливого, спровоцировать на поражение? а может, эта мнимая пассивность в сочетании с чуткостью, возникающей лишь вспышками, и будет источником его постоянства, привязанности к ней? вот-вот надоест пассивность, и неудовлетворенность обращает взор в сторону, а она вдруг проявляет ответную чуткость, и настолько глубинную, что он ждет ее повторения; но чуткость эта непостоянна, потому что может надоест, но и не слишком редка, чтоб не было поздно;

ай да Плешивый!.. Бахадур рос в собственных глазах: еще и философствует!., даже сопоставления с тою (к кому бежит, на время покинув сцену, когда ни о чем не ведающие шах и шахиня пьют на веранде чай), и она прочитывает его желания еще до того, как они возникают (кукла эта - за кулисами); но вспоминать ее опасно: можно забыть!

И Бахадур гонит от себя образ той, к которой непременно пойдет, как только проводит Анаханум домой. Эта изнурительная борьба с самим собой! И-голод мчит его к той. А пока он летит, чтобы увидеть ту, думает об Анаханум: как заикнуться о женитьбе на дочери Джани-бека? Это почти то же, что войти в клетку ко льву, даже после того, как накормили его и он сыт, сладко-сладко зевает, спать хочет;

а как в сказке? Плешивый входит в клетку и просовывает, когда лев зевает, голову ему в пасть, убежденный, что она так и останется разинутой; в давние-давние времена (а сегодня лишь в кукольном театре Лейлы) льва вполне мог бы заменить шах, и ты, без роду-племени, даже если учен в астрологии,ходишь к шаху и падаешь ниц, словно умоляя его выдать за тебя единственную дочь; и не успеваешь произнести, как в ушах твоих ревет толпа зевак, и одетый в красное палач... А ведь это красное - твоя кровь, хотя еще и не пролита.

Какие еще ходы?

- ?

- !! (мат в два хода,- твоя рука дрогнула, и ты взялся не за ту пешку. Рев зевак! И - взмах топора!!)

Собираются мужчины, а именно: Айша, поистине ведь мужчина, несущая на лице своем печать мужества: и зятя-шурины, они же свояки, и от имени и по поручению - с петицией, просьбой... Не надо, чтобы всех сразу впустили,заподозрят заговор, и ринутся стражники (сигнализация уловила превышение нагрузки на см² площадки), и зятя застряли в широких дверях, каждый хотел первым, и теперь ни войти, ни выйти,

ай-ай-ай!.. Если по-родственному - первым Аскеру Никбину, если по годам Хансултанову или Расулу (но его здесь нет); а чего Махмуд полез, раздался, черт, в плечах и в

пузе, ни взад - ни вперед, с носоглоткой не в порядке, а как же запись? и чтобы... это уже было, коллективные петиции-прошения не очень в чести, уж кому-кому, а зятьям, не говоря уже о том, к кому пришли, известно, что не поощряются. Да и как незвано в гости являться? Надо, чтобы их сюда пригласили, не маски же заказывать им, будто они завсегдатаи Салона? А слухи ползут, чуть ли не завтра свадьба.

- Как сын женится?! - негодует Марьям. Ей лифтерша:

- У вас в руках жар-птица!- Почти поздравляет. И усмехается, видя, как та растерялась; ни на минуту из своего закутка не отлучается, а кто как и чем дышит,- аналитик: ей бы солидное психологическое образование да курсы по управлению, по' чистоте речи и ораторскому искусству, а если еще штат экспертов, специалистов-консультантов, помощников!., да те в свою очередь со своими штатами. Не кустари ведь одиночки, и лифтерша ой-ой какую б деятельность развила!..- готова управлять даже государством!

- Да что вы, ханум Варвара,- дышит Марьям учащенно,- какая женитьба? какая невеста?

И дома на Айшу. А у дочери именно эти два-три дня горячие: завершается полугодие, планы, планы!., почти каждый день - сводки, призывы, угрозы, за полсуток - тонны слов, Хансултанов ей: "Две доцентские нормы!"

И Айша на мать, почти истерика, на грани визга, и чуть приглушенно: "Тсс!.." Но зато все другие заботы вдруг стали мелкими, необязательными, можно повременить!., только б здесь получилось!..

Огромная тень нависла, приковав к себе внимание всех горожан: град или ливень? и где-то вблизи грохочет-раскатывается по небу; в прошлом году все цветы были побиты; кстати, и в позапрошлом тоже; грядет ураган небывалый.

Марьям-ханум молчит: пока в седле (кто? Джанибек или Айша?) - прекрасно, а как ссадят с коня?

И Айна, о которой давно ничего не слышно, как, впрочем, и о сыне ее, Агиле, загорелась, как узнала о возможном породнении, но в ее подходе помимо общепринятого, как подобает сестре,- еще одно: Аскер непременно, такой повод! возглавит шествие просящих руки.

Зулейха все возьмет на себя, и чуть ли уже не произошло, ее снова пригласили к Сальми, нужен точный диагноз, в прошлом году обошлось, ложная тревога, а в этом - снова, была недавно, успокаивала, как могла, Сальми, что-то с почкой. И после ухода Зулейхи, как потом рассказала Бахадuru Анаханум, она и спрашивает у матери:

- А ты знаешь, кто она такая?

- Ну да, лучший диагност!

Отец слышит, но молчит: он-то все-все знает.

- А еще?

- Что еще?

- Ну, чья она, к примеру, сестра?

- Их, по-моему, несколько сестер, и все похожи.

- Все, да не все!.. И брат у них есть - наш Бахадур!- И как она, глупая, произнесла это имя!.. Как решилась? Но отец молчит.

- То-то я говорю...- И задумалась Сальми, очень важная мысль, вот-вот, как птицу за хвост, схватит, но она ускользает, улетает, а надо б удержать!

Тут Джанибек и отпугнул ее, ах досада:

- У них еще сестра есть, наш опытный работник, я ее выдвинул. Айша-ханум.

- Эта маленькая, чернявая?! Та, что с Расулом?

- При чем тут Расул?

- Так сколько же их?!

- Вот и посчитай!- Неприятно Джанибеку, что о Расуле вспомнила. ОН УЖЕ ЗДЕСЬ,

сообщили ему, МОЛЧИТ, НЕ ДАЕТ О СЕБЕ ЗНАТЬ. И эти новые слухи (на его место??). Джанибеку показалось даже, что когда проезжали на бешеной скорости, увидел Расула, какие-то, помнит, похороны были,- белое-белое лицо мертвеца, кто ж это такой?..

Да, приехал и молчит (скоро сообщат Джанибеку: ходит Расул по городу в защитных очках, чтоб не узнали).

Зулейха снова пойдет к Сальми:

"Мой брат любит вашу дочь",- и ничего мудреного, все так просто.

"Надо спросить у дочери,- сдерживается Сальми, такая наглость!-как она?"

А дочь, вспыхнув, покраснев, говорит "да" и тут же выскакивает из комнаты.

"Ну что ж, коли дочь..." Слышит Сальми, и он, ее муж, тоже: "Кстати,- но это уже не Зулейхе кажется, а Бахадуру, мечты брата передаются сестре, она слышит, как отец невесты размышляет,- а я подумываю выдвинуть Бахадура... на место...- промолчал,- хромает дело, от покорителей высот жалобы: не гибкие шесты!"

(Кукольный спектакль окончился.)

Самый короткий диалог, а возможен еще короче:

"Мало ли что любит?" - вроде: "Как смеет?!"

Или: "Дочь? А может, воздействие какое психологическое? гипноз? Пускай суд разберется!" И туда звонок.

А можно еще иначе, после того как обнаружится единственный выход из кризиса (почки!): под нож хирурга. "Мы вам жизнь,- разве Сальми не слышала, как ЭН ЭН, имеющий именную скальпель, почтительно говорил об Алие?- а вы нам дочь".

Аллах упаси хвалить Бахадура!.. Это у соседей: если своего, если даже он и не заслуживает, хвалит чужой, непременно следом похвалит и он, и даже перехвалит. А здесь? Ведь вот как получается: когда кого-то из земляков чужой хвалит, сначала согласится, да, очень талантлив, и учен, и приветлив, но лишь с тем, чтобы потом шаг за шагом ниспровергнуть: и грубоват,- "Как? не слышали, у него мать чуть в дом для престарелых не сбежала!., и за чужой счет любит!". И такой, и сякой. Неясно, с чем же согласился, когда хвалили?

Да, у соседей на той стороне высоких холмов иначе: "Ты знаешь, у нас есть, оказывается, замечательный богатырь! Как? не слышал? Чужие говорят!" Раз чужие - надо поддержать; но сосед соседу рознь: бывает, пока чужие не похвалят, и у себя не вспомнят.

Кто? Бахадур? Этот выскочка? Как его, синхронно-диахронный. А зазнался как!- Это со старого двора, что на Колодезной улице; уже давно переехали оттуда: сначала на Хазарскую набережную, а оттуда на Кипарисовую Аллею.

"Не знаете такую? Ну, там, где Космический проспект! И это не знаете? А вы из местных? Да?..- И смотрит недоверчиво.- Может, и про Кривую не слышали?"

Знает! "Никаких Кривых, была одна, выпрямили, разрушив летний кинотеатр". Да, свой...

"Жаль,- говорит,- мало я лупил Бахадура, когда мимо двери моей бегал" (ему бы подножку, чтоб носом да о настил коридора!).

И до зятьев-шуринов дошло.

"Эх, мне б его годы!" - Зависть в Хансултанове. И ревность: ведь в самом начале жизненного пути, все на блюдечке. "А красива?"- спрашивает у Махмуда про Джанибекову дочь, как будто тот каждый день ее видит.

Ушел Махмуд от прямого ответа, про дочь гигантомана вспомнил, как у нее было заранее заготовлено: "Ах, я некрасива! Захочет Волгу, да, да, речку с пристанями! и диплом доктора - женится!" Махмуда записывает, прежде чем в эфир выпустить; это она ему, чтобы копировал знаменитого обозревателя с толстыми стеклами очков, который впивается в каждого,- всякие слухи о них, о ней и обозревателе, а он ей, как и Махмуд, по пояс; и замуж

выйдет, погуляв вдоволь (и молодоженам целая связка ключей, да в придачу бонна).

И Алия ведь с Зулейхой не посвятят мужей, чтоб знали: зашивают (но успеть заскочить непременно накануне брачной ночи!). Да, нечего о женских тайнах знать мужскому роду. Потеха была с матерью: Марьям слушала как-то, сестры новостями обменивались. "А вдруг раскроется?" - недоумевают Марьям.

"Что?" - не поняла Алия.

"Ну, обозреватель и другие, с кем она..." - и не смеет вымолвить.

"Вдоволь погуляла, хочешь сказать?"

"Да".

И смех разобрал сестер, хохочут, никак не остановятся. "Мама, ты отстала от жизни!-: спешит объяснить Айна как старшая.- Подлатают ее, зашьют где надо!"

И Алия:

"Это ж так просто, сослуживица моя (а это старшая сестра у нее в клинике) немалое состояние сколотила, с каждой по сотне!"

"И много таких находится?"

"А как же?" И называет еще пианистку из Салона Сальми, справила недавно свою свадьбу, вышла замуж за певца-композитора. Можно б еще кое-кого назвать, но Алия умолкла: этика.

"Что творится на свете!" - охала Марьям и еще не скоро успокоится.

Не успеют одними новостями поделиться, как накатывают новые. Так и теперь. А тут свои заботы-волнения, большие и малые: Аскер терзается, Хансултанов недоумевают, Махмуд сюжетики ищет, чтоб не в бровь, а в глаз, и самому уцелеть.

"Тебе-то чего сокрушаться?" - вздыхал Хансултанов, слушая жалобы Аскера, мол, "публика забывать его стала". А он как-то, помнит Бахадур, в пик славы, еще до Прозы, утешался "знаком судьбы": не случайно-де родился сто лет спустя после...- и называет имя того, чье Собрание сочинений в девяносто томов мечтал приобрести Расул - и вовсе не для того, чтобы подарить Аскеру.

"Хорошего б мне переводчика найти! Пастернак, увы, не успел, Ахматова тоже. Оленин? Рифмует бойко. Переделов? Ломает строку".

"А Чуялов?" - осведомляется Хансултанов.

"Но это ж фигура скандальная!"

"Да, тебе не угодить, чтоб и усы были довольны, и борода чтоб не жаловалась".

А потом шутили о женщинах, и Махмуд, пока говорил Аскер, молчал: как стал по всей сети, да еще еженедельно в каждый дом вхож, голосовые связки бережет.

"Когда создаю образ героини, я в нее непременно влюбляюсь и, извини меня, Бахадур, на время остываю к собственной жене, даже могу разлюбить ее. Чтоб вернуться к ней снова, мне нужна встряска. А портрет героини списывают с приглянувшейся мне. Уехал для работы в Дом творчества, идешь по берегу моря, заглянешь в ресторан,- были в Ялте?- еда ведь однообразная, надоедает, ну и... К тому же она приехала, ты думаешь, так, спроста? И ты выходишь победителем, она демонстративно под руку тебя (а тут и кинолюбитель на пленку, у него тоже коллекция; и будет крутить здесь свой фильм, пояснять; "Это поэт Аскер Никбин с королевой нашего бала!"). Потом она возвращается к своему мужу, отдохнула, соскучилась и крепко любит, а ты к своей жене, ибо дом - это превыше всего".

(А Бахадур терпеливо ждет!)

"Новую героиню,- вздыхает Аскер,- думал Ана-ханум назвать, придется менять. Ты меня огорошил!..- Как же свыкнуться с мыслью: их Бахадур может почти каждый день лицезреть! и в семейном кругу, в какой-то момент даже скажет Джанибеку "папа" (!!). И ничего, сойдет.- А как же? Непременно пойдем: и я, и все мы".

А Махмуд молчит, ждет, что Хансултанов скажет.

У Хансултанова тяжелый день был, длинный-длинный, отчет отдела социологических исследований. Но перед деловой частью, так у него заведено, приветствия-поздравления, вручение дипломов, аттестатов, знаков отличия, приятные речи, аплодисменты, оживление... Входя, непременно поздороваться с каждым за руку, кто достигаем,- с улыбкой, что означает: я бодр, у меня преотличнейшее настроение, эмоциональная устойчивость; и казнить будет с улыбкой: "встать! сесть..."; а истерия моя, мои конвульсивные и импульсивные, как сказал бы Бахадур, решения - это чтоб лишний жирок в сердечной мышце не откладывался.

И затем (у кого он эту привычку перенял? ах да, у прежнего шефа, Устаева, когда тот был в активной форме) слушает докладчика, конспектирует, успевая изложить свои замечания,- потом, обобщая, будет заглядывать в эту левую часть листа, огромный, как стол, блокнот, вроде амбарной книги, с длинными, как полотенца, страницами, и непременно перед глазами часы: для ведения заседаний, ибо есть регламент, и для фиксации хода обсуждения.

А тут записка от Афлатуна - тот самые важные свои вопросы решает именно так: во время заседания! знает, что Хансултанов любит получать записки, навьючен делами, а ты еще грузи, ему одно удовольствие! "а я и это могу!.." снял одни очки, надел другие,- нескольких типов очки, меняет их часто, хотя ни близорук, ни дальнозорок... но это - глас недругов: "Да, разрешаю",- это о поездке Афлатуна на какой-то симпозиум в...неважно куда, пишет красным карандашом на углу заявления и тут же, Афлатун знает эту слабость шефа, поэтому на его записке много места, чтоб Хансултанов весь листок испещрил советами-замечаниями, а еще и просьба; да, не возражает, но с условием, пишет, и тут же отвлекается, фиксирует в своем конспекте, ловко подловил докладчика-социолога: "Это же противоречит финансовой дисциплине!!";

снова возвращается к просьбе Афлатуна, и уже шариковой, голубая паста: "чтобы вы повидались..." - длинный список друзей Хансултанова, с которыми Афлатун Должен повидаться, передать привет (и сувениры, это ясно, напоминать не стоит),- выступить, рассказать, перечень родственных учреждений, где Афлатуну следует

оповестить о деятельности возглавляемой Хансултановым епархии; а ведь непременно узнает потом, где и как выступал Афлатун;

но вот докладчик снова допустил оплошность, и Хансултанов с ходу: "А не кажется ли вам, что вы,- под стенограмму ведь! - нарушаете закон?!" Оживление, а потом тишина. Тот, что на трибуне, застигнут врасплох, ведь такое обвинение!.., мельком на стенографистку, а та вовсю шпарит - "В пределах прав, данных..." - длинное-длинное объяснение. "Это, извините, маловразумительно... Но продолжайте!.." Реплика была, она зафиксирована, и он углубляется снова в свои листы, пиджак снят, рукава засучены;

и тут же новая записка, но он прежде доканчивает то, что должен Афлатуну поручить, разные цвета мыслей, хотя мельком глянул уже на новую, почерк куратора!.., который втайне мечтает, хотя это строго-строго, особенно для тех, кто в роли кураторов, зацепиться хоть как-то и в науке; это для Хансултанова вроде бы начальство, но и чистая условность, и одновременно зависим;

записка проглатывается тут же: "Вы подметили очень своевременно",- это у куратора о реплике насчет закона; и просьба: когда б они могли встретиться и поговорить наедине? Хансултанов знает тайные намерения куратора, но притворяется простачком: "Когда хотите",- а у того важные сведения для Хансултанова!! о демагоге? как вкальвают над видео и слышно?.. можно после заседания, но уверен, что куратора это не устроит: охота ли после заседания? к тому же надо бежать в свою резиденцию, могут быть важные задания;"

возвращает записку, уверенный, что будет еще одна,- на сей раз не будет! а тут идеи докладчика надо фиксировать: "Опять анкетирование?!" Отстал! Отстал докладчик!.. Стукнуть бы кулаком по столу!.. Но сдерживается. Пишет: "Новейшие методы!!"

А еще и папки толстенные принесут: сначала помощник войдет, тихо, незаметно, положит перед ним папку и отойдет в сторону, сядет на свободный стул,- чтоб подписал, а затем женщина, каблучки цокают, шепот по рядам, вызывающе красива,- чтоб Хансултанов определил, кому какую бумагу передать; случается, и малиновый пакет принесет помощник, с сургучом,- Хансултанов тут же распечатывает и углубляется, лишь сутулая спина высится над столом.

"Пора подводить итоги".

И достает записную книжку, чтоб отметить,- назначил свидание куратору; а тот смотрит на часы; "не может!" - думает Хансултанов, не ведая, увы, что и куратор тоже не без дум. "Что ж, пеняй на себя!" И уходит, а Хансултанов нет-нет да и вспомнит про него: ждал новой записки, а не последовало; какая-то тень, облачко, то возникнет, то растает.

Комиссий много, и везде он предлагается как председатель, руководитель или глава,- и Хансултанов, Подводя итоги, по привычке с удовольствием перечисляет свои общественные должности, "нет-нет. в новых комиссиях работать не смогу, тогда мне только этими делами и заниматься", но его прерывают, отовсюду дружные возгласы: "Без вас никак нельзя!" - а он доволен, но капризничает: на меня, мол, особенно не рассчитывайте, надейтесь на свои силы.

А вы решили, спорит с кем-то, с куратором? что живу - не тужу: живу, как хан, и не тужу, как султан. А если добавить, что накануне врачи строго-настрого, вот и понадобится потом! запретили Хансултанову идти на работу, ибо... "У меня дома свой врач".

"Ей у вас резать нечего".

"Так и позволю!" Медсестра, тоненькая как спица, с чего-то хихикнула.

Запрет нарушит, а то, что ему прописали, исполнит на работе (после заседания Афлатун зашел к Хансултанову): та же милостивая сестра в халате прямо в кабинете поставит ему горчичники, расстегнув ворот его рубашки, он же в это время говорит по особому телефону:

"А я о чем? Ведь и я ваши слова повторяю! Сколько можно?- я им. Мы, говорят, ишачим и тому подобное... Да, да, не привыкли работать! им таких подавай, штат негров (?), чтоб за них вкалывали! Да, да!.."

Разве не захочется после такого дня, а все дни - такие, уединиться? Что? Дома? Телефон! Пациенты! (К жене.) Сын!.. Надо б с ним основательно (Аскер в свое время назвал Агилом, Умным, а они с Алией - Муртузом, в честь ее отца).

Сигналы об их машине поступили. Она с особыми приметам: если увидят, то не очень и на номер смотрят, Разве неизвестно?..

Перламутровых две: одна - у молодоженов; дочь гигантомана, которая со знаменитым обозревателем, но не за него вышла, это ведь слухи, обозреватель ей по пояс, как будто это важно, нашелся муж, который к афоризму ее прислушался, помните: захочет Волгу с пристанями... хотя и ее жениху афоризмов не занимать.

Ох, злые языки - она ведь чистой оказалась, о чем торжественно- объявили свадебной публике, дикость какая-то, и как это уживается в наш век?!возмутился кое-кто не вслух: простыню показывали, чтоб злопыхателям рты заткнуть!

И жених - сын ББ, Друга Детства Джанибека. Два достойных рода соединились: отец_ девицы к тому же (ну да, гигантоман) еще по совместительству, вакансия оказалась, коллективное дело возглавляет, а за это - 33, не "тридцать три", а Заветная Звезда), вот так-то!.. Джанибек и казнит (зять!), и возвысит, ну а потом еще более укрепился, выдав дочь за сына ББГ правда, от первой жены, из родной им, Джанибеку и Друга Детства, деревни Исс, где мельница. Там почти все родственники женились и переженились на двоюродных и троюродных, изредка отдавая невест чужакам или зазывая примаков, но крайне редко, не в традициях.

Так вот: им, молодоженам, сразу еще и ордер на квартиру с актом о регистрации,- при выходе из Шахского дворца, где теперь Дворец бракосочетания, брелок с ключом от машины

на минутку был взят и возвращен с добавлением нового ключа, квартирного (копируют, чтобы от времени не отстать: новая традиция вручать молодоженам-ударникам с актом о регистрации ордер на квартиру). А здесь еще и домработница - бонна в белом фартуке (дипломированная каратистка, из школы знаменитого самбиста Михансу, где, кстати, в свое время тренировался и брат Сальми, Салим, недавно открывший после успешного выступления на чемпионате мира по каратэ свою школу на Фуникулерной у Пассажа, неподалеку от Мельничной, угол Амбальной, о чем Хансултанову рассказал Махмуд): бонна придет утром, приготовит, стирает и защитит, если что, от вымогателей всяких, хулиганья, - смотришь, на вид хрупкая, а как мизинцем коснется верзилы, и летит через ее голову и низкие кусты в канаву.

Но нет, это не об их машине, тоже перламутровая, только темнее, да, понимаю, это доверительно... да и не мы одни, - а слушают ли на том конце провода? может, отключен телефон? - и не только здесь, а у... нет, это только в порядке констатации, хотя и по цвету уже двойники есть, но не надо открытым текстом, кому положено, тот и знает.

И Хансултанов, он недавно тоже выхлопотал такую, на себя, мелкая (!!) сошка, чтоб и сыну, как тем, а Муртуз всю пристрастил к отцовской, и права неведомо когда и как получил:

"Хансултанов моя фамилия".

А ему вопрос о карбюраторе, что где и как? и о кирпичах с полосками и без, а Муртуз им снова, как пароль, с упором на отца: "Хансултанов моя фамилия". Правда, машину водил отменно, когда посадили за учебный пикап.

И Хансултанов-старший предупредит Алию, чтоб та вожжи из рук не выпускала, пригрозила сыночку, пускай не очень-то, а она - мужу: "Ты лучше подумай, как его привязать к дому" (с хозяйкой молодой! и скатерть-самобранка или коврик, как у восточного путника-волшебника, кто не мечтает? трижды чтоб стелилась эта скатерть, а на ней - что душе угодно, да, да, вполне реальная, со всем свежим, парным, только что).

- Молод еще! - Муртузу восемнадцать недавно отметили. - Бахадур? А что Бахадур? - Это вечно: стоит сказать о сыне, как брат - укор или... "А вот у Бахадура в его годы..." - и пошло-поехало! Всем им он пример: и Муртузу, и Адилу, и Агилу.

Кстати, об Агиле.

"Придумает же Аскер Никбин!" - растерянно бормочет Хансултанов.

"Не Аскер, а Айна!"

"И мать согласится отпустить Агила так далеко?"

"Час лету".

"Что он там будет делать?"

"Как что? Что делают с молодой женой?!"

Даже Хансултанова покорило: "Я о работе!"

Он хоть знает, какая у Агила специальность? третий вуз пробует Агил, будто на зуб монету ценную. "Ищет себя", - Аскер как-то. Пошел было по математике, а ведь какие успехи ожидались!., обещал творчество отца закодировать и на пластинку! остыл, потом по философии, какой-то теорией атаковал отца, пытаюсь отыскать причины падения нравов (в воздухе сгустки фальши: состав? плотность? направление движения? не от этих ли сгустков лихорадит атмосферу? и воздействие на земную твердь?..).

И откуда у сына, - зря голову ломает родня, - такой скепсис? Аскер уловил, сам еще не осознав до конца, что-то огнеопасное в той теории, можно вспыхнуть! Череп и крест-накрест кости! тут надо с умом, школу Аскера пройти, чтоб и вашим, и нашим, и не забыть затычку вовремя воткнуть.

Как-то при Аскере Хансултанов упрекнул Агила.

"Дядя, - ему Агил, - а не кажется ли тебе, что ты претендуешь на роль моего отца?"

Аскер молчал.

"Да, храбрый у тебя отец,- сказал Хансултанов,- не боится, что из-за тебя в два счета псевдоним ему изменят, обратят из Никбина в Бадбина",- мол, из Жизнерадостного - в Горемыку, Аскер только улыбался.

Агила еще в школе перехвалили, и олимпиады, и программист, и медаль, топал через весь город в математическую школу, что в Нагорной части, уже тогда ему не смели указывать, поучать, любимец бабушки и матери, Айны-ханум. Женитьбой Айна думала утихомирить его (?). Лопнет затея. К тому же сын оплатит им за эту их любовь!.. Бабушку сведет в могилу, а мать" сразу постареет: за что ей такое горе?

А у Хансултанова о молодоженах думы. С какой язвительностью, помнит, переспросили в жюри: "Ах, вашей визы не было!.." В списках, выдвинутых на престижную премию, мужа этой девицы не было, вставили перед тем, как уже подписывать,- у него вдруг какое-то исследование объявилось, чуть ли не дипломная работа, немедленно брошюрой выпущенная.

- Ваша виза?- и на том конце провода, как показалось Хансултанову, хихикнули; не простит он себе такой оплошности: поди знай, что жених - сын друга детства (Джанибека).

- Но и я несу ответственность! Брошюру? А как же, читал и вас могу просветить, вот слушайте: "Конечно, изображение обнаженного тела женщины на художественном полотне... нет-нет, это из книжки! составляет прежде всего эстетический феномен, однако оголение живой женщины перед живым мужчиной никогда не имеет прежде всего эстетического эффекта..." Как вам это нравится! Или: "Укорачиванию платья положена определенная граница, где кончается сфера эстетического и начинается своеобразная деэротизированная и скрытая сексуальная оргия!.." Это ж, извините, не философия, а разгул секса!- И осекся, услышав, по чьей инициативе включили; Афлатун подsunул ему книжонку, мол, из соседнего края просят допустить к защите, "соседи-де прислали, как отказать?" - а Хансултанов, и куратор тут же сидел, помнится, обрушился на Афлатуна: "Что вы себе позволяете?! Я не поленился, перелистал, вот: "В условиях моды на ультрамини мужчина ежедневно на улице, в ресторане, концертном зале и канцелярии,- где? в какой канцелярии?! у нас? в КамышПроме? где?- без всякого предварительного дистанцирования скользит взором - кто? я? или,- усмехнулся,- наш куратор? А может...- смолчал,- по эрогенным зонам оголенных тел и таким образом ничуть не коснувшись личности женщины частично удовлетворяет..." Нет, вы только послушайте!! "что же касается женщины, то она, не имея возможности защитить себя от скользяще-ласкающих взоров чуждых ей мужчин, постепенно привыкает отдаваться... да-да, так и напечатано!., без любви". Читать тошно!" - швырнул брошюру Афлатуну. А ведь тот знал! И скрыл!..

- Что-что?! Еще две новые кандидатуры?! Художник и скульптор?! А им за что??"

- Мы вам пришлем, сами поглядите!..

И прислали репродукцию: "Молодожены" - будто увеличенная фотография тех, как такое поощряют?!"

"Старик, без этого никак нельзя",- скажет Бахадуру художник. И "Влюбленные" скульптора: причудливо сплетенные руки и ноги, в Ее глазах отражается Он, а в Его - Она; ему б, скульптору, кого угодно вылепить, нечто вроде кануна: сева? сенокоса? смотря? смотрин? сватовства? соблазна? Страшного суда? (!!); и не поскупиться на универсальность, чтобы удовлетворить как можно больше вкусов: и знатоков, и тех, кто выстроился в очередь,- люди ломятся поглазеть на скульптуру.

- Что? Идея? Какая Идея?!- мол, .рыльце у тебя в пуху, сам в курятник лазил, и не тебе о разгуле секса толковать!

Хансултанов бросил трубку, ошарашен, а потом поразмыслил: его виза!!- и пальцем у виска крутит: не ожидал от себя такой наивности! Да, тяжелая работа. А куда сбежишь?

Тоненькая, как спица, медсестра спешит домой. Ему бы Бахадура годы? Кто? Та, которую Бахадур на работу просил устроить?! Это ж было давно! Квартиру уединенную? Наивный малый, ведь здесь кнопка: книжный шкаф вокруг своей оси, и Хансултанов входит в глухую обитель!

Да, как в гареме (из восточной сказки): первой жене сказал, что у второй, второй - что у третьей, третьей - что у первой, а сам - в глухую обитель, поспать часок.

(И Бахадур терпеливо ждет.)

Сыграешь разве пышную свадьбу? Исключено! Только недавно ведь грохотали громы и сверкали молнии (читай газеты!)! А то как бывает: пришел к шефу и пригласил на свою свадьбу. "Сам не пойду,- отвечает,- и тебе не советую" (факт!). Да, надо скромно. Но если даже скромно:

шестеро плюс четверо, без детей если: это сестры и зятья; Хансултанов недоволен: опять Асия встречается! не вычеркивать же ее, тем более что это угодно будущему тестю: "Наша славная сельская труженица!.." - была в рядах рабочего класса, вот когда Ильдрым пригодился бы, а стала держащей серп, ибо нелепо погиб держащий молот; с Ильдрымом лишь на одного больше, но зато какая единица! плюс мать жениха и сам жених, Бахадур;

с той стороны: они сами, родичи (четверо плюс икс!), с младшим братом мать, а со старшим - у него взрослый сын, да еще самые близкие, те, которых он лично выдвинул, семеро с женами; да еще двоюродные братья и их жены, по линии отца и матери, тут и не сосчитаешь, человек сорок - пятьдесят, чепуха, конечно, по сравнению со скандальной свадьбой (около пятисот).

Да, поистине: в доме жениха интенсивно готовятся к свадьбе, а в доме невесты тишь да благодать, ни о чем таком не ведают.

И третий путь есть, но долгий и затяжной, почти как Шахский дворец, он же Дворец бракосочетания, благо минарет похож на космическую ракету,- Луна, да с таким расчетом, чтоб суметь вернуться именно в тот момент, когда светило с отраженным светом окажется прямо над Аранскими горами, где выгуливаются на сочных пастбищах отары старшего брата отца невесты, которую, уточним Анаханум, сватают сестры и зятья за своего брата и шурина Бахадура,- а пролетишь мимо,

и суждено тебе будет вечно блуждать у околосемного пространства! и опять же старший брат, который является крупным поставщиком,- нет-нет, не овечьих сыров! как сказано уже,- кадров. И здесь вроде б как с ручейками, которые не сразу стекаются в море (?) Джанибека, прямые ведь контакты - это риск, а через старшего брата, давно уже некуда девать, помните: и Айша о том же своим сестрам,- но текут и текут, а скоро или натурой (златом) или, а точнее, и валютой,- кто же не знает, что наши - бумага, или вода, что течет-протекает меж пальцев; и вдруг, случайности же вершат, среди кадров этих могут оказаться и женихи тоже.

Скоро будет так: кинешь фасолину и непременно попадешь в аранца, а кто подскажет, как иначе? и прежде было: акинец придет - акинцам дорога, абадец придет - абадцам дорога; и еще прежде, не только здесь, а и за хребтом тоже, за морем, связанным с океаном (льянцев или каких-то лышинцев, вздыхает Хансултанов, слава богу, еще не было).

И народ, помимо Бахадура, сестер-зятьев и Сальми с мужем, а также аналитика-лифтерши, оказывается, думает! И о Шептавшем вспомнили, внук у него есть (!!) А один припомнил даже - кого бы вы думали?- недавно умершего Мильяна, который сорок лет сидел наверху, без инфаркта и паралича (вторая строка двуступишия, первая забылась). И что Сальми будто его дальняя родственница. А разве у нее есть армянская кровь? Вот это новость, а мы и не знали!.. Ну да, кто-то точно знает, ведь мать Сальми и сам Мильян - троюродные брат и сестра (мол, разве б иначе услышали Шептавшего, не заручившись поддержкой Мильяна?..).

Включается еще кто-то, выказывая свою осведомленность: а Сальми не из Каплун овских?

Какой Каплуновский?!- удивляются.

А тот, кто в начале века гремел!- нефть!

Но он холост был, это точно, что холост!..

Иные даже уходят в глубь истории, чуть ли не ко временам ссыльных декабристов или польских повстанцев. Выясняется, что не Каплуновский, а Кашуновский, чья жена была привезена из Парижа и диктовала в тридцатые годы моды в здешних краях, сама наполовину француженка; о боже, сколько намешано кровей!..

Какие глупости: Сальми Кашуновская!.. И что ее брат, они ведь двойняшки, или близнецы, Салим, чье имя прозвучало в дни первого чемпионата мира по каратэ, тоже Кашуновский!..

Ох эти языки!! А она с братцем своим, Сальми и Салим, самая что ни на есть наша, местная. И по отцу, и по матери, и еще глубже, до десятого колена аранка!

Как это было, в газете? Бахадур слышал, как Расул, когда спорил с Айшой, мол, не забывайте, что не аранцы! вдруг расхохотался, тыча в газету: "Я ее специально вырезал и держу! Вот, читай: "В едином коллективе, это о КамышПроме!- дружно трудятся азербайджанцы, русские, грузины, армяне, евреи..." - вот! здесь! - "...и аранцы!" Видала? Как нация!"

И думает Бахадур, глядя с высокого этажа,- отсюда, где глубокий ров, чуть ли не пропасть, восьмой, а с тылу, где склон холма, четвертый,- на огни большого города, уже поздно, пора бы всем разойтись по домам, и пусть отдыхает ведомство, но нельзя! этика! ибо шеф еще сидит, и клерки послушны,- да, о чем только не думается в вечерние часы, когда под ногами огни большого города, они мерцают, рассыпались от края и до края, и так сладостны, так заманчивы думы!..

ДАЖЕ КРОШЕЧНЫЕ!! И НЕФТЬ!! И ОН РАЗБИРАЕТ ПЕРЕГОРОДКУ, И АНГЕЛ ОБРЕТАЕТ СВОИ НЕВЕСОМЫЕ НОГИ, ИХ ДВОЕ УЖЕ (И НА ТОЙ СТОРОНЕ - ДВОЕ; ПЕРЕДАЮЩИЙ БОЖЕСТВЕННЫЕ ПОВЕЛЕНИЯ, КАК ПРАВИТЬ ЛЮДЬМИ, И СТРАЖ РАЯ),- двое - это Север и Юг, разделенные рекой-границей, но тут же, словно боясь (будто высказался в открытую), замечает следы, вспоминая миллионера-нефтепромышленника; был никем, ни кола ни двора, и на заброшенном винограднике,- кто же рассказывал?- вдруг, стоило вырыть в земле неглубокий колодец, всего-то десять метров!- и запахло нефтью, а чтоб фонтан не разорил, привлек знающих людей, и те вовремя к фонтанной струе подвели трубы, и гигантский бак!! без примитива уже, когда черпали кожаными ведрами!..

И ВЕСЬ МИР ОТКРЫТ, И В БАНКАХ СЧЕТА, НО ЧТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ? И ВСЕ ЖЕ, НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ! А ВДРУГ?!

- О чем ты, Бахадур?- Асия даже боится признаться, или оба боятся?..- как далеко зашел в своих мечтаниях брат. И о тесте, который ПОДСТАВЛЯЕТ ЕМУ СПИНУ, И ОН ВЗБИРАЕТСЯ.

- Даже крошечные управляют! А здесь у нас миллионы!.. (Как можно короче и как можно непонятней.)

Но как?!

- Айша,- бьет тревогу Асия,- ты только послушай, что говорит Бахадур!

- Глупости,- ей Айша.- Мерещится тебе всякое.

- Но такие мысли!..

- Может, Ильдырым тебя надоумил? И не надоело ему являться к тебе по ночам?

- Я-то здорова,- уловила!- как бы вас...- Рухнет весь род, лишь портрет останется висеть на стене (впрочем, и его тоже вскоре перекрасят в черный цвет, перестарались с красным).

Айна отошла в сторонку, ей достаточно своих забот Аскер Никбин по новому кругу затевает выход в сонм избранных, чтоб стать поэтом-академиком, готовя заодно выставку

своих фотографий, и никак его не убедить, что одно другому помеха.

И Агил! Ей кажется, что он тяготится (?) тем, что никак не выйдет из притяжения отца, убежден, что, только покинув эти места, добьется чего-то. "А мы и не знали, что Аскер Никбин - отец Агила", - и без фамилии ясно, кто есть кто.

Зулейха? Махмуд? Им не терпится: скорее б сыграть свадьбу, совместный с Хансултановыми готовят подарок, но дело делается втайне, сестры еще не посвятили мужей, - а что таиться? Что-нибудь из шкатулки Алии - драгоценностей Али-Бабы и сорока разбойников.

Лейла не поймет, а Расул... Только каким он стал, кто скажет? И сколько лет уже не приезжает!., (а он скоро будет здесь: уже куплен билет).

Бахадур молчит, и уже в семье тревога.

ДА, УПРАВЛЯЮТСЯ ДАЖЕ КРОШЕЧНЫЕ!!

НО КАК ЭТОГО ДОБИТЬСЯ?!

И ХОДЯТ, И ХОДЯТ ЛЮДИ, ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ, ПО ПЛОЩАДЯМ, ПО УЛИЦАМ, ПОТОКИ ЗАПОЛНИЛИ, ЗАПРУДИЛИ, ДВИЖЕНИЕ ОСТАНОВЛЕНО, ВЕСЬ ГОРОД ВЫСЫПАЛ НА УЛИЦУ, И ТАК КАЖДЫЙ ДЕНЬ, УЖЕ НЕДЕЛЯ, А ПОТОМ - ОСАДА!..

Джанибек звонит к Самому. Нет его! Но ждать нельзя (сжимается кольцо).

К Шептавшему: как быть?

- Вести!

- Что?- не понял сначала.

- Как что?! - удивляется.

Понял! Неужто... (танки??).

Нет, на такое Джанибек не пойдет - не решится!

И снова звонит. Еще и еще!..

Наконец-то! Самый!..

- Чего они хотят?

- Свободы!

- Ну и дайте им ее!

- Кого?!

- Чего просят.

- Требуют СВОБОДЫ!

- Ах, свободы!..- Дошло!

И о том же, что и Шептавший.

И Джанибек ИХ вводит (такая вот картина: танки давят толпу).

Нет...

А ведь некогда было, знает Бахадур.

ПООДИНОЧКЕ ДОГОВОРИТЬСЯ, И ДАЖЕ ПРАВАЯ РУКА МОЛЧИТ, ХОТЯ ДОЛЖЕН СООБЩИТЬ НЕМЕДЛЕННО: АХ, ЗАГОВОР?! АХ, ОТКОЛОТЬСЯ?! НО И ОН, ПРАВАЯ РУКА, ЛЮТО НЕНАВИДИТ: ЗАГНАЛИ В ДЫРУ! ОБОШЛИ! ГДЕ ОБЕЩАННЫЕ ШЕПТАВШИМ ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ? ЭТИ ХОББИ? И ДАЖЕ НИ РАЗУ НЕ ЕЛИ СТРАТОВ, ПТИЧЕК-НЕВЕЛИЧЕК, ОСОБО ПРИГОТОВЛЕННЫХ В КРАСНОМ, КАК БЫЧЬЯ КРОВЬ, ВИНЕ, И НА ОХОТУ НИ РАЗУ!.. ГЛУХОМАНЬ!

ДОГОВОРИЛИСЬ ПООДИНОЧКЕ, А КОГДА СОБРАЛИСЬ, СТРАШНО ДАЖЕ ПРОИЗНЕСТИ!! А ЧТО ДАЛЬШЕ? РЕФЕРЕНДУМ? ПОЖАЛУЙСТА! И ТЫ ВМЕСТЕ С ГРУППОЙ (!) НОЛЬ ЦЕЛЫХ НОЛЬ-НОЛЬ-НОЛЬ И Т. Д.

- Ты видел?- Асия ему.

О чем ты?- не понял Бахадур.

- Бахадур Первый!- И расхохоталась. А потом взгрустнула.- Ты же видел, сознайся! "И плешивый, сказка такая, женился на шахской дочери, и стала она бахадуршей".

- Это тоже в сказке?

- Сказка как быль. Вернее,- о чем Асия?- реакция как прогресс, или прогресс как реакция. И знаки отличия в честь легендарного, кто же у нас? Ах да, Аскер Никбин в роли!.. И меч картонный! И профиль... чей же профиль?.. И ОН С АНАХАНУМ, БЫЛО, БЫЛО!.. (И это так естественно.)

И ОН БАХАДУР ПЕРВЫЙ. И ОНА БАХАДУРША. МАРКИ. ОРДЕНА. В ЧЕСТЬ КЕРОГЛУ. ТРЕХ СТЕПЕНЕЙ.

ДЕДЕ-КОРКУТ.

КТО Ж ЕЩЕ? АХ ДА, КАК МОГ ЗАБЫТЬ (Асия напомнила)? БАБЕК!..

И ПЕРВАЯ НАГРАДА - СЕБЕ, ЧТО? СКОПИЛОСЬ У НАРОДА? КАК СОБРАТЬ? ВЫПУЩЕНЫ МОНЕТЫ-МЕДАЛИ! В ЧЕСТЬ (НАХОДКА!!) БОГОВ ОЛИМПА: СЕРЕБРЯНАЯ ВЕНЕРА. НО ПРОФИЛЬ - ЧЕЙ ЖЕ ПРОФИЛЬ?! НЕТ, НЕ БАХАДУРШИ, АНАХАНУМ НЕКРАСИВА,- ПРОФИЛЬ НИСЫН ЗОЛОТОЙ ГЕРМЕС (НАДО ЛИ?), ПЛАТИНОВЫЙ ЗЕВС,- СОБРАТЬ, ЧТО СКОПИЛОСЬ!! И ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ, ПОД СТАРИНУ, СПЕЦИАЛЬНО ЗАКАЗАННЫЕ, ЧТОБ ОДАРИВАТЬ ИЗБРАННЫХ (В МЕДЖЛИС?) НА ОДНОЙ ЗОЛОТОЙ КРЫШКЕ ОН, НА ДРУГОЙ - НАСЛЕДНИК, КОТОРОГО ЕЩЕ НЕТ, НО БУДЕТ! НЕТ-НЕТ, НИКАКИХ ВОСТОЧНЫХ ДИКОСТЕЙ. КОНЕЦ ДВАДЦАТОГО ВЕКА: ШАХ, ГАРЕМ И ПРОЧЕЕ, НЕ ДЕБРИ ЗДЕСЬ, НЕ ГЛУШЬ, ОТКРЫТ ВЕТРАМ, ДА И ЖЕНА ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА! ДАЖЕ ЧУТЬ ЛИ... НО ЧТО МОЖЕТ АНАХАНУМ? ВТОЛКОВЫВАЛ РАЗНИЦУ МЕЖ СУБЪЕКТОМ И ОБЪЕК-ТОМ, НЕ ПОНЯЛА!! МОЖЕТ, ВОПРОСЫ КУЛЬ ТУРЫ? И СПЕЦИАЛЬНАЯ КОРОВА,- ЧЬЕ МОЛОКО ОНА ПЬЕТ,- ПАРИЛ В ОБЛАКАХ, И ВДРУГ О ЧЕМ!! И СПЕЦИАЛЬНАЯ КУРИЦА. ОВЦЫ С АЛАНСКИХ ПАСТБИЩ.

И вспомнил Бахадур, как пошутила Анаханум,- наивная Асия думает, что это лишь в воображении Бахадура, насчет шахской дочери, а вот она, Анаханум, шутит за чаепитием, и пристальный на нее взгляд Сальми-ханум: мол, не тому дорого обойдусь, который кормить будет, а тому, который одевать, ибо хлебом не корми, ест как птичка, а обрадуй. "Это плохо, да?" Определенно жгла деньги!

А Сальми-ханум как вспыхнула!.. Какие у нее руки Бахадур загляделся на них. Тонкие пальцы, и они ведут свою игру, помогая словам, раскрывая их суть, и не поймешь, кто кем правит: речь ли руками или руки речью!

То, собранные вместе, вонзятся как стрела в грудь, а потом раскроются и плавно поплывут, будто в танце, и чашей вдруг - вопрошая или моля. И ребром! и ребром,- нежно прикоснутся, но не разрежут, а снимут лишнее, мешающее, может, и голову, если давит тяжелым грузом, и нет от нее покоя.

и дом уютный, с виду дом как дом, каких немало, утопает в зелени, и сад, где яблони и вишни, и кусты граната, инжир и айва, вилла загородная, а под ним - дворец, холодильник на всю стену, и туши висят, запас на долгие месяцы, если что, автоматика и сигнализация, баллоны, энергопечь, особые мешки (мука??), и ход подземный, выход через люк на площадку, где всегда наготове, если что... (вертолет?)- особняк вроде сарая, густо крапива разрослась.

Засиделся Бахадур в гостях, пора и честь знать, явился, потому что "тесть" в командировке: важная поездка, развеять страхи, личные общения и контакты, лицом к лицу, без свидетелей.

Волнуется Сальми: смутная тревога, что все это когда-нибудь кончится. И что тогда?

Сообразил Бахадур: надо уйти (в воздухе клубится беспокойство).

его волокут, ботинок соскочил, остался на гладком асфальте, как зверек какой, эмблема: диковинная птица с хищным клювом!., пятка изодрана, соскочил второй ботинок, и узкоколейная дорога от ног темно-вишневого (кровь?) цвета, тесть волочит его.- куда

тащишь?- стонет,- пожалей!., а тесть знает, что, если даже и праздничный звон колоколов, и бирюзовая голубизна минаретов, надо волочь, и толочь в ступе, но прежде тащить, чтоб повис.

Весь город опустел: матч? И скоро из чаши стадиона мощный вздох взлетит в небо: "Нефть"! "Нефть"! - орут (болельщики?) - запасы иссякают.

И высятся мечети - голубые купола, секрет утерян, и резьба, буйная дикая зелень меж развалин как крепкие прутья, не оторвешь.

и ты, неуч, крутишь их на руку, чтоб оторвать, а корень, пройдя сквозь минарет,- в землю, и врос-вырос на том полушарии, тянешь изо всех сил, а кругом люди, вскинули головы, смотрят на джигита, как он крутит и крутит, и пальцы срезает острый, как меч, стебель, и четыре алых фонтана бьют (уцелел только большой палец).

Из чаши стадиона - рев, гул, скандируют: "Мо-лод-цы!.." (Кто?)

а если иное?! слухи! тесть выталкивается вверх (на вздохе масс?) это детали! рядовое второстепенное кресло, а потом, как присмотрится,- и опыт! и хватка! и гены (?), и энергия! а у других, у сонных, слипаются глаза, устали, и шар на двух шарах, нет сил, и катятся... нет-нет, шары! и добрые глаза дракона!

Бахадuru его недавно в подарок привезли из-за моря. "Ой какой добрый!" вскричала Анаханум. Он подарил ей дракона, с длинным языком, загнутым вверх трубочкой (необожженная глина?), и хвост упруго кверху, а ноги короткие несут нежное туловище, над которым висится широченная шея, и приглажены, будто чьей-то рукой, зубы ороговевшего гребня на спине.

да, Бахадур (Первый?) с Анаханум, это другие будут умирать, как суждено, а ему жить и жить, сердце? вживлен стимулятор! вены? тоже! особые, вечные, век двадцать первый (и двадцать второй?) - как? еще жив Бахадур? и звонкий солнечный весенний день искрится чистыми звуками, и голубизна куполов мечети, а за то время, пока эти истории, козни и прочее, изобрели колесо (не здесь), и вечный двигатель, и разные другие безделушки, облегчающие житье-бытье, и ракеты собирают сгустки (чего? туч? душ?., лицемерных вздохов?), чтоб облегчить, и улетают, увозя и сгорая.

13

Только Бахадур вышел из своей комнаты, вдруг такая нелепая встреча в коридоре (уточнять не надо, где),- в отсеке, где в одно и то же время оказались Джанибек, как будущий тесть, и Бахадур, как... Но о том уже было!

- Вы не заходили ко мне?

!! - так просто?

- Нет? А мне показалось, что я слышал ваш голос, это были, значит, не вы...- Идет, и Бахадур за ним, как на привязи. А потом и вперед пропустил: входите, мол, как уважаемого гостя.

Бахадур знает о разговоре отца с дочерью насчет тайны, которая у нее появилась.

Джанибек ждет, что Бахадур скажет, а Бахадур - о чем тот спросит И слышно, как тикают настенные часы, неспешно, размеренно, с достоинством (вот бы сюда частотный флюидоуловитель Фу-икс)

А время между тем бежит.

Ну-с, он слушает!

И Бахадур начал говорить. Боже, о чем он только не говорил!.. О задании одном, и как он выполнил.

- Это какое же?

- Аферы с машинами! Купил - продал - купил, вседозволенность, так сказать, и всепрощенчество,- эти слова-близнецы недавно пустили в ход, и они трудно поддавались переводу на восточные языки,- и так далее. И о другом поручении, когда...

- А это что за поручение?
- Ну, в Баилове, у бывшей тюрьмы, где революционеры сидели!
- И что же?

- Насчет воскрешения умершего деда. Чтобы внука успеть прописать.- Даже новую схему свою вспомнил, зря он ее забросил, о типах и функциях демагогов, вроде бы импульса или движущей силы (??), и как трудно пришлось собирать материалы, и о поездке, когда надо было выяснить, точны ли сообщаемые данные, "а как же? кто посмеет?".

- Это к документу, помните? Потом заметка "Под личиной правдоискателя".
- Чем вы занимаетесь в свободные часы?
- А разве они выпадают?
- Так уж и нет их?

И он день за днем (мастерская!): ну да, командировка, потом дни рождения (Агила? Перестали отмечать: бомбардир и анархист! Муртуза? смотрит на руки: кто что принес? Адила? Шум, киносъемки, бородачи. Или... Это ж можно проверить!..). Вы же знаете, какая у нас большая родня!..

- А В СРЕДУ ЧТО?!
- ЭТО КОГДА К СЕБЕ ДОМОЙ И В ГАРАЖЕ?
- И О ЧАДРЕ РАССКАЖИТЕ!!

- ... забегался, пока открепился, такая волокита, надо б упростить, не женщина,- улыбается,- а палач, ну, вы знаете, астматик, ни за что не соглашается открепить, пока лично не познакомится, а молодец! На таких пунктуальных и дотошных мы и держимся!

Это она некогда, после Расула, выступала, перед стариком, бросившим в зал свою фразу-фугаску насчет "ползала взяточников" (и бурные аплодисменты) - "Мы, женщины...", мол, любим вас как мужчину, Джанибеку будет приятно, что вспомнил ее.

- А В ЧЕТВЕРГ? А В ПЯТНИЦУ?
- ДА ЧТОБ Я!.. ГОРЛО ПЕРЕГРЫЗУ ЛЮБОМУ, КТО ПОСМЕЕТ!

- ...восторгались зятя, какие перемены у нас ожидаются. Хансултанов, тот даже в лирику ударился, Аскер Никбин разинул рот, не ожидал, что у Хансултанова поэтический дар.

- Родня довольна, значит?
 - А как же?
 - И никаких проблем? Даже Аскер Никбин не хнычет?
 - Поэту, разумеется, все мало, это исстари водится.
 - А я думал, умерил он аппетиты, получив все звания. И чем он удручен, наш поэт?
 - Чтоб публика всегда о нем помнила.
 - А забудет - подкинуть ей что-нибудь взрывчатое, так?
- НЕДОВОЛЕН АСКЕРОМ!!**

- Что вы! Одна лишь печаль у него: с переводчиками туго.
- Да?

ВСПОМНИТЬ!!

Сокрушался недавно Аскер: "Прежде великие переводчики были, а теперь рифмуют бойко",- и сыплет именами из тех, которые запомнил: Оленин, Переделов, Чуялов.

- Что ж Толстогубое не поможет своему другу?

ПЕРЕЙТИ К МАХМУДУ!! Но как?!

- Да, да Аскер тоже, как и вы, вспомнил Толстогубова,- приврал Бахадур,я, конечно, несколько сгустил краски, да и как нам не возгордиться, когда вы, Джанибек Гусейнович, такое дело задумали, именно мы, другие годами ждут, а тут сразу!.. И Махмуд такой важный и чуть что - ваше имя у него на устах, а энергии в нем!.. Даже в гостях за телефоном, а потом мы, к примеру, беседуем, а он пишет, неловко даже, будто разговор протоколирует, а ему,

видите ли, к завтрашней записи срочно подготовиться надо, такое впечатление, что сразу двумя руками пишет! (об Ильдрыме б!! Может, годовщина смерти?! Десять? Двадцать? Не успел!).

- Махмуд... Махмуд...- будто впервые Джанибек слышит это имя.- Это не тот, кто часто клянется: "Да умрут разом все четверо моих детей"?

"Что за чепуха?" - ошарашен Бахадур, но молчать нельзя:

- Нет, что вы, у него только один сын, Адил.

- А!..- Ну тогда ясно: клятва - пустой звук!

- Нет-нет, вы путаете!

- Я?! Нет, определенно он! Не было б четверо детей, что-нибудь другое б придумал!- Сбить, сбить с толку, а Бахадур ожидал все, но только не такую нелепость.

ЗАГНАТЬ В ЛОВУШКУ.

- Ох, злые языки, чего люди не придумают!

- Вы так считаете?!

"Черт меня дернул вспомнить Махмуда!" Но путь отрезан, надо говорить:

- Ни дня, ни минуты у него покоя, а бумаги его, зашел к нему как-то на работу, валокардином пахнут!

Джанибек вспомнил: у друга детства деньги пахнут вином, а у Махмуда, оказывается,- сердечными каплями. Слушает: что же еще ему скажет Бахадур?

- Он же изобрел (??) очень важную штуку в свое время, она вошла во все учебники. "Муфта Махмуда".

- Да? А разве не закон отрицания отрицания?

- Вы его определенно с кем-то путаете,- обрадовался Бахадур,- то-то, я думаю, что это за клятва нелепая?

- Я путаю?!- и такой взгляд!! ЗДЕСЬ, КАЖЕТСЯ, ВЧЕРА ЕЩЕ ЖИЛИ СЕСТРЫ, А У НИХ БРАТ, НЕ МОГЛИ ЖЕ ВСЕ ЗА НОЧЬ ИСЧЕЗНУТЬ! (не все! еще Лейла! и Асия - но она под рукой, и огромной лапой в карман ее, малютку).

И на языке у Бахадуров вертится - привязался к Махмуду, никак не отцепится!- как Махмуд молчал-молчал, а потом вдруг вздохнул,- умер, оказывается, сильный, кого Джанибек некогда опасался и кого со скандалом свалил в первые дни. "Он же болел, не видели разве, какой цвет лица?" Махмуд как будто не слышит Аскера: "Да, первая смерть, которую можно связать..." "Первая?- возразил Хансултанов.- Плохо считаешь!" А кто.еще? "На четвертую полосу, где рамки, почаще заглядывайте!" И все вспомнили вдруг про... ну, об этом вслух не надо, неэтично. Бредил, рассказывают: "Почему срывают цветы? Это ж клумба! Надо убирать поле, а не срывать цветы!" "Еще и помешательство?" удивился Аскер. "Не смогли,- Айна говорит,- вовремя нитроглицерин дать". "Чудаки, надо ж дышать в рот!" - Махмуд от Зулейхи знает: если что - дуть в легкие (искусственное дыхание?).

"Уйти! Уйти от Махмуда!.."

- А вчера и позавчера,- Бахадур иссякает, а надо говорить! "Вот! Нашел!!!" - извините, как тут не отметить, с художником, ведь он приехал!

- Да? А я и не знал.

Бахадур увидел, что эта весть действительно удивила шефа, и почувствовал облегчение, как удалось оставить Махмуда, ведь нарочно! чтоб сбить! Прекрасно знает, кто такой Махмуд! И он решил даже диалог воспроизвести с художником, слышал да переиначил, чтоб доказать, что был всю ночь с ним. УСПЕЕТ ПЕРЕГОВОРИТЬ!!

- Спрашиваю я о самом сильном впечатлении от Латинской Америки, а он мне: "Те три дня, что я провел на обратном пути в Париже!.."

Да, такого не собьешь, грусть на Джанибека напала, сменив ненадолго гнев: "А я-то думал! За дочь прячется. Нет, чтобы мужественно".

"СЛЫШАЛИ, КАК ГРУЗОВИК ПРИТОРМОЗИЛ И КАКИЕ-ТО БЫСТРЫЕ ШАГИ.

Вот так-то, Анаханум. Твоя тайна. На кого положиться хочешь?"

- Устал, но масса впечатлений. А мы и узнаем.

- Можете идти.- И уже не видит Бахадура. ЗАВТРА МЕСТО БУДЕТ РОВНОЕ, А ПОСЛЕЗАВТРА-СКВЕР, И БУДТО НЕ БЫЛО ДОМА, СКАМЕЙКИ ЗДЕСЬ ЗЕЛЕННЫЕ, И КРАСКА ДАВНО ВЫСОХЛА, ДЕТИ В КОЛЯСКАХ, И ДАЖЕ ПТИЦЫ УСПЕЛИ ГНЕЗДА СВИТЬ В ГУСТОЙ КРОНЕ НЕВЕСТЬ КОГДА РАСПРОСТЕРШЕГО ЗДЕСЬ СВОИ ВЕТВИ МОГУЧЕГО ТУТОВНИКА (или дуба, если успеют подкинуть из Аранских лесов).

Вышел, будто весь день, было такое однажды, сено в стога собирал, граблями подавал, а там наверху ловили.

Да, да, успеть!

Успеть, пока не перехватили художника, увидеться с ним немедленно!

Знает Бахадур, чувствует,- уже дано задание! И звонят художнику, Бахадур поклялся бы, что слышал, как телефонный диск крутился. И по тому, сколько мгновений от номера - к номеру, по паузам, догадывался: мастерская!., его нет!., диск крутится еще, домой к нему!..

И художник поднимает трубку. "Вас желает видеть Джанибек Гусейнович!.." хорошо, если сначала. "С приездом!" - скажут.

Такси!

Гнев рыскает по коридорам, сметает со стола еженедельник, папки,- цепная реакция, и неизвестно, чем кончится - лавина! снежный ком! обвалы сотрясают горы!..

Успел! От радости даже плачет, вон он, ощупывает его:

- Старик, у меня ровно пять минут, потому что за мной сейчас придет машина.- И рукой показывает, где его ждут.

- Знаю.

- Что за тайны?

- Твой ключ, он у меня!

- Но его, помнится... Отобрал?!

- Да, да, вот он, бери.- А вид, а вид! Как загнанный зверь!- И тебя в связи с ключом вызывают.

- Да что случилось, можешь толком объяснить?

- Не вдавайся в подробности.

- То есть как?!

- Слушай внимательно и запоминай!

Поставить на место его: "Мальчишка! Как разговариваешь? И с кем!"

Бахадур спешит успеть объяснить суть, а тот додумает:

- Ты приехал позавчера.

- Но я сегодня приехал,

- Ты скажи, позавчера, твой билет проверять не будут.

- Говорю же тебе: сегодня!

- Определенно ты путаешь время. Тебе пора уже переходить с одного полушария на другое. Так вот, ты уже два дня как здесь, и мы у тебя в мастерской твой приезд отмечали.

- Кто "мы"?

- Ну я, ты и она.

- Кто "она"?

- Ты что, притворяешься? Или разыгрываешь?! Это ж,- и с расстановкой,она!

Пауза. И вдруг - Бахадуру художником быть, чтобы увидеть, как у того лицо удлинилось:

- Да в своем ты уме?

- Не бойся, не такой уж я дурак.

- Ты хоть понимаешь? Если с нею...
- Слава богу, ничего не случилось.
- А что она?
- Кто?
- Ну, Аня.
- Не Аня, а Анаханум, к старому своему имени вернулась, и только Анаханум, учти!
- Что здесь происходило, можешь объяснить? И быстро! У меня последняя минута.
- Платоническая любовь, устраивает тебя?
- И ты еще жив?
- Даже процветаю. Значит, так: ты приехал позавчера, мы с тобой кутили, а она тоже была, сбежала с лекций, заскочила на минуту, а потом мы довезли ее в моей машине в университет, ты сидел на заднем сиденье, и на голове у нее была чадра, ну, пошутить ей вздумалось.

- Мистика какая-то.
- Вот-вот, ты угадал. Молодчина!
- Не буду я в этой аванюре участвовать.- И серьезный взгляд. Только так. После такой поездки!

- А что отдал ключ, а?! Ведь спросит: "Как же вы могли так распорядиться мастерской?" И еще неизвестно... Постой...- Но тот уже бежал по ступенькам. А Бахадур напоследок еще:- Будь умницей, старик!.. И ты смело войдешь ко льву!Еще какая-то чепуха в этом роде.

Но тот, к кому пригласили, ни слова о ключе и мастерской, не унижится: только об ином полушарии. Не спеша, не торопясь, хотя уже давно за одиннадцать, а окна еще светятся ярко на многих этажах, будто здесь ткацкая фабрика, разгар третьей смены, и ситец метр за метром опоясывает земной шар, отмеряя пройденный художником путь, и еще, и еще... только трескотни нет, тишина и покой.

Потом художник скажет Бахадuru: "Только моя страсть к авантюрам!" (спасла тебя).

Пока шел, идея с чадрой его очень захватила, что-то вроде старой формы и нового содержания, или нет: старого содержания в обличье... запутался, но чувствует, что набрел на что-то важное в творчестве.

Нет, темнить не будет, хоть сам бог сиди напротив. И сразу ("Вот мужчина!" - по глазам видно, похвалил за прямоту):

- Вы меня будете ругать.
- Вас? За что?
- Каюсь и кладу голову на плаху.- От художника не скроешься: глаза! лишь на миг в них вспыхнул гнев. А потом снова безоблачная голубизна.
- И не возражайте. За ключ.
- Не понимаю.
- Я отдал ключ от мастерской, очень Анаханум просила.- "И это знает!" -Не устоял, ей надо было какие-то роли в чадре...

"Вот оно, чадра!" - Короче, деталей не знаю, что и как, а вот отдал и каюсь. Но уверяю вас, вот моя шея, а вот плаха, ничего-ничего особенного, упаси бог!

Обо всем другом - ни слова, чего не видел, того не знает: чистая правда, хоть и с примесью. И голова чугунная, еще не отошел от того полушария. А ведь как вдруг к самому себе уважение, когда бросил: "Нет, в этой аванюре..." А потом: "Какие-то роли в чадре", слаб, слаб!..

Как ушел, как до дому дотащился - ничего не помнит: спать! сквозь сон помнит, а может, сон и был? как тормозил его Бахадур:

- Ну как?!

- О'кей!.. Старик, отстань, завтра!

- И о чадре тоже?!

Только головой мотнул... Почувствовал что-то липкое на лице (поцелуй?).

И снится художнику сон (и он думает во сне, как это реализовать на полотне, чтоб без натурализма): Бахадур обходит сидящих в Салоне и срывает с уха Сальми бриллиантовую серьгу, с мясом отрывает, и кровавое ухо, и никто ничего не говорит, даже Сальми. "Ой, вы бы небожно!" - сама снимает с шеи нитку с крупным жемчугом, нитка рвется, и жемчужинки сыплются на пол, надо собрать, думает художник.

"Я тебе соберу!" - кричит ему Бахадур, у него в руке какая-то бечевка с шилом, он продевает ухо Сальми, там еще чьи-то уши, как грибы, и взгляд на художника: ну как? Большие уши тебе показать? - говорит ему взглядом, а тот думает: надо предупредить Анаханум!

"Я тебе предупрежу!" - кричит ему Бахадур, а потом к сидящим в Салоне: "Мне только по одному уху, а второе я оставлю вам",- и бечевку над головой поднимает, а там, как большие белые грибы, висят уши. Силился проснуться, никак не мог. Проснется и снова проваливается в сон,- одно и то же, и голос Бахадура: "А мне второе ухо не нужно, довольно мне и одних больших ушей!"

И какие-то пустоты в кроссворде: на И и на П: Икающий Пророк? Играющий Патриарх? (Исповедь Проповедника?)

Бахадур - чувствовала Анаханум!! на пределе! сдерживается!.. "Неприменно уйдет к той!" А он и впрямь дважды сразу после встречи с ней заскакивал к Нисе - есть ключ от ее квартиры.

"Он вошел, и мы видели, что он в пустой квартире делал,- строчат летописцы, если бы им пришлось подглядеть: высунулись на манер ангела, передающего божественные повеления, как править людьми,- ноги здесь, а голова там? и нависли над Бахадуром.- Кого-то ждал, не дождался". Узнали, чья комната, кто да что. "Записку, которую тот оставил, она прочла и порвала; ни подписи, ни обращения, всего три слова: "Где ты пропадаешь?" И еще: "Я прождал тебя весь вечер. Я больше так не могу!!"

И еще раз навестил.

"Метался по квартире как угорелый или актер, стоял подолгу перед зеркалом, потом вышел из ванной с мокрыми волосами, будто после пьянки, лежал на диване, поднимая ноги к потолку, упражнения какие-то, и дразнил ангелов (вычеркнул "дразнил ангелов"), бил ребрами ладоней по подоконнику с таким неистовством, что мы думали - проломит" (не ведают, что он воспитанник знаменитого каратиста Салима, ученика великого Михансу, как не ведают и Бахадур, что Салим родной дядя его Анаханум).

Сразу после "о'кей" художника Бахадур помчался к Нисе. Нашупал в кармане ключ!..

О, какая будет ночь!.. Он встанет на колени! будет просить прощения! Но за что? И она простит, только с нею он - он сам... Но что это? Тыкался ключом не входит в замок. И сразу вспыхнуло: переменяла замок! Взглянул в щель. Так и есть: ключ с той стороны! Прислушался. Тихо. И позвонил. Там шептались.

- Это я, открой, Ниса.

Молчание.

И снова позвонил. Ну, я вам испорчу настроение!

Вот она, Ниса! С другим! Взломать дверь! И отдернул руки: этого еще не хватало!

Что ж. Вышел, спустился, прошел во двор - в окне не горел свет. Решил ждать. Ждал долго.

"А! Пусть!.." И уже собирался уйти, как увидел... Расул! Ну да, слухи ведь: сюда едет!.. Сообщить Айше!.. (Мало ли квартир здесь и у кого он был.)

И Расула утром застучали.

И звонок Бахадуру на работу. "Да, да, я говорила с ним,- это Айша.- Не опаздывай, он будет у нас, в случае чего - отпросись: Расул приехал!"

Бахадур ждал. Что же будет? Молчаливый сослуживец уткнулся в свои бумаги, но весь - внимание; у каждого свой участок, а по совместительству - контроль, он за Бахадуrom, Бахадур - за ним. Ну нет: станет Бахадур за кем-то шпионить!.. Деревня, неуч!.. С чего-то взъелся на соседа-сослуживца. Тихоня!.. Слаб в державном языке, но свой знает неплохо, часто к Бахадуру, и хитрая лезть в глаза, чтобы ошибки помог исправить, и Бахадур чуть что - тыкает его носом в текст. Вспомнил, вот и отвлечение! как тот, когда прибыл сюда и совпало с рождением детей, кому-то позвонил, кричит на весь этаж: "Да, да, можете меня поздравить!" Потом приструнили: здесь надо говорить тихо. "С чем это?" - насторожился Бахадур, а тот и добавляет радостно: "Моя жена двойню родила!.." - Вдруг умолк, тяжкая мыслительная работа на челе, и тут же добавил: "От меня!" - боялся, что там подумают: "А от кого это жена его родила?" О неуч!.. Глаза и уши Унсизаде!..

А вот и вызывают к нему!

Пока Бахадур раздумывал и ему мерещились всякие картины, и обида нет-нет на Нису,- АНАХАНУМ ПРИТАИЛАСЬ, ЖДЕТ, Унсизаде вызвали к шефу. О том о сем, а Фархад напряжен, у него интуиция, почти инстинкт, непременно спросит о Бахадуре; и точно.

_ А ты разве,- вот оно!- не по утрам проводишь летучки?! - спрашивает о том' дне, когда Бахадур не пришел.

_ Вообще-то по утрам, но как-то утром, если помните, вы нас собрали...-' В точности это было так в тот день. Надо развеять дым, тем более что слухи с молниеносной быстротой распространяются, и все в управлении знают, что он вызывал Бахадура. А раз вызвал - одарить или осадить.

- Кстати, ты доволен Бахадуrom?

- А как же?- Если даже спросит, был ли на месте Бахадур в тот день, но вряд ли позволит себе эту слабость, надо будет схитрить; как же он может сказать, что нет? И услышит: "Какой же ты руководитель отдела, если не знаешь, где находится твой сотрудник?!" Или: "Придется подумать о твоём соответствии... Ты, кажется, имеешь высшее... какое? ах, экономическое! А я думал, юридическое! Ну да, я знал, что экономическое, как раз в институте народного хозяйства..." А там в ректорах - бывший певец: всех, кто приходит, посылает к руководителю хора, узнать, какой голос,- бредит хором, который ездит по миру, чтобы прославить институт. Но это - чудачество, а погорит на другом: желал, чтоб все вставали и аплодировали, когда он входит в аудиторию или в зал Ученого Совета.

Фархад так долго и упорно шел, уже признаки сахарной болезни, а его - в тупик, рядовым без степени педагогом, ни в приемную комиссию не попадешь, ни еще куда, где можно было б хоть... пусть не карьера, зато обеспечен на сто лет вперед. Но обошлось, тем более что институт вскоре закрыли (развал + неучи).

Короче: страхи напрасны, Унсизаде просто иногда самопуганием занимается, это полезно, чтоб не зазнаваться,- он твердо знает, что ему ничто не грозит, пока шеф на месте, особенно после недавнего разговора с бабушкой, ездили в деревню с братом навестить ее, надоумила; жалко ей стало внуков, особенно Фархада, изъел душу страхом, и она вдруг:

"Знаю я ваших начальников! И твоего прекрасно знаю, тоже мне, страшилище себе придумали!"

"Что же ты раньше молчала?" - обрадовался Фархад.

А потом она и говорит: "Ты не робей, как представится случай, скажи: "А мы из деревни Исс". И про мельницу тоже. "Бабушка моя еще не старая, вам привет передавала, и

чтоб вы внука ее не обижали!"

"Так и сказать?!"

- Как, из деревни Исс?- изумился шеф, у него было хорошее настроение, и он как-то спросил Фархада, откуда тот родом, старая привычка. И глаза вдруг потеплели: "Ай да молодец бабушка!"

- Ну да.- Кто не знает их деревню Исс, где знаменитая мельница.- Дед, а у него мельница, всю жизнь мельником проработал.- И тут бы сказать о бабушке, но шеф прервал:

- А у деда молодая жена?

Унсизаде удивился:

- У деда три жены было.- И что-то помешало ему передать привет от бабушки.

В тот же день шеф, об этом Фархаду скажет Фарид, вдруг такую теплоту к нему выказал, что братья поняли: им, пока на месте шеф и его друг ББ, ничего не грозит.

Перед началом заседания, пока уточнялась повестка дня, Джанибек отозвал в сторону Друга Детства:

- Слушай, а помнишь мельницу в Иссе?

Тот опешил: подвох?! Но взгляд у шефа такой открытый, и вдруг жар прихлынул к голове, прежнее озорство во взгляде. "Ты ешь ее глазами". Оба расхохотались.

"О чем они?" - насторожились все, а прежде - Правая Рука (давно никаких от него сигналов НАВЕРХ - что замышляют?..), и волнение пробежало по затихшему залу (с выгнутой стеной-окном), а ББ казалось, что шеф забыл о том, что они друзья детства, хмурится, недоволен чем-то, особенно как снял с него недавно новую шкуру, после того как при Расуле снял,- появилась новая, еще крепче, так что не надо печалиться, нет худа без добра.

К тому же накануне удачно прошел АУКЦИОН друзья в беде не оставили, выкупили его Красную душу и Джанибек как будто остался доволен чистой, без при месей, прибылью (ив фонд слепых, кажется, перечне лил энную сумму, о чем местные газеты поведали восторженному читателю, а Джанибеку, кроме того, важно было проучить Друга Детства, порасторопней будет, вобьет в башку, что план прежде всего, и любыми путями чтоб сводка без задержки двигалась от разных ведомств на стол к Джанибеку и от него наверх, и пресса аршинными буквами оповестит, вынеся нули на первую страницу, радиостанции заполонят вестью эфир).

Не слышал никто про аукцион? И не услышит - это для сверхсверхузкого круга, максимум семеро, любимая народная цифра, даже Правая Рука, входящая в семерку, не знает (правда, семерка эта иного калибра): что ни говори, а все ж таки чужой, проболтается, и пойдет из края в край весть, что в ведомстве Джанибека шалости себе позволяют.

Вход сюда в частный дом по особому приглашению (из уст в уста, через уши, разумеется),- для родичей, друзей, меценатов, это по старинке, а нынче спонсоры, и Цветочные магнаты тут, и заправила Шашлычных точек, и Огородные в системе вседержавного огорода плантаторы, как пугала, и Винных дел мастера, набили руку в конвейерном производстве чернухи-бормотухи, рекой она течет, заливая, а точнее, конкурируя с сибирскими реками.

- Наши вина... (и о нектаре для сердечных мышц),- любил выступать Джанибек перед виноградарями, выезды к ним готовились задолго, обставлялись торжественно, речи, грамоты, приветствия.- И непременно о том, что наши вина ждут на Крайнем Севере и Дальнем Востоке.

И гнали цистерны (спаивать народ).

Да, аукцион,- пускай выручают своих покровителей-шефов, провинившихся перед Джанибеком, выкупают их красные книжечки. Нет-нет, не скопом эти аукционы, а персональные, и каждый приглашает своих. А им, явившимся, это в удовольствие, что

приглашены, престижно очень,- бумаги ведь, ну, деньги эти, девать некуда!.. Одна только печаль, что не удастся близко лицезреть Джанибека,- неизменно ведет аукционы Бритоголовый, а Джанибек спрятался за кулисами, куда транслируется, видны и зал, и лица, и жесты, слышны речи, кого-то копирует.

Меценаты, опекаемые Другом Детства (такой могучий щит!), обязаны, как о том уже было, выкупить эту самую книжечку, Красную душу, высоко она котируется на черном рынке, в городе две тыщи, в деревне три, а попросту говоря - ни шагу без нее, она и мотор для движения, она и горячее для сердечного жара,выкупить, выказав тем самым искреннюю любовь: чем ей в сейфе чахнуть, книжке этой, одна-две еще куда ни шло, а их с десятков уже накопилось, среди них и ректорская есть душа, и риковская, и комитетская,- пусть лучше вертится-ворочается в деле, не давая купюре плесневеть.

Если не выкупят - места лишатся, за которое через поставщика кадров честь честью внесена сполна плата, и настала пора каждой этой книжечке ход дать, спустить с молотка, который в руке Бритоголового.

Да, в одной руке молоток-колотушка, в другой - Красная душа: кто сколько даст.

- Начальная цена ее под цвет души, вот она, трепыхается в кулаке!..- Уже знают, но молчат.- Красненькая десятка ее начальная цена!..- И выжидает, пока хохот в зале не утихнет. Шутник этот Бритоголовый, а он просто ритуал соблюдает, вовсе не шутит над почтенной публикой.- Кто больше?

- Сто! - И снова хохот: кто-то рассмешил публику, но планку надо поднимать не сразу.

- Еще нуль! - Это уже разговор: сейчас перед нулями пойдут цифры, движение убыстрится, и скачут кони (всадники с пиками), цокот копыт, и даже через ступеньку от единицы до девяти, пока кто-то не добавит еще нуль, и воцаряется долгое молчание, учащенно дышат, кто-то сопит, лишь глас Бритоголового слышен, стыдит собравшихся, будя в них джигитов-богатырей:

- Чего умолкли? Ведь речь о душе! И чьей! Друга Детства! И . так дешево вы ее цените?! Раз! - стучит молотком Бритоголовый.- Два!..

- Три! - из зала (это уже сумма!).

И снова долгая пауза.

(И так далее.)

Деньги внесены, Красная душа возвращена владельцу и он воспарил, вылетев в форточку, чтоб занять свой престол, но торг еще не завершен, ибо наши, так сказать, купюры (бумажки), на которые чем дальше... ну, это ясно! по желанию (капризу?) Джанибека,- не сам, конечно, а через доверенное лицо,- частично могут пересчитаться путем устранения конечного нуля, такая сегодня такса, на конвертируемую валюту, "в конверте", как обозначает ее Бритоголовый.

Вчера аукцион, а сегодня беседа по душам (душа отныне у обоих, и прежний холодок растаял),- ударились в воспоминания, и Джанибек краем глаза видит, что кое-кто в зале (Правая Рука) волнуется, и это его забавляет: какие иные сигналы он пошлет, кроме победных рапортов,- весь куплен и живет припеваючи, никаких забот (а припев: "Как все, так и я", из популярной песни). Напишет, что Джанибек навел на всех страх? А разве иначе дело пойдет? "Если,- сказал однажды,- не держать постоянно над головами моих земляков ВОСТРЫЙ,- так и сказал,- меч,- выйдут из повиновения и тогда словами их в РАЙ уже не загонишь".

Оттуда, из центра, пришел запрос (не переслали, а из уст в уста, когда советоваться позвали): верны ли данные, содержащиеся в КЛЯУЗЕ (Шептавший Джанибека в обиду не даст!), Шептавший жаждал услышать: "Нет!", и Правая Рука не заставил (а?) себя долго ждать. Данные верны, но что толку? Ему, временному здесь, встречать в драку? Собрать незаметно что можно (дань?) и выходить из игры (завидовать Расулу станет, как тот за

океаном окажется...): ясно и без проверок - вот близкие и дальние, которые выдвинуты, возьми и перелистай телефонную книжку, и братья, и племянник, и сестра, и муж племянницы, и муж сестры, и сестра жены, далее брат жены (Салим? А куда его-то двигать, каратиста?..), и двоюродный брат тоже, и тетя жены, даже муж ее двоюродной сестры, а еще и тесть племянника, ну да, по связи которой помогал Зурначиеву, два года вакансия была.

- А разве он не умер? - И ТАМ ТОЖЕ ЗНАЮТ!

Вспомнил: умер (и мемориальная доска вбита в стену!).

И так далее, несть им числа: и книжка телефонная не поможет, ибо как узнаешь, что знатный юрист, имеющий рубрику в газете,- этим он огорошил Шептавшего.- является отцом свояка сына Старшего брата?

- Кем-кем? - переспросил Шептавший.

- У старшего брата - сын, у сына - жена, а у нее - сестра, на которой и женился знатный юрист.

- Да,- позавидовал Правой Руке Шептавший: в такие тонкости вверенного ему края посвящен!..

А Джанибек продолжает, пока Правая Рука обдумывает очередное послание наверх, шифrogramму из трех частей: УРЮК ЦВЕТЕТ, с планами, дескать, блеск, АРЫК ЖУРЧИТ, идеи на должной высоте, И СОЛНЦЕ СВЕТИТ, то бишь Конституция выполняется (и жар заливает грудь Друга Детства).

- Ту, которую глазами ел, тоже помнишь? - спрашивает Джанибек.

Ну вот, слава богу, вернулось прежнее, отлегло от сердца Друга Детства.

- Как же, конечно, помню! - заблестели глаза, и он на радостях стал тыкать: - Помнишь, как она тебя ни в какую сначала?...- И осекся. "Не забывайся!" - ему каждый раз жена.- Да, да, хорошее время было,- поспешил,- и спасибо, что вы вспомнили!

- А у тебя знаешь кто первым отделом заведует? - Эти неожиданные переходы! Как же не знает: Унсизаде!

- Представь, твой Унсизаде внук той мельничихи! - И пока Друг Детства приходит в себя: "Радоваться или снова подвох?" - добавил: - Ну вот, мы с тобой и здесь поделили ее внуков, у меня Фархад, у тебя Фарид.

А тут, как шеф заговорил, страх вдруг закрался в душу Фархада: не очень-то! У Бахадура тоже могут быть свои козыри вроде их деревни Исс, и он поспешил ответить на вопрос шефа о Бахадуре:

- Как же, я очень им доволен, деловой, исполнительный.

- Толковый, не находишь? - Шутит или правда? - Что, если мы поручим ему то самое дело, о котором ты вчера вечером (после художника!..) мне рассказывал?

- Но мы договорились, что поедет мой заместитель, и я ему все изложил, материалов столько, что требуется большой опыт, систематизировать, разобраться в сигналах

- Вот и уйдет Бахадур с головой в эти папки. А потом пошлем в длительную командировку, ну... хотя бы в совхоз (где Асия!).

И Унсизаде понял, что именно Бахадuru хотят поручить, круто изменил тактику:

- Бахадур, между прочим, уже дважды ездил по аналогичным материалам.

- И справился?

- Вполне.

- Можно будет выдвинуть на ступеньку выше, а? - И проверить Унсизаде: хочет себе в замы или нет? правда ли доволен или выгораживает свой отдел? Унсизаде в точности, слово в слово, передал весь разговор. И понимал, что рискует: а вдруг Бахадур узнает, минуя его? И о повышении в перспективе, если справится с заданием. Что ж, Бахадур любит работать, особенно по систематизации, уйдет на время в тень.

А тут новый звонок Айши:

- Сказал?

_ Что? - не поймет Бахадур с ходу.

_ О том, что Расул приехал?.. Ладно, сама позвоню, Он уже у нас. Мы ждем тебя.- И в голосе необычная для Айши возбужденность.

И вдруг к ним в комнату является Унсизаде, сосед,- а ведь он не аранец, Бахадур точно разузнал! вскочил даже с места: чтоб сам Унсизаде пожаловал?! И к Бахадуру, руку ему на плечо кладет:

- Ты иди домой. Да, я знаю.- И подмигнул даже. Ах вот почему: ну да, ведь слухи, что Расул... Не спешит.

- Иди же! - ему Унсизаде, уходя (тоже не терпится?).

А Бахадур вдруг откинулся на спинку кресла и расхохотался; сосед, прилежный малый, отложил перо, удивленно смотрит, не поймет: и приход Унсизаде, и смех Бахадура-сразу два, как бы это выразить? алогизма!

Как давно это было, когда Бахадур, полный надежд, глядел на огни большого города!..

Что-то изнутри вдруг подкатило к горлу. Бахадур быстро встал, выскочил из комнаты, и не успел закрыть за собой дверь, как "Возьми себя в руки!". Что это с ним?.., и он повернулся к стене, уткнулся в окно, спрятав в ладонях лицо. И расплылось все перед глазами, увидит еще кто! Достал платок, приложил к глазам, они горели, и он проглатывал слезы, загоняя внутрь слабость. ПОЗОР!.. И это называется жизнь?.. В страхе, в ожидании подвоха, обмана, интриг, быть всегда начеку и никогда не суметь расслабиться, открыться до конца, ничего не утаивая, близкому, но где он и кто он, этот близкий?

Странно посмотрел на него дежурный, из новых кадров старшего брата, с чего бы? Ах да: никто ведь не уходит. Неэтично. Усмехнулся. Спросить бы на потеху у вахтера: "Ну так как же с тестем, если слухи о шурине подтвердятся, а? Подскажи, позвони кому, узнай!.."

И усомнился в справедливости суждения о том, что на душе становится легче, как прольешь слезу.

И неправда, что прятал лицо!..

Возвращалось самообладание, а с ним - и прежнее, давнее, когда глядел не в узкое немытое стекло, за которым расплывались огни, а в высокое и чистое окно, занимающее всю стену, и ясно видел, будто нет никакой преграды, гигантскую панораму большого города. Так ли уж и несбыточно?! С какой стати кому-то внутри лгать, подстрекая к видениям? (и гонит, и гонит только что пережитое).

Как много людей высыпало на улицу, и все шли навстречу, а он продирался сквозь толпу, и его раздражал поток, а люди идут и идут, куда их столько?! будто демонстрация какая, и в нем рос азарт, он шел напролом, и люди растекались перед ним, неистово несущимся, шел, убыстряя шаг, и бросил в толпу, распаяясь все более, свое излюбленное, как это в нем вдруг родилось? неспроста ведь!! и не у другого кого-то, а именно "у него, Бахадура, и вылетело, кто-то озарил его душу: "И вы будете носить!.."

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ, и последняя, И СНОВА О СОЛНЦЕ, КОГДА ОНО В ЗЕНИТЕ, и столько в нем яростного жара, что Джанибек прервал свои размышления, встал с крутящегося кресла и сдвинул шторы на выгнутой стене, всевидящий стол укрылся в тени. А весь из края в край кабинет залит белым слепящим светом, и вернулся к началу, чтоб приблизиться к концу, когда вести о Расуле ворвались через Волчьи ворота в Овечью долину, и заполонили, будоража и тревожа, душу Джанибека, пока Расул гуляет по Колодезной и Кипарисовой, Хазарскому и Космическому проспектам, мимо пустыря, огороженного ныне высоким забором, где некогда БЫЛ ДОМ И ЖИЛИ СЕСТРЫ, А У НИХ БРАТ, домов высотных и глинобитных, с железной решеткой на окнах, тут же за углом Шайтаньего дворца, и крыши плоские и островерхие, сверкающие жестью, залитые киром, и вечно протекают, и радующие взор черепицей, и антенны! и купола! и башни с бойницами!

И УСТАВИЛИСЬ НА РАСУЛА, прочерчивая его недалние маршруты, но и заглядывая в душу, глаза Джанибека,- зримые и незримые телескопы, будто он звезда какая из созвездия Семи Братьев, и бинокли, как в спектакле, и сквозь защитные стекла, и всякая иная автоматика.

А ПРЕЖДЕ ШЛИ ЗА БАХАДУРОМ, чтоб не упустить его из виду.

Да, каждый занят своим делом:

у Джанибека день, он выбрал его, когда никого, заперся - и думы, и схемы, старые папки, досье, время незаметно проходит, солнце в зените, и он задергивает шторы на выгнутой стене,- укрыться в тени и чтоб никто не мешал,-как было, ТАК И БУДЕТ ВПРЕДЬ: укрыться-укрепиться, приблизив АБСОЛЮТНО ПРЕДАННЫХ, из родственников, земляков, друзей, а может, в ином порядке, да и совпадения могут быть: друг-земляк или родственник-друг, и очиститься, и обескуражить, переместив, а то и сразу избавиться от... как их там, ЛЕВЫХ и ПРАВЫХ (?), и неожиданно ударить, нагрянув; и надежный поставщик кадров, да будет долгой жизнь Старшего брата!..

Расула застучали и ждуть; зятя и сестры в сборе, вот явится и Бахадур, продираясь сквозь толпы, высыпавшие на улицу, ибо ласков весенний вечер, скоро пойдут жаркие дни, а впрочем, уже чувствуется тепло.

Салон Сальми лишь не действует, ибо не подоспело время, да и какой Салон без Вечного Поклонника, а он устал, исчез, пожелав отдохнуть от назойливых дам, или зачастил в иные Салоны, мало ли их в большом городе, залитом огнями назло энергетическому кризису,- и Белом, и Черном, и Старом, окруженном крепостной стеной, и Новом, сложившем из микрономеров макромассив; и зачарованно слушают Вечного Поклонника, ибо это он умеет дополнить, углубить, развить, изощряясь в аббревиатурах, только что случившееся (снятие, стресс, самосуд, разоблачение), и о каком-то угоне и террористическом акте в тридевятом царстве, и смеется (саркастически?): дескать, скоро и к нам ЭТО хлынет, наших коснется,-после паузы,-дочерей (?).

И арабская вязь, в тайны которой, ибо сессия, призвана проникнуть Анаханум, дабы были подвластны ей кое-какие материка и большие острова в океане, причудливо собирается, оживая, и невидимая рука, как это изощрялся в фанатичной древности великий безымянный художник, протестовавший против запрета Священной Книги рисовать человеческие лица, ибо только Аллаху дозволено чертить узоры на ликах людских, водит рукой Анаханум, и она складывает из букв алфавита - из черточек, линий и точек - облик Бахадура: вот брови его. вот глаза и нос,- постарались статный Алиф и само изящество Бей, вычурный Эйн и многомудрый Каф, а таинственный эН, он же Нун, похожий на чашу, составил подбородок, и точка, соскочившая с него, как раз и стала родинкой, которая красит тонкое, но мужественное лицо ее Возлюбленного; а потом, вздохнув от усталости или невозможности увидеться с любимым, КОГДА ТОЛЬКО ЭТО, И НИЧЕГО БОЛЕЕ, глянет Анаханум на подаренного ей Бахадуром Доброго Дракона, и он, разинув пасть и выгнув кверху язык, чтоб достать им нежное розовое свое нёбо, готов вильнуть хвостом, трубкой поднятым вверх и загнутым к широкой и высокой шее, и смотрит на хозяйку преданно выпученными своими глазами, и лишь изредка вспыхивает в них хищный огонь, напоминая о давно исчезнувших с лица земли предках Доброго Дракона.

А Джанибек, но разве признается себе в этом? Ждал, что ЯВЯТСЯ. Но кто? Как будто никого на горизонте и ничто не грозит! Что? Не расслышал. БЫЛО ОДНАЖ ДЫ.

и входит.

- вы кого-то ждали?

- я? но как вы,- тут на "ты" не поговоришь,- прошли?! ГДЕ-ТО Я ЕГО ВИДЕЛ! усмехнулся, теревит свои рыжие усики: учтите, я не один.

- ах у вас тут целая шайка!..

- что? не узнаете? помните, вы с нами коси ли!
- где? когда?! - но уже вспомнил: ну да, косил он с ними, а потом, как устал - бросил косовище на землю, и в траве белело лезвие косы.

- и я вам крикнул: "не бросай, а воткни косовище в землю!" ОБУШОК КОСЫ БЫЛ ПРОХЛАДЕН.

- что вам угодно?!

- не догадываетесь?

- но где ж... решение?!

_ ах вам еще нужно решение!..- многозначительно улыбается.

- а то как же?

- бумажку вам? что ж...- и не спеша лезет в карман, чтоб достать листок, а в нем всего лишь фраза.

А Я ПОСЛАН САМИМ (кем мечтает стать Джанибек), и в ушах голос жены: "Не морочь себе голову! сиди в своем ведомстве и не гневи судьбу!" А ВДРУГ УЗНАЕТ?

Эта проклятая страсть к воображению - не удалось изжить до конца, вытравить, растоптать! Удел слабых - жить в вымышленном мире. Было однажды, а потом рвал каждую страницу: сначала пополам, потом вчетверо, еще и еще, до мелких клочков,- призрачная власть над придуманными рабами!..

Расул стоял рядом, удивленно глядя, как Джанибек с остервенением рвет густо исписанные листки, а потом скажет Джанибеку, восхищаясь его смелостью: "Я бы не посмел. Я думал, что у тебя есть еще экземпляр!" Пусть убегает в свой воображаемый мир тот, кому не под силу властвовать над реальными людьми,- не отвлекайся, внушил себе Джанибек, не забивай голову этой никому не нужной писаниной (и роли в самодеятельном театре: Гамлет, Отелло!..), рвал и рвал страницы на мелкие части, чтоб и слова целого прочесть никто не мог!..

- что же вы не берете бумагу? - и сует в руки Джанибеку решение.

- ах вы еще здесь!..-Джанибек нажимает сигнализацию, а она не действует: кнопка в пустоту.

- да,- усмехается наглец,- отключена сигнализация, и люк, увы, не откроется, а впрочем, я не думаю, что львы так уж и голодны! столько жертв, что они не успевают проголодаться, вялые и ленивые!

ТОЛЬКО ЧТО ТУДА БРОШЕН БАХАДУР: Плешивый, который возмечтал.

- ...придется Джанибека Гусейновича вынести (!) прямо с креслом, никак расстаться не хочет.

За что, собственно? Один ли он ТАК ВЛАСТВУЕТ?!

А потом прослушивание. Хрипы, шипенье, ролик не смазан, что ли? НАДО НАКАЗАТЬ, ЧТОБ... и кодируется антидух, даже условные шифры. Щелк - и заработал движок, фиксирует.

Принцип айсберга: внешне - одно, а вся масса - невидимая!

А тут: ай да Хансултанов! Ну, удружил! Вот он, рукой протяни - копится "дело". Как-как?! Расул вместо Джанибека?! А ведь Джанибек показал однажды Хансултанову досье, чтоб помнил (приструнить!) "Но я, разумеется, этому,- и рукой на папку, где жалобы,- значения не придаю". Что ж, даст ход, пора!

А прежде разговор с тем, старым уже, который ему папку с копиями ДОНОСОВ преподнес, когда Джанибек в архиве вкалывал, храня всякие досье; и неведомо Расулу, что там - и бумага, в которой о двоюродном брате матери, "Ах, как они похожи" (мол, Расул и его дядя),- сутки простоит на углу, и весь день ходить будет, не устанет.

"Вы обо мне забыли,-Джанибеку, обижался,- а я еще в силах!" - почему не сделать приятное человеку, оказать внимание? Пусть продолжает привычное, информация не ахти

какая в век ВИДЕО и СЛЫШИО, которыми он вооружен, Журначиев + родич по связи, но все же пригодится и НАРУЖНОЕ наблюдение.

А что, если,- вдруг осенило Джанибека,- и на сей раз у него будет, как прежде бывало, вроде бы шаг вперед и два назад, но чтоб потом рвануть, далеко прыгнув, даже на себя обиделся, как внутри кто-то напомнил ему старую поговорку: пока-де один не умрет, другой не родится.

Почему бы и нет? Расул его оттеснит, чтоб он смог потом рвануть и перепрыгнуть через голову Расула, став Самим... Размечтается же!.. Лучше быть РЯДОМ с Самим, так надежнее. И ХЛОП, ВСЕХ СТАРЦЕВ БОЛЬШУЩЕЙ ЛАПОЙ В КАРМАН.

Дважды с ним было: отбросят на два шага, а потом чистое везение: скачок, минуя!

Сделал крупный шаг, через весь край, ступив с высоких Аранских гор на низину, даже ниже уровня моря, но сгинул Шафи, он же шеф, он же Четырехглазый, и его отбросили, отстранили, хоть и выступал с разоблачением на суде, с Расулом процесс поочередно записывали, день - он, день - Расул, а потом свои записи вместе сводили, куца стенограмма получилась, но зато своя (и сладость преодоления запрета: ведь не разрешали!)- хоть и выступал, но всем напоминает о Шафи!.. А потом... да, пока один не умрет! - прямо в кабинете, в пик интриги, двинулся тромб и закрыл сердечный клапан, умер шеф управления, вспомнили про Джанибека: зачем приглашать кого-то со стороны ведать ключевым управлением в отрасли КамышПрома, куда потом Расула он заманит - в КамышСвирель, условно это, конечно, когда у нас под боком зреют крепкие, как айва, и сочные, как персик (какие бы вписать сюда еще дары?.., кажется, гранат был, и хурма тоже), кадры?!

Да, две смерти сыграли в его движении роль толкача-тягача: тромб, а потом... но это не так важно.

И постоянные сны его: стоит на высокий горе, а под ногами пропасть. Разгадка? Вот она: крайние точки сокровенного (судьбоносного?) - провал в пропасть или взлет над нею.

А тут снова Расул... Выходит, они неразлучны с ним: кто кого. Пока он Расула, но может статься, что Расул - его, и что же? Расул экспансивен, ^вспыльчив, молодежные замашки в почтенном возрасте, придет, пошумит, пострашает СЛОВАМИ, покомандует властью, а на реальные действия он не потянет, с МОИМ НАРОДОМ НАДО РАЗГОВАРИВАТЬ... но о том уже было: если силен кулак кулаком, если рука слаба - укрепить ее ОРУДИЕМ, каким? режущим, колющим, бьющим (наотмашь? так, кажется...).

Чудаки! Джанибек же бережет Расула, чтоб ни один волос с его головы не упал!..

Вспомнил, как много с тех пор прошло; и как он мог просить Расула, чтоб тот выступил, поддержал, к Расулу прислушивались. Джанибек не сам, не унижится, а через доверенных просил, дважды бритоголового посылал, чтоб выступил, заявил безоговорочно, что он - с Джанибеком, резонанс имело бы, ведь Расула знают. А он избегал, оттягивал, мол, не по теме, как будто так уж трудно.

И даже в тот день, когда, уговорив Расула приехать, представил его, сначала заклеив предшественника (развалил работу в пункте А, куда они с Джанибеком на "кукушке" прикатили), валил и валил на прежнего, это ж так просто (ПОТОМ БУДУТ ВАЛИТЬ НА ТЕБЯ КАК ПРЕЖНЕГО), нарушение "принципов, излюбленное триединство: подбор лиц, расстановка по полочкам и воспитание, а еще о разгильдяйстве, блоки-фразы, возводящие корпуса и кварталы, и пошло! и пошло! разлютовался как: и особняки, а при них дачное хозяйство, за счет плантаций, гектары!! и высокий забор, и лай волкодава, от которого вздрагивают в ясную ночи звезды, и бар в подвале; брошен особняк, чей?! не дознаешься, пустует, и хозяина нет. Не сам же, как гриб вырос на берегу озера, в густом лесу? а раз не объявляется хозяин- экспроприировать, веянье времени (как дуновенье) под детский сад или санаторий, чтобы... короче, было некогда изложено в записке Айши, и выкладки, кто да что, без фольклорных излишеств, вроде "получил ханство на день, а у ста подданных головы

снял" или, коль скоро о подданных речь: "по ним, Дескать, судят о султани, а по султани - о подданных", тьма-тьмущая такого приведена в книжках Абулькасима, да вспоминать некогда и толку никакого.

А предшественник отделился легким испугом, сумел на старшего брата выйти (но как?): учредили замство по кадрам в одном рыбководстве и щуку бросили в реку, где мальков белорыбицы разводили.

Это так, забавы ради, а на деле - икра и осетровые.

Брат братом, но и сам проверит, глянув в очи (чтоб в душу влезть): приплыл однажды на катере с берега своего на берег его.

Тот поначалу рассердился, завидев издали катер, который с наглой стремительностью мчался в его пределы. Своя милиция, свой надзор, а тут - без предупреждения.

И помощнику своему, чтоб узнал и шуганул. Пока собрался, те уже к берегу причалили, шагают к ним - пляжники, не иначе (в плавках!).

- Джанибек Гусейнович! - выпалил помощник (взгляд острый).

- Дурацкие шутки! - тот ему.

Двинулись к ним навстречу. И впрямь - ОН! И тотчас руку к непокрытой голове приложил и - бегом к нему, честь на ходу отдает. И на бегу докладывает: так, мол, и так, во вверенной ВАМ епархии никаких чепе. Запыхался, волнуется, ходит вокруг Джанибекд^- . сконфужен, не знает, как подступиться, то строгость на лице (ведь Джанибек!), то улыбка заискивающая (ибо тот в плавках), на шутку так и хочется перейти.

Тотчас молва по артели: Джанибек тут! И высыпали на берег все начальнички (как успели?).

Напустив страху, двинулся в обратный путь.

- Я,- тому говорит,- хотел на тебя взглянуть, за тебя хлопотали, вижу, что парень СТОЯЩИЙ (дорого).- Знай, мол, свое дело.

Сел за руль, и катер сорвался с места, а потом стоп! захлебнулся мотор, лодку в море стало относить. С моря знаки делают тем, кто на берегу: спасайте!.. Срочно отрядили моторку, забрали Джанибека с его людьми на берег.

Джанибек решил, что диверсия: ни в какую в лодке не поедет,- и в плавках двинулся к проходной (сторож, завидев Джанибека нагишом, чуть богу душу не отдал). Сели в машину, и зам с ними.

- Сигналы на тебя поступают,- Джанибек тому.- Люди у тебя ИСЧЕЗАЮТ.- И долгий взгляд: то ли предупреждает, чтоб бдительным был, то ли страшает.

Зам спокоен: хорошо РАБОТАЮТ (через Старшего брата). Но и Джанибек не всеильный,- жалобы потоком идут, и в Центр тоже.

Рыбнадзор прибыл, из новых: упрямец (вроде Азии).

Таких просто убирают, чтоб ИСЧЕЗ.

Туда нос сунет, сюда, что-то записывает, а здесь у зама все шито-крыто. Докапывается, куда вся ПРОДУКЦИЯ идет?.. А здесь - ТОЧКА Джанибека.

Вот он, рыбнадзор, спиной к ним сидит, что-то пишет. Зам взялся прикончить: выстрелил - насмерть! Смотрит - не тот, ошибка вышла. Помощника уговорил взять на себя (не возьмет - убьют ведь!..). И на стол помощнику много нулей, а впереди - единица: за то, что возьмет на себя.

Согласился. Дескать, на любовной почве.

И снова на Джанибека вышли, чтоб позвонил наверх. И он специально звонил,дали срок, заменив высшую меру.

Рыбнадзора след тоже простыл: ни живого не нашли, ни мертвого.

А наверху ПОНИМАЮТ, но нет улик. План - как проникнуть в артель, когда точка эта под защитой ВЛАСТИ: оперативник под видом рубахи-парня появился на рынок рабсилы (в

Мардакянах?).

Учуяли!..

Драка, арест, пытки - раскололся... Бригада из Центра, знали ведь, куда послан.

Джанибек неистовствовал: чтоб в его епархии _ такое?.. Дескать, справится сам. А следователя, который из Центра,- в иной регион, где слабая власть (Шептавший помог). И свидетели вдруг исчезли, как УБРАЛИ следователя,- кто куда, и на тот свет тоже (инсульт!), а кто и ума лишился, бригады работали по особому НАЖИМУ, атаке (психической?), косвенным воздействиям, а на кого и через детей, опытные практики!..

И суду ничего иного не оставалось, как закрыть дело.

(И это Джанибеку припомнят.)

Долго потом беседовали с Расулом, сидя на открытой веранде. Двор усеян золотыми листьями, а на голых ветвях оранжевые шары, хурма налилась соком и ждала, чтобы ее сорвали; и, будто лакированные, гранаты. И о предшественнике, в назидание Расулу (до всех этих историй: шито-крыто, икра и осетровые):

"А какой парень был! Как прогремел рекордами! И что же? Был простым рабочим парнем, а сделался беком.- Это, но Джанибек не скажет, из докладной Айши.- А дом его ты видел? - И долго-долго о близнецах-братьях: контроле и гласности.

- Не братья,- перебил его Расул,- а брат и сестра.

- Как так? - не понял Джанибек.

- Гласность - она, а контроль - он.

- Вот ты о чем!..- Недоволен, что Расул его какой-то чепухой перебил. А тот еще и разглагольствует, мол, гласность, чье имя у всех на устах и вошло в золотой словарный состав всех мировых языков... с этим хоть куда ни шло, а вот братец ее чуть слабее, родился, когда, очевидно, мама обессилела.- Контроль, такое редкое имя!..

- ??

Джанибек вернулся на прежнюю стезю:

- Нет, надо же, как распустились! Говорят, деньги не пахнут. А деньги, которые собирали ему, отправляя на курорт или в столицу, пахли зеленью, кинзой-петрушкой (Расул, помнится, снова поправил: "Петрушка не пахнет", на сей раз Джанибек не обратил внимания). В общем, зеленью и вином пахли его деньги. Сунул, говорят, в ресторане таристу (или кеманчисту?) меж струн крупную купюру: вот мы какие щедрые, не то что вы, уползли в свои норы и чопорны, как белые шайтаны. И чем гордимся?! - А это уже о собственном предшественнике.- Мол, яркие автобусы ходят по улицам, разукрашенные, как петухи. Угловатые, неуклюжие автобусы - от них и шум, и выхлопы, опалены гарью листья чинары (и в страхе собираются пассажиры в середину автобуса,- согнется, и, как рога, поднимутся кверху передние и задние колеса)". Ездил в соседнюю страну, а ему там подарок, видеоагрегат и всякая иная телеаппаратура, чтоб контракт подписал (не из своего же кармана? терять нечего!..),- платить из казны за эти морально устаревшие автобусы.

От дум клубятся виски, курчавясь на затылке, и мягкие шелковые волны ниспадают на лоб.

Сплетни, сплетни!..

Сколько их и кто, главное, распускает?

А Джанибек острыми вопросами, от которых беспокойно, отвлекает себя, чтоб не думать вовсе, забыть,- об Анаханум! Как она могла? Чуть забыл о ней, и сразу наказание, так всегда: пустишь на самотек - выходит боком. А тут новые данные о движении звезд. Ах чудачки! Неужели не отгорели еще надежды у Расула и у надо же, как родственники взволновались! - Бахадура... Что ж, и мы некогда были молоды; кстати, а сколько Бахадуру? И где был Джанибек в его годы? Задумался Архив? И никаких иных иллюзий. "Тсс!.." Кто ж распускает слухи о Расуле? Мол, вместо него. Недруги?

А тут столько дел: время созывать симпозиум, сотни и сотни гостей всех рас и цветов кожи, объявлен специально конкурс на эмблему (значок), Джанибек привлек к участию художника, и он, ничего оригинального не придумав, разрисовал нули и наложил их во множестве один на другой, линии нулей искривлены, вроде марева, или длинный телескоп, устремленный в мироздание; короче, большое О, а внутри - поменьше и меньше, почти до точки дошло, а надо б не круг, а треугольник, ибо тема симпозиума: "Пирамида Стресса", и уже выехали сюда - кто из самых дальних мест, а кто еще начинает путь на верблюдах, поклонившись прежде Сфинксу, а потом пересядет на пароход, чтоб достичь аэропорта; есть и такие, кто на быстрых лайнерах с пересадками: ходили головой вниз - станут на ноги; или выберутся из-под обломков после налета. А кому и успеть отскочить, вот-вот рухнет мост,- да, нечто грандиозное, и взвешиваются дотошным фином (ибо поручение Джанибека) эннозначные нули на ох, ох, как высоко взято - весах истории: кто кого задавит - тяжесть пирамиды эти немнущиеся, шуршащие и гибкие, как каучук, нули, или бремя нулей пирамиду.

И еще опасался Джанибек, что вообще отменят. Жалко времени, столько уже готовятся: и научные выкладки, и ученые разных отраслей, и этот документ на бланке с многостраничным приложением; и гостиничные, и для даров цветные коробки по рангу, по континенту, интересам и традициям: розовые, голубые, желтые и коричневые; и поездки по четырем маршрутам; учтены простои (из одного кармана - в другой); и на переводчиков - которые сопровождают, а которые синхронно переводят; и на ежедневные возлияния, стало традицией гостеприимства, в каждый номер - богатыри бутылки с медалями, а на столах черные кругленькие шарики, то, что ложкой захватывается, солоноватые (?! просто черная икра); порядок есть порядок- переведены на человеко-часы и остановки предприятий, а потом книги, тиражи, и супер (обложки), и особые шрифты; и Айша вовлечена, ее улицы магистральные,- и зеленая краска с чахлых кустов небось не сойдет (красили к приезду Высокого гостя); и поездки-в города, поселки, и за море, и за хребет, альпийские луга... И там тоже: люди, часы, энергия, горячее, но лето, дни длинные и солнце светит даром над головой (экономия энергии!), короче: стресс! и голосовым связкам Махмуда работа будет,- что ж это, думает Джанибек, вся династия, выходит, привлечена?!

Вся, да не вся!.. РАСУЛ!

А как ведут себя преданные в свете слухов? Смятение или злорадство?..

- Виделся? - неожиданно спросил Джанибек у Унсизаде. Не у Фариды, у Фархада.

- Нет.

- Чего ж так?

- С какой стати?

- А разве не дружен... был?

- Ну что вы, какая дружба?!

- Зря, так нельзя, надо посетить и узнать, как и что.- Почти приказ, а Фархаду и самому хочется, думы о будущем, а вдруг?!

Это было на третий день приезда Расула. И застучали - с девицей! То снимет очки, то наденет их снова. И та - тоже в очках?! Остановятся и подолгу глядят на дом; узнать, что за причина?!

У тех, кто надеется на какое-то изменение в своей судьбе,- оживление, взрыв новых иллюзий, напрашиваются в гости, узнали, что приехал,- такая молва!.., а как только о делах, Расул сразу "Вы о чем? ах о здешних делах!..Всего-то один из старых знакомых и приходил, а раздули: мол, толпы паломников жаждали лицезреть Расула!..- И разговор с ним распространился тут же.- Знаете, хохочет Расул,- я этими вашими делами не интересуюсь. Да, да, именно так! Давайте лучше о семье, как сын?.."

У тех, кто в опале,- надежда плюс насолить; и расписывали встречу с Расулом,- а тот,

один-единственный, случайно и лишь минуту постоял с Расулом, на углу его дома.

И очередной день прослушивания записей: и вальсы Штрауса, и "Бонн М", и Теодоракис, и Руссос, и "АББА" ах, какие записи!! и еще группа: "Чингисхан"

14

Кто первый в атаку - они или Расул? Но и те, и Расул атакуют:

- Взял и приехал? - Мол, ври, да знай меру А он им:

- У вас испуганный вид, стряслось что? И пытливо разглядывает родичей, да, изменились, у Хансултанова, оказывается, макушка вся облезла, будто вершина горы, а вокруг - волосы растут густо, как лес на склонах. А Махмуд!.. Пыжится, какие-то из нутра звуки, будто петь собирается, горло прочищает, Аскер Никбин словно еще грим не снял: легендарный бореи против халифата!

А раньше, и еще, и еще раньше, о событиях, урывками, правда, минувшего семилетия, хотя и письма были, и телеграммы, даже телефонные разговоры. Расул Хансултанову:

- Я за твоё здоровье пил, глядя на горы и вспоминая, как Аскер пророчил тебе и Гиндукуш, и Эверест, ну как, сбылось? - За эти годы полвека стукнуло Хансултанову, игра в горы уже не прельщает его, другие думы съедают, не давая покоя; чтоб и здесь отхватить (сияет грудь!), и чтоб там отметили (Нобелевская!). - И тебе скоро стукнет,- пробурчал Хансултанов, а сам уже во власти сладких воспоминаний о недавней, к примеру, поездке, а ведь рисковал, представили его болтливой принцессе, и он на чистейшем их языке прожужжал ей уши своими великими заслугами, "да, я сын батрака!..", кто знает?! А ведь клюнула! И уже через неделю восторженно делилась с доверенным лицом, четко выговаривая фамилию: "Хан-сул-та-нофф", и талант, и красив, и мастер по плаванию (??), и спринтер (1), и в минуты отдыха - акварель,- "да, да, хобби, морские пейзажи" (!); чуть ли не отец "местной мембранологии", как слышалось доверенному, "Мэ Мэ", засеклось, а расшифровка стерлась.

Да, столько круглых дат было!.. И тридцать Бахадуру, и Аскеру пятьдесят, это отмечалось широко, даже за пределами, цикл вечеров, и пригласительный на главный вечер в доме с колоннадой - Расулу с Лейлой, а вдруг прилетят?! и с фотографией, самой выигрышной: на фоне нефтяной вышки.

А вырезки газетные?.. Лейле прислала Айна, а Расул, привычка у него такая еще с прошлых времен,- сразу к правому столбцу, где рубрики: план, фактически на сегодня, процент выполнения,- как с нулями?! А тут, как развернул газету, новые нули: об Аскере большая полоса, и об Алие крупными буквами, пятерка с тремя нулями, что означает: пять тысяч операций; и о знаменитом хирурге ЭН ЭН, о том, как он о своей талантливой ученице сказал: "Золотые руки",- и с ее сорокалетием совпало. У Лейлы особая тетрадь с датами. И они с Расул ом иногда за месяц вперед, чтоб точно к событию подоспело, на цветастом праздничном бланке, и еще каким-то составом бумага пропитана - приятно так пахнет.

- Вы только и делали, что поздравляли! - то ли шутит Айша, то ли ирония: и констатация, да и уколоть слегка. Спровоцировать: "Разве только это?" И тогда Айша заговорит, не ясно, что у нее там в душе еще сокрыто, лучше уж без расспросов, и Аскер ухмыляется:

- Вам-то что? Вы - далеко! - "Да, постоял бы, как я однажды, на трибуне, когда рев толпы, подвластной Джанибеку (непреренно: Гусейновичу), готов смести, и надо найти СЛОВО, чтоб удару волны дать новое русло".

Расул разглядывает свояков. Бегают-бегают глаза у Махмуда, то краснеет, то еще какие-то странноватые краски на лице. Никто не спрашивает, а он вдруг:

- Да, да, жизнь на износ! Иссаяк, сил нет!! - Жалко его, но уже через минуту все такой же бодрый, и вспомнил Расул, как однажды на каком-то званом обеде были, где Джанибек пустился в длинные рассуждения о честности, шашлык остывал, масло на тарелке таяло,

смешиваясь с черной икрой и расплываясь, и, как манекены, застыли в черном официанты,- это в доме на горе, с видом на море, нового дворца еще не было,- а Махмуд, это ж ему какой материал! прижав локти к пузу, записывал слово в слово выступление (тост?).

"Ты что же,- потом Расул съязвил,- стенографию изучал?"

Махмуд удивленно вскинул брови: не понял, о чем Расул.

"А я видел, как ты быстро-быстро писал, боялся хоть слово пропустить".

"А!.." - глаза Махмуда горят задорно, откашливается, горло прочищает, обкатывает фразы, скоро выступит: "Дорогие товарищи!.." - И слово в слово: "Совсем недавно..."

- Ну, рассказывай! - ждут.

- Купил билет, сел в самолет...- Да еще о том, что не принимали, вынужденная посадка. "Ну и заливает!" - думают родичи. Волнами разговор течет-набегает, о том о сем.

- Агил? Что вы говорите! Сам изобрел? - Ай да молодец: механического конкурента Аскеру придумал - машина, сочиняющая стихи! В Аскере тогда и надломи лось что-то, когда Агил изловчился вложить оптимистические строки отца в машину, а она, получив задание, выдала пессимистические!

"Ну вот,- ох и зловредный парень!., говорить отцу такое!.- ты теперь не Никбин-Оптимист, а Бедбин-Пессимист". И задумался над причудами машины; честно говоря, сам не ожидал.

"Ты не ломай голову,- ему Аскер, сына жалеет.- У меня как получается? - Уж не подслушал ли разговор Бахадура с художником? - Я, к примеру, хочу о беде сигнализировать КАК НАСТОЯЩИЙ ХУДОЖНИК (а ведь понимает!), а начну нанизывать строки, и тянет на пафос!.."

"Идешь на исповедь, а выходит проповедь, так, что ли?"

"Кто тебе это сказал?"

"Ты сам только что".

"Нет, нет, больше стихов писать не буду, только прозу!" - Но и здесь все та же Пэ Пэ, Проза Поэта.

- Говорю же, никаких целей. Приехал погостить.- Смеется. Те тоже хохочут. Положен мне отпуск или нет? - И опять лицо в улыбке расплывается, а рожи-то! рожи!

Но снова волна.

- Чего вы заладили: цель да цель! Все вам открой да все выложи.- Ага! Умолкли, и Расул тоже.- Где, кстати, Бахадур? - Будто зубы им заговаривает.

И вдруг Хансултанов, кто его за язык тянул? такая опрометчивость! Жест рукой!! Там от куратора отмахнулся, а у того важные вести были о Журначиеве, здесь ляпнул такое!..

- Может, человек новое назначение получил? И мы теперь часто лицезреть его будем?

- Кстати, как Джанибек? - ему Расул.

- А! - сказал, махнув рукой (отпечатался жест). Все думали как Хансултанов, но вслух произнес он, да еще рукой махнул. Кровь прилила к лицу Айши: так рисковать! А вдруг ВИДЕО и СЛЫШИО? Махмуд вытаращил глаза: он бы наверняка знал о переменах. Или что-то идет, минуя его?

В воздухе зреет. Время такое, что краснобайством никого не обманешь. Сколько ни напускай туману (пыль в глаза?), а спросят: показывай работу! Да-с, в воздухе столько всякого взрывчатого (фальши?), что... а что? И тучи грозовые скопились, незримый разговор с подземными пластами, взбурлят, прогрохочут. Как будто стабилизировалось, думают Аббасовы, ан нет! Грядет новое, кто-то устал, выдохся, кое-кто и успокоился. А Махмуд, было такое, скрывать не станет (и готов если что - раскаться!) - клялся, ляпнул: "Да умрут разом все мои четверо (несуществующих) детей!" Чтоб верность Джанибеку выказать; так что тот (в разговоре с Бахадуром) вовсе не спутал (с Гегелем - да, Махмуд к отрицанию отрицания не причастен, а с клятвой - нет, было!).

Если бы Махмуд стал суммировать, жаль, забросил автоматику, то что же получается? И вычислил бы - с учетом неумолимого времени,- что кое-кому не уйти, не спрятаться. И начнут с ведомства Айши, а первым уберут ББ, всем надоел Друг Детства,- ни проблеска мысли; АА, он же Правая Рука, уж, казалось бы, что ему? пополняй, как предшественники, коллекцию, можно и без хобби! и в ус не дуй,- апатия в глазах, а однажды размышлялся, вспомнив далекую деревушку на берегах могучей реки, и синеглазая с русыми косами красавица, какой была некогда жена,- а теперь и внук, и внучка, а дочь зашивается в своем НИИ,выглядывает, обнаженная, из-за кустов... Так он ее впервые увидел в знойный день и влюбился.

Нет, влезать-вмешиваться не будет, тихо усидеть и сматываться отсюда, пока цел. Помнил, как Самый при Шептавшем наставлял: "Джанибек Джанибеком, а гляди в оба!.." - Дескать, "дикие племена, там и многоженство, и гаремы, так сказать,- ухмыльнулся,- разработана даже система наслаждений, изучите по нашим материалам, не вникайте очень уж глубоко, а так, чтобы иметь лишь представление". А потом один на один остались с Шептавшим, и тот сказал Правой Руке в открытую:

- ...приглядишься, а детей своих оставь пока здесь.

"При чем тут дети?" - подумал, но не стал спрашивать (и без совета Шептавшего решили с женой, что пока поедет один).

- ...и не спрашивай, почему так советую, разберешься сам.

- Лишь дочь да внучка.

- Тем более.

И разберется, как прибудет: чертежница его исчезла среди бела дня,- только вчера приказ о ее назначении подписал, рекомендовали ее в центре, должна была, по их данным, расписывать схему кланов,- каштановые волосы, правильная речь, понимает неотразимость своего взгляда. Потом слух пошел, что похитили, и он возмутился было, а телохранитель ухмыльнулся, повторив слова Шептавшего: "Не вникайте".

- То есть как? - не понял.

- Образуется... Такое здесь часто случается, жива-здоровая, кому-то приглянулась.

- И что же, не искать? - И тут же за телефон, чтобы позвонить Джанибеку: "Что ж это творится?!" А он уже слышал.

Кстати,- спросил,- что за схемы кланов?

- Кланов? - Удивление, в свою очередь, выразил и он.- Не кланов, а должностных связей. Для удобства.

- Есть соответствующие справочники, я, в конце концов, могу вас проинформировать... А ее разыщем и найдем.

И найдут: то ли добровольное, то ли вынужденное замужество-сожителство, с кем-то из местных мульти,- отказалась расписывать схемы, исчезли и данные (всплывут частично в анонимном донесении против Джанибека, очевидно, не поладили между собой кланы)

- Не вникайте,- снова ему телохранитель. И, промолчав, добавил: - А то худо будет.

Угроза?! - возмутился было, а тот плечами пожимает

Если вы не хотите, чтоб на золотом подносе, и не фигурально, а на самом деле золотом, преподнесли вам головы ваших детей, что ж, вмешивайтесь, ищите, объявляйте розыск утерянных бумаг, заводите дело, скандальте, прессу подключите и так далее.- И как ни в чем не бывало: - Шучу, конечно, это, так сказать, для картинности.

А между тем Махмуд размышлял (пока Правая Рука кляла судьбу): с кого начнут? Может, с ГГ (грешен, а в чем - не ведает, или делает вид?), запятнан как-никак, цех - цепочка, и тянут, тянут, вышли за пределы, а конца-края не видать, умело его зять орудовал (устранен!). Вовсе перестал думать гигантоман, поддакивает да курит, вычищая мундштук. "Меньше бы курили",- ему, и он тут же на глазах у всех пачку выбросил! хоть бы не так

публично! и мундштук с никотиноуловителем, которым хвастался, кто-то привез издалека. Аж Джанибек возмутился: "Зачем сразу-то?! Будь мужчиной!" Ну, какой инициативы от них ждать можно?

"И вам бы,- Махмуду задание,- чем всякие клятвы придумывать...- Умолк, а у Махмуда вдруг забегали глаза, и хрип внутри, задохнется еще!..- Да, новые бы формы найти, а то тишь да благодать!"

Нутром чует Махмуд: скоро начнется. Без взрывов. Фигура туда, фигура сюда, а кое-кого в запас.

А вот и Бахадур. Нет, не похож: у того парня (кого Расул принял за Бахадура) была вельветовая куртка.

- Ты всегда в этом твидовом пиджаке? - странный вопрос Расула, но замешательство Бахадура:

- Да. А что?

- Очень тебе идет! - Неужели Расул и с той обознался? Как ее? Да, Анаханум! - Слышал, слышал о твоих блестящих успехах!

- Каких? - недоверчиво спросил Бахадур.

- О служебных, каких же еще?

- Мало ли какие успехи могут быть? - шутит Хансултанов (ох уж эти его шутки! ну, начисто забыл про Журначиева, рад, что забрали его и командировка затянулась!).

- Молодец, хорошо шагаешь! - Расулу отчего-то весело. И добрый.- Ну как, Унсизаде не очень? Если что, скажи мне, я этого Унсизаде!..- Ведь Фархада Расул двигал, Фарид тогда и вовсе никому неведом был, школьник. А Расула в те его два года (и тридцать семь дней) хотели в замы к... Фариду.- Что-то не в духе ты, а? Угадал? Я, брат...- И обнимет Бахадура. Они все его, Бахадура, любили: и зятя-шурины, и сестры.

- В отпуск? - спрашивает у Расула.

- Вот-вот! И до тебя допытывались. Может, я снова сюда, а? Рад? Тебе пошло б на пользу. Я б тебя ррраз - и над Унсизаде!

А Бахадур вдруг не в своей тарелке: вроде он дитя перед Расулом, тот игрушки его рассматривает, и любимого Белого Коня, сейчас о дневнике спросит, а там - блеск! к морю как-то шли, и Расул Бахадура на плечи к себе: "Ну как, видишь море?" А он и вправду увидел море, обрадовался; и вроде бы - за глаза ведь, не видя! - они с Айшой недавно кости его перемывали, и он как равный о Расуле (!), соглашаясь с Айшой. Неуютно Бахадуру с Расулом, скован, что-то не так, а что - разобраться не может, в крови потому что детское, он мальчик, а тот - гигант!.. "Расул да Расул!" - говорили часто, а его уши ловили, вгонялось в плоть и кровь,- как теперь изгнать? А вдруг правда? И он - над?!

Потом Аскер Никбин. Рассказывал, когда Бахадур пришел:

- Ну да,- и хохочет щедро, в комнате клокочет его счастливый смех, такой искренний, что смеются все.- Пришли, думаю, за мной, возьмут меня: вот ордер, и все такое!.. Былые страхи живучи, да, да, скрывать не буду, животный такой страх. А еще и бандиты! Помните, как его? ну, расстреляли!.. Словом, Айна меня будит: звонят! Спросонок думаю: телефон? в такой поздний час? А потом вспоминаю, что телефон выключен! Мы его на ночь выключаем.

- А вдруг важный звонок? - прервал его Расул.

- Важный? Одни графоманы ночью звонят, из-за них и выключаю! "Слушай!" звонит, он, видите ли, по ночам пишет, и вдруг гениальный сюжет или строфа,- с кем поделиться? Вот и звонят мне как аксакалу. А разве нет? не пустовать же майдану поэзии, где некогда высился седой поэт-аксакал. Надоело!.. Звонят. Айна тормошит меня: в дверь! три часа ночи! И вдруг страх!

"Кто?" - спрашиваю. Мужской голос: "Откройте, письмо вам!"

"Приносите утром,- я им,- такого еще не бывало, чтоб ночью!"

"Мы должны немедленно!" А я в глазок смотрю - трое за дверью! "От кого?"

"Откройте - узнаете!" "Распечатайте, я вам разрешаю!.." В общем, выиграла во мне кровь, будь что будет, думаю, и что же?! Письмо! В каждом углу пакета сургуч! "Распишитесь". Они, оказывается, как прилетели, должны развезти. А письмо - всего две строчки, но зато какие! "Сердечно поздравляю книгой! Желая новых успехов!" Откозыряли мне, а я им: "Нет уж!..- говорю.- Айна,- кричу ей,стели скатерть, пировать будем!" Аскер Никбин послал новую книгу, где стихи, поэмы, драмы, даже одна трагедия, кое-что из Пэ Пэ, Прозы Поэта, воспоминания о Поэте-Аксакале, и как напутствовал: "Я уйду спокойный за нашу поэзию"; миниатюры, кем-то названные маленькими романами, даже интервью: "Как я готовился к роли в кино?" - почти каждое стихотворение с посвящением: и Айне, это когда она однажды поправила его, говоря о своем умении,- не девять пельменей в ложку, а тринадцать! - и он написал, с освящением "Сестрам Аббасовым", воспел культ женщины в родном краю:

"Она без опасности для жизни станет между кровниками (а где они??), и кровники бросают свои кинжалы (!); она кинет в ноги дерущихся платок, и соперники примиряются; она пойдет в бой, взяв с собой колыбель с младенцем, и когда муж погибает, берет его ружье и стреляет, укачивая ребенка" (а ведь предвидел!..) И Агилу посвящение, это когда он предложил закодировать строки отца (Аскер не уловил издевки сына), а однажды принес сочиненные машиной белые стихи, и на Аскера повеяло печалью, и эта печаль родила несвойственные Аскеру нотки пессимизма; и скульптору, изваявшему его бюст,- у Расула тоже была эта книга. "Это как Коран или Библия, которую никак не осилишь!" - ирония, конечно, но Аскер принял за чистую монету и обещал посвятить Расулу сонет; и послал книгу по СПИСКУ (который что ни день печатается в газетах), никто, может, не сообразил, а он первый, и в восточные, и в западные, но кто прочтет? это неважно, рассудил Аскер: объем! да еще иллюстрации. И бумага меловая! Яркий переплет. Фотография на фоне нефтяной вышки, не слышать не могли, а раз так, то знак уважения; Аскера представляли на Южном (темнит с чего-то Ташкентском)-кинофестивале, он - в роли Бабека, потому и письмо (от Рашидова?).

- Перепугались мы, Айна спешит с валокардином: может, "скорую"? Еще чего! - я ей.

- Кстати,- Расул перебил,- а где Агил? Пауза. Он не ходит теперь на семейные сборы.

- Занят,- соврала Айна.

- Ну а все же, друзья, если всерьез! - Все умолкли, ждут, что Расул скажет. И он сказал такое, что переполошились (услышь Расул свой вопрос, уловил бы какой-то хрип и дрожь, нет, не в его голосе, а фон какой-то с дребезжанием).- Когда вы работаете? Вот уже неделя, как я здесь, и каждый день: то смотр мачт, то шествуют, играя на свирелях, то проводы, и еще какой-то юбилей, да, старого горца, сто сорок, кажется?

- А наши горы, да будет известно,- это Махмуд,- край долгожителей. Может, тебе его афоризмы не понравились?

- Очень мудрые вещи говорил старик, объясняя причину долголетия... вспомню сейчас! да! Никогда никому не завидовал, ибо зависть - самый большой враг. Никогда над собой начальников не имел, в это верится трудно, чтоб у нас - да без начальников!.. Как такое в эфир? Остальные два забыл, тоже занятные.

- Могу напомнить.

- Да, напомни, пожалуйста.

- Жить положительными эмоциями и мыслями.

- Проживешь тут у вас, а как же?.. Вспомнил! Всякий излишек противен природе, но это - не ново, да и кто им следует, этим его заповедям? Чтоб у нас - и без излишеств, особенно по части золота и валюты.

- А что до слета,- хотел было рассказать Махмуд, именно его эта инициатива, чувствует ведь:

зреет! Скоро начнется: как бы не опоздать!.. Раздумал, умолк: уличат в противоречии,- ведь не он забил тревогу, задание было спущено, факты!! улица перед университетом заставлена машинами. "Чьи?" - "Студентов". И что ни фамилия - туз! Преподавателям негде свои машины поставить. И выступали. Транслировалось. Махмуд впивался в людей глазами, излучавшими неумную энергию, и пело в груди: "Наши материалы!" А один из выступавших рукой помогал речи: "Как пробиться сыну обыкновенного человека на юридический, и особенно на восточный? Как ему,- и руку меж микрофонами,- протиснуться?"

"Расул не знает про Пирамиду Стресса",- подумал Махмуд, а тот вдруг:

- Узнал я, что в вашем ведомстве еще грандиознее грядет нечто, потяжелей пирамиды! Кому это надо?

- А ты пойдешь,- не утерпел Хансултанов,- если такой смелый, к Джанибеку, без отчества!
- и пусть перед тобой отчитается! (Непростительная оплошность Хансултанова, а ведь САМ предупреждал, толкуя о бдительности, чтоб Хансултанов повода не давал!)

- И спрошу! - Снова поверили, что неспроста Расул таким тоном.

Джанибеку не стоило труда ответить Расулу (параллельно с ГОЛОСАМИ шли думы Джанибека).

"Да, ты прав,- сказал бы он,- это отнимает половину нашего времени". Нет, не так! "А разве это не работа?"

"Аплодисменты?"

"И это тоже, к твоему сведению,- я удивляюсь, что ты спрашиваешь". "Стимул?" "Мобилизация!" "И усилить улыбкой,- чьи же слова? - энергию зала?"

"Ну вот, сам и ответил!"

- И похороны Устаева,- вздохнул Расул.

- Как?! - удивилась Айша.- Разве Устаев умер?

- А ты не знала?

- Нет, клянусь дедом!.., а когда?

- Я шел позавчера, и процессия, случайно услышал, как рядом сказали: "Какого-то Устаева хоронят". А ему ответили: "В свое время гремел".

- Жаль... - вздохнула Айша. И умолкла: о чем говорить? ведь ясно!

Тут и Бахадур явился. Скинул пиджак и - к столу.

- а я знаете с кем был? - и все бледные.

Айша замерла,- нет-нет, пока этого не было, но будет! ах, какая ночь!!

- а может, день?

- нет, ночь! и всю ночь поиски по городу! похищение! распустились!

Голодный, накинулся на еду. Ест и ест.

- да, будет!! - вздрогнули все. Айша не шелохнется,- ну-с,- говорю я Джанибеку Гусейновичу,- громкий позор или тихий мир? давайте по-доброму! мы с вами, помните, откровенно? и вы сказали: "наш Бахадур" (а Унсизаде, вот умора, у него лицо вовсе не круглое, оказывается, продолговатое).

- За эти годы ты помолодел даже! - Хансултанов Расулу. И в свидетели Аскера Никбина:
- Ты не находишь? - И на макушку свою лысую - пятерню как колпак. Многозначительно на Расула поглядывает, недавно научился, кого-то копирует, будто знает за тобой провинность, примитивные бюрократические уловки, Расул, бывало, сам пользовался, когда молод И ГЛУП был.

А у Расула прекрасное настроение, этот синоним бодрости, и она должна передаться аудитории. И Хансултанов со своими уловками кажется ему милым-премильным, не надо, не важничай, ведь все мы с вами, свояки Дорогие, расписаны по клеточкам... Расул, как зашел к

ним, сразу же увидел большую карту-схему на стене, рядом с портретом Кудрата-киши.

- А это что? - спросил у Айши.

- Это изобретение Бахадура, семейное наше древо,- гордо ответила та.

"Мало им,- подумал Расул,- медной реликвии - большого казана, очищенного от полуды, и он горит как червонное золото на книжном шкафу: сбоку на покатоном казане все мужские имена Аббасовых выгравированы - Деда Кудрата арабским шрифтом, отца Муртуза латиницей, а имена третьего и четвертого поколений мужчин, от Бахадура и до Муртузамладшего,- кириллицей".

- Где тут на древе я?..- И не отыщешь сразу, ты же ведь фигура.- Вот, нашел! - маленький кружочек, в нем Расул, а рядом, это основная линия в семейном древе, Лейла, кружочек побольше, примыкает к главному стволу древа. Но обида улетучилась, он уже не тот Расул, крепко впаянный в древо кружочком, среди десятков других, ох эти замашки, мечты о скором взлете, и древо, как крылья, а там, где клюв, он сам, Бахадур.

"Насчет провинности, пожалуй, ты прав, Хансултанов".

- Да, да, ты прав,- сказал вслух, обращаясь к нему, а тот решил, что о новом назначении: "Ну да, я же чуял!" - но на сей раз промолчал, и тень озабоченности на лице, зря громогласно. Как бы Махмуд не проболтался (уже дошло!). Да, каюсь и винюсь, дорогие мои свояки,- он скоро покинет их, и на прощанье Бахадуру, представил себе, как тот снимает схему-древо, расстилает на полу, и, взяв резинку, злясь, ибо испортил все Расул, стирает и стирает его кружочек, а заодно надо и всю линию заново вычерчивать.

- Ты не унывай,- будто успокаивает Бахадура (что тому придется стирать).Если что,- мол, для Расула сказать слово в защиту Бахадура пустяки. И тот понял, что его шурин безнадежно отстал.

- Да, повезло...- говорит Расул, а Бахадур вздрогнул: его мысли.

- Ты о ком, Расул?

- Об одном,- и уже смеется, ибо хотел Фархада Унсизаде назвать, а впору б и себя,- о чуде, ставшем вдруг миллионером, да, да, именно миллионером.

Об этом же думал и Бахадур, глядя на огни большого города. Не так уж прост, оказывается, его шурин; может, вовсе и не слухи?!

- Нефтепромышленником?

- При чем тут нефть? - удивился Расул.- Ах да, ну конечно же! Именно нефтепромышленником! - И, многозначительно глядя на Бахадура, пропел: "Ах, ангелы, ах, ангелы, как по небу летят..." - Расул уже мысленно давно с той, только б сейчас начаться конспирации!

Он же видел Расула! Но там все комнаты с ангелами.

Вот потеха: шурин и... а кто я ему? зять? Зять и шурин нашли себе подруг в одном доме! "Дорогая Айша, полюбуйся на ухажера! И передай по проводу мои поздравления Лейле!" Бахадур сейчас собьет с него, но что? эту радость, огорошит. Хотел спросить: "Небось и ангелов видели?" '- но сказал иначе:

- Как же могут летать, Расул, когда разрезаны?!

- Ты о чем? - смотрит недоуменно. Довольство как рукой сняло. А Бахадур этого как раз и добивался:

- Наука эти ангелы.

- Изучал?

- Трактат один пришлось в свое время перелистать, лежа на тахте и глядя на парящих ангелов, о добре и зле.

- И что же?

- Красивый потолок, а на нем ангелы, их разрезали пополам, туловища здесь, выглядывают из-за стены, а ноги в другой половине, с розовыми пятнами.

- Ты чародей! - ему Расул.- О моих видениях рассказываешь!
- Видения или бль? - Угадал! Но кто же его зазноба в том доме? Вот потеха! - А
впрочем, надули добряка хозяина, не истинных ангелов ему нарисовали, а падших!

- ??

- Ну да, как его? Иблис, или Дьявол, рожденный из огня и презирающий созданных из праха, и его услужливые чиновники-демоны, состоящие из пара и бездымного огня и могущие принять облик ангелов. Впрочем... - махнул Бахадур рукой.- Ты куда-то спешишь, Расул?

- Да, да, я должен идти!

"Мы оба в один и тот же дом!"

Но прежде уйдет он, Бахадур.

А тут насели на Расула: как же без чая?! ждали, готовились!..

И Бахадур незаметно выскочил. Пока шел, на сей раз пешком, чтоб не привлекать ничье внимание, и всевидящие очи за ним.

Началось. И теперь не остановить.

И все устремляются в комнату, где ангелы. Неведомо, как она вместит: сначала Бахадур, как он спешит сюда!! следом за ним Джанибек, вырулив из гаража машину, позволяет себе иногда, В НАРУШЕНИЕ ИНСТРУКЦИИ, стемнело уже, кто увидит? а потом уже Расул, но опоздал и, увы, не ведает, что здесь было: тихая пустынная улица, вздрогнул от резкого чиха: аллергия? или сигнал эпидемии?

15

Джанибек сначала не понял, когда скрестились пути-дороги Бахадура и Расула, и обе привели в один дом, в одну квартиру.

Бахадур приходил сюда дважды, и дважды - ни с чем. И то, что она - это именно та, к которой приходил Бахадур,- имя легко узнали.

- Шли-шли за Расулом - ив тот же дом!..

- А я тебе сегодня, может, сюрприз преподнесу,- говорит Джанибек Анаханум: только что Бахадур появился там, куда стремился вчера.

- Что-то тебе часто звонят сегодня,- удивляется Сальми.

- Важное дело.

Такого, чтоб часто звонили домой, давно не было.

А Бахадур спешит. Лишь бы войти. И выбросил ключ, он теперь ему не нужен. Только бы войти. Он сделает все, если та не захочет по-доброму и если не простит (но за что?!). Она будет сопротивляться, будет холодна, будет грозить, что закричит, вызовет милицию. А он, прежде оскорбив и обзвав ее, ударит.

Было однажды: прикоснулся, и не ясно, ударил или просто провел по лицу. "Я тебя,- то ли душит, то ли обнимает,- и убить могу!.." И он повторит: вздумалось ей тогда порвать с ним. А ее е гала бить дрожь, слышно было, как зубы стучат. И коленки мелко-мелко дрожат, сама бледная. Бахадур испугался: "Ну что ты, я же пошутил!" И целует ее в глаза, губы, шею. А она, как в лихорадке, никак не уймет дрожь. Он опьянел, такого давно не было, а она не реагирует, куда девалась ее отзывчивость?! Податливость, когда полное слияние и ничто не мешает? А тут и колени помеха, и ему неудобно, никак не найдет того единственного положения, когда они как целое.

"Ты как мертвая, и я сам себе омерзитель!" - бросил тогда и ушел.

И он позвонил.

"Наконец-то!" - Ниса издергалась вся. Сразу открыла, думая, что Расул. Сникла, о боже!./

А Бахадур вошел:

- Не ждала?

- Тебя не ждала. Ждала другого.
- Кто же он, другой?
"Надо прогнать! Чтобы Расул не увидел".
- Я прошу тебя уйти. Я не хочу, чтобы он тебя видел. Не надо!!
Он подошел к ней, чтоб взять за руки.
- Оставь меня в покое, не ломай себе карьеру, у тебя, я слышала, там большие успехи.
- Мне только ты...- Волнуется.
- Уйди!!
- Так и с врагом не поступают, Ниса, имей совесть. Я уже неделю хожу за тобой, а тебя нет и нет, может, у меня предложение какое к тебе? Или тебе не нужна больше работа? И учти: я ведь никуда не уйду отсюда.
- Ради бога, уходи! Я действительно полюбила и выйду, наверно, замуж!
- .Ниса, родная, но почему вдруг?
И уже был звонок к Джанибеку: ЗАШЕЛ И ОСТАЛСЯ ТАМ.
Джанибек поднялся:
- Одевайся, доченька.
- Куда ты ее так поздно?
- Поздно? - Ведь отец сказал, что сюрприз, но что? Анаханум заговорщицки смотрит на отца, улыбается.- С чего ты взяла, вовсе не поздно!
- Я должен ей кое-что показать.
- Что?
- Не спеши, узнаешь.
И сам, изредка себе позволяет, вырулил из гаража машину:
- Садись.
Что-то очень-очень интересное.
Анаханум вся ожидание. "Вот и увидишь!"
Какой-то дом.
Вошли во двор, тихо.
По лестнице, железная, винтовая, вверх.
Здесь!
Анаханум не помнит, чтоб отец шарил по карманам, и не помнит, был ли в руках у него ключ. Но дверь открылась, как будто кто-то щелкнул изнутри, и тихо ей: "Входи".
Тотчас же ударила фраза, с такой отчетливостью: "Но я ж тебя люблю!" Голос!! Анаханум замерла. Но следом - женский голос: "Да, ты меня любил! Любил, когда я была нужна тебе!"
Отец резко открыл дверь:
- Вот, полюбуйся на своего!
Страх! Испуг!.. Как они посмели?! Нису взорвало - говорит, а подспудно мысль, но слова опережают:
- Как вы смеее?! - это ж Аня! ее отец! надо молчать! - Как вы смеее вламываться в мою квартиру? - Теряет сознание, только слова и держат ее.Вас!..
- Что ты говоришь, опомнись! - бросился к ней Бахадур, ему показалось сначала, что лишился дара речи. А тут вырвалось с силой, когда она такие слова!
- И ты?! - крикнула Ниса Ане.- И ты, тихоня! Не стыдно тебе? За женихом своим пожаловала? Бери его, это барахло!
- Да, да, прости, Ниса, мне стыдно!..- ЧТО ОНА ГОВОРИТ?! - Я не знала. Извини.- ЧТО ОНА ДЕЛАЕТ? - Стыдно. Какой стыд!..- И к двери, бежит по лестнице, отец еле поспекает за ней.- Пстой!!
- А ты! - на Бахадуре.- Выметайся, чтоб духу твоего! Ноги твоей чтоб не было!.. Ах ты

еще!..

- Ладно, ладно,- шепчет он ей тихо,- пусть уходят!

- Нет, сейчас же, сию минуту! Убирайся! - кричит. Истерика. И слезы, и крик, и душист что-то внутри.- Я сейчас тебя!.. Уходи!.. Уйдешь ты?! - И он выскочил, а она тыкается по углам комнаты, ищет, чем бы его ударить, понимает, что ушел, и дверь открыта!.. Дверь!.. Захлопнула, потом ключом два раза, двигает стул к двери, задела зеркало и тут будто очнулась.

Анаханум бежит по улице:

- Нет, в машину я не сяду! Спасибо тебе! За твой сюрприз спасибо! - Хохот как всхлип.

Джанибек запыхался:

- Постой, кому говорят?

- Пусти!! - и с такой злобой. И снова рыдание (как хохот).

- Это пойдет тебе на пользу, думаю.- ЧТО ОН ГОВОРИТ? - Я ж тебе не желаю зла, я с добром, чтоб ты знала. Чтоб не обманывалась. Люди, они ведь...

- Молчи! Я не могу тебя слушать! Быстро-быстро, и вдруг, кварталом выше, схватил ее за руку, остановил:

- Стой! - И потянул вниз, к машине,

Она послушно пошла.

Бахадур увидел стоящую машину, увидел, как они бегут вверх по улице, и тут же, пока его не заметили, вниз за угол, крах, это крах!

Но ведь ничего не было!., они видели! они же видели!

"Пришел, чтобы порвать. Я же не мог иначе? любой бы мужчина на моем месте!" Да, да, все рухнуло. Но ведь сами слышали! пришел, чтобы навсегда! и Анаханум! Она не простит! Она? И даже улыбка: еще не все потеряно, черт возьми!

А когда села Анаханум в машину, слезы высохли. И вспомнила вдруг разговор отца с Бахадуром.

- Карать!..- Он не понял: о чем она?! - Ты это умеешь! - Да, он покарает!

- Нет в твоём сердце...- умолкла, а он весь слух, и еще никак не решит: правильно ли поступил? Он ждал слез, она уткнется ему в грудь и скажет: спасибо тебе, папа, ты спас меня от позора, я тебя люблю еще больше!.. Ее поведение для него неожиданность: он же любя, как она не поймет?

И больше ни слова, всю дорогу молчала, а как вышла из машины, расхохоталась. Джанибек вздрогнул, а она хохочет:

"Ой, не могу!.."

"Перестань!" - втокнул ее в подъезд, и она сразу умолкла, передернуло как в лихорадке, смотрит на отца странно.

Джанибек потащил ее наверх, Сальми ждала у двери, при виде матери Анаханум расплакалась и долго не могла успокоиться. Джанибек сделал жене знак, чтоб ни о чем не спрашивала: потом!.. Что же дальше? Ничего не было. Так, лишь эпизод. Никто и ничего. Бахадур будет молчать. И та тоже.

...А Ниса с ужасом смотрит на разбитое зеркало. Мать всегда остерегала, это у них дома, большое зеркало у входа, рядом с вешалкой: "Осторожно!" Когда она нечаянно, вешая пальто, коснется зеркала и оно качается.

Она должна пойти. К нему! Да, да! Это как прибежище. Быстро накинула жакет, как от чего-то мерзкого, отшатнулась от стены, где висело зеркало,- два ломких блестящих осколка и огромное черное пятно стены. "А закрыла дверь?" не помнит! И не вернется!

Шла, шла и остановилась: он должен ведь прийти к ней! И заспешила обратно. Но дойдя до ворот: "Нет, не могу!"

- Что с тобой? - она ворвалась к Расулу.- Я приходил, где ты была?..- А она дрожит, лицо вспухло от слез.- Что случилось? - Но она и слова сказать не может, и ее дрожь передается Расулу, и он крепко держит ее в объятиях, пытается унять эту дрожь.

- Страшно, я зеркало разбила, Расул.

- Ну, что за глупости, и все?

- Нет-нет, не все.- И рассказывает, как полюбила его; и что матери сообщила; а о ее телеграмме ни слова: "Не смей этого делать!.." "Ну, что с того, что он старше?! и что женат?!" - Я должна тебе все-все рассказать!..- Но об этой ночи ни слова.- Решила уже, что нет мне счастья, и связала свою судьбу с...- Каким словом назвать его, Бахадур? - Да, да, это он звонил! - И о детстве, об отце, которого любит: - У меня такой прекрасный отец!.. Ты непременно с ним познакомишься. Решила я - поеду учиться в город, туда, где родилась. А мать ни за что не хочет! "Куда угодно - но не туда!"

Как рассказать, чтобы он понял? Не истолковал превратно. Увлеклась, приняв за любовь и уверенная, что нашла свою судьбу? Или нет, пусть полная откровенность, она ничего не утаит: уже два года! и почти каждый день! Нет-нет, не сейчас, порвала раньше, чем встретила с тобой, боялась его потерять, когда узнала, что он затеял дерзкое; и поняла, он сделает все, чтобы закрепиться там, такая добыча идет в руки!.. Тогда рассказала той. Все как есть. Ревность? Может, и это, она не станет скрывать, скажет Расулу все!.. Но было еще чувство, не только ревность: предупредить! и все-таки больше ревность! Чтоб отвадили его, прогнали, слишком выиграло в нем честолюбие, знала, что принесет в жертву и ее, пусть изгонят, обломают ему крылья.

И тут Ниса впервые произнесла имя: Бахадур. Но мало ли Бахадуров в их краю? И однажды она услышала, именно это и отрезало!, сбежала, чтоб забыть, его разговор с сестрой Айшой! ЭТО Ж ИХ БАХАДУР! - обожгло Расула. Они помешали ему тогда, давно, и теперь, когда... неужто он и впрямь бросит Лейлу? найдет мужество в себе? Дня два назад решил написать ей. И не смог. Давно не было серьезных писем... Отвык!.. Или официальные (фальшивые?), или поздравления. Сколько черновиков!.. Как в плохом романе, ворох порванной бумаги на столе, и он бросил. Объяснит, когда приедет.

("Ну, и что ты скажешь?" - Это был голос Айши.

Ниса, к удивлению своему, увидела, что дверь в их квартиру открыта, и вошла; а войдя, услышала свое имя, и ей вдруг стало нехорошо. "Кто такая Ниса? Не нашего круга человек! Ты же сам выяснил!" - Да, он выяснял.

"Я с тобой согласен! - Ниса с трудом удержалась, чтобы не упасть.- Я согласен с тобой".

"Потерпи,- снова ему Айша.- А это дело тихо-тихо спусти на тормозах, пока она тебе ребенка..." - Было душно, надо уйти! уйти, пока не увидели ее! как пьяная, она вышла, не помнит, как спустилась по лестнице, но в память врезался почему-то большущий букет роз, крупные распустившиеся лепестки: "Они на день-два, выдохлись уже, скоро гнильно запахнут...")

Но Ниса знала не все: -о том, как Бахадур выяснял. О списке знатных земляков он узнал случайно, на одном из банкетов, куда его с риском для себя провела Айша, хотя и получила на то разрешение,- очень хотелось Бахадuru на знаменитую принцессу из одной южной страны поглядеть; а увидеть и не удалось как следует (как же? почти землячка! королевский род продолжит!., увы, вскоре пала династия). Сидел далеко, а та принцесса точь-в-точь Айша: белотела, волосы как смоль, большие черные глаза, но стройна; и близко подойти не сумел; никто не мешает, а будто между нею и им пропущен незримый беспроволочный ток; или как в метро - войдешь, а с двух боков лопасти закрываются: не проскочишь! И сосед, показывая на кого-то, сидящего за главным столом, спросил:

"В нашем списке мы его, кажется, пропустили".

"Нет,-; успокоил собеседник,- потом вписали, Гартал Кулов".

"А есть ли Максудов?" - И чего Бахадуру взбрело в голову, что отец Нисы в списке? (Она, когда знакомилась, на его вопрос, кто отец? ведь сумела поступить!., не иначе как устроили!.- ответила: "А зачем?")

Узнай да узнай, пристал он к Айше: не было! никакого Максудова не было!

Ниса уснула, прижавшись к Расулу, и это странное ощущение его молодости: не заученно привычное, а неповторимое, именно это, всего тебя захватывающее; не потому что есть привычка, условные импульсы, передающиеся от той, кто рядом, уже четверть века; а потому что... и не задумываешься, почему да отчего. Возникает само собой в чистом виде, без примеси побочных дум,- только данность сего мига, в котором вся твоя суть, не вчерашнее, о чем постоянно думается, а именно сегодняшнее, настоящее, осязаемо устойчивое; потом и не выразишь, что ж это такое, связь с первозданной своей природой, уже давно подобного не было, как бы соединилось давнее, что тогда не осмыслялось, с сегодняшним, а между ними провал!.. То давнее, в сущности, год с небольшим! и это, всего лишь неделя!..- перевешивает, не то слово!! не было никого, кроме нее, вот она, рядом, вздрогнет иногда во сне и еще ближе прижмется, будто хотят оторвать ее, дышит беспокойно.

Он только на миг провалился, не поймет, вздремнул или что, а она уже встала. "Ой!" - спешит на работу, ушла, а он закрыл глаза, да, это и есть то, что забыто, загнано было внутрь!.. Вот он настоящий! И он же - то, что было, когда горела лампа. Ему казалось, что и с Лейлой будет так же, как и с Далею. И было. Те трое суток пути в отдельном купе скорого поезда. Нет, не то!.. Иное совсем!

Вахтер, тоже из людей поставщика кадров, зевнул, глядя на Бахадура, и улыбнулся: мол, не выспался, не обессудь!.. Эта улыбка чуть успокоила, а потом вздрагивал от каждого стука в дверь: сейчас!

Ну вот, так и есть: "Тебя к Унсизаде".

Выскочил.

- Что вы такой бледный? Не больны? - Это прием! А потом скажет: "Может, вам полечиться?" и "скорая помощь"!! - И глаза какие-то лихорадочные. Вот-вот! Ноль три! - "Возьми себя в руки".

Бахадура слушает, как Унсизаде с кем-то по телефону. Там говорят, а Унсизаде внимает, и на лице мускул не дрогнет, тренирован. И резко прервал (не то!!): "Позвоните позже, я занят".

- Ну как, готов?

- К чему?

- Как к чему? К поездке!

- А разве?..

- Ты что же, забыл?

- Я думал...

- Нет-нет, надо ехать немедленно.

- А...- разинул только рот, и Унсизаде понял:

- Я только что был там,- и рукой: мол, у шефа.- Все остается в силе.

"Что он сказал?" - спросить бы, но как?

- Шеф еще раз подчеркнул важность дела, которое тебе поручается. Район сложный, учти!.. Передал, чтоб был осторожен.

- Так и сказал? - будто гора с плеч. А Унсизаде улыбается:

- И то обещание остается в силе, подтвердил, что все зависит теперь от тебя.

О Расуле ни слова. И Бахадура молчит, не вспомнит даже.

- Это честь для меня. Я оправдаю.- И дрожь в голосе, неподдельная искренность.

- Ну и хорошо, счастливого пути. Мы с тобой сработаемся.

А потом Унсизаде - Айше, увиделись в обеденный перерыв, она к ним ходит, у них в

ведомстве и выбор, и уют, и быстро, пошли ей навстречу, хотя очень строго,- увидел и подсел:

- Во парень! Айша не поняла:

- О ком ты?

- О Бахадуре, о ком еще? -И, помолчав, о эти притворные соболезнования: Что у тебя вид такой растерянный, Айша?.. Ах да, я понял! Но не унывай,успокаивает.- Сама знаешь, часто бывает: здесь потеряешь, а там выиграешь! А ты-то при чем? Вот именно!

- Не понимаю, Фархад, о чем ты?

А у Фархада любой на лице прочтет, въелось: Хансултанов! Ну да, местная газета с утра гуляет по этажам! "Изнанка", а в скобках: "Кто он, Академик (с большой буквы) Хансултанов?" - и как водится, жанр: фельетон (курсивом).

- Вот ты о чем! А я и не сообразила,- улыбается Айша.- Мы с ним,- как о чем-то далеком, постороннем,- уже давно не общаемся. Ни я, ни Бахадур.

- Ну и правильно! "За кого ты меня принимаешь?" - ласково глядит Унсизаде.- Ну-с, что мы будем заказывать? - достал из футляра очки, уткнулся в меню, а в белом фартучке ждет, не очень-то приветлива, с чего бы такая надменность? Хотя здесь такой же конкурс, как в театральный или в кинематографический, не каждая выдержит, и красота чтоб, и чистюля, и манеры, а чем строже, тем больше продержится, и свои ступени роста!

Не рассказывать же Фархаду, в спешке выбирая, что поесть, что Я УЖЕ УСПЕЛА ОСТАВИТЬ У ШЕФА отстуканную на машинке короткую деловую записку, чтоб ДОРОГОЙ ВСЕМ НАМ ДЖАНИБЕК ГУСЕЙНО-ВИЧ знал, что Я И МОЯ СЕМЬЯ УЖЕ ДАВНО НЕ ПОДДЕРЖИВАЕТ НИКАКИХ, подчеркнуто, СВЯЗЕЙ С ХАНСУЛТАНОВЫМ, без инициалов и званий. Айша сама виновата!! не надо было ей тогда выгораживать Хансултанова, спасая честь семьи, да и Алию очень Жалко было,- Айша кричала на кралю Хансултанова, не всплыло бы теперь! (и нашла, как ей казалось, то единственное, чтоб сразу обескуражить, больно ударить):

- Я зашью тебе все, понимаешь, ВСЕ!! - прижала с красавцем дружинником ее к стене на кухне у нее же в квартире: - Я зашью!!

Да, надо было спасать Алию, лицо у неё будто мелом измазано, белое-белое; и губы дрожат: здесь праздник, двадцатилетие их семейной с Хансултановым жизни отмечают, а его нет! И звонок: спросили Хансултанова.

- А его нет.

Еще звонят:

- Я же вам только что сказала, его нет! Что? И не будет?! - хотела бросить, а в трубке сказали такое, что голос у Алии дрогнул, лишь адрес в голове! она это чувствовала! и тотчас поверила. Но чтоб в этот праздничный день?!

И она, никому не говоря слова, пошла по адресу, который ей сообщил голос, лишь это в голове:

- Хансултанов наслаждается со своей...- не расслышала! - на Молодежной пять дробь семнадцать квартира семь третий этаж!

Только собралась нажать на кнопку, запыхалась, задыхается, прическа, специально к этому дню!! локон к мокрому лбу прилип, и дверь открылась. Хансултанов! целует на прощанье ЕЕ, и за приоткрытой полый халата юная, как белуга, нога, Хансултанов не видит, а та, как увидела Алию, ждала! знала! сама звонки устроила!! смотрит на нее победительницей, наглая:

- Нет, нет, я никуда тебя не отпущу! - И силой вталкивает Хансултанова к себе в квартиру. И оттолкнув Алию, захлопывает дверь.

- Я ни за что не отпущу тебя на съедение!! Алиа стучит:

- Тебя ждут, подлец! - Не помнит, как вернулась.

- Что с тобой? Куда ты запропастилась? - ей Айша.

И Алия трясущимися губами:

- Позор! Как я встречу гостей?! - успела поведать Айше, а та вдруг: Возьми себя в руки!

- И ее нелепое: - Ты же хирург! (??) - Чтоб успокоить. Испугалась! Гости встречай с улыбкой! Я его сейчас живым или мертвым!

- Уж лучше мертвым!

И когда успела? Айша, двое молодцов, рослые ее парни, и сын Хансултанова Муртуз, верзила, все двадцать дашь, а он недавно только паспорт получил.

- Но зачем его к этому?

- Пусть знает!

И пошли.

Сначала звонили. Потом стук кулаком. И уже выламывают дверь. А как ворвались, оттеснили Хансултанова. "Выносите его!" - Айша так и сказала Муртузу; тот и еще один, из своих, - под руки Хансултанова, сын на голову выше отца, а ее - она вырывалась, но парень скрутил ей руки - затолкали на кухню и закрыли дверь.

Хансултанов побрел виновато, словно ждал лишь повода, чтоб выволокли его, и рад был уйти. "Как ты мог? - ему Муртуз на ухо. - В такой день!" - мужчины, сын понимает, но в такой день! если б какой другой, а сегодня! "Куда ты уходишь? Почему меня с ними оставляешь?" И Хансултанов на миг задержал шаг, но сын подтолкнул в спину. "Изувечим так, что ни один на пушечный выстрел к тебе не подойдет! Поняла?!"

- Если позвонят мои, - предупредила Айша помощницу, - не соединяй. - Ты поняла: Хансултанов или Алия.

Да, как снег на голову, но надо держаться. Такое с каждым случиться может, но с чего вдруг с ним, с Хансултановым, не поймет, - может, какие старые истории всплыли?

Еще в одну из первых своих встреч с Айшой Джанибек говорил: "Я должен быть абсолютно, вы понимаете меня? абсолютно спокоен!.. - и так смотрел, что Айша поняла - о всем их роде! А сама как на ладони: преданность до конца дней. И о Хансултанове, да, да, это он сказал именно о нем! "Сигналы на него идут, копятя в папке... Я понимаю, восточная кровь, цветет миндаль, персики нежно пахнут и прочее (Идея!), и сами мы не в антарктических льдах (?), извините, зачаты (!)".

Да, предупреждали. И Айша Хансултанову дала понять, что пора кончать с "шалостями", именно это слово! Некогда разбираться, а между строк в фельетоне и о Расуле, определенно о нем: "Говорят, что какой-то знатный свояк издалека..." Как посмели?! Вспышка негодования, но гасит: не могли без вельможи Джанибека! Сохранить целое, принесся в жертву одного, сухая ветка, срезать ее. Но с чего это вдруг? Случайное совпадение? Предупреждение кому-то? (Тому же Расулу?) Да, его приезд! И вдруг озарило, как Хансултанов, подогревая слухи, мог сболтнуть. Решил, что Эверест, Джомолунгма. "Знатный свояк", - а не об Аскере ли? Надо б слово за словом, строка за строкой, но некогда, ощущение такое, что о Расуле. Трижды Алия звонила Айше: "На коллегии" (и будет не скоро). И сама Айша звонила Расулу. Нет его! С Алией успеется. Она поговорит с нею, и очень скоро, вечером. Позиции ясны.

"Пойми, как же могут не знать, что он мой зять? ОН ЗНАЕТ ВСЕ! Постарайся понять меня! Жертвовать общими интересами ради твоего мужа? Да, больно, но как тут поможешь? Это как в хирургии, омертвевшая часть!"

"Что ты говоришь?" - отпрянула Алия.

"Да, да, как бы ни было больно".

"И меня тоже?"

"Оставь эти фокусы! Да, и тебя, если вам не дорога наша фамилия!.." Прозвучало напыщенно, хотя Алия сама чуть что: наша фамилия! Айша уговорит ее не впутывать их в

такое предрешенное дело, что ж, надо уметь приносить жертвы!

Позвонить Бахадуру! Но как ему сказать? - Айша ломала голову, пока только это! но потом, когда позвонит Бахадур: "Случилось два важных события. Как приедешь, сразу же ко мне, на службу, никуда больше, понял?" Уже побывала у шефа, успев опередить Расула, хотя и мысли не допускала, что тот может прийти сюда.

- Спрашивал меня кто? - Айша уже у себя.

- Ваши звонили.

- Это потом... А еще кто?

- Да! - В левой руке блокнот, в правой карандаш.- Какой-то парень с Кладбищенской.

- Что за Кладбищенская?

- Он так и сказал, передайте привет Айше-ханум с Кладбищенской улицы.

Уже поняла, но делает вид, что не поймет, Айша ничего не забывает,- это тот самый говорун.

- И что еще?

- Чтоб не беспокоились, переезжает.

Ну вот, устроилось, возгордилась даже, гора с плеч. А может, издевается? Прослышал что?

Махмуд в тот вечер засиделся у себя допоздна и только собрался уходить, как на стол ему сводку (механически делается): вот оно - чуял, что зреет. А тут с них самих и началось.

Сидел Махмуд минуту-другую не шелохнувшись, слышал только собственный хрип, "доработаешься,- ему как-то Зулейха,- схватишь астму". Расстегнул ворот, чтоб легче дышалось, снова глянул. Упредить? Но как? А ведь надо! потом как лавина покатиться может. Не могла не знать Айша, но молчит. Молчать и ему? Не выдать, что паникуем. Потом скажет, когда увидит, как реагирует Айша,- что знал, но помочь не смог, дескать, было уже решено. И Айша одобрит, даже воздействует на Зулейху, чтоб та не очень нажимала на мужа, к черту эти патриархальные замашки!

И зачем это ему? Дышать стало труднее, "еще отдам богу душу!" Бросить все!.. Аскер Никбин часто шутил: "Твое учреждение в зловещем треугольнике: меж кладбищем, зоопарком и тюрьмой, богатый выбор!" И вспомнил Махмуд, как ему Бахадур, а он знает о грозящей им всем опасности?., если это ведомо Айше, знает и он! да, вспомнил, как Бахадур, после того как атаковал зятьев, рассказал об одном симпозиуме, и там докладчик вдруг ввернул фразу: "Это по принципу муфты Махмуда". "А кто это, Махмуд?" - бросил реплику Бахадур. Тот презрительно: "Не знаете? Еще в двадцатые-годы эта идея была Махмудом предложена, крупный наш ученый умер в неизвестности, как это, увы, часто случается,- вздохнул,- вот и займитесь, молодой человек, розысками, авось напишете о нем, светлого ума был человек!.." Может, придумал, чтоб разрядить обстановку? а ведь в любом пособии об этом его изобретении прочтешь... да, как пойдет лавина, не спасешься.

16

И вдогонку всему, что уже было,- выскочит Расул из дому, выскочит и побежит, не ведая ни о собственных похоронах (лежит большая кукла, похожая на патриарха), ни о том, что суждено ему жить под чужим именем.

Расул читал и глазам своим не верил. Это вероломство! Что ж, пришло время идти к нему! Надо было сразу, как приехал. Он немедленно позвонит! Чтоб такое? Между строк! Исподтишка! "Знатный свояк издалека...!"

- Вы?! - замешательство, с чего бы? голос незнакомый, ах да, старый секретарь, фамилия была редкая, что-то царское, вылетело из головы, на пенсию недавно.- Расул-муэллим, я немедленно соединю вас, как только Джанибек Гусейнович освободится. И только тут вспомнил Расул, что отца зовут Мамедгусейн, слишком длинно, и Мамеда сократили.

"Расул-муэллим"!..

"Ах, знатный свояк? Значит, так ты сам о себе думаешь? Не знал, не знал..."

Хансултанов, конечно, повод. И, как будто нарочно, безликие подписи. Где-то умолчать, это ясно, кто помнит о прошлом? где-то походя бросить фразу, и верно как будто, и падает тень, при умении можно раздуть до поклепа, что это доказано, и намеки, что чуть ли не связан с теми, кто ранее нашумел, то памятное скандальное, с валютой, никак не разгребут, тома в архивах пылиться будут, ибо вышли связи за пределы края, и даже до кое-кого в Центре (но об этом молчок!), и что не раз предупреждали Хансултанова, и по линии семейной (!) тоже: отец, мол, столетний аксакал, мудрый наставник, и по сей день не оставляет кирку; и покойная мать Хансултанова воскреснет и снова умрет, узнав о проделках сына, туманно, расплывчато: о зажиме, о финансовой дисциплине, штаты и прочее, нелепое сравнение с лихачом, поехавшим на красный свет (?). Наконец: "сходило с рук", ибо "знатный свояк издалека оберегал".

Голос Джанибека за всем этим (а Джанибек, может, чегэи сказал в узком кругу про Хансултанова, но о фельетоне, поклясться готов, понятия не имеет): "С тобой не получилось, не смогли тебя загнать в тупик, выпал из орбиты, а теперь приехал, распускают тут всякие слухи (!) о тебе, а у нас - здесь все рядом, можно так запутать, что пока дознаешься, кто прав, кто виноват,- и игре конец!.."

Нет, за Хансултанова Расул не ручается! Но чтоб сразу такое? И о пожаре, том, далеко, знаменитом! Еще бы крик Азии сюда. "Ты, ты его погубил!" кричала, когда погиб Ильдырым, и не он один, волной (высота, писали тогда, девятиэтажного дома) свалило стальную вышку, как щепку, и смыло основание, где работал Ильдырым.

Особенно возмутила ссылка на войну, ну да, Хансултанов старше их, и его, и Джанибека, лет на пять.

А сам он, Джанибек? Ни пятнышка, чист? А ведь некогда разбирали и вlepили. Но кто теперь докажет, за что, было так давно!.. Мало ли что люди болтают: и завистники, и обиженные... А вы больше ту сумасшедшую из деревни Исс слушайте! Что там у него с нею было, на мельнице, любовь или что другое - кто сейчас помнит? Говорят, ходила по домам: "А я сейчас такое скажу!" И тут же в страхе пальцы к губам: "Тсс!" Исчезла, вспомнили о ней однажды, что-то давно не видно ее, и платок на высокой скале Над обрывом, зацепился за сук, трепыхался на ветру.

А то, ВТОРОЕ дело, такой любвеобильный был Джанибек!.. Та, из Исса, сгнула, а эта подала на него,- и разбирали. Нарушение, так сказать, служебной этики: она им верой и правдой служила, СИГНАЛИЗИРОВАЛА, о чем у них в квартале, домах, семьях говорят, ПРЕДУ

ПРЕЖДАЛА о возможных диверсиях, подпольях, инакодумии, и записки собирались у Джанибека, а он возьми да взгляни на нее как на ЖЕНЩИНУ, и очень симпатичную, ну и принудил как начальник подчиненную... как это называется? да: к сожительству! Нет, не когда она явилась с очередной информацией и был жаркий день: то ли обморок, то ли дал ей что-то понюхать, ароматическое средство, и ты на миг оказываешься в раю,- это что же, из сказок?! Нестерпимое было у Джанибека желание и никак не погасит, и она сама добровольно, и еще долго потом виделись, такая худенькая и тоненькая, что если бы силой, все бы ей кости переломал (а и хрустнуло ребро!).

Ну да бог с ними и с нею,- Расула особенно возмутила ссылка на войну в этом фельетоне-поклепе: уж он-то, Джанибек, точно знает, почему Хансултанов не воевал, и все знают, а здесь можно мельком бросить фразу: "Напомним (!): когда началась война, ему было девятнадцать (если точнее - то семнадцать!), и оборвались тысячи живых жизней его сверстников..." Он что же, уваливал? прохлаждался? прятался? Нефть кому-то ведь бурить надо было, чтоб танкеры пошли на север, и нефть высокооктановая, только на его родине и добывалась! Случалось и пострашнее, как на фронте (первая, и единственная, седая прядь

именно оттуда, из военных времен!). С той поры и начался взлет! а за этими "напомним" и "оборвались" читай: мол, схитрил, война его обошла. Нет, зря такое разрешили, что с того, что в местной?

И этот дешевый прием, когда сторонние, узнав, недоумевают: как же могло случиться?! Двигали-хвалили, награды и все прочее, а тут крепость из песка на берегу моря, башенки, купола, и клин волны слизал-примял: никто прежде не замечал, и вдруг сразу: аморализм, и карьеризм, и тщеславие, и жажда популярности (а в чем? не довольно ли того, что имел?!), червоточина и всякое иное.

- Нет-нет, еще не освободился. Но вы не волнуйтесь (!). Я немедленно соединю вас.- Как ни в чем не бывало, будто вчера расстались на бульваре, пожав крепко друг другу руки: "Ну, бывай!" "До завтра!" Хотя бы для приличия: "С приездом, Расул-муэллим!" Еще чего захотел: звонит приехавший, так принято, он и звонит. Но с таким опозданием! Когда город кишит слухами.

Наконец-то!

- А я сам, как и ты, только что прочел. Да, некрасиво.- Пауза, слышно дыхание.- Ты думаешь, мне не больно? Если на то пошло, это мне нож в спину. Увы, ни слова неправды, уверяю тебя.

- А правда, что есть такие студенты? ;^ - Не понял.

- Ну, те, которые просят, подписавшие? Я, кстати, впервые слышу такую фамилию: Вусалов (Вусалова не знает! Он же - бритоголовый, иногда отращивает волосы, выполняя разовые поручения). И,- газета перед глазами,- вот еще: Журначиев! Не из... камыши, что ли, он поставлял, расплодились эти Журначиевы?!

- Ну, ты загнул! - Джанибек действительно непричастен, но разве кто поверит? - Между прочим, поинтересуйся у Хансултанова, знает ли он Журначиева, и он тебе скажет!

- А насчет войны тоже? Уж мы-то с тобой знаем!...- И говорит, говорит, а там, кажется, уже давно отключено, голос в пустоту.

"Нож в спину мне!" Это тоже из уст в уста пошло гулять с несостоявшегося, только в воображении Расула, телефонного разговора.

Как же, дадут гневное опровержение,- стоит только Расулу набрать прямой номер, но и тот через секретаря ("Расул-муэллим, я немедленно, как только освободится..."), ибо совсем уже прямого, пожалуй, и нет, достаточно, чтобы двое-трое, сверхпрямойнепосредственный.

- Но факт, что война обошла его стороной, и тысячи жизней...

- Живых!

- Согласен, неудачно!., и нечего домысливать дезертирство и прочее.

А о "знатном свояке издалека" ни слова. Да, только такой разговор по телефону. Надо лично. Сию же минуту. Ворваться и высказать, что накипело.

Расул знает, если немедленно не пойдет, или даже по телефону, угаснет пыл. А молчать нельзя.

Так прежде было. И часто, поразмыслив, гасил. Мол, решится вопрос, тогда и скажет, напишет, пойдет, будет биться и поправит. Или, став на ступеньку выше: надо еще освоиться! а то дело, из-за которого кипел-возмущался, ушло, устарело, измельчало, не по рангу уже вмешиваться, обойдется, утрясется, и так каждый раз. Нет-нет, повременить. И получалось, что те, кого ушли и кого он должен был защитить, расчищали ему дорогу, стань он их выгораживать, чтоб восстановили, они, сами того не желая, так или иначе помешали бы потом ему, ибо путь лежал через узловой пункт; на одного активного меньше. Потом новые помехи, новые загвоздки,- успеется, не к спеху, потом!..

А здесь - немедленно!

Пока шел мимо старого дома, вот и зайти к соседке-сплетнице. "И зайду!" чтоб вышел весь запал?! зайдет, чтоб с ходу разрешить, освободиться, чтобы ничего не цеплялось:

- А, Расул, с приездом.- Встревожилась.- На тебе лица нет!
- Я этого не ожидал от вас, Иванна.
- Что случилось?
- Вы меня знаете, я прикажу разрыть могилу отца, чтоб доказать вам!
- Успокойся, Расул, о чем ты?!
- Эти сплетни насчет всяких болезней у моего отца!
- Какие сплетни?!
- Как же вы могли говорить такое, и кому? Моей жене!
- Впервые от тебя слышу! - Врет, говорила!
- Ах так! - И он тут же, в коридоре, набирает код, затем номер.- А ваш какой? - И та лепечет: "Кому вы звоните?"

Вот и заплатите из своей пенсии!

"Лейла? Это я, сейчас передам трубку Иванне, и она скажет тебе пару слов в ответ на твои глупости! Да, да, я пришел к ней, чтобы внести ясность. Не все вам хвастаться, и не ойкай, а думай, прежде чем говорить!" - Сунул трубку соседке в ее расплывшееся пузо.

"Лейла? Ну разве я говорила вам такое?! - Врет! говорила! - И как вы могли? Нет, нет, это вам приснилось, сама впервые слышу об этом!"

Ну что ж, с одним делом покончено,- оказалось, что ничего сложного, и беспокоить прах отца не надо, а ведь настоял бы! назло династии избранных, этой Айше, наверняка ведь ей натрепалась, а как же? такая новость, чтоб им еще больше возвыситься над всеми. Разрыл бы могилу, чтоб доказать, нашел бы и экспертов. Да, старый двор. На слом? Как же можно сносить этот старый дом? "В этом доме..." О чем ты, Расул? угомонись!

Стало легче, вот так и очищайся от скверны, всех вас носом! Бесится сейчас Лейла, на весь год хватит семейных сцен.

Как будет? Ниса!.. Увезет ее отсюда. На два дома?.. Такая банальность! И ТЫ КАК ВСЕ? "Вот и пойми тебя",- слышит он, а прежде б негодовал: "Это аморально, это..." ЧТО Ж, МЫ ОБА РАЗРУШАЛИ С ТОБОЙ, ЛЕЙЛА, И ТЫ, И Я!.. Надо бы на кладбище. И опозориться, не найдя могилы?

Успеется!

- Я вам звонил.- Секретарь ему вдогонку, не успел преградить дорогу,всыплет ему шеф!

А Расул как метеор. И где-то следом, как хвост, мысль, не догонит,- как выскочил Расул из дому, а тут настигла: не принимать опрометчивых решений. Это Лейла, ее голос, какой-то гороскоп. Но уже поздно. И пусть посмеет кто теперь задержать его. И правда,- внизу, как по волшебству, "знают! не забыли!" ликует, и здесь еще одно препятствие, фраза вдруг вспыхнула, конноспортивные соревнования, особый лифт, и, как сезам, никто не смеет. Вихрем ворвался.

- А!.. Наконец-то! - Даже встал из-за стола, пошел навстречу.

Расул с ходу:

- Что это значит? - и газету ему тычет, как шпагу.

- Уже столько времени здесь, а явиться с этим? "Да, из-за слухов!" Родственника пришел выгораживать? Не ожидал.

- Дело не в нем, а во мне.

С ним уже давно никто не смеет так, забавно.

- Как так? - отвернулся, усталый взгляд, черные круги под глазами, и прошел к столу.

- Это нечестно.

Джанибек вздрогнул:

- Что?

- Сводя старые счета со мной, бить родственников. Вдруг посуровел:

- Не родственников, а провинившихся! - И руку на стопку папок.- А о фельетоне,

извини, понятия не имею!

Хансултанов легок на помине: в приемной застрял. "Только через мой труп", говорит взгляд секретаря.

- Я вам преподавал, мальчишка! - А тот и выдал, что Расул-муэллим здесь. Расул-муэллим? - И вдруг возгордился.- Вот оно, настоящее мужество!..- И бросил секретарю: - Передайте! Еще приедете, приползете (?!), а я, дурак, все эти годы ни разу в отпуск не поехал. Отплатили мне!..

Алия уложит Хансултанова, средство испытанное.

А Расул кипит:

- Кто следующий? Аскер Никбин? Махмуд? Или она, Айша?

Джанибек плечами повел: мол, я-то здесь при чем? И сдержался, чтоб не сказать ему о записке Айши.

- Ты так уверен в своих родственниках?

- Не в них дело! Во мне.

- В тебе! - сдерживает гнев, усмехнулся даже.

- Что тут смешного?

- Вспомнил, как ты монологи из моей трагедии читал. Увы, ты не изжил в себе эти иллюзии воображаемого мира, а ведь я тебя предупреждал. Какие интриги? Оглянись, посмотри внимательно на своих родичей.- И вдруг ни с того ни с сего вспомнил Джанибек, как Расул ехидничал.- Аранцы!..- кривая усмешка. Эти обывательские разговоры. А что до родственников, что ж, надо, и памятники поставят,- деду!..- и улицы в их честь...

- Не ты ставил!

- Пусть так, я фигурально! Кстати, по заслугам кое-кого мы тоже выдвигаем, полюбуйся! - придвинул Расулу опросный лист, и пункт, он его специально выделил, и цифру обвел кружочком, чтоб не ломать нумерацию, добавит к цифре "а".- Относительно Бахадура!

- Бахадур? Этот сопляк?! Выдвинуть юнца, чтобы за его спиной сводить счета?

Не знает. Ничего Расул не знает!..

- Мстить тебе! - откинулся Джанибек в кресле, а потом резко встал.- Мне ли тебя опасаться? Эти слухи, инкогнито!..

Расул опешил. Пора! Он скажет все! Столько думал-передумал, а... о чем сказать?

- Ты, который...- И пошло, и пошло!.. О злобе (не то слово!), которая заполнила атмосферу (?), эти сгустки!.., скопление грозových туч! Эта показуха!.. Твои КАМЫШИ И СВИРЕЛИ!..

- Ох и смешные вы, свояки! Что ты, что Ильдрым.

В ушах - слова Джанибека, особенно об Ильдриме, не поймет, а имя все глубже проникает в душу, и неведомо Расулу, почему назван Ильдрим, потом разберется, а Джанибек видит, что он сбился, под ноги ему шар, и занятно Джанибеку, Ильдрима он вызвал воображением, но страх внутри запрятан, что придут (как уже было) и - к ответу, а тут еще Расул прискакал, сговорился будто с теми, которые... (случится!). и входят.

- что вам угодно?!

- ах, вам еще решение! бумажку вам? - и не спеша лезет в карман.

- Царь пигмеев! Ты окружил себя подхалимами! Ты переполнил тюрьмы негодными тебе людьми (?). Погубленная земля! Погубленные судьбы!..Остановиться, но уже поздно, О ЧЕМ Я ГОВОРЮ?! - Даже мертвым!..- О ЧЕМ Я?.. Они шли с Нисой, это когда вой сирены, оттеснили их, ДЖАНИБЕК СО СВИТОЙ ПРОЕЗЖАЕТ, а на углу - похоронная процессия, Ниса только что сказала о месте, которое стоит две тыщи. "Какое место?" - переспросил, а она "На кладбище!" И пока стояли Расул и Ниса, стояла и процессия, долго держали на плечах гроб. Устаев! Устаева хоронили!..

- Эти ДОБРОВОЛЬЦЫ, которых ты расплодил! - а в ушах, или ослышался? "Я б мог

тебя,- говорит Джанибек,- за клевету привлечь!" Я НАПУЩУ НА НЕГО БАХАДУРА! А вдруг откроется с дочерью? Нет, Бахадур будет нем.

- Как же без них? - дразнит, вернулось самообладание.- Ну да, как же без них я узнал бы? - Он сейчас нанесет Расулу удар.- А этот сопляк...- И сказал такое, от чего Расул стукнулся будто об стенку: с Нисой!! И имя Бахадура рядом! ЕСЛИ Б ЭТОГО НЕ БЫЛО, МНЕ ПРИШЛОСЬ БЫ ПРИДУМАТЬ! "Для твоего положения!" Ах, вот он о чем! Что-то еще сказал, и даже в спину, когда Расул кинулся к двери: прошел мимо секретаря, тот о чем-то спросил и удивился, глядя на него, еще двери, то ли открывались сами перед ним, то ли он открывал, тяжести не помнит, а они массивные, дубовые, нужно с немалой силой, еще закутки, как в тупике, и эти ступени, идет и идет, и нет им конца, и по улице, какой-то резкий свет, бело кругом, ах да, он же оставил там очки, не от кого теперь прятаться, и мимо памятников, сколько их, торжествующих и скорбных. "Ты слышишь? - кричит Лейла, и голос ее в ушах.- Нашему деду решено поставить памятник", самонадеянных и удивленных, что окаменели. "Ищут место, но решение уже есть!.. Айша, я так счастлива!.. Да, да, Расул только что узнал!" Уйти, сбросить с себя эту ношу, но куда?..

шли и шли по широкой дороге меж двух рядов конвейера, "а ты сядь,Расулу,- и соедини хоть какой узел, это же ты умеешь!" здесь он начинал, это было давно... и каждую минуту в упаковке агрегат, которым славен завод, они всюду, где он бывал, ив Багдаде, отель "Вавилон", где жил, и в Стамбуле, отель "Туран",- агрегат, а на нем с детства привычные четыре буквы родного города, "ну что? идешь к нам?" - спрашивает Расула, лицом похож на Сурена, а голос Сабира.

И вдруг перед ним вырос человек, очень знакомый, седые усы:

- Как я рад, ты ли это? - загородил дорогу. Друг отца!! ну да, он! Расул шархнулся.

- Постой, куда ж ты, сынок? - То же пенсне и косой взгляд. Расул его видел, да, это был он. Ну вот, замкнулось: Расула вроде б подарили ему, и обманули судьбу; живы оба, и он, и Расул. Ни матери, ни отца, заплутает меж могил и ,не найдет свои. ЕЩЕ НЕ НАВЕСТИЛ!

- Вас взгреют, что проворонили меня.- Вернуться.- Какая низость! И в вашем возрасте!..

И не поймешь, в какой глаз глядеть: смотрели альбом, а там - двоюродный брат матери, с орденом на груди.

- Это вы, вы его тогда...- Столкнута: здесь, на тротуаре, возвышение, а за ним яма, окна подвального этажа.

- Эй, человека убивают!..

Не помнит Расул, как оказался дома, поднялся, тяжело дышит, а на площадке чей-то силуэт, кто еще? И не глядя стал отпирать дверь, но только шагнул в полутьму прихожей, как за спиной услышал:

- А я к тебе.

Знакомый голос, но кто? Резко оглянулся: Даля! Он ее тотчас узнал, и в первое мгновение, в полумраке, ему показалось, что она не изменилась.

- Зачем ты здесь? Что тебе нужно от меня?

- Чтобы предотвратить еще одну подлость, на которую ты мастер.

- Что ты говоришь, опомнись! Какое право ты имеешь?..

- Имею! Я мать Нисы!

- Ты?

Она еще что-то говорит!

- Нет, неправда! - Расул замахал руками.- Ты врешь!

Даля в ужасе отскочила и быстро пошла к выходу.

- Ты мстишь мне!

17

и палками тычут.

"в пасть ему, в пасть!" а он лапой отбивается от палок, прижат к углу, и страх в глазах, и ярость, "а огрызается как!" - "ты больно ему сделай", сверстники, а ему до слез жалко, он отталкивает того, кто палкой своей в пасть, "я сейчас его выпущу!" - и они разбегаются, клетку увозят, только что поймали, огромный дикий кот. а потом - это ж луг, и снежные горы вдаль, а рядом отец, в кармашке гимнастерки у него и ручка, и карандаш, и во всю грудь значки блестят, стрелок на одном, а на другом самолет, задумчиво смотрит на горы, и рыщет по квартире, куда же спрятал? - ив ящики, и в комод, и на антресолях, нет сил подняться, да, да, под подушкой!.. и недовольный взгляд Аскера Никбина, и тот, толстогубый, кого с корреспонденткой свояк в его обитель привез, на "кукушке", удивленно слушает, ведь Аскер патриот! "да, пистолет под подушкой, здесь без этого нельзя..." мол, не надо об этом, "что подумает гость?" шепчет Расулу на ухо, эта туша! страж нравственности! да, да, грязь!

"я прошу тебя, Даля, ни слова ей!" он целовал ее, и это упрямое желание, упорство, с каким вызывал в ней ответное чувство!.., передалось от матери, эта податливость, эта слабость, и Ниса, и ты тоже, Даля! "ты умеешь меня всю-всю..." подоконник! и хохот Бахадура, никуда не уйти, звенит, гремит в ушах!..- "как у нее?.., и ты, ты! хочешь узнать это от меня?! я скажу! нет-нет, ты слушай!.., может, и у матери ее тоже это? особое такое! зацепила - не отпустит! никак не отцепиться! ха-ха-ха!" ударить! убить!.., вот он! нашел!

холодная рукоятка! ни разу не выстрелил, а будет, будет!..

Может, кто пугачом балуется? И все как было прежде, в далеком детстве: Эй! - зовет его мать,- хватит шляться, иди! поздно уже!.. Кому я сказала?!

и ты молчала все годы!..

"я прошу тебя, Даля, очень прошу!.."

- Ты была у него! - Мать с красными глазами.- Приехала, чтобы настоять на своем! Нет-нет, ты не должна мне мешать!

- О чем ты говоришь, Ниса? НЕ ПОСМЕЕТ ЕЙ СКАЗАТЬ. Ни у кого я не была, успокойся!.. Я только что звонила домой, отцу плохо, я оставила его одного, с больным сердцем!..

- Что с ним?! И мать заплакала.

- Ну, чего ты плачешь?

- Плохо, плохо ему! Надо возвращаться! Он просил, чтобы ты приехала!

Она звонила. И очень просила мужа. Вот-вот будет телеграмма.

- Вам телеграмма. Срочная. Распишитесь тут. ПАПА ПРИ СМЕРТИ.

- Опять отец? - негодует шеф. - Слушай, совесть имей, ай Ниса. Я ж тебя только недавно...- А у него сидит тот, кому она рефераты составляла, с Гегелем себя сравнивал.

И швырнула ему на стол:

- Вот вам мое заявление! И ноги моей здесь не будет!

- Что ты делаешь?

- Взорвать эту вашу контору бездельников! И ты, мнящий себя философом, А ОН-ТО ПРИ ЧЕМ? Так погорите, что и пепел ваш не отыщется(?!).

- Ладно, ладно, не шуми,- ей шеф,- и без тебя тошно! СКОРО ВСЕХ! ФЕЛЬЕТОН! Но отцовские заслуги! И даже сериал!.. "Смерть вырвала из наших рядов..." - и плакал ведущий... Но кто о том помнит?...- Вот, можешь ехать!

Покинуть его, ничего ему не сказав? Но как увидеться?

- Я сейчас! На минутку!

- Вернись! - кричит ей мать вслед.

Зашла - никого. Но показалось, что дома кто-то есть.

Мать дрожит, никак не закроет саквояж:

- Помоги, что ты стоишь?

И они едут на аэродром. Не могут не посадить, когда у них телеграмма!

я прошу тебя, Даля!..

он немедленно пойдет туда! уже вышел, спустился по лестнице, идет и идет, а их нет, не верь своей маме, никаких помех, никаких тайн.

покидает с нею город, пишет и посылает заявление, от всех-всех постов, но куда? и что может он? идет по широкой дороге меж двух рядов конвейера, и каждую минуту в упаковке агрегат, которым славен завод, и на нем буквы, складывающие имя родного города, "соедини хоть какой-то узел, это ведь ты умеешь!.." - голос Сабира. вернуться к Джанибеку, он будет нем.

ты мстишь мне, сказать Дале при Нисе, чтоб слышала.- это ложь, ложь! кричит на улице.- ложь!..- его взяли, ИБО ЗА НИМ ШЛИ, и машина-пикап, впихнули - расходитесь, граждане, нечего глазеть, видите же, человек болен.

но как дошло до Джанибека? и как успел? - я должен догнать Дालю, узнать, куда улетели, я совсем здоров, понимаешь, я вернулся домой,- Джанибек специально! с этим не шутят, пришел удостовериться, а за дверью-ширмой санитары на случай чего,- после того, как... ну слово за слово, а чего, собственно, ссориться? а здесь Даля, ты должен знать ее (?!), и она мне говорит, что Ниса, ты и ее знаешь,- блеск в глазах,- ну, Бахадур с нею был... и боль на лице,- а Даля смотрит на меня в упор и талдычит свое, я должен узнать, куда они делись, куда они забрали Нису, должен все-все объяснить! как ты на меня смотришь? ты не смеешь уходить! - и за галстук, чтоб остановить, а тут ворвались, крутят ему руки за спиной, и бессильно садится, все ниже и ниже, какая низкая тахта, и уже спит, всадили дозу, не помнит, как свалился на тахту, телефон разрывается, это Айша: - о чем вы говорили там? - узнать: начало или случайность, и Бахадур исчез. "Будь осторожен!" - наивный, как будто это важно, что поехал в собственной машине, и вырывается из-за поворота самосвал, его никто не предупредил, и знаков никаких (несчастный случай).

"поцелуй отца в лоб!" влажный, холодный, и эти мои подлые мысли, что другой отец, тень на мать?! бандиты, на коне, и знамя впереди, победа! сколько охотились за отцом в ачмасских горах, знаменитый разбойник Мардан-бек!

"скажи дяде - папа", подарили, чтоб жил. - сынок, куда ж ты? - он! опять! всю жизнь стоял на углу, высматривал и его тоже,- но меня не предупредили, что это ты! - увидел, оттолкнул, и бежать, СЫНОК, КУДА Ж ТЫ?

Лейла!.. упрекнула однажды, вспыхнул спор: "Ты виноват!.. (что нет детей)", и в гостях, краснеет густо-густо, пошлые шутки Хансултанова: "Что? Расулу,- не можешь?.." ржанье за столом, и Аскер Никбин тут, и Махмуд, и тычут, и тычут палками: "а ну, поддай еще!"

Асия никак не могла открыть дверь. "Там ключ!" Звонила, стучала, заглядывала через окно внутрь - ничего не видно!

Подождет, снова стучит. И соседи тоже: мы вчера его не видели. Испуг, тревога, как тень от набежавшей тучки в синем-синем небе.

- А ну давай,- позвала соседа, и он плечом в дверь.

- На помощь!..- И побежала соседка звонить Айше! Асия села, оцепененье.

- Надо "скорую"!

- Да, да, и "скорую"! - Айша опередила всех. Письмо! Нераспечатанное. Лейле. Главное - держать себя в руках. И в карман письмо. Вот оно что!.. Но кто? А запах! О боже, какой запах!.. Настежь открыты окна, и "скорая" предупреждена: "Под вашу ответственность!" (?! но как такое скроешь?).

ты потом заплачешь, Айша, непременно заплачешь, но чтоб никто не видел, я знаю, твое сердце полно горестей, это только для других ты такая, и работа, и роль, надо быть всегда-всегда, нет, нет, ты не виновата, ты ж хотела как лучше, и для сестры, и для меня, и ты, Лейла, прости, я не смог тебе дать всю теплоту своего сердца, всю силу своей плоти: я сгорел, мы оба с тобой сгорели, прости, нам казалось... но что?.., а впрочем, поздно начинать

сначала, прости меня, Лейла; я не мог иначе, ты никогда уже не узнаешь, и никто никогда не узнает, только куклы, "мертвые?" - ты набросилась на меня, и я видел, как они ожили, эти куклы,- и шах, и принцесса, и плешивый, возмечтавший жениться на шахской дочке, и патриарх, точь-в-точь я, и тот, похожий на тебя юноша, но куда подевалась эта кукла?!

Айша уничтожит письмо. Она уже привыкла жечь письма.

Прилетела Лейла.

и ты уснула, прижавшись, ко мне, только вздрагивала во сне.

- Как где хоронить? Кто распорядился, чтоб на обычном?! - Джанибек специально ходатайствовал.

"Ну вот",- недоумевал тот, кто раньше распорядился, думая, что так лучше: кто не знает об их отношениях?

огромный зал в убранстве, цветы, венки, ленты, прости меня, Джанибек, ты прав! какие шутки, когда смерть? идут и идут в скорбном молчании, эти загорелые лица, смуглые, родные, мой народ, только ты, и все для тебя,- вот оно, настоящее.

Джанибек не готовился, но с какой страстью выступает, чувствует, когда у него получается, и летит на крыльях, извини меня, Джанибек.

Да, по высшему разряду, это слышали все, и пошла весть волнами. И некролог. А какие имена!.. И даже по ошибке столетий (без трех) старик назван, попал в список, ибо земляк, а может, и за то, что некогда бросил в зал фразу-фугаску, и забыли вычеркнуть, подписывал Азад Шафаг: столько их, именитых и знатных, с тех пор умерло, или трагически погибло, все чаще автомобильная катастрофа, лихачи ведь, и из друзей, вовсе старцу неизвестных, а то и тех, с кем некогда жестоко пикировались, но кто помнит?.. То первым идет в списке, ибо на А, Азад-Свободный, то последним, если с Ша(фаг), Лучезарный.

- В Пантеоне!

Сгорел. От одного-то скандала! Их порой столько на дню! И такое вероломство, изощренность - прямо в* сердце целятся, чтоб тут же наповал.

"Ах,- сокрушается Джанибек,- не знал я, ты казался железным, многожильным, а у тебя такое ранимое сердце".

ты прости меня, Джанибек, и чего мы с тобой?.. помнишь, на веранде? опали листья, а на голых ветках янтарные шары, и тебе не надо было музыки, ты вдруг запел, сначала казалось странным, что без музыки, а потом я забыл, что ее нет, и лишь голос, и столько в нем чувств!., заплачешь от обиды; как же выразить словами? и чего мы воюем? жизнь так прекрасна! ни обмана, ни козней, но больницы полны инфарктниками, не успеет схлынуть волна, как новая пенится, вскипая ни интриг, ни измен. Джанибек пел! какой голос! он проникал в душу, в глубину ее, и будил такие чувства,- нет, не выразить! и, слушая тебя, хотелось любить всех, кто из. рода людского, ты пел, как бог, ты и был богом, когда пел, разве выразишь словами? это надо услышать! прости меня, Джанибек!

- Что стряслось? - Это Бахадур звонит Айше, голос слышится плохо, связь никудышная, а ведь рядом.

- Ничего особенного!.. А как ты? Как ты, спрашиваю? Смотри, будь осторожен!..

- И что это все заладили: будь осторожен! Что? Какой-то чин?! Да нет, ничего особенного!.. Девушка, ничего не слышно! Алло? Алло?.. Да, теперь слышу! Завтра?

А с чего Бахадур Расула вспомнил? Но сначала шефа. Издали казался высоким (скамейку под ноги?), а роста даже низкого, не среднего, голова большая, как шар круглый, оспинка на левой щеке. А настоящий мужчина: простил! И о Расуле думает: зря он приехал!

Бахадур спешил, а тут вдруг отара запрудил дорогу. Сигналил без умолку, а сам не слышал сигнала, от бляения, звук тонул в этом гомоне. Струдились на повороте, а справа - пропасть.

Вылез из машины, пастуху кричат, а тот, - не в пропасть же овцам?! Гонит что есть мочи, чтоб за поворотом к покатоному склону холма пригнать.

- Оглох, что ли? - Ах, тупица! - Гони, гони своих овец! - Лишь на миг у пастуха вспыхнул гнев, но тут же погас, еще, чего доброго, окажется шишкой, лучше не связываться!., развернуться б да ударить по башке, чтоб знал! Палка, а у нее набалдашник с кулак, шмякнуть по машине так, чтоб...

- Хох-хо! Скорей, овцы мои! - А они - голова на голову лезет, выше и выше головы, некуда ужеч а вверх и вверх, толпятся у края обрыва, к горе жмутся, оцепенели будто.

Сзади - самосвал (или тягач?!). Колеса выше его машины. Будто жмет... Бахадур поймал в ветровом стекле взгляд шофера.

Парень в кепке, щетина на лице, и глаза, будто после лихорадки, блестят, красноватые жилки увидел даже, желтое-желтое лицо, а чернота... И вдруг улыбнулся. Ну точь-в-точь Ильдырым!.. Даже мурашки по коже: воскрес?!

С двух сторон Бахадура зажали, и не выскочить никак. С чего бы Айша? И страх, холод по сердцу. "Будь осторожен!" Да, да, был страх, потом Бахадур себе не простит эту трусость, - казалось, тягач ударит по нему; померещилось. Такой был страх, что он даже вздумал поехать, давя овец. Но как проскочишь? Не одна, не две овцы, тысячи их!., (и все небось частные, нанят пастух). Снова вылез, и взгляды - косится пастух, и шофер снова будто вонзился в его затылок. Надо ждать. И как он мог уподобить его Ильдыриму? Снова улыбается, вернее, ухмылка: распознал страх Бахадура.

А как вырвался и погнал машину, - беспокойство какое-то. От минутной трусости. А был миг, когда уловил во взгляде пастуха блеск; может, и не было его? Почудилось, не иначе. "Будь осторожен!.."

Но потом успокоился, и ближе к знаменитому спуску, откуда открывается панорама города, миновав последний подъем, - даже запел: "Ах мои овцы, как я люблю вас!.." И такая щемящая мелодия. "О мои овцы, о мои ягнята!.." До слез даже. И в облегчении подумал об Анаханум: она непременно его простит, он успел познать ее тайны, в его руках она податлива и послушна, как овечка. И Анаханум действительно пожалеет его. "Ему тяжело, и я помогу ему!" Но как увидеться? Как вырваться ей на волю из этой Девичьей Твердыни, куда заточил ее отец?

"Я понимаю, ты хотел порвать с Нисой, я верю тебе". И прижмется к нему крепко: "Я тебя люблю, Бахадур! Ты запутался, и я помогу тебе сбросить с себя все это..." "А что?" "Я хочу, чтоб ты всегда был со мной" (и все было бы именно так и очень скоро, если б не знаменитое грязевое извержение, чему сопутствовали ураган и землетрясение, а впрочем, не будь их, Анаханум не вырвалась бы из плена).

ничего уже не страшно, и сто лет пройдет, и двести, и триста, это вечно, но кто вспомнит? забыт Уставе, даже Моллаев, кто-кто? Кулов? а это кто? даже он забыт, Гартал Кулов, а ведь гремел-то как! Джанибек, ты слышишь? не уходи, постой еще, здесь высоко, и спасешься от лавины.

А Джанибек спешит. Успеть переодеться и во Дворец, лишь край его виден отсюда, торчит за серым холмом угол его, сверкает залитый огнем - на концерт!

пришли без жен, сколько мужчин, и всегда без жен, так изгаляться в танце, это искусство, как в природе, и она зовет, и выплывает ей навстречу Друг Детства, его новая роль, когда сверху, как с эстакады, выбегает в центр танцовщица, конский топот, пыль, смерч, и силится отец взглянуть на дочь, оттиснут, вдавлен, широкие плечи, из-за них не видать, такая честь, что приглашена, и она ни за что не прекратит свой танец, да, да, это искусство, послушай, Джанибек, я еще не все сказал!

Это было в той же местной газете, малого формата, где накануне фельетон, среди других извещений, почти целая полоса в черных рамках, горестные вести, и эта тоже, после

многих имен, думали "со скорбью", но решили, что надо откорректировать: не тот ранг,- "с прискорбием", "незабвенного мужа, это Лейла, зятя, а здесь и Айна, и Айша, и Зулейха, и Алия, и Асия, а также Бахадур, он еще не знает, и Марьям была выделена особо, ибо Расул для нее не зять - езне, а муж дочери - кюрекен, свояка,- увы, их осталось трое, и даны они по родственному старшинству: Аскер Никбин, Махмуд и Хансултанов, друга и товарища, в одном лице Джанибек Гусейнович (Дж. Г.), рядом оказались с Хансултановым, мир? знак помилования? сам ударил, сам простил? где он найдет такую голову?! а Джанибек вовсе непричастен и даже, по слухам, хлопчет об опровержении, а коль так, то снова наступит мир, надо только прежде думать, а уже потом волю рукам давать,- Расула Саламова, последовавшей...".

И указан день, когда приехала Асия и выломали дверь, а не когда случилось на самом деле, но кто знает, когда?

18

Дверь со стуком открылась, ударившись о стенку, будто плечом выбили:

- Эй, кто здесь?! - И резкий запах бензина ударил в нос. Асия?

Расул не успел спрятать пистолет, как вошла Асия, вытянув вперед руки. ПОПРАВИЛАСЬ КАК! С чего бы?

- Что? Не узнаешь? Солидный стал... Извини, я смою с себя грязь, а потом обниму тебя, впервые, может, в жизни...- Мягкая улыбка.- Весь день под машиной провалялась, шоферу автобуса помогала, да, да, не женское это дело, понимаю, но кто-то ж должен...- НАЧАЛОСЬ: ИДЕАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ!..- А ты, смотрю, балуешься.

- Да вот, нашел...

(И выскочил на улицу, ребята обступили, с опаской смотрят, а тут вдруг милиционер, как стена, возник, схватил Расула за руку и отнял пистолет.

"Я тебе побалуюсь!"

"Это... это...- От обиды вот-вот расплачется, так неожиданно отняли, но сдерживается, чтобы ребята на смех не подняли, затравят на улице.- Вы знаете, кто мой дядя?!"

Милиционер изумленно смотрит на Расула:

"Ты еще и хвастун".

"Мой отец...- А милиционер уже далеко, быстро иде! вверх по улице.- Мой отец,- вдогонку ему кричит Расул,- он самый главный у нас в районе! - Услышал! Повернул к нему на миг голову, глаза большие сверкнули.- Он вас...- Тот уже не слышит, но ведь слышат ребята! - Он накажет вас!..)

- А я знала, что ты здесь!..- крикнула Асия с кухни и появилась в дверях.Что так смотришь на меня?

- Я умер, Асия.

- Да, глядя на меня...- Стоит у зеркала, черные полосы крест-накрест на лбу.- Убери пистолет, а то нечаянно... Небось разучился, как обращаться с ним.- А ВОТ И ВЫСТРЕЛЮ В ВИСОК.

(А отец, придя с работы, наказал Расула, а потом с матерью долго хохотали,- милиционер узнал Расула и вернул пистолет отцу.)

- И даже похоронили меня.

- Да? А я приехала за Ильдрымом, устала уже приезжать, вот и поедешь со мной!

- О чем ты, Асия?!

- Она теперь любого за Ильдрыма примет, ослепла и память потеряла.

- И некролог был, не видела?

- Ты не находишь, что мы обменялись загадками?.. Ну, здравствуй, Расул, дай я тебя поцелую... Ну вот, и все бывшее во мне встрепенулось!.. Ты ведь знаешь, я влюблена была в тебя!..- А потом взяла пистолет и, чтоб проверить, что ли, в угол дулом, где печь, и не знает,

как это вышло: раздался оглушительный грохот, будто потолок рухнул. И пуля угодила прямо в портрет отца. Асия побледнела.- А он заряжен! - И вдруг, опять-таки не понимая, что делает, забросила пистолет вверх, на высокую печь. "Вот и все!"

Давно не топят, белые изразцовые плитки как украшение, от них в комнате светлее. "Не успел!!" А новый хозяин непременно затеет здесь ремонт, как сказать Расулу? Да, затеет ремонт и обнаружит на печке пистолет.

"Больше ты здесь останавливаться не будешь, Расул, квартира уже не наша".

Нет, не сейчас, она потом ему скажет.

- Поедем, только я на минутку загляну в трест, мне тут продукты оставили, еще с праздничного заказа, ты ведь знаешь, как у нас, хотя...- Махнула рукой. Нет, не подумай, не с упреками я, и никаких просьб, просто мать Ильдрыма, вот уж необъяснимо, по копченой колбасе соскучилась, ничего не поделаешь, Ильдырым, оказывается, когда-то угостил ее, мол, баранья, и пристала ко мне,, чтобы привезла!

Автобус с трудом втиснулся на пятачок площади, и Расул с Асией пошли по узкой тропке меж высоких... камышей.

- И это учтено тоже? - наивный вопрос Расула. Асия усмехнулась. У дома, чуть ли не до порога, со всех сторон тоже: засеяно, не клочка свободного пространства.

- Такие нули, что ой-ой-ой,- шутит Асия.- А ты еще, помнится, мед просил. Его нет и не будет, негде и нечем пчелам поживиться, сам видишь! Камыши зловеще шуршат (как подует ветер).

- Хорошо бы,- ей Расул, а она слушает удивленно, это и ее мысли,- дом на тонких сваях, чтоб и двор, и под домом тоже засеять.

- А еще лучше птичье гнездо, чтоб влетать.

- Ты не теряешь бодрости духа, Асия.

- Недавно Джанибек сюда приезжал.

- При чем тут бодрость твоего духа и Джанибек?

- А разве они не связаны, бодрость моя и он? К тому же ты его назвал.

- Я?

- Ну да, ты сказал, когда я открыла дверь в твою квартиру: "Прости меня, Джанибек", и подумала, что ты, как Аскер, роль разучиваешь, мне иногда кажется, не обижайся, что вы ушли с Лейлой в свой мир, в эти кукольные спектакли!..

"Сейчас скажу про квартиру!!"

- А ты? Ты сама?

- Мне хватает и того, что я делаю здесь, на этих полях. Но о куклах я без намеков, а вполне реально: Лейла закончила куклу Айши? Никак ведь не удавалась.

- Ты откуда знаешь?

- Я звонила недавно, когда слухи до нас дошли о тебе.

- И что же ты узнала? Асия уклонилась от ответа:

- Но сегодня тебе действительно предстоит сыграть роль Ильдрыма. Я соткала тебе тут целую историю: Лейла, Айна, Джанибек, птичьи гнезда... А я, между прочим, дважды встречалась с Джанибеком... Удивлен? Более того, оба раза вспоминали тебя! - Умолкла.- Доскажу потом... Ой, какие к нам чудные люди иногда приезжают!.. Кстати...- "Вот, о новом хозяине!"

- Нет, прошу тебя, сейчас Расскажи.

- Ну да, пока он еще на месте, а то, знаешь, всякое может случиться,- и пристально смотрит на Расула. "А и случится!" - Так вот, приехал и говорит мне:

"А у вас, я слышал, знатные сестры".

"У меня? Извините,- я ему,- но у меня нет сестер".

"Как? А разве Айша... вы же копия ее!"

"Путаете меня с кем-то", - говорю ему. А меня и правда за Айшу принимают иногда.

А Джанибек, когда вернулся к себе,- покорило его, что на людях с ним вольно разговаривали,- дал команду: "Узнайте, что у них там случилось?" А потом вызвал Айшу: "С чего это вы в ссоре?" Уже знает, но хочет услышать из уст самой Айши. "Такие близкие - и вдруг?!"

А потом и скажет: "Вам бы гордиться!.." И прочее...

- ...да, принимают за Айшу, как-то приезжал тут один,- ВОТ И ПОВОД РАССКАЗАТЬ, но Расул прервал ее:

- А когда во второй раз?

- В прошлом году осенью...- И задумалась. А затем как бы про себя произнесла: - Да, Джанибек и косари... Расул насторожился:

- Ты о чем?

- Машину словно подняли высоко-высоко, и колеса крутились вхолостую. А похоронная процессия стоит и ждет.

- И ты видела?

- Хоронили Устаева.

Сказать ей: "И я был там, видел!"

- Вот бы, подумала, на денек Джанибека к косарям!..

- Чтоб спел им?

- А разве Джанибек поет? - удивилась Асия.

- Когда-то у него был прекрасный голос, запомнил: "Я тень на дороге любимой, никто меня не поднимет..."

- Да, приехал Джанибек к нам осенью, а у меня в поле палатка, круглые сутки там, и поле кишит, все вышли, и дети скоро пойдут. И он у меня спрашивает: "Что же вы неправду мне сказали?"

А я ему: "Мне казалось, что у моих сестер, а их у меня пять",- и как дошла до Лейлы, о том, что в кукольном театре куклы шьет. "Это какая же?" переспросил. "А за Расул ом которая",- ответила, и смотрю - ушел в себя, уставился на меня, глаз не сводит, а я про других сестер, "так вот, мне казалось, что у моих сестер есть знатная сестра, и это я", в шутку обращаю разговор, потому что в первый раз зло меня взяло, "знатные сестры". Промолчал.

"Ну как с нулями?"

"Будут",- говорю ему. "Нам-то что,- я ему снова,- мы можем и не отдохнуть, даже полезно, когда в здоровом теле здоровый дух, а вот земле, когда ж она отдохнет?!"

И вдруг такой взгляд, ты знаешь, а мой председатель бледный стоит, перепугался: если не дашь нули, уходи, не успеешь заявление даже сочинить. Джанибек ведь сам иногда - как с куклами: посмотрит на приглянувшегося, узнает предварительно, откуда родом, и подумает: "А мы бороду ему отпустим!" Худо, если скажет: "Придется х сбрить бороду!" Но это полбеда, а если к бороде' еще и усы - пиши пропало! (Да, вынул голыми руками, как индийский маг-врачеватель, КРАСНУЮ ДУШУ и - в сейф! иди теперь гуляй, как чучело соломенное без души, пока не выкупят на аукционе, о чем ни Расул, ни тем более Асия, даже Айша, не ведают.

- Что же дальше? -. торопит Расул, а она молчит.

"Вот и расскажи!"

- Дальше? Только отошел от меня, как из рабочей бригады мужчина, щупленький такой, подходит.

"Как? И вы здесь?!" - спрашивает.

"Извините,- я ему,- но мы с вами незнакомы!"

"Незнакомы?! Скоро же вы забыли, как торжественно обещали ускорить получение жилья! Конечно, где ж вам помнить меня?" - Ну, ясно, думаю, спутал с Айшой!..

- Чего ты мне это рассказываешь, Асия?! "А то, что это хозяин твоей квартиры теперь".
- С ножом будто, приставил лезвие к горлу, вы, мол, в хоробах живете, а я!., и про свою хибару!., ну я и, будто кто мне велит, за свой род расплачивайся, кстати, и об Аббасидах он мне, а я, успокойтесь, говорю ему, до вас уже один любимый мною человек, тебя имея в виду, сказал: "Династия Аббасидов".- Умолкла Асия, никак не решается сказать: "Обменяла я вашу квартиру на его".- Ну, и о семье своей, я была потом у них, такие смышленные ребята! окружили меня!.. "Не идти же снова в исполком!" одна комната, и та на шумную улицу! "Нет, не могу сказать".

- И ты решила им помочь?

"Вы ж все равно не живете в своей квартире и никогда жить не будете",- но не решается никак сказать Расулу.

- Непременно помогу! УЖЕ ПОМОГЛА!

- Усыновишь кого из детей, что ли? - и ехидно-пытливый взор.

- При живых-то родителей!

- А что?

- Если ты можешь еще шутить, долго тебе жить, Расул! СКАЖИ!

Тотчас помрачнел:

- Увы!..

- Я надеюсь, что если слухи верны... то тебе, очевидно, дадут новые хоромы.

- Я ничего не знаю, Асия. Не пойму сейчас, где я? Кто я?.. Пошли! ПОТОМ!

- Сейчас увидишь моих стариков.

- Стариков?!

- Ну да, мать и отец Ильдрыма.

- Ты не сказала, как мать зовут,- пока шли по узкому тупику. Ослышался?!

- Чего вдруг остановился?

- Ты сказала - Ниса?

- Да, а что? - "Это месь Дали! Да, да, месь".- Здесь осторожно,предупредила, взяв его за руку.- В яму не угоди.

- Постой, Асия, я хочу спросить.

- ; Что еще тебе?

- Ты счастлива?

- Ну, раз пошли такие вопросы!..- Асия, повернув к нему голову, улыбнулась, и тут он вдруг подумал, глядя на нее, а вернее, увидев глазами Ильдрыма, что она красива: и чистые линии губ, и нежное матовое лицо, и во взоре, вспыхнувшем сейчас, затаенная страсть.- Это долгий разговор, Расул. Но когда человек задается такими вопросами, ему определенно надо протянуть руку помощи.

- Но в чем твое счастье? - допытывался Расул.

- Помнишь, ты говорил мне: "Легко видеть, как другие. Мол, не я, а другой. И пытаться изменить то, что вовне тебя. А как быть с тем, что внутри?" Помнишь?

- Не очень.

- А ты вспомни! Потом я обиделась на тебя, когда ты сказал: "Что ж, начни со своих сестер!.."

- Теперь вспомнил: "Легко других, а ты начни с себя".

- И как? Начал?

- Вчера этот же вопрос я сам задал себе.

- И каков был ответ?

- Такое начало, что впору подвести черту. Но ты не ответила мне: в чем твое счастье?

- Честно говоря, некогда об этом подумать. Я вижу, что я делаю, и знаю, что это надо мне, родителям Ильдрыма, всем нам, а другое... шелуха и все прочее,- поиграла рукой.- Что

ты смотришь так на меня? Еще влюбишься!

- Начала с самой себя, и что же?

- Я еще не начала, только собираюсь.

- А не поздно?

- Не поздно никогда... Ну, пошли.

- Мама, я привезла Ильдрыма!

- Наконец-то! - встrepенулась старуха, села на кровати и протянула руки к Расулу.-

Дождалась тебя! - И обхватила его.

- Ты забыла, мама, я же был у тебя недавно.

- Да, был, но не захотел меня будить, знаю...

- Я простужен немного, мама.- Все, что сказала ему Асия.

Комната полутемная, две кровати, и стеганные одеяла без пододеяльников, она слепа, а его трясет какая-то безудержная дрожь, но глаза ясные. Асия отцу знак, палец на губы, и он понимающе замотал головой, что-то залепетал.

- С кем он говорит, дочка? Его понимает лишь Асия.

- Ильдрим приехал не один, я и Расула привезла.

- А кто такой Расул?

- Расула забыла? Муж Лейлы, моей сестры... Да ладно, не отвлекайся, радуйся, сын приехал!

Она прижала сына к груди, не отпускает, а ему неудобно сидеть, сетка кровати придавилась, но он терпит, одной рукой упирается в подоконник, а другой обнял старуху, гладит ее иссохшую спину, от нее пахнет слезами как сыростью.

- Волосы у тебя стали такими жесткими!

- Это от моря, мама, ветер соленый.

- Они пахнут нефтью... Ты останешься на ночь?

- Если его срочно не вызовут, мама,- вступила Асия.

- Понимаю, понимаю,- закивала мать.

- Я никуда не уеду, мама.- Так велела Асия.

- Работа есть работа.

- И копченую колбасу тебе привез.- Это он решил сам, а она вдруг отстранилась.

- Колбасу?! А я разве ем колбасу?

Асия ему какие-то знаки делает, ее разбирает смех.

- Он оговорился, мама, это я просила.

- Где ты, Ильдрим? - Он отсел на минутку.

- Я здесь, мама.

Тускло горит лампа, еле освещая голые стены, две кровати да стол и стулья. И ничего больше. Как живут?! И как Асия управляется?

- Вот и мечусь между ними, теперь видишь?

- Но ты же целый день в поле!

- Целый не целый, а работы хватает. А когда меня нет, он за нею присмотрит.

У старика жесткая седина, давно не бреется, он понимающе смотрит на Асию, руки трясутся, кивает и кивает головой, что-то пытается объяснить.

- Помогает тебе кто?

- А как же? Соседи...

- Ильдрим, сядь ко мне, скажи что-нибудь.

- Ты видишь сны, мама?

- Сны? - встrepенулась.- Да, вижу.- И заплакала.- Вижу тебя маленьким, сынок. Вот и сегодня ночью чуял) сердце, что приедешь. Ты бежишь по берегу моря, а я не могу тебя догнать.

А старик все хочет сказать что-то.

- Что ты говоришь? - И Расулу: - Это он о Сабире!

Тот вздрогнул:

- О Сабире?!

- Ну да, он тебе Сабира читает, наизусть помнит! - И к старику: - А почему ты именно эти строки читаешь? Тебе б уколоть кого!

"Строга с ними Асия,- подумал Расул.- Ну да, как дочь".

- Ладно, я скажу ему, отстань! - оборвала старика.- А ты давай не эти колючие, другие!

- Какие он читает, Асия?

- Ну, насчет колеса фортуны, которое вспять, ты должен помнить.- И смотрит удивленно.- Забыл?

Старик произносит непонятные слова, больше - мычание, кровать ходуном ходит, руки дрожат, и он вскидывает голову, привлекая к себе внимание Асии.

- Я же сказала, отец, он знает эти строки, да, да, знает! - И отмахнулась от него.- Довольна, мама?

- Он похудел, Асия, какой худой стал!

- Ну что ты говоришь? Смешно даже! И никакой не худой, а нормальный! Шепчет на ухо Расулу: - Ты не устал? Потерпи, скоро уедешь! - Ох и рассердятся они с Лейлой, когда узнают: "Как ты посмела? Кто тебя надоумил?!"

- Я останусь на ночь.

- Да? Ты слышишь, мама, Ильдырым останется на ночь!

"А потом где ночевать будешь?"

- Постели мне на полу, рядом с ее кроватью... А сама?

- А я на кухне, у меня топчан есть. НИЧЕГО, ПОЖИВЕТЕ, КАК ВСЕ.

И будет ссора (никак не уснет):

"- Как ты могла? Посмела как?! - набросится на нее Лейла.

- Но комната вам будет.

- Такую квартиру! В центре города! И комната! Заброшенная на шумной и грязной улице!

- Зато рядом с Шайтаньим дворцом!

- Какой идиот надоумил?

- Ваша квартира ведь пустует, а там целая семья, это вы считаете справедливо?

- Но кто дал тебе право?

- Ты решила за наш счет искупить грехи? Может, и за Хансултанова заступишься, раз уже решила бороться (!) за справедливость?

- Не волнуйся, он скоро будет чист, прочтем, вот увидишь, опровержение! (Пойдет на поклон к Джанибеку, и тот успеет...) А с меня хватит Бахадура, он вдруг открылся мне, и я ужаснулась! И за вашего Джанибека с его нулями возьмусь! Вот только управлюсь с планом...

И неотвязная картина, из сказки, которой пугали ее в детстве: чудище Гулябани, людоед, рыщет по коридору, ищет Асию. "Чую запах человеческий, а ну где -здесь Асия?.."

А Джанибек и есть Гулябани!..

- ...выжать все соки, дабы прославиться, чтоб красила грудь звездочка!

- Доберешься до него, а как же? Руки коротки! - Кто ж это скажет ей? Лейла? Нет, не Лейла. Расул" Бахадур?.. САМА СЕБЕ И ГОВОРИТ.

- Я до Самого дойду!

- И чего добьешься? - Сомнение вдруг в ней РАЗВЕ САМ НЕ ВИДИТ? НЕ ЗНАЕТ?..
Надо быт слепым, чтобы не видеть, что творит Джанибек!

- Ах, да,- издевка в голосе Айши,- ты же у на мастер! борец! Однажды доказала, с бывшим уполномоченным (купюры в железной банке!).

- Вот так и очистить нашу землю! - Хохот родиче! А Расул еще и похлопал ее по плечу: "Молодец!" Потом вздохнул:

- Жаль только, что раньше времени ниточку оборвала.

- И к кому бы она еще привела?

- Кстати,- ушел в сторону,- могу тебе сказать чем кончилась твоя борьба (это не Расул, ибо не успеет а Бахадур, с кем Асия еще не раз поговорит по-семейному): тот человек преспокойно кейфует.

- Как? Уже выпустили? - изумилась Асия, готовая...

- Успокойся, он еще сидит. Но все прежние радости при нем, правда, он за решеткой, но наверняка кое-что припрятал, кейфует себе.

Асия вздохнула:

- Эх ты? Разве в этом жизнь, есть и пить? Он как человек мертв. И потомкам его долго смывать это пятно.

И еще!! Жгло и жгло Расула, долго будет жечь:

"И ты не лучше Джанибека!" Асия сгоряча сказала Расулу и жалела потом, что сказала. Было однажды: ворвалась к нему, схватила, тормошит:

"Как тебя расшевелить? Ну, сделай что-нибудь!" Притронулась, будто обняла, и растерялась.

А Расул поддался: "Ну, куда пойдём? Налево, к бывшей Трамвайной,- это вниз и вниз,- или направо, где Телебашня,- и торжественно: - По улице имени Ильдрыма?.. А главное, с чем?.."

- ДО САМОГО ДОЙДУ!..

- ПОЗДНО!

- ЧТО ПОЗДНО? ЧТО? ПОЗДНО ЧТО?!

- Расул, ты спишь? - УСЛЫШИТ ЕЩЕ СТАРУХА!.. Ни звука. НЕУЖТО ОНА НЕ ПОНЯЛА?

И Расул о том же. И старик. И даже сама старуха: он ли?..

- А ты, Ильдырым, спишь? - Имя это жутко повисло в черной тишине.

И Расул откликнется:

- Нет, не сплю!

Голосом Ильдрыма.

И копится что-то в глубинах, вздымается, рвется наружу. Вот оно, рядом. Начинается. ДА, ДА, ДЖАНИБЕК, И ГРЯЗЬ КАК ЛАВИНА ПО ПЯТАМ, НО ОТЧЕГО ТЫ МОЛЧИШЬ? И смоеет, и вычистит, нет, не море, а океанские волны - грянут и смоют!.. Ты это брось, Джанибек, ТАКАЯ ВЫСОКАЯ ВОЛНА, ЧТО И НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ НЕ СПАСЕШЬСЯ, алмазные лезвия хребтов.

А в поле, тьма-тьмушная, раскрылись коробочки, успеть бы. И высыпали все, кто имеет руки, надо спасать, согнаны сюда срывать невесомые, пять граммов всего лишь, припасть и выпрямиться, и еще, и еще! азарт, энтузиазм, спины, согнутые из края в край, некогда разогнуться, ломит в пояснице, еще столько белеет впереди! успеть бы! перестоит - потеряет в весе, осыплется, загрязнится!., поднимай потом с земли, согнулся в три погибели - и хруст! пополам!..

И песни грянут! И жаркое солнце жжет почерневшие спины, иссушая, и еще! и еще!., и хватит удар!..

А прежде... Но кто слушает Асию? Расул спит меж двух стариков. А прежде, думает свою думу Асия, полив. И рыхление. И сорняки!! рвешь, а они вырастают, рви и рви!., и удобрить почву! а они вылезают, и Асия снова и снова выдирает их с корнем. Чтоб неповадно

было!., из края в край торчат.

И запах нефти доносят ветры сюда, в эту степь, эту Миль и Мугань, звучащие как песня, родные земли, и ты засыпаешь, валишься с ног как убитый, чтобы опять и опять припасть и выпрямиться, с трудом разгибая поясницу, чтоб снова припасть: всего лишь пять граммов, и надо непременно успеть, и не выпрямиться, сломаю хребет.

Мечется Асия по полю и кричит, ищет Ильдрыма.

"Меня?" - ей все время попадаетея на глаза Расул.

"Нет-нет, Ильдрыма ищу!" - И снова кричит: "Иль-дрыыыыым!"

"Чудачка, кличет Молнию,- хохочут, откуда взяться Ильдрыму-Молнии? ни облачка, и жарит солнце!" Были ливни весенние, а потом жара. И семя задыхается, не успеv проклюнуться, заживо погребенное под травой, как корка, землей, долби ее киркой что есть силы.

И снова кричит: "Нет, я не тебя! Я Ильдрыма!"

В ушах гул. Грохочет, ухаает, и рукой, большие рукавицы, каска на голове, в брезентовой накидке,- взмах.

"Вот же он, Асия, твой Ильдрим!" - Но ни он не слышит их, ни они, рядом в трех шагах,- лязгают цепи, по губам лишь прочтешь: "Давай поднимай!"

И будут новую вкручивать, а потом снова и снова трубы вонзятся в пласт, пока не доберутся до нужной глубины. А там или обуздают, вогнав в послушное русло, или их отбросит темная масса в яростном гневе.

Накинули на него сеть, будто Расул - рыба или зверь какой, хочет выпутаться, где концы?! есть! не разорвать! сердце!., (а выход - вот он, в кулаке зажат, и пальцы никак не разогнуть, зигзагом искривило рот).

19

И снова, как это уже было, круговорот времен: что-то забыто, но может всплыть, что-то молоточком выбито,- мозаичное панно, и он, ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ, взирает, или кажется, что выбито, а лишь известкой покрашено, устранишь тонкий слой - и предстанет во весь свой исполинский рост, красуясь широкими плечами, хоть и карлик, до блеска начищенными сапогами, ибо хромовые," а что-то унесено в небытие, но может, как подует ветер с далеких далей, может появиться вновь, будоража во сне - видеть покойника живым к перемене погоды, а это и есть перемена, как подует, принося с собой обильные осадки и сердечные приступы, ветер то ли с Арктики, то ли с Антарктики, и чьи-то стихи, вспомнить бы! Аскера Никбина? некогда сочиненные электронной машиной по заданию Агила?

"Схватились намертво два полюса: тайм то в пользу Арктики, и тогда весенние запахи дурманят головы, то в пользу Антарктики, и тогда сосульки свисают с усов, вышедших из моды. Ни судей, ни секундантов, лишь безусые зрители".

А между тем будь иначе,- а впрочем, это уже было. Расул сказал Лейле, что, не заезжая домой ("А вдруг предчувствие обманывает меня?"), пойдет на бокс, ему достали билет на знаменитого Али-Мухаммеда, сразу два святых имени, шиит?., преследуемого на огненной родине за отказ участвовать в войне за веру.

С работы пешком до метро, и на пересадке вдруг голос: "Иди домой, и ты увидишь!" Нет, не надо. "Я даже хочу, чтоб и у Лейлы также..."; ни ревности, ни боли. Домой! Вот и улица. Шел нехотя, словно преодолевая чье-то сопротивление. "Но ты хочешь увидеть!"

Не помнит, как вошел в лифт.

Стук двери лифта.

Я ЗНАЮ ТВОЙ СТУК.

- И тут же - своим ключом, рука дрожит, но что это?! дверь открывается трудно, а потом КТО-ТО изнутри закрывает замок, сначала не понял, кто же противится?! и обожгло: Лейла!.. ТЫ ХОТЕЛ УВИДЕТЬ! Надавил на дверь, так и есть: Лейла! в ТАКОМ виде!..

- Уйди! - Лицо искажено страхом.- Я прошу тебя!
- Я чувствовал! я знал!..- И его нелепое, уши слышат, но смысла не улавливают: - Не буду скандалить. Я голоден (?). Пройду прямо на кухню.

В овальном зеркале мельком увидел себя, белый-белый. Сердце!.. "Ну вот, ты же хотел!" Нет сил смотреть на Лейлу, больно. Скорее бы тот ушел, не увидит, кто ж?

- Он сейчас уйдет... Успокойся, мы должны поговорить.

- Все ясно.

- Нет, не ясно!..- ГОВОРИ, Я ХОЧУ ТЕБЯ СЛУШАТЬ И ДАЖЕ ПРОСТИТЬ.

Кривая усмешка. ТЫ ХОТЕЛ СВОБОДЫ, ВОТ ОНА, ОТЧЕГО Ж НЕ РАДУЕШЬСЯ? Крик! И даже... да, да, именно это чувство! зависть! к тому, который... Лейла исчезла и тут же вернулась.

- Он ушел. Давай спокойно... Я понимаю, я виновата, но и ты!..

ВОТ-ВОТ! И Я ДАЖЕ ХОТЕЛ, ЧТОБ У ТЕБЯ БЫЛО.

- Никаких разговоров! кончилась твоя власть, и я обрел долгожданную свободу! НИСА!..

- Как ты можешь?..

И даже легкость какая-то! Но отчего такая острая боль в сердце? И обида такая, что... И скорее узнать, кто ж он?! Ах, из Кукольного ее театра! выбрала из молодых, одаренных и... ну да, она говорила!! "Он слишком юн... А почему мне никто не может нравиться?! А что? И весел, и остроумен, и внимателен! Вздохнула.- Будь спокоен: нас слишком многое связывает, И Я НИКОГДА НЕ ДОПУЩУ, ЧТОБ МЫ СТАЛИ ПОСМЕШИЩЕМ В НАШЕМ РОДУ И ЧТОБ ЭТО ОТРАЗИЛОСЬ НА ТВОЕЙ КАРЬЕРЕ".

Кукла!

- А где твоя кукла? - присел даже на кровати.

- Какая? - и снова, как тогда, покраснела.

- Не его ли ты думала сотворить?

- Той куклы уже нет.

- Исчезла как кукла, чтоб ожить как... НАДО ГРУБОЕ СЛОВО, любовник?

- Ты не смеешь говорить пошлости. Я, если ты хочешь знать, не чувствую за собой никакой вины. В том, что случилось, ты виноват в не меньшей мере.

Ну вот, по всем линиям... Расул даже представить не мог, МОЯ САМОУВЕРЕННОСТЬ, что это возможно, и объяснял ее холод, ТЫ СМЕШОН, неотвратимо грядущим ее угасаньем.

- Мы оба, и ты, и я, разрушали.

- Ответь мне, Лейла,- и до семи утра говорили, вспоминая, оправдываясь, осмысливая с первого дня и за все эти четверть века и стычки, и ссоры, и мирные счастливые отношения:

"Ведь они были, Расул!"

И снова упреки, гнев, "Ты не смела", до полного разрыва, а через миг - как в лучшие времена, и сам не веря, что простит,- да, ответь мне, Лейла, что лучше: как ты, зная предполагать или, как я, не зная увидеть?

ТЫ САМ ПОСЕЯЛ, НО ЛЕЙЛА НЕ СМЕЛА!

И его нелепые - в свете того, что случится и ничего Не будет - слова:

- Что ж, ты и сохранила меня молодым, ты и состаришь меня, чтоб выглядел на свои годы.

И Лейле, так они договорились, предстоит выяснение отношений, и будут Расул и Лейла ждать его звонков, и она твердо скажет Победителю, что играли с огнем (?), что затмение (и помутился ум), ЧУВСТВА СГОРЕЛИ, ибо тайна открылась, а Лейла, когда раздался долгожданный телефон,- ведь как ушел тогда - никаких вестей,- и наступило успокоение, больше молчала или односложные "да", "нет", ПОСЛУШАТЬ БЫ, О ЧЕМ ОНИ, и телефонистка воспроизводит их разговор, напечатанный мелким шрифтом, а если Лейла и

скажет, то: "Да, да, я тебя внимательно слушаю", и в словах ее какая-то тайна, скрытность, ЕЩЕ НЕ ВЫШЛИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ, И ЭТО НЕ ПРЕРВЕТСЯ.

И снова изматывающие душу разговоры: если б не открылось-продолжалось бы, БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ.

Расул вспыхивает от ее слов: "Ты добрый, мужественный, благородный", а он не хочет быть ни тем, ни другим, ни третьим. И думает, как прежде, за нее и ее же словами: "Он нужен мне (ей нужен он), а я нужна тебе (а ей Расул не нужен!!), и качели от всепрощенья, что обрел свободу, но мерещатся новые обманы, до негасимого гнева, чтоб снова простить, и рабство страшнее прежнего.

И о том долгие разговоры, что она с Расулом жила в постоянном страхе: "А сколько я слез из-за тебя пролила, забыл?", и он, А РАЗВЕ НЕТ? не может возразить, О НИСЕ ТЫ ЕЩЕ НЕ ЗНАЕШЬ. "И ты смел думать, что мой холод!.." мол, критический возраст,- рана, нанесенная Расулом. И еще о благородстве, это скажет Лейла: "Не в том оно, чтоб обвинять друг друга, а в том, чтоб каждому осознать собственную вину".

- Да, да, недополучила от меня ни тепла, ни страсти, и спешишь наверстать...

- Ничего ты не понял, Расул!

- ...ценой обмана!

- А как я могла иначе?

- Честно.

- Порвать с тобой? На это у меня не хватит сил.

- А жить, не любя?!

- Но я тебя люблю, Расул!

- Как же можно, любя одного, А ТЫ САМ?? мечтать о встречах с другим?

- Не знаю, но это так.

- И как уживаются в тебе: любовь и измена, слезы и коварство? презренье к сестрам и гордость за свой род? преданность семье и забота о юнце, который... Он тебе и муж, он тебе и сын!

И вечные, пока бьется сердце, упреки ("Я разве обидела тебя? Я Его обидела!"), сожаления, и хочет простить и не хочет гасить возникшее у Лейлы чувство, А ЕСЛИ ЭТО ЛЮБОВЬ? не смеет топтать! и отчаянье, что не может запретить, ЕСЛИ ЭТО ЕЙ УГОДНО, и в каждом ее уходе - куда б ни ушла мерещится ему обман.

- Перестань, не мучай меня, Расул! - взмолилась.

Мечтать о свободе - и быть прикованным к порогу, неволя как душевный покой, и воля как растерянность и смятение.

И когда хочется как исповедь, а получается проповедь, или... а разве бывает наоборот? И было, и есть, и будет: и вдруг, когда иссякаешь, открываются новые бездны. Бездны и бездны. Да, как уживаются: Айша и Асия, Ильдырым и Джанибек (?), и он, Расул, когда... а что? и удары кулаком в пустоту: а как было бы, если б не Джанибек, а он? (И жжет: "И ты не лучше Джанибека!.." - слова Асии.)

И вечные, пока кровь горяча, обиды, и точит сердце, и сгустки скапливаются в тромб.

- но я уже умер, Лейла.

- а если чудо? и начать сначала?

- поздно (потому что уже случилось, и перед глазами искаженное страхом лицо Лейлы, так и не узнает Расул, с чего и как началось и как продолжится, покуда... но кто о том ведает и всплывет ли когда эта тайна?).

А впрочем, уже случилось, и нечего о том, что было бы, если б шло по-старому. К тому же еще и знаменитое ГРЯЗЕВОЕ ИЗВЕРЖЕНИЕ, о чем уже немало говорено и что тоже, помнится, предчувствовал Расул, когда чудо-город в считанные секунды... к счастью, никаких значительных разрушений и жертв, хотя извержению сопутствовали ураганные

ветры, и качало высотные дома, небывалые смерчи и землетрясение, завалы, и трубы, как спички, ломало, и столбы и прочее поглотили недра: разверзлись и сомкнулись.

А потом придут поезда. И жесткие слова, взятые на вооружение Аскером Никбином, прозвучат как истинная поэзия: и кровельное железо, и пиломатериалы, и линолеум, который, ведь Аскер новатор, срифмовал с мен олюм, да умру я, любимая присказка, и газопроводные трубы, и радиаторы, краски, ткани,- а потом и поэму сочинит, прорвется истинная боль: удар, который нанесет им Агил, покинув сразу после смерча отчий дом, даже не предупредив куда. И, как всегда, Аскер задумает нечто грандиозное, многослойное, на вкус и элиты, и массы, покорив разом и стар и млад, чтоб и психологическая драма была, и трагедия, и мелодрама, имея в виду слезливых читателей, и трагифарс, чтоб угодить вкусам ироничных, лирический гротеск (и многомудрый критик выскажет свой восторг), и эпопея, чтоб заметила пресса, а выйдет нечто обыденное, ибо реальность, связанная с исчезновением Агила, была криклива и скандальна, приземляла высокий полет поэзии.

Да, Агил не пришел домой ночевать! Может, у него... нет-нет, я бы знала! он бы хоть позвонил, Айна чуюла беду, и страшно признаться,- надо в милицию!.. И розыск: может, у асии? ведь недавно только ездил, и она его надоумила!! Но и Асия встревожена: куда он девался? А у Айши свои люди рыщут по всему городу, во всех районах, надежный источник информации, и собрать слухи, и распустить, вот вам фотография Агила, нет, из города не выезжал, но откуда им ведомо?

Может, к Лейле улетел? Звонок ей, а у той у самой голова кругом: с куклой!.. вначале даже не поняла, что за Агил?

"Ну да, разве ты поймешь?" - уколола сестру Айна, и Аскер слышал: но как это в поэму?! Тут же спохватилась: "Прости, не хотела тебя обидеть" (что, напомнила ей).

Бахадур? Да, да, стычка была, а с чего повздорили дядя и племянник, почти ровесники, сразу после приезда Агила от Асии, какая-то мелочь: дескать, надо уважать, о чести, о семейной гордости, и Агил сказал такое, что Бахадур онемел. Был человек - и нет его, Айша в морг, такой не поступал, и тут вдруг на тумбочке у изголовья, как раньше Айна не заметила? перламутровый портсигар, кто вытащил эту реликвию из письменного стола?.. а под ним конверт с изображением деда. Развернула - письмо! почерк Агила!.. Фломастером торопливо, разом охватила текст, побелела, сердце выскочит из груди, и радость, что жив, но что он мелет?..

"Ты послушай, Айша!! Хоронить не торопитесь, жив (и зачем она прочла ей?..)! Надоело играть в ваши игры. Как устроюсь (но где??) - сообщу". Расплакалась. Ну что за сын?

"А деньги? На какие деньги он поехал? - спрашивает Айша.- Как бы..." - Не закончила.

Айна вспыхнула: не смей!

"Боюсь,- Айша ей,- что и его, как Асию..." (мол, отрезать придется).

"Ну нет, этого не будет!"

И письмо тут же пришло: "Не пытайтесь меня искать (за что им такое? чем они провинились?), не то перед всем миром!.." (угроза? или кто подучил?). А когда эту записку прочел Аскер, сначала был гнев, потом боль, и тут же сел, пока чувства свежи, и сильная строка - "Неотвратимое случилось..." - стала прокладывать тропу, работал увлеченно, реальный облик Агила постепенно оттеснился, рождалось нечто обобщенно-символическое о возмездии за фальшь, за ложь и так далее (и т. п.), и рушился мир, в котором... а потом, чтоб выкарабкаться из философских дебрей, ухватился" за привычную нить, и дед возник, и сомкнулись та, первая, поэма и эта (диалогия?), а к финишу пламя уже погасло, и громкие фразы воспевали иную молодежь, и она восставала против себялюбия, эгоизма и черствости: уроков, преподнесенных Агил ом любящим родителям.

И Джанибекова семья, а брат Сальми... но прежде об Анаханум. С тех пор как

расстроилось с Бахадуром, и она ни за что, как думала Сальми, видя в дочери самую себя, не простит ему измены, жила на берегу моря, где ей подыскали Девичью Твердыню в миниатюре, копию той, что в городе, и никакие ей потрясения не страшны: ^стояла и стоять будет! Обыкновенный домик на сваях, и липла к ним, светясь, радужная пленка, оставляя черный след мазута, а в домике электричество и газовая плита, и по ночам, как зловеще подуют ветры и загрохочут волны, задыхалась свеча, зажженная для того, чтобы отбрасывать длинные тени, и дрожал от страха ее язычок,- а потом наступал штиль, у Анаханум гостили родители, сидели молча, глядя на огненный закат; и она часто вздыхала, куталась в шаль из верблюжьей шерсти; а брат Сальми, известный каратист Салим, оказавшись под развалинами, засыпанный землей, сумел - это ж так просто у йогов, а он и есть йог! - прожить на изрядный запас кислорода в легких, пока его не откопала специальная бригада, в которой и братья Унсизаде, и рослые парни из дружины Айши,- в городе десятки спасательных команд, работа нашлась всем: и сестрам, и сыну Друга Детства от первой жены, и танцовщице из дьявольски красивого дворца, всякого рода всевидящим очам, добровольцам, и шефу Нисы, новоявленному философу, который состязался с Гегелем, и бывшему кавээнщику, и даже той, что страдала астмой ("Мы, женщины, любим вас, дорогой..."), учет и контроль нужны везде.

А кто-то в командировке. Художник, хотя он больше очищал дороги от завалов, нежели держал в руках кисть, переживал как личное горе разрушение старых глинобитных домов, и эти крыши, открытые бездонному мирозданию,- любит летом, когда жара, спать на крыше, глядя на крупные звезды над головой, и под утро, когда небо дышит холодом, влезть под теплое одеяло,- сколько сюжетов погибло!..

И залило подвалы, где видимо-невидимо, особенно под мельницей, тонкохвостых, острозубых, которых и коты боятся: поистине - нет худа без добра!..

А кто-то в поле: Адил, ему нужен трудовой семестр, и Муртуз - младший, могучий организм требует разрядки; Ниса уехала с матерью, что же до Правой Руки, то он проводил эти летние дни - сколько лет без отпуска! - на крутых песчаных берегах широкой светло-голубой реки в кругу семьи, и синеглазая его жена, услышав по "Маяку" в ясное утро тревожную весть, не сразу поняла, что речь об их городе, а муж немедленно облачился в служебный костюм и вылетел: сначала скоростным самолетом до ближайшего морского порта Крепостного, а там на двухпалубном тихоходе.

Не все дома пострадали, кое-кто даже не слышал толчков: ни вертикальных, когда резко подбрасывает снизу вверх, ни горизонтальных, когда кровать, если она на колесах, выносит на середину комнаты,- рухнули главным образом, как об этом уже было, одноэтажные глинобитные дома да старая мельница, это ж ясно, пришел им срок, отслужили свое; не ощутил толчков и тот, с кем обменялась Асия, бывший дом Расула и Лейлы оказался крепким, из домов миллионера-нефтепромышленника,- говорун со своей многочисленной семьей видел сны, где он, этот щуплый на вид, но крепкий в кости мужчина, был главой и где царил мир и не повышался голос, и назван он был публично "сеятелем нации", ибо увеличивал ее людской, как шутили на заводе, потенциал.

Какие-то суеверия и допотопные разговоры о возмездии: страдают, мол, лучшие, и приходят-де эти возмездия не извне, а изнутри. А разве было предупреждение, которому не вняли? Придумают же такое!..

И вспоминают, но кто мог услышать? как Асия кричала в трубку, никто не вышел замуж по любви, а коль скоро так, то и женился тоже, зачаты без любви,запуталось, исказилось, покорежилось, не поймешь, с какого боку подступиться, и где та нить, держась за которую было уже, лезут на бумагу штампы, клубок, узлы и прочее. Раскипелось, забурило... что поделаешь: стихийное бедствие, и вовсе не возмездие, когда стустки, стустки, скопление (туч? обманов? фальши? чего??), и они, материализуясь, проникают вглубь, сквозь земную

кору, и... додумаются же!., дают о себе знать выбросами и толчками,- все эти аварии, катастрофы, то здесь трясет, то там мстит, и нет им конца, ибо копится и копится (о чем уже было).

А что до дома, где на высоком, как небо, потолке виднелись смутные линии нависших ангелов и контуры крыльев, там лишь на потолке с неровными серыми пятнами появилась трещинка, и прошла через тонкую розоватую шею ангела, у которого и без того ноги на той стороне, за перегородкой-стеной.

Да-с, потеснились в высотных домах, и бывший караван-сарай, в котором нынче КамышПром, предоставил оставшимся без крова свои кельи, ведь некогда здесь размещались и мулы, и кони, и верблюды, а Шайтаний дворец оказался настолько емким, что вся Нагорная часть до Волчьих ворот и Низинная до Овечьей долины нашли приют в его залах, сценах, лоджиях, балконах, верандах и даже подземных служебных помещениях, оборудованных по последнему слову техники, с кондишнами.

Но чудо: забил фонтан чистой воды на Колодезной улице, где бывший дом Муртуза Кудрат-оглы! Сама природа пришла на подмогу, заменив этим мощным фонтаном вышедший из строя шолларский водопровод, проведенный, в эти районы в давние времена на средства нефтемиллио (это легенда: чуть что, и всплывает имя вездесущего родича девяностолетнего старца, трех лет до ста не дожил).

Нарушились, правда, всякие видео и слышно, ибо тот, кто создавал их, известный Журначиев - о нем никаких вестей,- не учел, а скорее всего начисто упустил из виду сейсмический характер здешних земель, где молодые горы, но говорят, что это - поди узнай, кто распускает слухи! - уже не понадобится, ибо... короче, явился как будто тот, кого Джанибек опасался,- а кто еще был третий, кроме Ильдрыма и того, похожего на косаря? Якобы сигналы сработали, мелодичные, но ультрамощные клаксоны.

А пока они явятся и призовут к ответу, успеет-таки Анаханум, вырвавшись из плена,, найти Бахадура и, к его удивлению, сказать, что... и Бахадур, растерянный и потрясенный, не ожидал от нее такого, не сдержит слез, после которых сердце его смягчится, но не настолько, чтоб потерять голову и дать тому, другому, кто сидит в нем, расслабиться, поддаться голосу шайтана; и хорошо, что сдержался: надо еще разобраться, что к чему и какие еще подуют ветры, а до расплаты, 'когда подводишь итоги (а есть еще такие чудачки?), очень далеко, не верится, что она когда-нибудь придет, эта старость.

С тех пор как это случилось, прошло немало лет, и чудо-город с помощью друзей по ту сторону хребта и по эту моря (а тогда летали и летали самолеты днем

и ночью, плыли пароходы, а на набережной белели, как паруса, палатки,- но быть начеку, ибо время убыли ушло, и, к счастью, вода в море начала прибывать, и, может, не понадобится ломать русла полноводных северных рек, поворачивая в южные края) ныне краше, чем когда бы то ни было, да и другие времена наступили, хотя не все старые традиции отомрут, ибо велика сила привычки: Вечный Поклонник, как и в прежние годы, рассказывал истории, приключившиеся с ним.

"Нет-нет, что вы, я не обижаюсь,- говорит, и глаза молодые светятся, а голова белым-бела,- но лучше быть вечным поклонником, чем вечным мальчиком!"

"Что за вечный мальчик?" - спрашивает художник (или скульптор?).

"Как? Не знаете?! - удивляется он неосведомленности местных творцов (духовных ценностей).- Так зовут знаменитого поэта Воздвиженского.- Вот новость!.. И тут же историю рассказывает: - Еду как-то, вижу, стоит на углу, торопится, а все машины мимо. Подъехал, пригласил сесть, везу и думаю: вдруг деньги предложит, неудобно, а он и не собирался платить, выходя, бросил мне: "Вы везли поэта Воздвиженского!" А я ему вдогонку: "Что лучше? Быть вечным поклонником или вечным мальчиком?" Засуетился он, думает, что я о деньгах, шарит по карманам, а я хлопнул дверцей машины и уехал, подмигнув ему

напоследок".

"Да, будет тебе что написать в воспоминаниях",- вздохнул бывший кавээнщик: куда девались его кудряшки?.. Обрюзг, облысел, округлился.

"Мне везло на именитости" (был толстогубый, появился Воздвиженский).

"К их числу, надеюсь, ты относишь и меня?" - шутит скульптор, выражая, как ему кажется, и мысль художника.

"И не только".

"Кто же еще?"

"А Джанибек? А сама Сальми?.. Кстати, говорят, у нее действует, как прежде, Салон?"

"И как прежде, она мечтает, чтоб в собственном доме любой заграничный ролик крутить, и с переводчиком!"

"А разве,- наивный вопрос Вечного Поклонника,- такие дома еще есть, чтоб мечтать о сущих пустяках?"

ОХ И ПРИТВОРА!.. Кому пустяки, а кому - престиж!

362

И снова разговоры: кого куда. А как же? Пошла ведь пятилетка (почетных похорон). Толки на уровне слухов,- ведь кто-то же распускает их: снятия-перемещения, а кого и на отдых. Случается, сбываются слухи, а чаще нет, и не знаешь, радоваться, что не сбылись, или печалиться?

"Фарид? А не путаете? Может, Фархад?" Неужели новый друг детства, но чей? К нему как будто нашла ключ Айша, что с того, что он намного моложе, кто ж заглядывает в паспорта? да и неведомо, когда началось (останется тайной).

А о шептавшем и длинных, вернее, больших ушах и его друге, а также оберегающем покой (о нем ведь еще ни слова не было!), увы, ничего не слышно, даже слухов никаких...- но это мало кого волнует, разве что в порядке информации, а она нынче ценится не количеством, а качеством, предельно точная и деловая: волна слухов от Волчьих ворот стремительно разливается по Овечьей долине, несется далее по Низинной и откатывается в неведомом направлении, шурша по гальке или пузырясь на песке, а то и вовсе испаряясь под жарким солнцем здесь, на суше, пока она не залита водой, которая, к счастью, уже прибывает, и морю отныне не грозит обмеление. Паника в семье, увы, всплыли кое-какие ее секреты, длилась недолго, Аббасовы начеку,- кроме Айши, все числятся по фамилиям, а кое-кто и псевдонимам мужей, тем более что никто не отнял, да и как можно? именной скальпель у Алии, а на опытных диагностов спрос велик, порой даже больший, чем на прорицателей-футурологов, а тут еще рассмешила Алия сестер, рассказав им о недавней встрече со своим учителем: тот ее не узнал. "Напомните-ка,- спросил у нее,- когда я вас резал?.." Память у него отшибло начисто!..

Потом тревоги и вовсе забудутся, и даже стихийное бедствие станет далеким преданием, снова, как всегда, разговоры о жизни и смерти: кто спасся, а кто отдал богу душу. То мужчины говорят, а то женщины, у них все точно, даже если пустяк: опять же нож (кому что резать) Аскер, как и прежде, читает газету с конца, сразу заглядывая на четвертую полосу, где рамки.

- И что же? - спросил Махмуд.

- Не читали разве? О том, кто передавал Джанибеку (как с прошлым расстаться?) насчет трех шаров, поставленных на попа.

- Неудачная операция была, но Алия предлагала же свои услуги,- это Хансултанов, он знает.

- Но как можно валить на ОДНОГО? (Это Айна по старой привычке, было однажды, говорили о тех, кого Джанибек сгубил. Увлеклись и забыли, что и стены имеют уши, но в тот день, к их счастью, СЛЫШНО было отключено.)

Ходы у Джанибека были отработанные и несложные: ах, ты имеешь СВОЕ мнение и оспариваешь доводы Джанибека, не зная, что кумир масс болезненно воспринимает даже советы?..

И к тебе, которому неуд, или двойка по этике, неожиданно грядет комиссия на службу,- тебе казалось, что Джанибек, поблагодарив тебя за дружеские замечания и на прощанье крепко пожав мужественную руку (другие рабски поддакивали), оценил твой ум (куриный!), а тут - комиссия, чтоб визуально зафиксировать, это любимая присказка Джанибека, и она по забывчивости вспоминается теперь, КАК СТРОИТЬ МОСТ через протекающую здесь речку: вдоль или поперек?.. А у нас копни любого: у каждого ведь, чего таиться, ни для кого не является ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНОЙ, хоть и огорожен участок высоким забором, так что бросьте эти замашки, не морочьте головы ни себе, ни всему честному народу а-ля патриотизмом, пусть и аранским, мы, дескать, и так далее, так вот: у каждого ажурно-аббревиатурный МОСТ этот, или Мировецкая Организация С... неразборчиво: то ли Системы, то ли Социалистического Труда, не как у всех строится, да, да, именно вдоль, и подпорки есть, и цемент крепкий, но что толку, когда речку не перейдешь?., и потому у несчастного КОЛЛЕГИ, который вздумал учить да поучать Джанибека, вдруг выявилось столько несуразностей, что впору составить многостраничный акт, и он передается в нужные руки, на тебя заводится ДЕЛО, которое само начинает работать, переходя от одной инстанции к другой, ты прежде СНЯТ, далее ИСКЛЮЧЕН, с тебя взята подписка о невыезде, и ты обречен на бессонные ночи и тревожные дни, и они покажутся тебе вскоре счастливыми минутами в сравнении с теми, которые еще впереди.

Случалось, Джанибек придумывал и иные ХОДЫ: он сначала возвысит советчика, отослав его подальше, а там, в глуши, так запутают, что и без актов угодишь в тюрьму и, если начнешь колотить в железные ворота, чтоб тебя выпустили, да не приведи Аллах (с большой буквы) бомбить своими писаниями ИНСТАНЦИИ, припечатает уста и найдется сердобольный, который закроет твои очи.

Сказывали даже, что ТОГО, когда еще жив был, навещали в тюрьме... список лег на стол к Джанибеку,- одного после традиционной ревизии сняли, а того, кто ревизовал - возвысил, у другого допытывались (пытали?), что тот ему сказал и по какой такой надобности он хаживал к осужденному... ну да, это о нем извещение в траурной рамке, а третьего так припугнули, что он снялся с учета и отбыл в неизвестном направлении,- всего лишь за визит к недругу.

Побегов отсюда (после Расула) было немало, а один смельчак, так тот на весь край... но о нем как будто было, нет? не было?., как-нибудь в другой раз,- и чуть ли не списком, Аскер Никбин все эти имена почерпнул из четвертой страницы, где траурные извещения, о тех, кто БЫЛ, но вычеркнут Джанибеком, и на А тут, и на иные буквы-судьбы, и по должностям разнообразие: и преды, и замы, и завы, и МНОГИЕ ДРУГИЕ, шпарит и шпарит, что? массажистка? а она-то при чем? с чего Аскер Никбин о ней вспомнил? и что с того, что была ПЕРСОНАЛЬНОЙ?.. Она теперь Аскера Никбина массирует, и на груди - значок, как прикрепил ей Джанибек, так и красуется,- и учредил ей звание Народного (? может быть, Заслуженного?) массажиста республики.

Но отвлекся семейный меджлис, к тому же Айне не нравится, недовольна, что Аскер затеял скользкий разговор.- Мало ли от чего гибнут!

- И у меня,- на подмогу ей Алия,- бывают неудачные операции, я каждого записываю, чтобы помнить.

- А скольких ты спасла! - снова Хансултанов, называет Афлатуна, знаменитого обозревателя и куратора. Если б вспомнил, назвал бы и Цезарева, бывшего секретаря Джанибека.

Спасет еще: Зулейха поставит точный диагноз, Алия реализует, а кого и Айна своими

методами вылечит. И тот, кто некогда о самом себе слухи распускал (что тоже, мол, котировался),- угодит под нож Али и расстанется с почкой. А приступ у Али-Мухаммеда (это уже после землетрясения), знаменитого боксера, бежавшего с огненной родины и нашедшего приют в нейтральной Швей-царии? Его счастье, что окажется в их краях и попадет в руки Али, за что ей будут международные благодарности и прочее к ее и без того немалой славе.

Как в прошлые разы, Махмуд снова напомним: "Надо дышать в рот" (?), об искусственном дыхании, мол, не сообразили спасти (это же было черт знает в какие давние времена!), а имя не назовут, ибо неэтично.

Их тоже, Аббасовых, увы, коснулась хворь: одна лишь печаль - болезнь Махмуда, лег с повторным обследованием, Зулейха знает и пытается скрыть, что-то с легкими, а Махмуд, как и прежде, не унывает. И, звоня Аскеру, который снова на виду (а он никогда не исчезал с горизонта), или Хансултанову, а он покался, признал, строго предупредили, подолгу говорит с ними, рассказывает про химиотерапию, как вдувают холодные струи в легкие, и хриплые, словно кузнечные мехи, вздохи его, с чего бы? почти не курил, иногда только баловался, и в разговоре нет-нет по привычке скажет вдруг о Джанибеке Гусейновиче (никак от прошлого не уйдут),- и столько любви, такая неподдельная искренность!..

Да, кстати, а Джанибек, что с ним? (Махмуд не знает; впрочем, и здесь слухи не подтвердились.) Говорят, видели его на бульваре, с шагомером в кармане. Видели его... очевидно, и на сей раз обознались, в чайхане (у крепостной стены), где собираются аранцы. Молчит многозначительно.

"Я-то знаю все о вас!..- говорит его взгляд.- Вы все у меня...- и лезет в карман.- Я сейчас кого хочешь достану!.."

Видеть-то видели, а кто - не признается.

Как надоест отмеривать шагами набережную,- справа Волчьи ворота, а слева Овечья долина,- садится перед стопкой бумаги (с водяными знаками), пишет и пишет (соскучился или вздумал царствовать в вымышленном мире?).

И ЖДЕТ. Но понимает, не откажешь в сообразительности: вылезет если из норы - больно ударят по голове, не лезь, мол, в сферы, откуда тебя попросили, а попросту турнули (?), не активничай.

А ведь и вылезет! Впрочем, бить - это замечать, коль скоро склоняется имя.

Корреспондент ему наивный вопрос, и заковырка в каждом слове, твердый такой знак (Ъ), а он, Джанибек, воспринимает, или делает вид, что вопрос как вопрос, настроен на серьезный лад и отвечает с достоинством, дескать, ложь и клевета и про несметные купюры, и про роскошное двухэтажное бунгало (аранцы прочтут как буакер, уходящий на два этажа вниз) с оранжереей, и про... короче, скромн в быту, чай да простокваша, а быт - сельский, с будочкой во дворе, куда царь пешком ходит, и дровяное отопление, тащит чурки на горбу,- и землякам-аранцам кажется, что Джанибек снова замечен, восстановил доверие публики, чей голос выражает пресса,- живут гипноз печатного текста, а тем более еще с фотографиями: Джанибек задумчиво смотрит вдаль, а на коленях - эта самая пресса, реклама в подписную кампанию, Джанибек у чахлого деревца... кто ж читает заумные примечания мелким шрифтом про какую-то туманную феодально-неподсудную власть, которая высту-пает-де развращающей силой, и что не лишен был Джанибек всякого множества соблазнов этой власти, а тем более между строк (или подтексты), что помещаемые ответы Джанибека шиты белыми нитками, и расчет -на легковых?..

Ирония насчет нулей, ибо нули и есть нули, а Джанибек палочку перед ними, мол, газетчик забыл, а презрение, звучащее в голосе собеседника про "джанибековщину" и что, как сказывают УВАЖАЕМЫЕ аранцы, таких, как Вы, и на пушечный выстрел нельзя подпускать к реальному делу, с наивной легкостью ("смеется", замечает корреспондент)

переводит на узкоколейные рельсы (?) разномыслия:

"Аранцам я еще пригожусь!" - И не очень далек от истины, во всяком случае, как саркастически отмечает интервьюирующийся, это ближе, чем от Луны, под которой ничто не вечно, до Земли, изрядно замусоренной всякого рода "Вашиими выдвигенцами" - деятельными дельцами.

"Вы молоды, и эти вещи (смеется) узнаете потом в жизни,- говорит Джанибек, и ему кажется, что речь идет о друге детства и ГГ, а также Аббасидах, и в этом он абсолютно согласен с собеседником: - Да, мое ближайшее окружение обмануло меня".

Махмуду только бы спросить о Джанибеке (Гусейновиче), знает: скинут или спишут с корабля - сядет в шлюпку. Чем черт не шутит - а вдруг Джанибек и впрямь всплывет? И выстроятся, как прежде бывало, земляки, ведомые старшим братом, в длинную очередь, чтоб присягнуть на верность своему кумиру,клянутся, положив руку на Коран, что Джанибек был, есть и будет. Может, болезнь обострила предчувствия, и интуитивная осторожность Махмуда сродни дару предвидения?.. Как в воду глядел Махмуд (из шлюпки).

А о Расуле, тоже по привычке многих лет,- ни слова в трубку: опасается, что побегут докладывать: дескать, Расула похвалили, а коль так - значит, в пику Джанибеку или новому какому лидеру. Побежит? Но кто? Кому докладывать? Где он, новый лидер?.. Не успеешь привыкнуть к одному - приходит другой: кто кого переболтает - тому и лавры. Да и помнит ли кто Расула?.. Даже, вот что обидно, забыты его слова, столь модные в те далекие времена, а Асия не вспомнит, не то что иные из сестер и их мужей: "Легко, дескать, что не я (такой-сякой и всякий: перечень эпитетов), а другой и другие (вконец разложили, деформировали, внесли хаос и так далее), и, самовозгораясь от гнева, клеймить. А ты начни с себя!.." Но кто начнет? Если б всем сразу! Но как? И кто подаст сигнал? Такая круговерть, что некогда: в другой раз (а другого раза не будет).

После химиотерапии у Махмуда разыгрывается зверский аппетит. И он предвкушает обильное угощение у своей тещи Марьям-ханум (увы, слегла и не встанет: Агил ее доконал!..), даже Хансултанов, уж на что ненасытен, и тот сытым отходил от ее стола.

- Передайте Марьям-ханум,- говорит по телефону Махмуд (надолго занимает автомат),- что, как выйду, накинусь на ее долму, отведаю плов с каштанами, а потом пусть угостит меня своим особым способом заваренным чаем, с травой куропатки. А перед этим поем пельмени Айны.- Это по заведенному ритуалу: сначала долма, далее плов, а затем уже пельмени, тринадцать штук на ложечку, с виноградным уксусом. И чай, венчающий пиршество.

- Какой тебе испечь торт? - спрашивает Алия. И называет имена великих полководцев.

- Тебе особенно удастся... ну, коржи, и вместо заварного крема - надо же: запомнил! - сметана с орехами!.. Чудо-торт! В пику 'Наполеону!..

- Кутузов?

- Да, да, он самый (как забыть такое?). А еще коктейль!

- Разве тебе можно коктейль? - спрашивает Алия и уже жалеет, что спросила, напомнила о болезни. А он уже в новой своей стихии: о единстве рода толкует. И видится ему, как с портрета, который сам и обнаружил в давние юношеские годы, Кудрат-киши оглядывает довольным взглядом родню, хотя в уголках его рта недоумение: зачем оторвали от группового любительского снимка, где он в окружении боевых друзей,- загнали в раму с золочеными завитушками, будто он бек какой.

- И Асию непременно надо под общее крылышко, хватит ссориться. Я заставлю всех вас крепко-крепко обнять ее, да, да, и тебя, Хансултанов! Мы должны показать! - И пошло: встал на привычную колену, и плавно покатился фаэтон. Любит Махмуд иногда пощеголять, особенно как гости приедут: покатает их на фаэтоне по набережной, угостив предварительно в келье караван-сарая, превращенного в шашлычную, а те любят, как ожила старина, потом посидят еще в чайхане у крепостной стены (Махмуд, увы, больше не увидит

Джанибека), и терпкий чай обжигает язык.

Об Айше б надо сказать, но что? И без того ясно: она почти глава, хотя утрачено что-то важное, и поредели ряды, и жаль, что с Бахадуром пока не выгорело.

- Но ты многого не знаешь,- это Айша Махмуду, и судишь поспешно (к тому же отменили ношение портретов в праздничные дни!).

Легок на помине Бахадур: он только что проехал мимо, подумав, очевидно, мельком о зяте, и одна из волн его эйфории проникла в клинику, уловленная Махмудом, и взгляни он на улицу с той застекленной площадки, откуда звонит из телефона-автомата, непременно б увидел дерзко обгоняющую другие машины "Волгу", нет-нет, не зеленую, ее Бахадур давно с выгодой продал, купив новую, а потом и вовсе поменял то ли на японскую, то ли еще какую, кажется турецкую, собранную по американской лицензии, но редко выводит из гаража, чтоб не сглазили, и пользуется служебной, которая положена ему по штату (и сэкономил при этом на шофере).

Допустимые на проспекте скорости, как известно, высокие, и Бахадур позволяет себе чуть-чуть ее превысить: в Аббасидах жив и никогда не погаснет дух лихачества. Спешит туда, где неистовый рев толпы, о чем уже было, и крылья лидерского восторга... но о том, кажется, тоже было,- так и живем-качаемся, от Джанибека к Джанибеку, недавно выглянувшему из норы, где в ожидании своего часа он копил силы. Свежий ветер воли вскружил голову, былая энергия взбурлила в нем. "Нет, рано меня хороните!.." - и он не спеша двинулся к толпе, а пока шел, негодование ее, "явился, дескать, не запылится!" точно по волшебству, сменилось недоумением, оно, в свою очередь, вытеснилось удивлением, и уже любопытство движет ею, не терпит узнать: "А ну, что нам скажет?.." И он будит в ней прежние инстинкты, подчиняя собственной воле,- пошли за ним, признав в нем атамана, и длинный такой хвост стелется и петляет (съёмки с вертолета), а как остановка в пути, волокут ему под ноги откормленного барана,- свалят и зарежут, принося в жертву (и крепя веру), и прямо в верха, где ждут - не дождутся, наслышанные о триумфальном шествии.

И уже скачет через... кого же? Расул лишь на миг блеснул и был отброшен, потом пошли мал мала меньше с кругленькими глазками да пунцово-алыми губами, и узкая полоска лба белеет меж чуть седыми волосами и густыми черными бровями, а Бахадура по опрометчивости Джанибек не принимает всерьез, но именно он, как рассказывает новомодный непальский астролог, имея в виду Скорпиона ("Вперед, и никаких сомнений!"), вынырнет нежданно сбоку, дождетя своего часа,- аксакалы, точно мамонты, вымерли в одночасье, и выбор пал на Бахадура, ибо на оскудевшей этой земле ставить было не на кого.

А Махмуд говорит, и на сей раз ему Агила жаль - оторвался от родового дерева, зазеленеет ли ветвь или засохнет, лишенная корней, вспоминает Махмуд где-то читанное (у Аскера Никбина, кажется).

И про Ильдрыма вспомнит как о чем-то далеком, были мы молоды, полны сил, собирались и кутили, мечтали и надеялись, да, да, интриги, борьба, коварства, разгадывание чужих козней и упрежающие удары, чтобы вышибить соперника из седла, ох, и погубит нацию зависть к удачливому, заарканить, ссадить с коня, запутать и ослабить, еще и еще о нации, любили и ревновали,- что ни говори, а прожили мы наполненную жизнь, черт возьми, прав я, Аскер? И ты, Хансултанов, мен олюм, да умру я, скажи, прав я или нет?

- Прав ты, прав, а как же?

- ...пусть каждый,- какие-то помехи в трубке,- ...и сообща исцелимся,- в наивной вере, что когда-нибудь о нас услышат: есть, мол, на этой земле народ; и славен он именами...- говорит, пока не израсходует привычную норму слов (и пафоса). И плачет в трубку, расставаясь с родней и не слыша частых гудков.

20

...Вынырнул сбоку, опережая Джанибека, Бахадур: дождался-таки своего часа и

восседает, веером разворачивая спектр ДЕЛ, которых нет, одна видимость, СЛОВ, нынче обесцененных, но неистошными знаменосцы на выдумки новых формулировок, чтоб хоть как-то удержаться на мировом базаре, авось чем удастся поживиться, а что до ПОМЫСЛОВ, то они, как и прежде, привычно скрыты и не поддаются обнаружению: пытки, по слухам, отменены и, сказывают, прежде времени.

Меджлис тройственного союза, собранный на свой курултай (судилище?): гегемоны-буровики, которые некогда бастовали, устраивая крикливые козни и рукопашные распри, угомонились и поутихли, артельщики-рыболовы, кустари-одиночки, ну и интеллектуальная мощь с ее трехзвездными лидерами в канун марсианских сеансов.

Головы одна краше другой, соединенные макушки которых, если бережно их обвести плавной линией, образуют диковинную фигуру, похожую на дракона... нет, о драконе уже было, понежнее б,- двугорбого верблюда: вырезать и, приделав ноги, склеить, чтоб держался,- вот круп с хвостом, два горба и меж ними седло, мощная выгнутая шея и высокая, как шутовской колпак, голова, и уши прилипли к ней, большие мясистые губы, выступающие вперед, через миг отвиснет нижняя, и они задвигаются, жует и жует свою жвачку.

Аксакалы тоже есть, и трудно на ком-то одном сосредоточить взор, предпочтя другому, хотя, как в любом спектакле, есть главные, среди коих, кажется, и Бахадур, похожий временами отчего-то на Расула, второстепенные и эпизодические, подающие реплики из зала, чтобы выстрелом, поразить противника, он в каждом для каждого, статисты, из вольнослушателей, могущие, повинувшись самодеятельности, выйти на сцену-трибуну и заявить о себе, завоевывая позиции.

Впрочем, не привыкать ни к суду, ни к подсудимым (?): в белоснежной блузке, кружевной воротник которой торчит из строгого костюма, судья с нецелованными губами непорочной девы + заседатели из особо отмеченных, уже поседели, златоустов + прокурор как само бескорыстие, ни семьи, ни близких, курит и курит в однокомнатной своей квартире, просушивая в дыму единственную рубашку, и неотвязна вбитая в башку, как гвоздь, любимая строка артистического аскетизма о свежевывымытой сорочке, мол, была б лишь она, и больше ничего не надо, а вместо вешалки, ход мыслей у прокурора ассоциативен, гвозди торчат в стене-(-за отдельным столиком лингвист-стилист, эксперт выискался в свободном соревновании чародеев, и ЧУМ посрамлен, и Каш (с пером), улавливающий, чтоб зафиксировать, фальшь, и пронзает невинным взглядом из-за тонких стекол очков в золотой оправе преступников, каковыми он считает каждого второго,- о!., сколько их, и такие знакомые фамилии!..

"Не толпитесь, товарищи, места всем хватит!.." А потом выплеснулся меджлис на улицу - митинг на площади перед аллеей почетного захоронения (как судить мертвых?!), и адвокат в недоумении разводит руками.

Бахадур смотрит раскованно, уверен в своей неотразимости, не ведая, что копирует то ли Джанибека, то ли Расула, серьезен по-доброму и непринужденно мудр, костюм на нем как влитой сидит, ни одной складки, отликает зеленоватым шелком, что-то еще неуловимое во взгляде, вот-вот подаст команду, бросив клич, и ликующий состав отправится в дальние края, и в каждом вагоне гитарист поет песни на собственные слова,- целые партии строителей-Энтузиастов, возводить гигантские бараки, и первыми они себя и замуруют, чтоб стены крепче были.

Привычная фразеология, но со сменой знаков, и грузят тоннами в самосвалы, и некуда выгрузить, свободных пустырей не осталось, высятся горы, и выбросам нет конца, вкрадчивые честолобцы, и краска заливает лицо, зудит тщеславье, даже мертвые и те спешат высказаться, хватая живых, хотя, казалось бы, торопиться им некуда.

Поразить воображение: структура-то мозаична!.. Гипотезы, доктрины, инновационные

концепции, вот и выходи на крутеж-разлом, чтобы, перехитрив ситуацию, собрать потом под эгидой метатеоретического, с двумя ЭР, целеполагания, возвращаясь назад, ко временам алых кумачей, модная нынче эпоха (а это цвет крови), или даже к нулевому циклу, с которого любая стройка начинается, фундамент + цоколь, и забегая вперед, рефлексирюя: лучезарная надежда, что будет иначе.

Надо переключаться: Бахадура всегда спасала метафоричность как шифр или туманность толкования, а душевная рефлексия, о чем уже было, словно мираж, выступает антиподом рациональности.

Есть, конечно, запреты, как без них?.. Бахадур не станет скрывать исключаящие попытки произвольного толкования мотиваций, и все же чем туманнее - тем надежнее, впрочем, это всего лишь привыкание к новомодным формулировкам, которые помогают ухватить за хвост убегающий сиюминутный миг и дать удержаться на волнах эйфорической толпы, она заполонила площадь, горят костры, прожгли толстый слой асфальта и глубокая яма пылает, люди скандируют, и шатры, видимо-невидимо их вдоль берега моря, и будоражат меджлис, где восседает тройственный союз.

Надо многое суметь и быть ГОТОВЫМ, захватывающие воображение картины, нет-нет, без единого выстрела (?), лишь дубинки из мягкого каучука да саперные лопаты, чтоб окопаться, может, еще и... ну да, из привычного снаряжения, чтобы вызвать у толпы обильные слезы, что ж: поплачут и успокоятся, деваться им некуда.

Передается как эстафета: забудьте дом и что рождены в муках, но пили сырое молоко, и пусть оно укрепит в вас сильные инстинкты,- шагнуть через отца родного, если дорогу тебе загородит, мысля эгоистично, привычка командовать, думая, что сын - его частная собственность, вроде недвижимости, дикость какая-то, мол, продолженье рода, зов крови предков и так далее; искоренять и жечь надо сухие ветви, хотя и зацвели на них зеленые побеги, огонь почернит их, и они сгорят, вспыхнув; и не отвращать очи, невзначай ввернулось теплое слово, если при сыне язык матери вырывают, зря она беснуется, редкие волосы на потный ее лоб прилипли, и уста изрекают всякие наивные проклятия, а известно, что сбываются лишь отцовские, материнские - нет, ибо невесомы и слетают лишь с кончика языка.

А уж отречься от жены, которой Бахадур, к счастью, еще не обзавелся, и дать упрятать ее за решетку, преспокойно прожив потом самому без году полных сто лет, если сказано, что шпионит в пользу врага (это из давних сердечных бесед с Джанибеком),- проще простого.

Дар воображения: а вдруг бы и с ним, Бахадуром, такое? Являются к его... Анаханум? Нисе?.. а ну где она тут прячется?.. Пришли и увели чужие мужчины, и пойдет она гулять по рукам, ИМ ДОЗВОЛЕНО, если во имя достижения цели: как взглянут, ни за что не упустят случая.

ПОДПИСАНА ИМ КЛЯТВА, и она подшита к личному делу, хранится в сейфе, который занимает всю стену, с замками-секретами,- сдирают кофту и впиваются в торчащие ее вишни, точки самые чувствительные, дрожь пробегает по телу, она стонет, слабея... Ну нет, не посмеют!.. Каждого, кто шагнет через порог, пристрелит самолично (?),- прячет, как некогда Расул, под подушкой, хотя положено ему по рангу.

Страхи лишь, это фигурально, или виденья, которые возникают, И СЛУЧИЛИСЬ, наполняя изредка тревогой, плод усталости или раздраженья, И В ХОД ПОЙДУТ САПЕРНЫЕ ЛОПАТЫ, чьи острые лезвия белеют и ржа их не берет, что ж, такова жизнь и ее логика, тут без борьбы не обойтись, коль скоро толпа беснуется, угрожая. Обильно пролитую кровь на тротуарах засыплют, как это не раз бывало, желтым морским песком, он пропитается, став черным, и засохнет под палящим солнцем, столь щедрым на юге, и, сметаемый ветром, осядет пылью на подоконниках и книжных полках; и дабы улицы приобрели прежний опрятный вид, по ним поползут машины-дворники, поглощая всю эту

серо-черную грязь своими жесткими крутящимися щетками.

- Ты весь издергался,- как-то сказала ему Анаханум, жалея, КОГДА ОНИ БЫЛИ ВМЕСТЕ, еще до землетрясения, и нашла точные слова, будто читая с листа его думы.- Я вдруг увидела тебя бегущим последние сто метров марафонцем, и так тревожно стало за тебя, что захотелось тебя обнять, принять в себя твою усталость и опустошенность... Прости, что я пришла без звонка...- Она знала, что он это не любит: так рисковать!..

- Что ты? Я рад тебе...- И прижался к ней, будто ища защиты.- Ты так чутка, так внимательна, без тебя я б...-какое сильное слово найти? - я б умер, клянусь, так тяжело на душе у меня было!..

И вдруг Анаханум, надо же, как он ее всколыхнул,- словно не дочь она отцу своему.

- А ты не допускай сделок СО ЗЛЫМИ СИЛАМИ (?!), постарайся внутренне их перебороть в добро.

Легко сказать - но как? И что это такое - добро?.. Съедят в миг.

Анаханум ВОШЛА В РОЛЬ, и верит он в ее искренность, и недоумевает:

- ...Нет-нет, ты не отчаивайся, я найду в себе силы, только если знать, что помогаю тебе хоть в чем-то, что нужна тебе даже тогда, когда не нужна практически совсем.

Что-то, помнит Бахадур, лирическое в нем пробудилось, никогда не простит себе минутной слабости:

- О чем ты говоришь? Каждый раз, когда я с тобой, тяжесть тайного груза неизвестности падает с плеч, что будет, - то будет, ты со мной, во мне, вокруг, ЕЩЕ БЫ! ДОЧЬ ДЖАНИБЕКА!.. Я постараюсь, только верь мне, не огорчать тебя больше своей резкостью.

- Ты отдохни... нет, нет, я сама!..- И пошла на кухню варить кофе. Чтоб и самой согреться, СТОЛЬКО ТЕПЛА ИСТРАЧЕНО, здесь так плохо топят, экономя энергию, хоть и престижный дом.

(Век будто с той поры минул.)

А потом, бедняжка, письма ему посылала, из своего заточения, Девичьей Твердыни: привяжет к ножке голубя и выпустит... Бахадур, не читая, складывал их, ее письма, душевные ее порывы (?). Чтоб не расслабляться.

Немало их накопилось, и однажды, разом все прочтя,- из двух писем выпали высушенные цветочки, желтые зонтички и голубые анютины глазки, ну да, ведь Аня, Анаханум...- порвал и выкинул, чтоб не отвлекали.

"...Ты так близок и так далек. Эта обманчивая близость тревожит".

Но какое счастье было ждать тебя - помнишь? - в мастерской, и знать, что, сколько бы ни пришлось ждать, в конце концов ты придешь. Главное же счастье было в том внутреннем покое и уверенности, что я дождусь тебя, сколько бы ни пришлось ожидать, и мне не в тягость было это ожидание.

Сама мысль о долгой разлуке мне невыносима, нет, не пугайся, я не тороплю со встречей, я готова ждать и

терпеть. Помнишь, ты говорил мне, что со мной Ты испытываешь полноту своего Я, как прекрасно ты это выразил, вот это именно чувство, что ты у меня есть и мне теперь устойчиво в мире, появляется в лучшие минуты у меня..."

"...В одном из писем, в тревожную минуту, я пыталась тебе написать о том, что борются у меня в душе два начала, темное и светлое, сейчас, это я сама понимаю, взяло верх темное, и я не знаю, как избыть тревогу..."

Нет, то были не анютины глазки, а фиалки: "...я сейчас сижу на скамейке в нашем саду, весь участок зарос дикими фиалками, для меня их запах - это запах счастья, не знаю, сохраняют ли они его в письме?..

Вчера весь день провела в своей крепости, в окружении классиков. Так трудно их не

цитировать:

"Я лик твой вспомню - вспыхнет свет и станет ночь светла", это Надира. А вот Низами:
"Мне ночь не в ночь, мне в ночь - невмочь, когда тебя со мною нет..."

Думаешь ли обо мне?

...Очень люблю лето, и свет, и зелень, хочется, чтобы все вернулось в колею и стало как прежде с тобой. Но ничто не возвращается таким, как было, надо ждать, надо надеяться.

Все чуждо, и все чужие, пришли - ушли, а около стола чирикает прирученный дрозденек, жизнь идет, как ты, Бахадур?

В такой солнечный день, как сегодня, хочется думать, что ничто не исчезает бесследно, не проходит напрасно и что мы увидимся с тобой скоро и будет у нас с тобой не хуже - пусть хотя бы так же, как уже было.

Из всех цветов в этот раз посылаю тебе незабудку - кто придумал название ей? - чтобы ты меня не забывал.

Твоя А."

И еще и. еще письма, и почти в каждом - о цветах: "...в нашем саду уже отцвели ирисы и жасмин, осталась до осени турецкая гвоздика и уже какие-то совсем осенние цветы - флоксы, настурция, как будто точка перелома л- 22 июня - резко меняет декорации, хочется задержать круговорот, остановить бег времени. Под вечер или рано утром в саду вдруг чувствую себя пронзенной быстротекущей проходящей красоты. Тревожным све^ том на закате, пролетевшей мимо летучей мышью - знаком, что жизнь рядом таинственна и волнующе неуловима..."

И последнее, запомнилось Бахадуру, и он на миг задумался, лишь это: "Ты совсем меня покинул, покинутый сам радостью. Жаль, что не в моих силах вдохнуть ее в Тебя. Будь храним..." А перед этими строками: "...когда у нас не стало общего земного будущего, нам с тобой осталась всего лишь вечность".

Ушло, забылось, всплывает иногда, а в последние дни все чаще, уйти от тревоги некуда, и в долгие часы бессонницы, когда рядом спит... ну да, новое увлечение, как без этого, была эН, то бишь Ниса, где она теперь? с кем?.. была А, а тут... не важно, пусть эМ, полуоткрыв губы, и светятся в ночи... но о том уже, кажется, было, и в минуты, когда... ну, хотя бы идет не спеша после судилищ домой (а не к таинственной эМ), чтоб не дразнить чинную публику, через сквер наискосок, и белым-бело от нежного розового цветенья алычи (или урюка?), и, сам того не желая, расслабляет волю, съедая без толку ранимую душу.

И с ходу переменив решение, садится под чинарой, где разместилась дешевенькая чайхана, и атлет в белом фартуке с пышными кручеными усами подает легкую, как пух, пиалу с крепким чаем, горы бы ему ворочать, а в блюдце колотый сахар, и журчащий арык успокаивает. И кажется ему, что он вышел из подполья, где лелеял тайные свои думы стать Бахадуром, и у всех на виду, будто живет в стеклянном доме и просматривается насквозь, но за высоким забором, и ночью выпускается волкодав с отрезанными при рождении ушами, чтоб злее рос, и лает на белесые тучи, которые низко бегут по черному небу, скрывая от глаз крупные алмазные звезды, а он попросту пугается быстрых облаков, похожих на диковинных зверей.

Отменный подпольщик? И чудится ему, что при царях в прошлом веке жили, несмышленные дети, эта златокудрая династия, которую под самый корень, и малиновые кусты невзначай,- всю их наивную тактику усвоил и не попался, трижды ссылали в край Турхана (из душевных бесед с Джанибеком), где вечная мерзлота, дважды бежал, а на третий выпустили сами, а в незапамятные времена дышал воздухом инквизиции, гари нахватался, но что ни говори, а чище выхлопных, к которым привычка с давних пор; через калитку пройдет под жарким летним небом, а ощущение, что идет по душному подземному туннелю, была у него задумка прорыть туннель, когда метро прокладывали, меж двух своих домов - тем, что

на виду, и тайным ДЛЯ СВИДАНИЙ.

А вырыли туннель а-ля метро с вентиляционным устройством и холодильником или нет - никому не, ведомо, да и за какую мзду пророют, тут ведь с тремя нулями не обойдешься, хотя нулей у Бахадура все шесть, и - святая правда понятия не имеет, как это постепенно скопилось, все честь честью, комар носа не подточит, должностями не торговал, не выдающийся, как сестра, хирург, чтоб несли за тяжкий труд, не предводитель фирмы, недавно по соседству выискался, Каф,- провернул операцию и сорвал лимон (шифр - миллион), не процветающий романист, мнящий себя Львом Толстым (неужто Аскер Никбин?), чтоб пачки купюр оседали в банке, и в валюте тоже.

А как и что - заслуги сестер-спонсоров и зятьев-заложников плюс собственная карьера, чины-ранги, что и в нынешние времена - идеал: господство пирамидального мышления в ситуации, когда самая осуждаемая в меджлисе фигура пирамида; и, как это часто бывает, о главном, во имя чего весь сыр-бор (власть-)-любовь,- ни слова. Этичнее обходить. Выстроены фразы-блоки, чтоб не проговориться. И даже чинно-ранговая жена, которая уже давно невзаперти и вышла из-под паранджи, сдав ее как экспонат в музей, или сбросила чадру, превратив ее в обыкновенную тряпку, которой вытирают пыль, пахнущую (или пропитанную?)... но о том уже было, с книжных полок, рвется к власти, занимая - уж ей-то, казалось бы, к чему? - пусть незаметный, но все же ранг: советника по части культа или, что поскромней, консультанта по женскому движению, и, стало быть, на манер цивилизованных стран является самой видной дамой королевства и, садясь рядом с тронем, вносит своими часто сменяемыми нарядами разнообразие в казенную монотонность меджлиса, а когда хоть изредка, но надо открыть уста - тщательно обдумывает каждое слово, выбирая что проще, чтоб легко усваивалось, и никаких побочных дум.

Да, тяжелые массивные двери-ворота, один без тренировки с ходу не откроешь, это как у штангистов - вес сразу не возьмешь, нужно, чтоб кто-то в этот же самый миг, когда рука твоя коснулась торчащего из пасти льва кольца, ручка такая медная, изнутри надавил плечом (а ты - снаружи), и тогда сила+сила, и дверь в меджлис медленно и нехотя отворяется: и пропуск твой не какая-нибудь книжонка, а лаком надписи покрыты, не впишешь, не сотрешь, показывай и проходи, хоть ты Бахадур и тыщу лет здесь вкальываешь.

Дежурный развернет и долго изучает, он молод, розовощек, спешить ему некуда, то на портрет взглянет, то на тебя, а ты замри как подопытный, и будто разочарован, что ты - это ты, сложит пропуск и вернет. Можешь проходить в залитый солнцем вестибюль, а там и на трибуну, памятуя, что в избраннике заложена потребность субъекта стремиться прежде всего к нравственной мудрости (на словесном уровне), и эталон диалогичности - споры, полемка, диспут позволяет -дать дорогу невостребованным обществом энергетическим ресурсам, позволяющим преодолеть земное притяжение и парить в околоземном пространстве.

Ты пастырь, а они паства, жаждущая опереться чуть-чуть на теоретически апробированный опыт человечества, и надобно помочь в выявлении всех альтернатив выбора, прогнозировании отдаленных, аж по самую верхушку пирамиды, последствий каждой из них, дабы укрепить потенциал и увеличить надежность.

Кризисные ситуации - предельная форма конфликта: не только справиться с ним, но и разрешить в пользу кончика пирамиды, и здесь наиболее целесообразны способы устрашения, убийства, устранения, ууу... у...! (удушения?),- никто не застрахован, и в результате искрящегося контакта кругом не остается никого из бывших соратников, они же - соперники.

А чтоб хоть как-то о нас услышали и, лиризуя, воспели, доказать, основываясь на исторических документах, ссылаясь на чьи-то воспоминания, что Дон-Жуан - наш, чистейший аранец!..

Странные мы, задумается порой Бахадур, и с ним случаются бессонницы,- и все

сведения о нас уместились в томе малиновой, под цвет чертополоха, Аранской Энциклопедии, АЭ, начатой в эпоху Устаева, продолженной в годы Джанибека (и Расула тоже), выход ее растянулся аж на четверть века, словно не спешили самопознаться, чтоб узнали и другие, что есть и мы на этой планете, а тут вдруг взрыв, всплеск: "Мы!.. Мы!.." (спасибо соседям).

И многие годы при укомплектованном штате тасовался-перетасовывался словник, чтобы понять, кто мы и откуда, то ли пришлые, как о том трубят недруги, то ли жили здесь всегда, энергия растрчивалась на интриги-пересуды, земляческие баталии, но регулярно созывались производственные летучки, вахтеры, отдежурив сутки, сменялись, были пожарники, сейфы, сургучи-печати, зарплата переводилась на сберкнижки, премии и все прочее, уборщицы сдавали в макулатуру тюки бумаги, чтобы заполучить... ну, к примеру, роман "Исповедь проповедника", шифрованное такое чтиво, рассчитанное на любителей разгадки ребусов,- не важно, прочтет кто или нет, а важно, чтоб стояла на полке... Ох и взбудоражил этот писака-горемыка с зудом наведения порядка по обе стороны горной гряды Каф осиное гнездо, а то и змеиный клан, пытаюсь постичь нашу природу.

А пока вымучивался с оглядкой-опаской словник будущей энциклопедии, молодые успели состариться, вывешен был не один некролог, и молча собирались у портрета, вычитывая текст и впервые узнавая, с кем бок о бок трудились все эти годы. Действовали оздоровительные комиссии, совершались коллективные выезды за город, на пляж, когда море было чистое, в лес - полюбоваться дубовыми рощами Карабаха, ныне вырубленными, между отделами проводились волейбольно-шахматные соревнования и добились включения в спортивный реестр такой популярной игры, как нарды, и по легкой атлетике тоже, начиная бег с гигантского конференц-зала с выходом в сквер, куда надо выпрыгнуть через подоконник, и далее опять через забор - в бывший губернаторский сад, мимо безымянной могилы, лишь плита, и никто не мог вспомнить, когда она появилась,- ее не было, и вдруг вот она, выросла за день, но кругом земля не разрыта, и успел разрастись сорняк, много раз принимали решение раскопать и выяснить, но руки не доходили, не осмеливались: оттепель сменилась нежданно наступившими жаркими днями, затем была объявлена семилетка фейерверков, и все в ожидании чуда глазели на расцветенное огнями небо, потом пришла пятилетка почетных похорон, и могила оказалась созвучной общему траурному настрою, впрочем, могила есть могила, и ее грех (?) разрывать.

Потом пошли слухи, что бегуны тревожат дух якобы похороненного здесь автора все того же злополучного романа "Исповедь проповедника", и фраза полетела над краем: "Доконали бедолагу!.." Сказывают, мечтал об уединении, сожалея на склоне дней своих о содеянном, ибо думал, что творит во благо родного края, о процветании которого денно и нощно мечтал, а вышло, что во вред и зря старался.

И однажды кому-то усомнившемуся взбрело в голову раскопать могилу, и в ней, случается такое, никого не оказалось: кто-то из клана, очевидно, аранцев, воспользовавшись исчезновением ниспровергателя, поторопился успокоить живущую в свое удовольствие публику, дескать, хулителя уже нет, кейфуйте, делайте карьеру, обогащайтесь и размножайтесь, довольные днем текущим и не думая о будущем.

Но если он жив, коль скоро могила пуста, то определенно пишет, ибо ни на что другое, увы, больше не способен, а впрочем, разве что изменишь?..

да, много воды с тех пор утекло, новые времена, новые пути-дороги, новые семейные тайны, и не скоро сокрытое вчера станет завтра явью, хотя, казалось бы, сброшены все покрывала и не прячется под чадрой ни один лик: будь то женский или мужской, и такое случалось, а страсти, которые были, есть и будут, в ком-то угасли, в ком-то разгораются, а в ком-то, ясное дело, еще копят, чтоб вспыхнуть всепожирающим огнем, и потому автор, гонимый течением дней, просит читателя не утруждать себя поисками аналогий в романе,

написанном в память об умершем друге, чья жизнь была полна надежд, которым уже никогда не сбыться, и ветхие страницы треплет ветер, пахнувший далеким детством.

- как ты там, друг?..

"похороните и забудьте дорогу к могиле",- завещал он, так и не разъяснив причину, и каждый раз, проходя мимо его дома, я слышу его голос и задерживаю шаг:

- насылан, ийи даст? - неизменно спрашивал он, и отчего-то по-турецки, мол, как тебе живется, друг сердешный?

- яхшыйам,- отвечал я ему на своем тюркском, дескать, никаких печалей, но он чувствовал, что на душе у меня беспокойно и, понимая, что словами мало что выразишь, брал в руки тар, и струны звенели, погружая меня в удивительно чистый мир, полный света и добра, и все люди казались мне родными, еще не все потеряно, думал я, коль скоро есть у нас такая музыка, только боги и могли ее создать, эту музыку, и таяла, таяла боль, гордостью, наполнялось сердце, и я вспоминал своих сородичей, родных вспоминал.,, но отчего так горько на душе, и еле сдерживаюсь, чтоб не разрыдаться, льются и льются слезы, и никак не приходит успокоение.